

ЯЗЫКОВЫЕ

УНИВЕРСАЛИИ

И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

ТИПОЛОГИЯ

1969

А
Я 415
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Обязательный
экземпляр

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ
И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ТИПОЛОГИЯ

Областная библиотека
им. А. М. Горького
г. Саратова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1969

Ответственный редактор
И. Ф. ВАРДУЛЬ

Данный сборник посвящен вопросам теории языковых универсалий и конкретных универсальных закономерностей языков. В сборнике имеются также статьи по проблемам, связанным с изучением ареальных свойств языков.

Проблема универсальных и ареальных свойств языков рассматривается в тесной связи с лингвистической типологией.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ноябре 1966 г. в Институте народов Азии АН СССР была проведена конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков¹. Данный сборник составлен из статей, в основу которых положены доклады, прочитанные на этой конференции. К сборнику приложен также перечень универсалий, предложенных участниками в докладах и выступлениях.

Тематически сборник подразделяется на три части. Первую часть составляют статьи, посвященные теории языковых универсалий и конкретным универсальным закономерностям языков. В статьях второй части рассматриваются различные вопросы типологии и универсальной теории языка. Статьи третьей части посвящены проблемам ареальной лингвистики. При этом основной темой, так или иначе затрагиваемой большинством авторов сборника, являются языковые универсалии.

Понятие универсалии привнесено в лингвистику из антропологии. Сделали это Б. и Э. Агинские — авторы статьи «The Importance of Language Universals», опубликованной в 1948 г. в журнале «Word». Однако интенсивные исследования в области языковых универсалий начались позднее, в конце 50-х годов. Знаменательной вехой на пути этих исследований была конференция по проблеме языковых универсалий, проведенная в апреле 1961 г. в Нью-Йорке, и «Memorandum Concerning Language Universals», написанный Дж. Гринбергом, Ч. Осгудом и Дж. Дженкинсом к этой конференции². Из более поздних работ необходимо выделить монографию В. А. Успенского «Структурная типология языков» (М., 1965), содержащую большой перечень универсалий, и монографию

¹ См. «Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов», М., 1966. Отчет о конференции см. «Вопросы языкознания», 1967, № 3, стр. 144—148.

² Все материалы конференции опубликованы в сб. «Universals of Language», ed. by J. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.

Дж. Гринберга «Language Universals» (The Hague — Paris, 1966).

В настоящее время нельзя еще сказать, что проблема языковых универсалий получила общепризнанное решение. Такие вопросы, как понятие универсалии, место универсалии в типологии и общей лингвистике и др., в разных работах трактуются весьма различно. Эти разногласия заметны также и в статьях данного сборника. Однако идея универсалий постепенно «овладевает массами». Потребность в широких типологических изысканиях, базирующихся на строгих методах и точной терминологии, сейчас очевидна. И если исходить из того, что объектом лингвистической типологии является все множество языков мира, а задачей — объяснение многообразия этих языков, то мы неизбежно приходим к заключению, что универсалии — единственно приемлемая форма систематического накопления эмпирического материала, необходимого для построения типологической теории, которая могла бы претендовать на адекватность своему объекту и объяснительность. Велика значимость универсалий и для других лингвистических дисциплин — для универсальной теории описательной лингвистики, для исторического языкознания, для теории реконструкции и т. д.

Думается, что предлагаемый вниманию читателей сборник тоже внесет свой скромный вклад в развитие исследований, основанных на идее универсалий.

Редактор считает своим приятным долгом отметить, что при подготовке сборника к печати большую помощь оказала ему кандидат филологических наук Р. Р. Юсипова.

И. Ф. Вардуль

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ И КОНКРЕТНЫЕ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЯЗЫКОВ.

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

Типологические исследования имеют два непосредственно взаимосвязанных аспекта: в одних случаях целью исследования является оптимальная и действенная методика сравнения (т. е. ответ на вопрос: «как сравнивать разные языки?»), в других случаях — сама типологическая эмпирика (т. е. ответ на вопрос: «что бывает в разных языках?»). Иначе говоря, в первом случае в центре внимания исследователя — метаязык типологического описания, а во втором — интерпретация этого метаязыка или вообще сами результаты типологического описания. Понятно, что оба подхода — взаимно дополнительные. В первом случае решающим обстоятельством является правильность (непротиворечивость) типологической теории и затем уже обсуждается ее целесообразность, т. е. эффективность получаемых с ее помощью результатов; во втором же случае именно целесообразность той или иной теории (эффективность получаемых результатов) является исходным моментом.

Можно заметить, что интерес к методам и интерес к языковой действительности последовательно сменяли друг друга в истории языкознания. Если для типологий XIX в. характерен преимущественный акцент на том, что в действительности есть в разных языках, то для типологического подхода нашего времени характерен интерес прежде всего к тому, как вообще можно описывать разные языки.

Такая постановка вопроса связана, очевидно, с пристальным вниманием научной мысли нашего времени к языку описания, т. е. формализованной системе, не зависящей непосредственно от интерпретации: «объяснять» становится здесь фактически равнозначным «описывать», тогда как с

более узкой — типологической — точки зрения «описывать» выступает как синоним по отношению к «сравнивать»¹.

Итак, типологии XX в. обращают преимущественное внимание на методы типологического описания, а не на его результаты: действительно, интерпретация той или иной типологической схемы на материале конкретных языков выступает здесь скорее как иллюстрация возможностей данной схемы, нежели ее непосредственный результат, имеющий самостоятельную ценность (характерно, в частности, что возможность иной интерпретации данного материала обычно не отражается на самой схеме).

Подобный подход представляется, вообще говоря, и оправданным и актуальным как потому, что получение адекватных результатов непременно предполагает большую работу над самой методикой типологического сравнения, так и потому, что исследователь, если он занимается типологией в собственном смысле слова, т. е. сопоставительным исследованием в принципе самых разнообразных языков (без каких-либо априорных ограничений в охвате материала), по необходимости должен иметь дело с языками, ему известными недостаточно хорошо или даже неизвестными вовсе. Материал типологического описания характеризуется принципиальной открытостью, и типологические методы поэтому должны иметь универсальный характер².

Исследователь-типолог при таком подходе полностью отдает себе отчет в том, что имеющийся в его наличии материал обладает лишь относительной достоверностью — поскольку сведения о многих языках по необходимости получены им из вторых рук, существующие описания языков неадекватны, произведены с разных позиций, а иногда и неполны и т. д. Но ему (исследователю) важно сделать так, чтобы сама теория от этого не пострадала. Иначе говоря, исследователь в этом случае стремится сделать свою теорию универсальной, принципиально не зависящей от интерпретации, т. е. сформулировать ее так, что если его представления о некотором языке и окажутся неадекватными, изменилось бы лишь место данного языка в предлагаемой типологической схеме, но ни в коем случае не сама схема³. По необходимости

¹ Соответствующая разница в подходах проявляется, между прочим, и в понимании самого понятия «тип». О различии в понимании данного понятия в типологии XIX в. и в типологии XX в. см.: Успенский, 1965, стр. 46.

² Ср. Успенский, 1965а, стр. 309. Об открытости материала типологического исследования см. Успенский, 1965, стр. 37—39, 66.

³ Иначе можно сказать, что исследователь рассматривает при таком подходе не сами языки, но некоторые описания языков (реальные или идеальные). Соответственно задача типологии сводится к рассмотрению всех вообще возможных описаний, т. е. к тому, чтобы очертить логическое пространство языков, — иначе говоря, исследовать потенциальные возможности языкового разнообразия (ср. Успенский, 1967, стр. 2087).

он оперирует не конкретными величинами, а переменными, значение которых может меняться, но он устанавливает взаимосвязь между этими переменными (независимо от их значения). Образно говоря, его подход, таким образом, — не арифметический, а алгебраический.

Итак, характерный для современной типологии подход и оправдан и необходим; и тем не менее такая постановка вопроса, несомненно, очень ограничена по своим задачам и представляет лишь определенное приближение к непосредственным задачам типологии и вообще лингвистики.

В самом деле, по своим непосредственным интересам лингвистика есть, конечно, прежде всего наука эмпирическая — наука с достаточно определенным и специфическим объектом исследования. Иными словами, лингвистика имеет дело с определенной индуктивно постигаемой действительностью, т. е. новое в лингвистических открытиях связывается в первую очередь с постижением каких-то ранее неизвестных сторон изучаемого объекта (языка), — иначе говоря, с фактами, а не с методами. Вообще нам естественно, по-видимому, говорить об «открытии» в лингвистике именно в тех случаях, когда речь идет об открытии новых фактов, а не новых методов.

Значение универсалий для типологии на современном этапе развития и заключается в большой степени в том, что они представляют собой обращение непосредственно к эмпирике типологического разнообразия языков. Действительно, актуальность проблемы универсалий в наши дни связывается прежде всего с исследованием так называемых *эмпирических* или *индуктивных* универсалий⁴ (в то же время *дедуктивные* универсалии, особенно так называемого *операционного* характера⁵, не представляют собой чего-либо качественно нового в науке о языке; исследования в этой области, по существу, велись с тех пор, как началась разработка методов дедуктивного языкознания).

* * *

Если значение проблемы универсалий для языкознания представляется в общем достаточно очевидным, то этого никак нельзя сказать о методах их исследования.

В самом деле, информативные («эмпирические») универсалии предполагают, по своему существу, независимые описания языков, произведенные с адекватных позиций. Между тем таких описаний не имеется для сколько-нибудь значи-

⁴ См. об этом: Гринберг, Осгуд и Дженкинс, 1963; Успенский, 1965, стр. 14.

⁵ См. о них Успенский, 1965, стр. 179.

тельной совокупности языков; в отдельных случаях они могут лишь предполагаться данными, поэтому методика обнаружения и формулирования универсалий в настоящее время может быть только случайной и не всегда достоверной.

Целесообразно в самых общих чертах остановиться на методах обнаружения эмпирических универсалий, которыми располагает лингвистика в настоящее время. Процесс работы над эмпирическими универсалиями состоит из двух этапов: предположение об универсальности некоторого явления, т. е. выдвижение определенной гипотезы (гипотетической универсалии), и затем проверка этой гипотезы.

Нас будет интересовать сейчас первый этап: на основании чего мы предполагаем, что некоторое явление может быть универсальным. Иначе говоря, нас интересует сама подоплека выдвижения гипотез об универсалиях, методика отбора среди необозримой совокупности возможных явлений и соответствий таких, которые предполагается целесообразным проверять на их универсальность.

Можно констатировать следующие критерии, которым соответствуют определенные методы поиска универсалий.

Прежде всего следует назвать *эволюционный* критерий, который имеет место в том случае, когда гипотеза об универсальности некоторого явления следует из определенных предпосылок о закономерностях эволюционного процесса. Здесь может идти речь как об индивидуальной эволюции, т. е. закономерностях приобретения языка в онтогенезе или его утраты при афазии⁶, так и о социальной эволюции, т. е. о закономерностях диахронического развития языка.

В первом случае гипотеза об универсальности того или иного явления высказывается на основании наблюдений за процессами приобретения и расстройства речи у индивида. Исследователь аргументирует из того, что индивидуальные и социальные процессы в языке подчиняются одним и тем же общим законам. Такой подход развивается прежде всего в работах Jakobson. Элементарный пример: как известно, в речи ребенка появляются сначала противопоставления гласных по подъему и затем — по ряду⁷ (и, напротив, при афатических нарушениях речи утрата противопоставлений по ряду предшествует утрате противопоставлений по подъему). Отсюда естественно предположить, что противопоставления по ряду носят менее общий характер и находятся в зависимости от наличия противопоставлений по подъему в языке, т. е. что в тех языках, где имеется противопоставление гласных

---

⁶ О связи лингвистических процессов онтогенеза и афазии и о зеркальном соотношении этих процессов см. Jakobson, 1941.

⁷ См.: Jakobson, 1941; Jakobson, 1949; Jakobson и Халле, 1957, стр. 265.

по ряду, должно наблюдаться и противопоставление по подъему, но обратное не должно быть обязательным. И действительно, это имеет место: противопоставление по подъему имеется во всех языках, где гласные вообще противопоставлены друг другу, при том что есть такие языки, где отсутствует противопоставление по ряду⁸. (Аналогичные соотношения наблюдаются между носовыми и ротовыми, смычными и фрикативными согласными и т. п.).

Далее, появление противопоставлений гласных по ряду в закрытых гласных предшествует у ребенка появлению таких противопоставлений в открытых гласных. Эта закономерность находит свое отражение в определенной универсалии (т. е. закономерности принципиально иного порядка), гласящей, что если в языке имеется некоторое противопоставление по ряду в открытых гласных, то такое же противопоставление имеется и в закрытых гласных⁹.

Вообще, относительно более ранние приобретения в онтогенезе (и, соответственно, более поздние утраты при афазии) носят более общий характер, а более поздние — более частный. На этом основании можно формулировать универсалии импликационного типа, в которых утверждается, что если в языке есть явление γ и при этом известно вообще, что в онтогенезе появлению данного явления предшествует некоторое явление β , то в этом языке должно непременно иметься и явление β ¹⁰.

Соответственно возможно переводить одни и те же общие закономерности из сферы индивидуальной (сферы идиолекта) в сферу социальную (сферу языка).

С другой стороны, в основе предположения об универсальности тех или иных отношений может лежать определенное представление о закономерностях диахронического процесса.

Так, если нам известно, например, что носовые гласные возникают из сочетания гласного и носового согласного¹¹, то естественно ожидать, что в тех языках, где имеются носовые гласные, имеются и носовые согласные; и в самом деле, это имеет место. Точно так же известные универсалии Гринберга о связи позиции определения по отношению к определяемому и наличия предлогов или же послелогов в языке¹² являются следствием предположения, что предлоги и послелогии, как правило, восходят к самостоятельным словам в по-

⁸ Трубецкой, 1938, стр. 121, стр. 109.

⁹ См. это утверждение у Трубецкого, 1938, стр. 109.

¹⁰ См. достаточно четкую формулировку этого принципа у Якобсона (1955, стр. 310—314).

¹¹ Фергусон, 1963.

¹² Гринберг, 1963.

зиции определяемого, т. е. предположения диахронического характера.

В результате мы можем переформулировать одни и те же общие закономерности, переводя их из диахронических универсалий в синхронические, или наоборот. При этом одни универсалии лучше выражаются в диахронической форме (а именно те, где речь идет о каких-то общих тенденциях), а другие — в синхронической¹³.

Итак, в случае эволюционного критерия при поисках универсалий гипотеза об универсальности того или иного явления сводится к какой-то другой гипотезе — об определенных закономерностях развития языка.

Другой критерий можно назвать *априорным*; в этом случае в основе представления об универсальности того или иного явления в языках мира лежит некоторое априорное предположение, касающееся системы языка вообще (а не какого-то конкретного языка).

Как показал Гринберг, большинство имеющихся универсалий основывается на имплицитном представлении об иерархии соотносимых явлений и, в частности, об их маркированности¹⁴. Так, большая часть импликационных универсалий сводится к утверждению о том, что если в языке имеется маркированное явление, то должно иметься и соответствующее немаркированное явление. Вообще из признания маркированности того или иного явления следует целый ряд следствий в принципе универсального характера о том, что маркированных явлений в языке не может быть больше, чем немаркированных, о большей частотности немаркированных форм по отношению к соответствующим маркированным, о большей вариантности немаркированной формы, и напротив, относительной регулярности в выражении формы маркированной, о соотношении явления нейтрализации с маркированными категориями, а нулевого выражения с немаркированными, и т. п.

Однако к каждому из этих следствий может быть выдвинут целый ряд исключений. Поэтому в такой общей форме подобные утверждения являются универсалиями лишь на уровне метатеории лингвистического описания, но не самой лингвистической теории¹⁵. Иначе говоря, утверждения подобного рода имеют отношение не столько непосредственно к самим языкам, сколько к процедуре их рационального представления — в том смысле, что, если мы описываем неизвестный язык, нам целесообразно прежде всего предполагать в нем соответствующие отношения.

¹³ См. об этом Гринберг, 1966а, *passim*, особенно стр. 511, 515.

¹⁴ См. Гринберг, 1966.

¹⁵ См. подробнее: Успенский, 1967а, стр. 229; Успенский, 1968, стр. 12—13.

Это общее замечание может быть отнесено и к другим универсалиям, основывающимся на априорном критерии: в основе их всех лежит некоторое универсальное утверждение (априорного характера), относящееся не собственно к языкам, а к метатеории лингвистического описания.

Следующий метод поисков универсалий можно назвать *эвристическим*.

Возможны, вообще говоря, четыре вида объяснения языкового сходства: генетическое, ареальное, типологическое (т. е. связанное с универсалиями) и, наконец, признание рассматриваемого явления случайным совпадением.

Если мы обнаруживаем язык, совпадающий по какому-то признаку с другим языком, причем два первых объяснения (генетическое и ареальное) в отношении данных языков исключаются, мы гипотетически предполагаем, что здесь имеет место некоторая универсалия.

Далее смотрим, как обстоит дело в третьем языке. Если он не составляет исключения к предположенной закономерности, мы переходим к следующему языку, и т. д. Если же мы встречаем язык, противоречащий данной закономерности, мы пытаемся найти в тех языках, в которых она соблюдается, какое-то общее явление, которое отсутствует в этом новом языке; это явление мы ставим в связь с исследуемым признаком. Иначе говоря, мы переформулируем нашу универсалию (в виде импликационной универсалии) и проверяем ее уже в новом виде на следующих языках.

Или же мы предполагаем, что обнаруженное явление есть проявление какого-то более общего явления, которое может проявляться по-разному— и соответственно универсалию можно сформулировать, если обратиться от нашего конкретного явления к более общему.

Наконец, нередко при наличии достаточно большого количества исключений, универсалию можно сформулировать в виде диахронической универсалии, т. е. можно говорить в этом случае о некоторой тенденции языкового изменения. Все случаи, которые противоречат данной закономерности, можно объяснить как возникающие на переходном этапе.

Пожалуй, наименее интересным в методологическом отношении является критерий, который можно назвать *эмпирическим*. Именно этот критерий имеет место в тех случаях, когда утверждается, что в языках не может быть более 85 или менее 13 фонем, когда определяется максимальное количество падежей или рядов, зафиксированное в языках мира, и т. п. Универсалии такого рода сводятся к эмпирическому установлению некоторых известных пределов разнообразия того или иного явления в языках мира. Они обычно представляют относительно мало интереса с точки зрения интерпретации.

Таковы, по-видимому, основные методы обнаружения универсалий, имеющих в настоящее время. Из их рассмотрения видно, что в одних случаях они сводятся к подтверждению какой-то гипотезы общелингвистического характера — сами универсалии в этом случае не сообщают исследователю ничего принципиально нового к уже имеющемуся знанию, задача собственно сводится лишь к подтверждению этого знания.

В других случаях универсалии сообщают исследователю нечто новое, но метод их поиска совершенно случаен и, видимо, зависит от интуиции исследователя.

Таким образом, можно сделать вывод, что методы исследования универсалий в настоящее время ограничены, как ограничена и сама интуиция лингвиста, или же случайны.

Необходимо вместе с тем планомерное и комплексное исследование универсалий.

* * *

Планомерная и комплексная работа по обнаружению универсалий возможна лишь при наличии свода достаточно большого количества единообразно описанных языков мира. (В то же время это условие часто предполагается как бы уже осуществленным при типологических исследованиях). Наличие такого свода позволит решить целый ряд других не менее важных задач и может считаться вообще насущно необходимым для языкознания. Именно в силу отсутствия такого собрания положение языкознания как эмпирической науки невыгодно отличается от положения других наук, связанных с исследованием какой-то индуктивно постигаемой действительности. Не будет преувеличением сказать, что общее языкознание пока не знает своего предмета: языковеды могут знать, в той или иной степени, что имеет место в некотором конкретном языке, но они не знают должным образом, что может иметь место в общей совокупности языков. Действительно, мы знаем кое-что о языках, но много ли мы знаем о самом языке — о том, что в нем может и чего не может быть, какие явления в нем связаны, что в нем закономерно, а что случайно и т. д.?

В настоящее время мы не можем даже ответить на элементарный вопрос — типа: «в каких языках мира имеется такое-то или такое-то явление?» (положим, сослагательное наклонение), — не говоря уже о вопросе более сложного вида, относящемся к некоторой совокупности явлений.

Иначе говоря, лингвистика не имеет достаточно четкого и непредвзятого представления об ограничениях языкового пространства, т. е. представления о тех ограничениях, кото-

рые накладываются на область знания самим исследуемым материалом. (Очевидна непосредственная связь этой проблемы с исследованием универсалий.) Это отставание парадоксально сочетается с продвинутостью методологической стороны языкознания как точной науки. Иными словами, общее языкознание сейчас более напоминает по своим абстрактным характеристикам такую науку, как математика (которая решает свои проблемы на уровне метаязыка, а не на уровне интерпретации), нежели такие науки, непосредственно связанные с эмпирической реальностью, как, скажем, зоология, ботаника, минералогия и т. п.; между тем языкознание — это и то, и то.

Причину такого отставания можно усмотреть в том обстоятельстве, что в языкознании отсутствует то, что характерно для большинства эмпирических наук, — фиксированное представление о своем предмете. В самом деле, если в минералогии существуют исчерпывающие коллекции минералов, в ботанике — подробнейшие гербарии, в химии — описание и классификация всех известных химических элементов, то в языкознании до сих пор не имеется каталожного собрания адекватно описанных языков мира¹⁶. Творческое изумление перед необычностью того или иного языка или того или иного явления в языке, вероятно, свойственно лингвисту не в меньшей мере, чем свойственно биологу удивление перед тем или иным явлением природы: язык с одной гласной фонемой не менее замечателен, чем млекопитающее, откладывающее яйца. Но разница между биологом и лингвистом состоит в том, что лингвист часто не знает, чему удивляться — он, если угодно, может быть безграмотен в своем удивлении, он исходит нередко лишь из своего неизбежно ограниченного лингвистического кругозора, не зная, вообще говоря, настолько ли удивительно удивившее его явление. Лингвисты не единодушны в своем удивлении, и именно поэтому многие утверждения в лингвистических описаниях носят тривиальный, избыточный характер.

Итак, языкознание нуждается в составлении свода единообразно описанных языков¹⁷; в идеальном случае такое собрание может мыслиться, например, в виде ка-

---

¹⁶ Существующие комплексные описания — такие, как известное издание «*Les langues du monde*», под общей редакцией А. Мейе и М. Козна (2-е изд., Paris, 1952), серия «Языки народов Азии и Африки», «Языки народов СССР» и т. п. — при всей их несомненной полезности составляют лишь промежуточный, хотя и абсолютно необходимый этап на пути к такому собранию. Несомненно, что все эти описания должны быть заново переформулированы в дальнейшем уже с адекватных позиций.

¹⁷ Ср. в этой связи известное заявление Р. Уэллса, сочувственно цитируемое Гринбергом (1960, стр. 64): «Позор, что не существует общепринятой таксономии языков мира».

талого перфокарт, на каждой из которых закодирована наиболее существенная информация о некотором языке (в этом случае мы без труда можем находить язык по тому или иному заданному признаку или совокупности признаков).

При наличии такого свода языков, закодированных по одинаковым признакам, задача обнаружения универсалий в большой степени сводится к автоматическому алгоритму перебора признаков, — тогда как сейчас выбор того, какие признаки могут быть поставлены в связь друг с другом, зависит всецело от интуиции исследователя.

Трудности, которые стоят на пути к созданию такого описания, более чем очевидны. Но представляется, что работа в этом направлении, пусть пока поисковая, должна быть начата уже сейчас.

Указанная задача в свою очередь ставит задачу максимального сжатия информации о языке, т. е. задачу компрессии структуры языка. Необходимо уметь свертывать структуру языка таким образом, чтобы было возможно единообразно и предельно экономно кодировать информацию о данной структуре. Речь идет, следовательно, о том, чтобы сводить структуру каждого языка к определенному структурному ядру, к какой-то ядерной формуле, в которой была бы заключена информация, достаточная для того, чтобы восстановить по этой формуле структуру языка в его первоначальном виде. Процедуру такого свертывания можно представить как последовательное устранение избыточных моментов, характеризующих структуру данного языка. Именно к таким избыточным моментам относятся прежде всего сами языковые универсалии.

* * *

Возможным путем к осуществлению поставленной проблемы — накоплению адекватной информации о языках мира и созданию единообразных, трафаретных описаний их структуры — может быть разработка очень подробной *типологической анкеты*, охватывающей все аспекты структуры языка.

Можно заметить при этом, что типологическая анкета, в которой с исчерпывающей полнотой были бы учтены все возможности языкового разнообразия, сама по себе может рассматриваться как универсальная схема описания языков — она легко может быть переформулирована в виде универсалий так называемого *операционного* типа. Иначе говоря, в идеале может мыслиться настолько подробная и развернутая анкета, — содержащая в себе все необходимые пояснения и определения использованных терминов и т. д., — что ответы на ее вопросы применительно к разным языкам и составят те

единообразные описания соответственных языков, о которых только что говорилось. (При этом вопросы анкеты представляют собой те признаки, по которым может быть закодирована информация о каждом языке на перфокартах).

Такая анкета должна строиться как предельно развернутая: в ней должны быть учтены все возможности языкового разнообразия — она может строиться аналогично учебнику программированного обучения, когда в зависимости от ответа на некоторый вопрос отвечающий отсылается к тому или другому вопросу (т. е. сама постановка следующего вопроса каждый раз обуславливается ответом на какой-то из предыдущих). Иначе говоря, подобная анкета должна строиться как динамическая (эвристическая) программа для описания языка (в принципе любого), в идеале обеспечивающая описывающему исследователю максимально короткий путь (минимум процедурных операций) к достижению желаемого результата.

Однако уже непосредственно на настоящем этапе возможна и целесообразна разработка методов типологического анкетирования и составление частных типологических анкет, затрагивающих какие-то ограниченные области и аспекты языка¹⁸. Составление таких специальных анкет уже сейчас — т. е. независимо от общих задач, сформулированных выше, — может считаться реальным методом выявления «эмпирических» универсалий, их проверки (resp. нахождения исключений к ним), подтверждения имеющихся гипотетических универсалий, а также получения информации о типологической специфике языка в рассматриваемом аспекте. (Эти специальные анкеты могут затем войти как составные части в универсальную схему типологического описания или быть использованы при ее составлении)¹⁹.

---

¹⁸ При этом, разумеется, следует максимально использовать уже имеющийся опыт составления лингвистических анкет для разных языков, хотя бы и предназначенных для иных целей [укажем, в частности, — как на наиболее близкую по своему объекту к поставленным задачам, хотя и имеющую чисто прагматическую направленность, — на известную анкету Коэна (1928—1954), существенно переработанную канадскими лингвистами].

¹⁹ Особенно большое значение имеют такие анкеты для проверки гипотетических универсалий, поскольку метод анкетирования позволяет производить такую проверку на достаточно широком материале. Если обеспечить при этом большое количество ответов на вопросы анкеты по каждому языку, то при наличии неадекватных ответов (которые, вообще говоря, естественно ожидать при широком применении типологического анкетирования на практике) в определенных случаях целесообразно обращаться к методам их статистической обработки и таким образом устранять случайные искажения информации. В других случаях наличие неадекватных ответов по тому или иному пункту указывает на спорные моменты, которые исследователь должен проверять самостоятельно, и т. п.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К КЛАССИФИКАЦИИ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ АНКЕТ

Итак, осуществление сформулированных выше задач с необходимостью предполагает разработку методов типологического анкетирования, т. е. исследование возможных типов анкеты и целесообразности применения анкеты того или иного типа в зависимости от условий поставленной задачи.

Типологические анкеты могут различаться прежде всего по тому, на кого они рассчитаны.

В наиболее простом (для составления анкеты) случае вопросы анкеты рассчитаны на ответы лингвиста, чьи лингвистические представления (система терминов, их понимание и т. п.) совпадают с лингвистическими представлениями спрашивающего (т. е. составителя анкеты); для простоты можно представить себе крайнюю ситуацию, когда спрашивающий сам отвечает на вопросы собственной анкеты. Это, несомненно, наиболее удобный для составителя случай, поскольку ему не приходится специально определять термины и вообще не приходится учитывать возможную разницу лингвистических идиолектов у спрашивающего и отвечающего. Вместе с тем этот случай в наименьшей степени отвечает общим задачам анкеты, так как ответы на такую анкету, очевидно, не могут носить массовый характер (круг людей, которые могут адекватно ответить на вопросы такой анкеты, неизбежно ограничен).

В другом — противоположном — случае анкета может быть рассчитана на ответы информанта, вообще не являющегося лингвистом (скажем, двуязычного информанта или даже обычного носителя языка, при условии перевода вопросов анкеты на соответствующий язык). Этот случай наименее выгоден для составителя анкеты, но зато наиболее результативен (т. е. в наибольшей степени отвечает задачам анкеты). Анкету такого рода составить весьма трудно, но если уж она составлена, она может быть очень эффективна по своим результатам.

Все остальные виды анкет можно расположить между этими полярными случаями.

Далее типологические анкеты могут быть расклассифицированы по степени участия отвечающего (по степени его активности) и, соответственно, по степени проверки, в которой нуждаются ответы на вопросы анкеты. Естественно, что степень проверки при этом тем выше, чем больше активность отвечающего.

В одних случаях (в частности, когда отвечающий является лингвистом) ответы на вопросы анкеты являются результатом некоторого анализа, который производит сам отвечающий. Активность отвечающего в этом случае максимальна.

В другом — противоположном — случае (в частности, в той ситуации, когда отвечающий не лингвист, а простой носитель языка) задача отвечающего — дать некоторый материал, анализ которого будет производить не он сам. (Задача отвечающего в этом случае может сводиться к выполнению определенных операций, которые заданы в анкете: таких, как операция перевода, то или иное преобразование текста и т. д.).

Промежуточный случай будет представлен в такой анкете, когда информант не делает последовательно и представлено вводится в круг проблем. Ему предлагаются некоторые процедуры, затем, на основании этих процедур, определяются термины, после чего ему предоставляется сообщать информацию по своему языку в этих терминах.

Наконец, анкеты различаются по допустимой форме ответов. При одном из возможных типов анкеты круг допустимых ответов ограничен и все возможные ответы сформулированы заранее (самой анкетой). Вопросы анкеты при этом могут строиться как взаимоисключающие

или как не­взаимоис­ключающие. В наиболее общем случае анкета построена так, что достаточно лишь утвердительного или отрицательного ответа на каждый вопрос (такое построение анкеты требует, в частности, чтобы вопросы анкеты взаимно исключали друг друга). В другом случае различаются два значения отрицательного ответа на вопрос: «данное явление не имеет места» и «вопрос неприменим». Наконец, могут быть допустимы и различные (обусловленные заранее) конкретизации положительного ответа, отражающие ограниченность распространения, продуктивность и т. п. того явления, о наличии которого задается вопрос. Заметим, что в этих случаях нередко отрицательный ответ несет более информации, чем положительный, поскольку последний может отражать разные степени определенности, тогда как отрицательный ответ часто сам по себе уже достаточно определен.

Во всех этих случаях целесообразно строить анкету таким образом, чтобы вопросы относительно некоторого явления учитывали бы все возможности, которые вообще могут быть представлены в данном языке. Это предполагает разработку универсальных схем, охватывающих потенциальные возможности языкового разнообразия в рассматриваемом отношении.

При ином типе анкеты форма возможных ответов не может быть сформулирована заранее в виде какого-то ограниченного списка. Ответы на вопросы анкеты могут представлять собой конкретную информацию, не содержащуюся в самом вопросе (например, вопросы анкеты могут предписывать указать все явления того или иного рода и т. п.); здесь предполагается большая активность отвечающего. Возможно совмещение обоих отмеченных принципов в анкете.

Анкеты, рассчитанные на ответы лингвиста, используют лингвистическую терминологию. Существенно при этом, чтобы термины понимались однозначно; во многих случаях поэтому необходимо давать определения к используемым терминам или инструкции, позволяющие отвечать на вопрос тем или иным образом. Полученная таким образом информация в определенных случаях может требовать дополнительной проверки.

869029
В анкете противоположного вида, рассчитанной на ответы информанта, не являющегося лингвистом, могут задаваться некоторые абстрактные процедуры, в частности трансформации (иллюстрируемые на примере каких-то языков-посредников), и описываются все возможные исходы совершения этих процедур; информанту предлагается совершить соответствующие процедуры и указать, какие из перечисленных возможностей реализуются в его языке. Лингвистическую интерпретацию ответов информанта производит в этом случае лингвист, задающий вопросы (а не сам отвечающий на вопросы, как это имеет место в предыдущих случаях). Заметим, что особенно существенна в анкетах такого рода трансформация объединения нескольких предложений в одно (простое или сложное) и обратная трансформация расчленения предложения на несколько (причем в одних случаях удобнее оперировать объединением, а в других — расчленением).

Возможно совмещение этих двух типов анкеты, когда абстрактными трансформациями задается определение тех терминов, которые используются в вопросе анкеты.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гринберг, 1957 — J. H. Greenberg, The nature and uses of linguistic typologies, — «International Journal of American Linguistics», vol. 23, 1957, № 2.
Гринберг, 1960 — J. H. Greenberg, A quantitative approach to the morphological typology of language, — «International Journal of American Linguistics», vol. 26, 1960, № 3 [ссылки делаем по русскому переводу: см. «Новое в лингвистике», III, М., 1963].
Гринберг, 1963 — J. H. Greenberg, Some universals of grammar with

- particular reference to the order of meaningful elements, — «Universals of Language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1962.
- Гринберг, 1966 — J. H. Greenberg, Language universals: with special reference to feature hierarchies, The Hague — Paris, 1966.
- Гринберг, 1966а — J. H. Greenberg, Synchronic and diachronic universals in phonology, — «Language», vol. 42, 1966, № 2.
- Гринберг, Осгуд и Дженкинс, 1963 — J. H. Greenberg, Ch. Osgood, J. Jenkins, Memorandum concerning language universals, — «Universals of Language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.
- Коэн, 1928—1954 — M. Cohen, Instructions pour les voyageurs. Instructions d'enquête linguistique. Questionnaire linguistique, I et II, Paris, 1928. Ср. кардинальную переработку работы Коэна: «Instructions pour une enquête ethno-linguistique», textes préparés par mm. M. Rioux, Y. Kongssean, Y. P. Vinay, Ottawa, 1954 (Centre de Recherches d'anthropologie Amerindienne de l'Université d'Ottawa).
- Трубецкой, 1938 — N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, — «Travaux du Cercle linguistique de Prague», VII, Prague, 1938 [ссылки делаем по русскому переводу: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960].
- Успенский, 1965 — Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965.
- Успенский, 1965а — Б. А. Успенский, Несколько замечаний о языке-эталоне, — «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1965.
- Успенский, 1967 — Б. А. Успенский, Проблемы лингвистической типологии в аспекте различения «говорящего» (адресанта) и «слушающего» (адресата), — «To Honor Roman Jakobson, Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday», The Hague — Paris, 1967.
- Успенский, 1967а — Б. А. Успенский, Отношения подсистем в языке и связанные с ними универсалии, — «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов (Бухарест, 28.VIII—2.IX.1967)», М., 1967.
- Успенский, 1968 — Б. А. Успенский, Отношения подсистем в языке и связанные с ними универсалии, — ВЯ, 1968, № 6.
- Фергусон, 1963 — Ch. A. Ferguson, Assumptions about nasals: a sample study in phonological universals, — «Universals of Language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.
- Якобсон, 1941 — R. Jakobson, Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze, Uppsala — Leipzig, 1942.
- Якобсон, 1949 — R. Jakobson, Les lois phoniques du langage enfantin et leur place dans la phonologie générale, — в кн.: N. S. Trubetzkoy, Principes de phonologie, Paris, 1949.
- Якобсон, 1955 — «An Appraisal of Anthropology Today», ed. by S. Tax, L. C. Eiseley, J. Rouse, C. F. Voegelin, Chicago, 1955.
- Якобсон и Халле, 1957 — R. Jakobson and M. Halle, Phonology in relation to phonetics, — «Manual of phonetics», ed. by L. Kaiser, Amsterdam, 1957 [ссылки делаем по русскому переводу в сб. «Новое в лингвистике», II, М., 1962].

ПОНЯТИЕ УНИВЕРСАЛИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ¹

0.0. В предлагаемой статье речь пойдет о понятии языковой универсалии, т. е. универсалии, имеющей отношение к языку. Причем понятие это будет рассматриваться с позиции лингвистической типологии, а не какой-либо другой дисциплины. Как известно, наиболее распространенной теорией языковых универсалий является та, которая впервые была сформулирована в известном «Меморандуме» Дж. Гринберга, Ч. Осгуда и Дж. Дженкинса². Мы тоже примем теорию «Меморандума» в качестве исходной. Но как будет показано ниже, эта теория логически уязвима. Кроме того, она не вполне отвечает той концепции лингвистической типологии, которая нам представляется наиболее рациональной. Это определяет план дальнейшего изложения. Сначала мы покажем логические несоответствия, обнаруживаемые в теории «Меморандума», и предложим пути их устранения (см. разделы 1 и 2). Затем сформулируем и обоснуем несколько общих положений лингвистической типологии и перечислим следствия, вытекающие из принятия этих положений для теории универсалий (см. разделы 3 и 4).

1.0. Согласно «Меморандуму», языковая универсалия есть любое высказывание о языке, охватывающее все языки, т. е. высказывание вида «для всех x , если x есть язык, следует...». При этом предполагается, что под данное определение попадают как высказывания вида «во всех языках есть свойство a » («неограниченные универсалии») или «если в языке есть свойство a , в нем есть и свойство b » («универсальные импликации»), так и высказывания вида «в любом языке наличие a более вероятно, чем его отсутствие» («статистические универсалии») или «если в языке есть a , наличие в

¹ Предварительное рассмотрение этой темы см.: И. Ф. Вардудль, Несколько замечаний в связи с языковыми универсалиями, — «Семиотика и восточные языки», М., 1967.

² «Memorandum Concerning Language Universals», — «Universals of Language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963; см. также: Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965; J. H. Greenberg, Language Universals, The Hague — Paris, 1966 (то же содержится в кн. «Current Trends in Linguistics», vol. 3, ed. by Ch. A. Ferguson, The Hague, 1966).

нем *b* более вероятно, чем при отсутствии *a*» («статистические корреляции») ³.

Такая трактовка языковых универсалий вызывает следующие возражения.

1.1. Приведенное определение чрезмерно широко. Говоря об универсалиях, авторы «Меморандума» имеют в виду собственно универсальные свойства (отношения) и свойства (отношения), обладающие высокой статистической вероятностью. Между тем, если следовать определению и относить к универсалиям все высказывания вида «для всех *x*, если *x* есть язык, следует...», в число универсалий попадают не только высказывания, которые имеются в виду авторами, но и высказывания вида «в любом языке наличие *a* менее вероятно, чем его отсутствие» (где *a* обозначает редко встречаемое в языках свойство). Такие высказывания приписывают упоминаемому свойству (отношению) малую вероятность и потому противоречат идее универсалий (в отличие от таких высказываний, как «в любом языке отсутствие *a* более вероятно, чем его наличие», в которых упоминаемому свойству приписывается большая вероятность).

Б. А. Успенский устраняет несоразмерность определения путем замены модального предиката квантором вероятности, означающим, что «с большой вероятностью (в большинстве случаев) высказываемое имеет место» ⁴. Но возможен и другой путь. Можно изъять из числа универсалий высказывания с модальным предикатом, т. е. «статистические универсалии» и «статистические корреляции», не универсальные в том смысле, что свойства (отношения), о которых в них говорится, распространяются не на все языки, и тем самым ограничить определяемое понятие высказываниями о собственно универсальных свойствах (отношениях). Иными словами, можно исключить из числа универсалий то, что называют почти-универсалиями (*near-universals*). При таком подходе определение «Меморандума» достаточно снабдить оговоркой, что консеквент универсалии (при антецеденте «для всех *x*, если *x* есть язык, следует...») включает только категорические высказывания. Мы предпочитаем этот второй путь как более соответствующий излагаемому ниже пониманию основ лингвистической типологии (см. 4.2).

1.2. Включая в понятие универсалий «универсальные импликационные», авторы «Меморандума» оставляют без внимания случаи, которые в их терминологии следовало бы назвать «универсальными дизъюнкциями» ⁵. Ср. «в каждом языке:

³ «Memorandum...», p. 258.

⁴ Б. А. Успенский, Структурная типология языков, стр. 182.

⁵ Здесь и далее под дизъюнкцией имеется в виду разделительная дизъюнкция.

или есть свойство *a*, или есть свойство *b*»⁶. Такое высказывание предполагает взаимную импликацию, т. е. высказывание вида «в каждом языке, если есть свойство *a*, нет *b*, и если есть свойство *b*, нет *a*». Однако из этого не следует, что дизъюнкция и взаимная импликация одно и то же. Любая классификация (а целью лингвистической типологии является построение типологической классификации; см. 3.3) строится всегда на базе дизъюнкции, а не взаимной импликации. Последняя есть лишь основание, позволяющее заключить о наличии дизъюнкции.

1.3. Истолкование универсалий как высказываний, обладающих определенной формой, порождает противоречие. Термин «языковая универсалия» предназначается для систематизации наших знаний о всем множестве естественных языков и в этом смысле — для описания языков-объектов. Следовательно, этот термин принадлежит к метаязыку. Однако по определению он обозначает один из классов высказываний в метаязыке и, следовательно, принадлежит к метаметаязыку. Чтобы устранить это противоречие, необходимо принять, что языковые универсалии есть не высказывания о языках-объектах, а то, о чем говорится в этих высказываниях, то, что утверждается ими как существующее (или не существующее) в языках-объектах. Применение термина «универсалия» к соответствующим высказываниям допустимо лишь как компенсируемое контекстом сокращение от термина «высказывание об универсалии».

2.1. С учетом сказанного выше языковую универсалию можно определить как универсальное (т. е. прослеживаемое во всех языках) свойство или универсальное отношение между неуниверсальными свойствами языков. Отсутствие данного свойства (или отношения между свойствами) хотя бы в одном языке достаточно, чтобы посчитать его неуниверсальным или, что то же, не считать его универсалией⁷.

В качестве примера универсалии как универсального свойства языков можно взять свойство «наличие слогов со структурой СГ». В любом языке есть слоги СГ, и нет ни одного языка, в котором их не было бы. Такие универсалии — будем называть их абсолютными — фиксируются про-

⁶ Конкретный пример приводится в нашей статье «Об одной дизъюнктивной универсалии», публикуемой в данном сборнике.

⁷ Напоминаем, что языковые свойства и отношения между ними рассматриваются здесь с позиции одной из лингвистических дисциплин, именно лингвистической типологии. Поэтому, говоря «языковые универсалии», мы имеем в виду только «языковые универсалии, обладающие лингвистической релевантностью», или «собственно лингвистические универсалии», терминология Б. А. Успенского («Структурная типология языков», стр. 12).

стыми категорическими высказываниями. Ср. «в каждом языке есть слоги со структурой СГ».

Примером универсалии как универсального отношения между неуниверсальными свойствами языков может служить отношение несовместимости между свойствами «наличие минимальной просодической единицы-слога» и «наличие минимальной просодической единицы-моры». Эти свойства не универсальны. В одних языках («слогосчитающих») минимальной просодической единицей является слог, в других («моросчитающих») такой единицей является мора. Но распределение этих свойств по языкам таково, что отношение несовместимости между ними оказывается универсальным: если в языке есть первое свойство, в нем нет второго, если есть второе свойство, нет первого, и нет языков, в которых не было бы ни первого, ни второго свойства. Такие универсалии — будем называть их **дизъюнктивными** и — фиксируются дизъюнктивными категорическими высказываниями. Ср. «в каждом языке или есть минимальная просодическая единица-слог, или есть минимальная просодическая единица-мора».

Другим примером универсалии как универсального отношения может служить отношение совместимости между свойствами «наличие слога со структурой СССГ» и «наличие слога со структурой ССГ». Эти свойства тоже не универсальны. Существуют языки, в которых нет ни структуры СССГ, ни структуры ССГ. Но распределение их по языкам таково, что отношение совместимости между ними оказывается универсальным: если в языке есть слоги СССГ, в нем есть и слоги ССГ, и нет языков, в которых были бы слоги СССГ, но не было бы слогов ССГ. Такие универсалии — их обычно называют **имплицативными** — фиксируются имплицативными категорическими высказываниями. Ср. «в каждом языке, если есть слоги со структурой СССГ, есть и слоги со структурой ССГ».

Таким образом, различаются языковые универсалии трех типов — абсолютные, дизъюнктивные и имплицативные.

2.2. Высказывания о языковых универсалиях могут быть весьма разнообразными по форме. Но все они сводимы к некоторому числу таких форм, которые не допускают дальнейшего упрощения. Чтобы представить себе, до какого предела упрощаются высказывания об универсалиях, обозначим свойства языков посредством переменных *a*, *b*, *c* и т. д., а их позитивность и негативность — посредством предикатов «есть» и «нет». Тогда мы получим следующую картину.

(1) Все высказывания об абсолютных универсалиях сводятся к виду:

«в каждом языке есть *a*».

Конъюнкция дает лишь количественное увеличение универсалий и легко устранима: «в каждом языке есть a и b » сводится к «в каждом языке есть a » и «в каждом языке есть b », «в каждом языке есть a , b и c » сводится к «в каждом языке есть a », «в каждом языке есть b » и «в каждом языке есть c » и т. д.

Негативный предикат в таких высказываниях для лингвистически релевантных универсалий невозможен (форму «ни в одном языке нет a » может принять семиотическая, но не лингвистическая универсалия).

(2) Высказывания о дизъюнктивных универсалиях сводятся либо к виду:

«в каждом языке или есть a , или есть b »,

«в каждом языке или есть a , или есть b , или есть c » и т. д., либо к виду:

«в каждом языке или есть a и b , или есть c »,

«в каждом языке или есть a и b , или есть c и d » и т. д.

Конъюнкция не устранима.

Негативный предикат либо заменим на позитивный (например, «в каждом языке или нет a , или нет b » преобразуется «в каждом языке или есть b , или есть a »), либо устраним (например, «в каждом языке или есть a и нет b , или есть b и нет a » сводится к «в каждом языке или есть a , или есть b »), либо свидетельствует о тривиальности универсалии (ср. «в каждом языке или есть a , или нет a »).

(3) Высказывания об имплицативных универсалиях делятся на две группы. Первую образуют высказывания, не содержащие дизъюнкции. Они сводятся либо к виду:

«в каждом языке, если есть a , то есть b »,

«в каждом языке, если есть a , то нет b »,

«в каждом языке, если нет a , то есть b » и

«в каждом языке, если нет a , то нет b »,

либо к виду:

«в к. я., если есть (нет) a и b , то есть (нет) c »,

«в к. я., если есть (нет) a , b и c , то есть (нет) d » и т. д.

Негативный предикат не заменим на позитивный и не устраним ни в антецеденте, ни в консеквенте.

Конъюнкция в антецеденте не устранима. Но в консеквенте она дает количественное увеличение универсалий и устраняется. Например, высказывания вида «в каждом языке, если есть a , то есть b и c » сводятся к «в каждом языке, если есть a , то есть b » и «в каждом языке, если есть a , то есть c ».

Вторую группу образуют высказывания с консеквентом, представленным дизъюнкцией. Они сводятся либо к виду:

«в к. я., если есть (нет) a , то есть или b , или c »,

«в к. я., если есть (нет) a , то есть или b , или c , или d » и т. д., либо к виду:

«в к. я., если есть (нет) *a*, то есть или *b* и *c*, или *d*»,

«в к. я., если есть (нет) *a*, то есть или *b* и *c*, или *d* и *e*»
и т. д.

Дизъюнкция в antecedенте дает количественное увеличение универсалий и устраняется. Так, высказывания вида «в каждом языке, если или есть *a* или есть *b*, то есть *c*» сводятся к «в каждом языке, если есть *a*, то есть *c*» и «в каждом языке, если есть *b*, то есть *c*».

Дизъюнктивные консеквенты высказываний этой группы аналогичны высказываниям о дизъюнктивных универсалиях: конъюнкция в них не поддается устранению, а негативный предикат либо заменим на позитивный, либо устраним, либо свидетельствует о тривиальности универсалии.

3.1. Можно говорить о языке в непрерывном смысле, в том смысле, в каком о некоторой последовательности ходов на шахматной доске говорят как об одной шахматной партии, а о другой последовательности — как о другой партии. Непрерывный подход к языку проявляется, когда мы говорим, например, о русском языке XI и XX веков как об одном языке. Язык в этом смысле — объект динамический. Его тождественность самому себе основана на непрерывности его изменений. Со временем язык может измениться до неузнаваемости. И тем не менее он остается самим собой (например, русским языком), потому что его изменения прослеживаются как непрерывные. Это понимание языка наиболее распространено. Ср., в частности, «язык как исторический объект» у Э. Косериу⁸.

Но можно говорить о языке и в ином смысле, в том смысле, в каком о некотором расположении фигур на шахматной доске говорят как об одной шахматной позиции, а о другом расположении — как о другой позиции. Такой подход проявляется, когда мы рассматриваем язык как определенную знаковую систему, принимая, что все свойства данной системы, и только они, есть качества. Язык в этом смысле статичен, лишен способности к изменению. В промежутке между XI веком и современностью обнаруживается бесчисленное множество русских языков, отличающихся друг от друга по меньшей мере одним системным свойством (т. е. свойством языка как данной знаковой системы).

Статичность (неизменяемость) языка как знаковой системы объясняется тем, что его тождественность самому себе при таком подходе обуславливается исключительно совокупностью системных свойств: при одной и той же совокупности системных свойств мы имеем один и тот же язык, при

⁸ Э. Косериу, Синхрония, диахрония и история, — «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 150.

разной совокупности этих свойств — разные языки. Изменение системных свойств языка, каким бы малозаметным оно ни было (например, появление у слова нового значения), дает другую совокупность качеств и, следовательно, другой язык (так же, как перестановка фигуры на соседнее поле дает другую шахматную позицию). Изменение же несистемных свойств (например, изменение произносительной нормы, не затрагивающее фонологической системы) относится не к языку, а к речи (так же, как замена потерянной фигуры произвольным предметом не меняет шахматной позиции). Именно так стремился истолковать язык Соссюр. Именно так понимает язык Б. Мальмберг, когда пишет: «Язык, который эволюционирует, есть в действительности *contradictio in adjecto*, разумеется, если мы понимаем под языком систему в точном смысле этого термина»⁹. Ср. также понимание языка в математической логике¹⁰.

Высказывается мнение, что язык как неизменяемая знаковая система не существует в действительности. «Статический срез, — пишет Р. Якобсон, — есть фикция, это лишь вспомогательный научный прием, но не особый способ существования»¹¹. Ср. также рассуждение Э. Косериу¹²: никто не отрицает, что «в действительности язык изменяется»; следовательно, при утверждении, что язык не изменяется, «несоответствие имеет место не между изменением и действительностью, а между изменением и определенным представлением о языке»; следовательно, неизменяемый язык соответствует не чему-то, что есть в реальности, а «определенному способу рассмотрения реального языка».

Однако с этим мнением трудно согласиться. Во-первых, эффективный способ рассмотрения реального объекта не может не быть адекватным этому объекту. Он должен соответствовать реальности. В противном случае он не эффективен и никому не нужен. Во-вторых, те, кто отрицает существование языка как неизменяемой системы (впрочем, не только они), исходят из того, что в реальности имеется один класс объектов, получающих название «языки». И это приводит к выводу, который делает Ш. Балли: «языки непрерывно изменяются, но функционировать они могут только не меняясь»¹³. Иными словами, — к противоречию: языки являются

⁹ В. Мальмберг, *Système et méthode*, — «Arsbok 1945. Vetenskaps-societeten i Lund», Lund, 1945, p. 26.

¹⁰ См., например, А. Черч, *Введение в математическую логику*, т. I, М., 1960, стр. 371, прим. 111.

¹¹ Р. Якобсон, *Prinzipien der historischen Phonologie*, — TCLP, 4, 1931, S. 264.

¹² Э. Косериу, *Синхрония, диахрония, история*, стр. 146—147.

¹³ Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, М., 1955, стр. 29.

одновременно и динамическими и статическими объектами. А противоречие это можно снять одним-единственным способом — признав, что существует два класса объектов «языки». То, что непрерывно изменяется, есть язык в непрерывном смысле, а то, что функционирует не меняясь, есть язык как неизменяемая знаковая система. Настаивать на «широком» понимании языка значит уподобляться шахматисту, который пожелал бы вместо двух терминов «партия» и «позиция» пользоваться одним термином «партия», употребляя его и в значении «партия» и в значении «позиция».

Язык в непрерывном смысле, или конкретный язык, как мы его будем называть, и язык в смысле неизменяемой знаковой системы, или языковая система (сокращенно — ЯС), находятся в отношении, подобном отношению между шахматной партией и позицией. Как шахматная партия представляет собой последовательность (множество) позиций, с каждым ходом сменяющих на доске одна другую, так и конкретный язык есть последовательность (множество) ЯС, сменяющих друг друга в ходе развития языка. Но в этой аналогии не все совпадает. Каждую шахматную позицию можно представить как синхронный срез партии. А в синхронном срезе конкретного языка, с какой бы точностью он ни делался, всегда обнаруживается много ЯС.

Отличие ЯС от синхронного состояния (среза) языка удобно показать на примере архаизмов. В каждом синхронном состоянии есть такие единицы. Но в ЯС их нет и быть не может. Поскольку ЯС неизменяема, статична, постольку ее единицы взаимно не различаются хронологически и каждая изолированная ЯС ахронична. Чтобы рассмотрение ЯС во времени стало возможным, необходимо соотнести ее как целое с другими ЯС. А если так, если единицы системы не различаются хронологически, архаизм и его современная параллель должны принадлежать разным ЯС. Следовательно, наличие архаизмов свидетельствует о сосуществовании в синхронном состоянии языка хронологически разных ЯС — современных и устаревших. Надо только не упускать при этом из виду, что ЯС, синхронно сосуществующие в языке, больше совпадают друг с другом, чем различаются. Если известно, например, что две сосуществующие ЯС различаются лишь тем, что одна из них современная, а другая устаревшая, то это означает, что за исключением единиц, из которых одни (принадлежащие устаревшей ЯС) являются устаревшими по отношению к другим (принадлежащим современной ЯС), эти ЯС совпадают. Наряду с противопоставлением «устарелость — современность» имеются и другие противопоставления синхронных ЯС, связанные с наличием неологизмов и

делением языка на диалекты. Таким образом, отличие ЯС от синхронного состояния заключается в том, что ЯС есть элемент того множества, которым является данный конкретный язык, тогда как синхронное состояние есть подмножество этого множества, именно подмножество, образуемое ЯС, сосуществующими в некоторый момент развития языка.

Типология, очевидно, не может иметь дело с конкретными языками. Чтобы убедиться в этом, достаточно представить себе те трудности, которые встают перед ней, если принять, например, что древнеанглийский язык с его флективным строем и аналитический современный английский есть один и тот же язык, один элемент множества «все языки» (именно: английский язык).

3.2. Термин «языковая система» употреблялся в 3.1 не вполне строго и нуждается в уточнении. Предположим, что в каких-то двух конкретных языках в результате серии случайных совпадений возникли две языковые системы, такие, что все их системные свойства совпадают, и следовательно, подстановка одной системы на место другой при соответствующей фонетической коррекции не замечается носителями этих языков. Или другой случай: в ходе развития некоторого конкретного языка возникает система, являющаяся точной копией одной из предыдущих ЯС того же языка. Вероятность таких ситуаций практически равна нулю. Но если от сопоставления целых систем перейти к сопоставлению подсистем, подподсистем и т. д., например, систем гласных фонем или систем грамматического числа, такие ситуации становятся вполне реальными. А это означает, что в теории необходимо предусмотреть их и для целых языковых систем.

Встает вопрос: правомерно ли считать, что в наших воображаемых ситуациях имеется по две языковых системы? Нет. Говоря о ЯС, мы принимаем, что все свойства языка как данной знаковой системы есть качества, и отвлекаемся от всех его других (некачественных для принятого рассмотрения) свойств. Поэтому обнаружение двух ЯС, все системные свойства которых совпадают, должно свидетельствовать о том, что мы, строго говоря, имеем не две ЯС, а две реализации одной и той же ЯС, различающиеся некачественными свойствами — тем, какому конкретному языку они принадлежат, реализации каких ЯС им предшествуют и последуют и т. д. Эти ситуации подобны тем, которые имеют место в шахматах, когда в двух разных партиях или на разных этапах одной партии складываются одинаковые позиции. Если считать, что шахматные позиции различаются качественно только наличным составом фигур и их взаиморасположением, а принадлежность к той или иной партии и место

позиции в партии есть некачественные свойства, надо говорить не о двух позициях, а о двух реализациях одной позиции.

Итак, надо различать реализации ЯС и сами ЯС: последние являются результатом применения абстракции отождествления к первым¹⁴. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в 3,1 под ЯС понимались не сами ЯС, а их реализации.

Реализации ЯС обладают как системными, так и несистемными свойствами. За счет несистемных свойств они единичны и неповторимы. Сами ЯС имеют одни системные свойства. Поэтому они неединичны и повторимы: они могут получить повторную реализацию, хотя вероятность такой реализации близка к нулю. Реализации ЯС, и те, которые уже осуществлены, и те, которые будут осуществлены в будущем, принадлежат всегда какому-то конкретному языку и относятся к нему, как элемент множества относится к множеству (см. 3.1). ЯС же не принадлежат никакому конкретному языку. Они представляют собой элементы множества «все принципиально возможные ЯС», состоящего из ЯС, уже получивших реализацию в конкретных языках, плюс ЯС, которые получают реализацию в будущем, плюс ЯС, которые никогда не будут реализованы, но которые принципиально могли бы быть реализованы.

Типология имеет дело с ЯС (не с их реализациями), рассматривая их в совокупности безотносительно к конкретным языкам.

3.3. Предметом лингвистической типологии является множество всех принципиально возможных ЯС¹⁵. В каждой ЯС типология различает свойства, общие для всего множества (в 2.1 такие свойства были названы универсальными), и свойства, отличающие их друг от друга (неуниверсальные свойства). От первых типология отвлекается. Ее интересуют только вторые, которые поэтому можно назвать также типологическими.

Задача типологии состоит в том, чтобы, опираясь на наши знания о реализованных ЯС, получить знание о всем множестве ЯС. Эта задача может быть решена так. Стро-

---

¹⁴ В равной мере можно было бы говорить о языках в непрерывном смысле как о результате применения абстракции отождествления к их реализациям. Но практически такой потребности не возникает. Язык в непрерывном смысле постоянно понимается как реализация, как единичный, неповторимый объект, что подчеркивается термином «конкретный язык».

¹⁵ Ср. В. Скаличка, К вопросу о типологии, — ВЯ, 1966, № 4, стр. 30.

ится теория, — ее естественно назвать типологической, — которая позволяла бы логически выводить все типологические свойства всех описанных в лингвистике ЯС и тем самым объясняла бы структурное многообразие этих ЯС. Предполагается, что описания ЯС достаточно представлены и по ним можно судить о всем множестве ЯС. На этом основании теория, построенная для описанных ЯС, распространяется на все множество ЯС, так что каждая совокупность типологических свойств, логически выводимая в данной теории, (в сочетании с универсальными свойствами) признается принципиально возможной ЯС и никакая совокупность свойств, не выводимая (в своей типологической части) в этой теории, не признается ЯС. Описательная лингвистика со временем может обнаружить ЯС, типологические свойства которой не выводятся в построенной типологической теории. Это потребует перестройки теории, что может изменить и наше представление о границах множества принципиально возможных ЯС. Однако потребности в перестройке теории не возникают бесконечно: если описанные ЯС действительно представительны, какие бы новые ЯС ни были обнаружены, они не опровергнут типологической теории.

Типологическую теорию рационально строить как классификацию ЯС, отвечающую трем требованиям — заполненности, всеобщности и законченности. Требование заполненности означает, что классификация не должна иметь пустых классов (см. 3.4). Каждый ее класс должен включать описанные ЯС или предсказывать не реализованные, но возможные ЯС. Требование всеобщности означает, что классификация должна учитывать все типологические свойства ЯС. Каждое такое свойство либо должно служить основанием деления на одной из ступеней классификации, либо должно имплицироваться свойством, которое является основанием деления. Требование законченности означает, что классификация должна быть доведена до получения одноэлементных классов, совпадающих с отдельными принципиально возможными ЯС. Требование заполненности предшествует требованию всеобщности. Требование всеобщности предшествует требованию законченности.

Типологическая классификация, построенная в соответствии с требованиями заполненности, всеобщности и законченности, охватывает все принципиально возможные ЯС и позволяет по их месту в классификации логически выводить все свойства, отличающие их друг от друга. Тем самым эта классификация объясняет структурное многообразие языков мира, вскрывает пределы этого многообразия.

Сейчас не существует типологической классификации, которая удовлетворяла бы названным требованиям (и вряд ли

такая классификация будет создана в ближайшее время). Но нет также и причин опасаться, что ее создание невозможно. Надо только иметь в виду, что построить классификацию не значит построить ее практически. Число принципиально возможных ЯС, по-видимому, бесконечно, и практическое осуществление такой классификации нам не по силам. Мы говорим здесь лишь о ее мысленном построении. А для этого достаточно дать способ ее построения, т. е. перечислить основания деления и указать иерархическую последовательность делений.

3.4. Построению типологической теории (классификации) предшествует накопление эмпирического материала. Именно на этом этапе типологического исследования мы имеем дело с языковыми универсалиями, определение которых можно теперь уточнить. К языковым универсалиям относятся свойства и отношения между свойствами именно ЯС, не конкретных языков и не реализаций ЯС. Универсальность (неуниверсальность) свойств и отношений понимается как их постоянность (непостоянность) для всех принципиально возможных ЯС.

Языковые универсалии, коротко говоря, выявляются так. По имеющимся описаниям выделяют свойства и отношения между свойствами, повторяющиеся во всех описанных ЯС, и полагая, что эти ЯС достаточно представительны, индуктивно истолковывают обнаруженные свойства и отношения как универсальные. Правда, новые описания могут опровергнуть эти индуктивные обобщения, представив доказательства, что свойства (отношения), считавшиеся универсальными, не являются таковыми. Но на это можно сказать то же, что уже было сказано о типологической теории: если описанные ЯС действительно представительны, никакое увеличение числа описанных ЯС не изменит полученного обобщения.

В совокупности языковые универсалии составляют тот эмпирический материал, на базе которого строится типологическая теория (классификация). При этом разные типы универсалий (см. 2.1) учитываются в классификации по-разному.

(1) Абсолютные универсалии представляют типологически избыточные свойства ЯС. Учесть их при построении классификации значит отвлечься от них.

(2) Дизъюнктивные универсалии непосредственно используются в классификации. Они дают основание для выделения классов ЯС. Если, например, известно, что в каждой ЯС¹⁶ или есть *a*, или есть *b*, то на этом основании все ЯС

---

¹⁶ Для краткости вместо «в каждой принципиально возможной ЯС» будем говорить «в каждой ЯС».

могут быть разделены на два класса — на ЯС, имеющие a , и ЯС, имеющие b .

(3) Назначение импликативных универсалий различно. Взаимная импликация служит основанием для заключения о дизъюнктивных универсалиях. Так, если установлено, что в каждой ЯС, если есть a , нет b , и если есть b , нет a , то на этом основании можно говорить о дизъюнктивной универсалии «в каждой ЯС или есть a , или есть b ».

(4) Если антецедент импликативной универсалии образуется членом универсальной дизъюнкции, а консеквент сам дизъюнктивен, импликативная универсалия используется в классификации для подразделения классов ЯС на подклассы. Например, из универсалий «в каждой ЯС или есть a , или есть b » и «в каждой ЯС, если есть a , то или есть c , или есть d » следует, что класс ЯС, имеющих a , можно подразделить на два подкласса — ЯС, имеющих a и c , и ЯС, имеющих a и d .

(5) Если при таком же консеквенте, что и в п. (4), антецедент импликативной универсалии образуется членом дизъюнкции, но не универсальной, а составляющей консеквент другой импликации, импликативная универсалия используется в классификации для подразделения подклассов ЯС на подподклассы. Например, из универсалий «в каждой ЯС, если есть a , то или есть b , или есть c » и «в каждой ЯС, если есть b , то или есть d , или есть e » следует, что подкласс ЯС, имеющих a и b , можно подразделить на два подподкласса — ЯС, имеющих a , b и d , и ЯС, имеющих a , b и e .

(6) Во всех остальных случаях по импликативным универсалиям выделяются типологические свойства ЯС, не подлежащие использованию в качестве основания деления. Если, например, известно, что в каждой ЯС, если есть a , то есть и b (но не наоборот), то в классификации достаточно отразить одно свойство a , так как свойство b всегда предсказывается наличием a .

Нельзя согласиться с Дж. Гринбергом, который считает возможным строить классификацию, опираясь на импликативные и абсолютные универсалии. Так, на основании универсалии «в каждой ЯС, если есть a , есть и b (но не наоборот)» он получает четыре класса ЯС, в том числе один заведомо пустой класс — ЯС с a , но без b , а на основании универсалии «в каждой ЯС есть a » — два класса, в том числе один заведомо пустой класс — ЯС без a ¹⁷. Классифицировать ЯС так, как предлагает Дж. Гринберг¹⁸, значит увеличивать количество возможных типологических классификаций за счет

¹⁷ J. H. Greenberg, *Universals of Language*, pp. 9—10.

¹⁸ См. также J. H. Greenberg, *Essays in Linguistics*, N. Y., 1957, pp. 66—67.

классификаций, явно тривиальных, не представляющих научного интереса. Требование заполненности, введенное в 3.3, предназначено именно для того, чтобы исключить подобные классификации.

4.1. Из сказанного в разделе 3 вытекает еще несколько следствий, уточняющих понятие языковой универсалии. В частности: если универсалии суть свойства или отношения между свойствами ЯС, к ним неприменимо деление на синхронические и диахронические. Они ахроничны, как и эти ЯС. И это понятно. Отвлекаясь от всего, что не связано с изоморфизмом, типология отвлекается также от генетических и пространственно-временных связей отдельных реализаций ЯС друг с другом и с внеязыковой действительностью¹⁹. Динамический подход к множеству ЯС сравнительно со статистическим подходом дает иной результат лишь в случае дизъюнктивных универсалий. Если известно, например, что в каждой ЯС или есть *a*, или есть *b*, то встает вопрос, возможны ли оба перехода — системы с *a* в систему с *b* и системы с *b* в систему с *a*, — или на один из них наложен запрет. Однако и в этом случае имеет место не диахронизм, а то, что в математике называют упорядоченностью множества.

От собственно типологических исследований надо, разумеется, отличать использование типологических данных в других дисциплинах, в частности в диахронической лингвистике, где универсалии принимают «диахронический» вид. Так, универсалии, которые в типологии представлены как:

«в каждой ЯС есть *a*»;

«в каждой ЯС, если есть *a*, есть и *b*»;

«в каждой ЯС, если нет *a*, нет и *b*»;

«в каждой ЯС или есть *a*, или есть *b*» и т. д.,

в диахронической лингвистике имеют вид:

«во всех языках *a* неизменно»;

«во всех языках, если появляется *a*, появляется и *b*»;

«во всех языках, если исчезает *a*, исчезает и *b*»;

«во всех языках, если появляется *a*, исчезает *b*, и если появляется *b*, исчезает *a*» и т. д.

4.2. Если видеть задачу типологии в том, чтобы на основании наших знаний об уже описанных ЯС получить знание о всем их множестве, необходимо принять в качестве критерия языковой универсалии постоянность свойства (отношения) для всех ЯС. Необходимо принять, что отсутствие свойства (отношения) хотя бы в одной ЯС достаточно, чтобы посчитать его неуниверсальным. Менее строгий критерий лиша-

¹⁹ Ср. Р. Якобсон, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание, — «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 97.

ет достоверности наше знание о нереализованных ЯС. Поэтому, если следовать изложенному выше представлению о типологии, почти-универсалии должны рассматриваться отдельно от собственно универсалий. Перечень почти-универсалий полезно иметь для решения задач других лингвистических дисциплин, например диахронической лингвистики. Но для самой типологии они периферийны, так как не представляют достоверных знаний об описываемом в ней множестве ЯС.

4.3. Универсалии принадлежат к эмпирическому уровню исследования. Все они могут быть обнаружены путем обобщения языковых фактов, т. е. методом неполной индукции. В этом смысле нет универсалий, которые не были бы эмпирическими и индуктивными. Но в поисках универсалий мы всегда исходим из той или иной дедуктивной теории, которая, может быть, сформулирована нестрого или даже не до конца (и предполагает одновременное принятие другой дедуктивной теории, противоречащей данной), но которая непременно присутствует. Одни универсалии учитываются в этой теории, другие не учитываются. Первые утверждаются либо исходными постулатами теории, либо их логическими следствиями и потому более или менее очевидны. Вторые же не утверждаются ни исходными постулатами, ни их следствиями, именно они информативны. Для такого деления универсалий Б. А. Успенский предлагает термины «дедуктивные» и «индуктивные»²⁰. Но это вряд ли удачно. Дедуктивная выводимость дедуктивных универсалий не означает, что они не могут быть получены индуктивно. Думается, что следует предпочесть термины «неинформативные универсалии» (для тех универсалий, которые учтены в теории) и «информативные универсалии» (для тех, которые не учтены). Эти термины также принадлежат Б. А. Успенскому.

---

²⁰ Б. А. Успенский, Структурная типология языков, стр. 13—14 и 179.

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА И ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ

1. В настоящее время науке известны, по-видимому, все типы языков, существующих на земле, причем отдельные представители этих типов изучены достаточно глубоко и всесторонне. Этот факт является одной из объективных причин повышения интереса к выявлению универсальных свойств языков. Но не меньшее значение имеет другая причина, пока что никак не отмеченная в лингвистической литературе. Речь идет о некоторых специфических следствиях применения структурных методов к исследованию языковых явлений.

Нет нужды напоминать, что наиболее выдающиеся достижения лингвистики последнего времени проводились прежде всего под флагом структурализма и что первой заповедью структурализма является подход к языку как к системе. Однако далеко не для всех очевидно, что, несмотря на ряд методологических расхождений между различными школами структурализма, представители почти всех школ едины в том, что отождествляют понятие системы с понятием структуры, после чего исследование языка как системы фактически сводится к исследованию структурной модели этой системы. Такое направление чрезвычайно плодотворно и, может быть, как часто подчеркивается, действительно является единственно научным, но лишь при условии, что субстантные свойства системы, выраженные в структурных терминах, также отражаются в структурной модели.

Однако поскольку со времен Ф. де Соссюра и особенно Л. Ельмслева субстанция объявляется чем-то внешним и случайным по отношению к языку, современные структурные методы, гарантируя недоступную ранее экономность и строгость описания взаимосвязей между элементами языка, исчерпывают на этом свои возможности, оказываясь бессильными при объяснении того, что является причиной наблюдаемых и описываемых структурных особенностей конкретного языка или языкового типа. В языковых структурах постоянно обнаруживаются различные асимметричности и «пустые клетки», в той или иной мере обусловленные субстантными особенностями языка. И тогда единственным способом введения этих явлений в общую лингвистическую теорию остается кон-

статация степени универсальности, распространенности этих явлений среди всех языков мира или в пределах определенных типологических или ареальных языковых групп.

В данной статье продолжается развитие принципов не структурной, а системной лингвистики. Так как работы в этом направлении еще не известны широкому кругу языковедов¹, то предварительно будут перечислены важнейшие характеристики систем вообще и выявлены специфические характеристики языковых систем. После этого будет показано, что с позиций собственно системного анализа легче подойти к пониманию природы языковых универсалий.

2. Система — это любое сложное единство, в котором могут быть выделены составные части — элементы, а также схема связей или отношений между элементами — структура. В этом смысле язык является, безусловно, системой, причем структура, при таком понимании, — это лишь одна из важнейших характеристик системы, но отнюдь не сама система. Другой, не менее важной характеристикой любой реальной системы, в том числе и языка, является субстанция, в которую воплощена эта система.

---

¹ С большинством из них знаком только определенный круг лингвистов, присутствовавших на докладах автора. Некоторые работы находятся в печати, см.: Г. П. Мельников, Причины нарушений симметрии в киргизском вокализме, — сб. «В честь акад. К. К. Юдахина», Фрунзе; его же, Арабский, китайский, английский (детерминанта языка и причины языковых изменений); его же, Системный анализ причин своеобразия семитского консонантизма, — сб. «Семитские языки. Материалы II Всесоюзной конференции семитологов», т. IV, Тбилиси; его же, Принципы системной лингвистики применительно к проблемам тюркологии, — сб. «В честь Н. К. Дмитриева „Актуальные проблемы тюркологии“», М.; его же, Türk dilleri uyarısın kibernetik bakamından sistemli analizi. Türk Dil Kurultayı, Ankara, а также его же, Языковая стратификация и классификация языков, — сб. «Материалы Советско-Чехословацкого симпозиума „Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие“, апрель, 1967».

См. также работы, в которых уделено большое внимание вопросу взаимодействия структуры и субстанции в системах конкретных языков и изложены общие принципы системной лингвистики: Г. П. Мельников, Взаимодействие структуры ярусов в языках семитского строя, — сб. «Семитские языки», вып. 2 (ч. 2). Материалы 1-й конференции по семитским языкам, изд. 2, исправленное и дополненное, М., 1965, стр. 793—817; его же, Геометрические модели вокализма и перебой башкирско-татарских гласных, — «Проблемы лингвистического анализа (фонология, грамматика, лексикология)», М., 1966, стр. 26—33; его же, Некоторые общие черты вокализма урало-алтайских языков, — сб. «Исследования по фонологии», М., 1966, стр. 325—349; его же, [Рецензия на книгу] М. А. Черкасский, «Тюркский вокализм и сингармонизм», ВЯ, № 5, 1966, стр. 129—138; его же, Кибернетический аспект различения сознания, мышления, языка и речи, — «Язык и мышление», М., 1967, стр. 234—245; его же, Системная лингвистика и ее отношение к структурной, — сб. «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов (Бухарест, 28.VIII—2.IX.1967)», М., 1967, стр. 98.

Следует еще отметить, что язык входит в конкретную разновидность систем, которые называются адаптивными и (самонастраивающимися). Адаптивные системы возникают или создаются для выполнения определенной функции, называемой общей функцией системы. Самонастраивание языка происходит стихийно, в процессе «естественного отбора» — неосознанного предпочтения говорящими одних языковых средств другим. Как всякая самонастраивающаяся система, язык имеет многоярусную иерархическую структуру, включающую внутриярусные, межъярусные и различные перекрестные связи, причем как целое язык сам представляет собой элемент некоторой системы сверхвысокого яруса (т. е. надсистемы).

Каждый класс систем имеет некоторые специфические характеристики, отличающие его от других классов. Для самонастраивающихся систем такой характеристикой служит прежде всего главный способ функционирования, в рамках которого в процессе адаптации происходит отбор вариантов структуры, обеспечивающей выполнение главной функции, и отбор вариантов субстанции, наиболее подходящей для воплощения конкретного структурного образования. При такой адаптации на выборе структуры сказываются те субстантные ограничения, в пределах которых функционирует система, в результате чего обеспечивается высокая эффективность функционирования системы, так как структура оказывается оптимальным способом подогнанной к субстанции, в которую эта структура воплощена, и из наличной субстанции для воплощения этой структуры оказывается использованной лишь наиболее подходящая. При другом главном способе функционирования эффективность системы достигается за счет использования уже несколько иных структурных особенностей и иных характеристик субстанции.

Таким образом, главный способ функционирования служит тем обобщенным критерием, тем параметром, на основании которого складываются наиболее оптимальные соотношения между особенностями структуры и особенностями субстанции системы. Главный способ функционирования, как важное новое понятие, требует терминологического оформления. Его можно назвать, например, «оптимизирующий параметр» системы. Но поскольку наличие того или иного оптимизирующего параметра сказывается в конечном счете на структурных и субстантных особенностях системы, то он может рассматриваться также как ее главная, доминирующая характеристика. Поэтому сущность нового понятия лучше отражается в термине не «оптимизирующий параметр», а «доминанта» системы. Но наиболее подходящим кратким термином для названия главного способа функционирования сле-

дует признать, по-видимому, термин «детерминанта», так как смысл этого термина меньше всего расходится с его значением, и те разнообразные ассоциации, которые возникают в сознании человека, когда он встречается со словом «детерминанта», фактически лишь оттеняют различные грани того, что понимается под главным способом функционирования. Детерминанта — это и важнейшая, определяющая характеристика системы, и показатель того, что все в системе не случайно, предопределено, взаимно согласовано, системно взаимосвязано. Не противоречит смыслу термина «детерминанта» и ассоциация с понятием «детерминированность», а также близость к математическому термину «детерминант», с помощью которого находятся значения неизвестных, отвечающие большому числу требований. Наконец, и по значению, и по звучанию термин «детерминанта» остается близким к термину «доминанта».

Конечно, детерминанта — понятие новое не только в лингвистике. Даже в общей теории систем оно только начинает укрепляться. Но тем не менее на существование детерминанты указывал, пусть еще не в достаточно четкой форме, и Гумбольдт, когда он говорил о «духе языка», и Сепир, когда он заявлял, что каждому языку присущ свой «покрой», свой неповторимый «чертеж», который является «реальным и наиболее существеннейшим началом в жизни языка»². Правда, структуралисты не понимают всей глубины этих замечаний и либо вообще не придают им значения, либо истолковывают их как указание на то, что каждый язык имеет свою специфическую структуру³. С нашей же точки зрения, речь идет о специфической детерминанте, специфическом способе функционирования, а особенность конкретной структуры языка, так же как и особенность той субстанции, в которую воплощена структура, — это лишь следствия самонастраивания языка по данной конкретной детерминанте⁴.

Собственно о различных детерминантах языков говорит и Соссюр, когда он замечает, что одни языки развиваются по пути максимальной лексикализации, а другие — наоборот, по пути максимальной грамматикализации⁵. Однако дальнейшего развития этих положений у Соссюра мы не находим, так как анализ субстанции, совершенно необходимый при системном,

---

² Э. Сепир, *Язык. Введение в изучение речи*, М., 1934, стр. 44.

³ См. Ю. Д. Апресян, *Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк)*, М., 1966, стр. 38.

⁴ Примеры формулировок детерминанты языка с последующим выводом из нее специфических особенностей структуры и субстанции содержатся в большинстве работ, перечисленных в примечании (1).

⁵ Ф. де Соссюр, *Курс общей лингвистики*, М., 1933, стр. 129.

детерминантном подходе к языку, объявляется Соссюром не лингвистической проблемой.

Смена детерминанты (причины которой могут быть установлены лишь на втором этапе системного анализа, после того как хорошо изученные языковые системы рассматриваются как элементы надсистемы) приводит к перестройке и структуры, и субстанции языка. Однако оптимальность языковой системы, когда она оптимизирована по некоторой конкретной детерминанте, сама является консервирующим фактором, противодействующим в течение сотен и тысяч лет существенным перестройкам структуры и субстанции языка.

3. Язык, являясь адаптивной системой, принадлежит к разновидности кодирующих систем. Под кодирующими системами мы будем понимать устройство с определенной структурой, способное иметь возбужденные входные подструктуры в пределах этой структуры, когда возбуждаются входные элементы системы⁶. Если при этом каждой комбинации возбужденных входных элементов благодаря наличию структуры связи между входными и выходными элементами (т. е. благодаря наличию кода) однозначно соответствуют комбинации возбуждений выходных элементов, то такое кодирующее устройство может рассматриваться как идеальное, обеспечивающее преобразование информации без потерь.

С позиций изложенных представлений о сущности языка и рассматривается далее проблема языковых универсалий.

Обычно под универсалиями понимают языковые факты и явления, обнаруживаемые во всех языках или в достаточно представительных группах языков, при этом, как правило, даже не ставится вопрос о том, в силу каких причин в языках, вообще не взаимодействующих друг с другом, закрепляются и развиваются аналогичные явления и приемы функционирования. Такое положение свидетельствует о том, что та отрасль лингвистики, которая занимается изучением языковых универсалий, представляет собой пока лишь описательную, фактологическую дисциплину.

В данной статье не ставится задача обогатить коллекцию универсалий несколькими экземплярами новых универсальных языковых явлений. Предпринята более серьезная попытка: исходя из представлений о языке как об адаптивной кодирующей системе, выявить те внутренние рычаги, те глубинные причины и условия, внешним необходимым следствием которых являются обычно фиксируемые универсалии.

---

⁶ Подробно этот взгляд на язык как на кодирующую систему, не противоречащий взгляду Соссюра на сущность языкового знака, но развивающий «среднюю часть» «двусторонней сущности» знака, изложен в указанной работе: Г. П. М е л ь н и к о в. Кибернетический аспект различения мышления, сознания, языка и речи.

Эти глубинные причины, общие для всех языков, также могут называться универсалиями, но фактически — это универсалии более высокого ранга, так сказать «универсалии по отношению к универсалиям».

Поскольку общая функция языка как кодовой системы — это прежде всего способность быть посредником между двумя динамическими системами (между сознаниями собеседников) и отражать в кодовых (речевых) посылках изменения в структуре передающей системы (т. е. в сознании говорящего) для приведения в аналогичное состояние принимающую систему (сознание слушающего), то важнейшим требованием к речевой субстанции является ее способность надежно отражать различие и изменение в структуре передающей системы. Уже из этого требования с учетом иерархичности свойств субстанции к выполнению частных функций следуют с необходимостью основные универсальные свойства языков. Оптимальность адаптивной системы достигается, в частности, тем, что для элементов кодовых посылок с наиболее важными функциями используется наиболее надежно функционирующая (из числа допустимых при данной детерминанте) субстанция. После этого в случае необходимости используется следующая по рангу надежности субстанция и т. д. Иными словами, менее надежное не используется, пока не исчерпаны более надежные возможности.

Справедливость этой глубинной универсальной закономерности для адаптивных систем можно проиллюстрировать большим количеством лингвистических примеров, представляющих «внешние универсалии». Рассмотрим простейшие. Передача сигналов от одного собеседника к другому может осуществляться различными способами, например, с помощью непосредственных соприкосновений собеседников или за счет передачи вкусовых раздражений, запахов, цветовых и световых образов и, наконец, с помощью звуков. Вкусовые признаки и запахи распространяются чрезвычайно медленно, не могут достаточно быстро варьироваться во времени, поэтому по чисто техническим причинам общение между людьми не может основываться на этих типах сигналов как на основных средствах коммуникации. Соприкосновения связаны с очень сильными ограничениями расстояний, через которые может передаваться сообщение, необходимостью отрываться от производственных ручных операций и т. п. Зрительные сигналы обеспечивают и высокую скорость передачи, и преодоление больших расстояний, но лишь при условии, что на пути прямой видимости между собеседниками нет никаких непрозрачных предметов, а основное средство создания зрительных сигналов — руки — тоже ничем не заняты. Звуковые сигналы не накладывают этих ограничений, мало чем уступая

световым по остальным характеристикам. Это и является причиной такого универсального свойства языков, что все они в первую очередь основаны на передаче звуковых сигналов и, следовательно, на использовании артикуляционно-акустических способов кодирования и декодирования. Такова важнейшая субстантная универсалия человеческих языков.

Даже Соссюр, сформулировавший принцип произвольности и, следовательно, независимости языкового знака от субстанции, в данном вопросе вынужден признать наличие такой зависимости. Он говорит, например, что неверно, «будто наш выбор лишь случайно остановился на так называемых органах речи: ведь он до некоторой степени был нам навязан природой»⁷. Правда, последователи Соссюра, не столько углубляющие, сколько упрощающие его идеи, стараются и в этом пункте остаться ортодоксальными соссьорианцами, утверждая, что выбор звуковой субстанции для «манifestации» всех языков человечества — это чистый случай. Так, Л. Ельмслев, ссылаясь на авторитет Б. Рассела, пишет: «Мы не располагаем фактами для решения вопроса о том, речь или письмо является наиболее древней формой человеческого выражения»⁸.

Однако Ф. де Соссюр после формулировки первого принципа — произвольности языкового знака — тут же вынужден сформулировать и второй принцип — «линейный характер означающего». «Означающее, будучи свойством слухового (аудитивного), развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками...»⁹. Иными словами, Соссюр на этом простейшем примере демонстрирует главный принцип системного подхода: как только установлена необходимость какой-либо субстантной характеристики системы (в данном случае «аудитивность» языка), то из нее с необходимостью следует вполне определенное ограничение на структуру системы. В данном случае речь идет о такой важной, определяющей структурной характеристике языка, как последовательный способ кодирования, языковой информации, «линейность» языка.

Но после того как сформулирована некоторая главная черта структуры, открывается возможность рассмотреть не-

⁷ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 35.

⁸ Луи Ельмслев, Прологомены к теории языка, — сб. «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960, стр. 359.

Ю. Д. Апресян, чтобы оправдать тезис о произвольности языкового знака, вынужден прибегнуть к такому казуистическому приему: «Утверждается только логическая независимость формы от субстанции. Это никак не исключает возможности исторической или физиологической зависимости формы от субстанции» (см. Ю. Д. Апресян, Идеи и методы современной структурной лингвистики, стр. 34).

⁹ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 80.

сколько практических вариантов ее реализации, с учетом детерминанты и субстантных ограничений, наложенных на систему при воплощении каждого из вариантов структуры. Даже если временно оставить вопрос о детерминанте, то общие свойства всех универсалий, касающиеся особенностей структуры, могут быть достаточно легко сформулированы. Например, ясно, что чем выше сложность определенного варианта структуры, тем менее целесообразно его использование в системе, если еще не использован более простой вариант, отвечающий тем же требованиям функционирования. Точно так же ясно, что чем сложнее структура использованного варианта, тем больше ограничений накладывается на дальнейшее усложнение этой структуры, так как каждый новый элемент должен отвечать индивидуальным требованиям любого из элементов, уже входящих в структуру.

4. Рассмотрим конкретные примеры проявления перечисленных универсальных свойств системных (т. е. субстантных и структурных) универсалий, пользуясь таблицей универсалий, приведенной в книге Б. А. Успенского¹⁰.

И непосредственный акустический эффект, и формантные характеристики звуков человеческого языка таковы, что наиболее сильно различающимися, наиболее явно противопоставляемыми классами звуков являются гласные и согласные. Поэтому не должен вызывать удивления тот факт, что не существует языка, где не использовалось бы противопоставление гласных согласным, так как языковые знаки, поскольку они воплощены в звуковую субстанцию, должны максимально различаться акустически. Точно так же, поскольку среди гласных наиболее сильно различаются диффузные и компактные, не существует языка, где не было бы этого противопоставления. Естественно также, что менее эффективные типы противопоставлений, например противопоставление носовых гласных неносовым, используются не во всех языках, а в тех из них, где эти противопоставления встречаются; они используются лишь после того, как исчерпаны возможности противопоставления компактных гласных диффузным. Если какое-либо противопоставление распространилось на такие сложные согласные, как аффрикаты, то это значит, что возможности увеличения числа согласных за счет противопоставления простых согласных по этому же признаку уже исчерпаны, поэтому очень большое количество универсалий имеет такую общую формулировку: «Если противопоставление X имеет место среди сложных, то оно обязательно есть среди простых».

---

¹⁰ Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 179—222.

Если учесть, что субстанционно, в связи с особенностями человеческого артикуляционного аппарата, положение того или иного органа оказывает влияние на степень акустической и артикуляционной противопоставленности звуков, получающейся при перемещении другого органа, то к числу универсальных черт всех звуковых универсалий можно будет отнести следующую закономерность: пока не использованы типы противопоставлений, акустической и артикуляционной надежности которых не мешает данное положение некоторого органа, это противопоставление не распространяется на звуки, артикулируемые при другом, «мешающем» положении этого органа. Например, пока не использованы противопоставления по признаку ряда среди закрытых гласных (т. е. при высоком положении языка), противопоставление их по признаку ряда среди широких гласных не используется. Из этой универсалии вытекают объяснения многих закономерностей сингармонизма в урало-алтайских языках¹¹.

Далее: известно, что по чисто субстантивным физиологическим причинам артикуляция открытого слога осуществляется легче, при помощи более простой системы команд, поступающей из речедвигательных центров мозга, чем артикуляции закрытого слога. После этого абсолютно естественными оказываются все известные структурные характеристики слога, рассматриваемые как универсалии. Например, нет человеческих языков, где не использовались бы открытые слоги; если в языке встречаются закрытые слоги, то это лишь означает, что возможности использования открытых слогов там уже реализованы. Точно так же ясно, что если в языке встречаются слоги, начинающиеся со сложного согласного, например двойного, то в нем наверняка уже используются слоги с простым согласным.

Совершенно аналогично объясняются и универсалии в отношении согласных, закрывающих слог. Число согласных в конце слога безусловно меньше числа согласных в начале, так как для образования структуры более сложного, закрытого слога в процессе оптимизации отбирались из всех возможных конечных согласных лишь такие, добавление которых приводит к наименьшей степени усложнения структуры слога (например, к минимальному усложнению программы речевых команд). Принципом минимальной сложности объясняется и такой, например, факт, что если после носового согласного в языке встречается гетероганный шумный, то это значит, что наиболее простые в артикуляции гомоганные шумные в этом языке уже используются.

¹¹ См. в примечании (1) работы, относящиеся к описанию систем вокализма.

Нет нужды продолжать список проявления указанных универсальных характеристик универсалий. Всякий раз, когда оценка таких субстантных характеристик, как сложность программы речевых команд, степень надежности, требуемой при восприятии звуков, степень спектральной противопоставленности и т. д., поддается учету и наблюдению, обнаруживается, что субстантные и структурные характеристики языковых знаков оптимальным образом согласованы для реализации соответствующих языковых функций.

Анализ морфологических, синтаксических, семантических универсалий показывает, что и они в конечном счете подчиняются тем же простейшим правилам, что и рассмотренные универсалии: сложное используется после того, как использовано простое, второстепенная функция получает выражение после того, как получила выражение более важная функция, и т. д. Поэтому не может быть языка, где существовали бы сложные предложения, но не было бы простых, где употреблялись бы сложные слова, но не встречались бы простые, где наличие противопоставлений в формах тройственного числа не предполагало бы обязательного наличия этих противопоставлений в формах двойственного, где регулярные смысловые противопоставления в словах среднего рода не сопровождалось бы выражением этих противопоставлений в несреднем роде и т. д.¹²

Правда, в некоторых случаях может сложиться впечатление, что «логика вещей» вступает в противоречие с закономерностями, наблюдаемыми в языке; например, если учесть иерархию трудности произнесения определенных согласных, то в семитских языках мы наблюдаем странное на первый взгляд явление: чрезвычайно трудные для артикуляции ларингальные, фарингальные, эмфатические согласные широко используются в языке, тогда как более простые, менее напряженно артикулируемые согласные, например аффрикаты [ц] или [ч], отсутствуют в системе семитского (например, арабского) консонантизма.

Однако на этом примере как раз легко показать, что только при учете детерминанты данного конкретного языка можно производить объективную оценку того, что из субстанции или из структуры «пригодно» для данной языковой системы, а что должно быть исключено, даже если кажется сравнительно «простым» и «надежным». Из детерминанты семитских языков, которая кратко формулируется как тенденция к максимальной грамматикализации, вытекают все ха-

¹² См., например, универсалии, предложенные Б. А. Успенским, в докладе «Некоторые гипотетические универсалии из области грамматики», — «Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов», М., 1966, стр. 89—93.

рактные особенности арабского языка, в том числе — трехсогласность корня как носителя главного лексического значения, и внутренняя аффиксация, в результате которой корневые согласные «прокладываются» различными комбинациями гласных и, в частности, иногда два согласных оказываются стоящими рядом¹³. Отсюда вытекает, что всякий согласный, который акустически может быть воспринят как сочетание двух согласных (например, аффриката [ц] может восприниматься как сочетание [т+с]), оказывается недопустимым в системе арабского звукового строя, поэтому признак аффрикатизации и многие другие типы противопоставлений становятся запрещенными, и язык вынужден использовать для создания необходимого числа фонем такой сложный субстантивный материал, как различные гортанные и эмфатические звуки.

В китайском языке, имеющем детерминанту, противоположную семитской (принцип максимальной лексикализации), наиболее подходящей структурой слова является открытый однослог, поэтому стечение согласных оказывается принципиально невозможным, и открывается путь к широкому использованию аффрикат¹⁴. Подобным же образом объясняется специфика и структуры, и субстанции тюркских языков, языков банту, малайско-полинезийских, абхазско-адыгских языков; при этом становится понятным не только синхронное их состояние, но и вся цепь перестроек на всех уровнях языка, когда удается сформулировать языковые изменения как переход с одной детерминанты на другую.

При таком детерминантном системном подходе к строю языков становится легко объяснимой сформулированная В. М. Солнцевым универсальная закономерность, что генетически родственные языки в течение длительного времени остаются и типологически родственными¹⁵. Действительно, поскольку исходная структура, субстанция и детерминанта этих языков одинаковы, то даже при последующем расхождении их детерминант исходные субстантивные возможности накладывают ограничения на допустимые структурные перестройки, и типологические расхождения накапливаются чрезвычайно медленно.

5. Перечисленные закономерности, порождающие появле-

---

¹³ См. в примечании (1) работы, посвященные системному анализу языков семитского строя с учетом их детерминанты.

¹⁴ Подробно этот анализ приведен в указанной работе: Г. П. Мельников, Арабский, китайский, английский (детерминанта языка и причины языковых изменений).

¹⁵ В. М. Солнцев, Связь генеалогии и типологии и универсальные закономерности языков, — «Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов», М., 1966, стр. 74—77.

ние наблюдаемых универсалий, по-видимому, абсолютно универсальны, так как вытекают из сущности языка как адаптивной кодовой системы. Действительные отклонения от этих правил (и скорее в письменной, а не в устной речи) могут возникать лишь тогда, когда языковой код перестраивается сознательно людьми, не имеющими достаточных сведений о свойствах самонастраивающихся систем. Кроме того, могут быть обнаружены кажущиеся отступления от этих правил, которые возникают в связи с тем, что специально не выявлялись, а потому недостаточно полны наши сведения об иерархии субстантных возможностей, структурной сложности, важности частных функций (особенно в области семантики), а также сведения о детерминантах языка. С увеличением знаний в этой области удастся сформулировать универсалии о динамике языковых систем, указать общие необходимые этапы при перестройке языка с одной конкретной детерминанты на другую. Таким образом, открываются богатые возможности реконструкций прежних состояний языка и предсказаний их будущих состояний.

Но уже сейчас системный подход к языку, придающий чрезвычайно важное значение отделению структурных аспектов от субстантных, использующий структурное моделирование для анализа и описания языковых систем и предлагающий методы учета взаимодействия структуры языка с его субстанцией (чего нельзя сделать в рамках чисто структурной методологии), позволил понять и объяснить в системах конкретных языков гораздо больше того, что удавалось до сих пор сделать традиционными и структурными методами. В частности, лингвистическая теория, которая представляется языковедам одних направлений как свод тщательно перечисленных фактов, а языковедам других направлений — как абстрактная модель, построенная на основе априорно заданных постулатов, при системном моделировании превращается в описание языка, в котором сначала формулируется индуктивно полученное утверждение о детерминанте языка, а потом, в виде цепочки импликаций, учитывающей как структурные, так и субстантные ограничения, в которых функционирует реальный язык, делаются выводы об особенностях данного языка, и известные факты о языке получают наглядные объяснения, так как логически вытекают из анализа взаимосвязей между элементами всех ярусов языка.

В настоящее время уже получены предварительные общие универсальные формулировки, из которых как естественное следствие вытекают варианты возможных детерминант языков. Таким образом, наши сведения об универсальных свойствах языков продвигаются на следующую качественную ступень.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ

ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛИЙ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ

Проблема универсалий встала сейчас в языковедении в условиях, существенно отличающихся от тех, в которых она ставилась и обсуждалась раньше. И именно эти условия, а не узкое значение термина и не традиция, связывающая его с задачами построения универсальной грамматики языков, определяют и задают действительный смысл проблемы. Этот момент отмечали многие участники нью-йоркской конференции 1961 г., но реальная специфика новых условий, как и вообще нынешнее состояние языковедения, не были ими проанализированы в достаточной мере, а поэтому фактический смысл проблемы не был раскрыт.

Чтобы подтвердить этот тезис, достаточно сослаться уже на то, что до сих пор нет сколь-нибудь определенного ответа на вопрос, что именно мы называем универсалиями и какую роль эти образования играют или должны играть в системе языковедения.

Если разграничить разные аспекты того, что фиксируется сейчас в представлениях об универсалиях, а затем попробовать организовать их в один ряд по принципу усложнения тех проблем, которые решаются с их помощью, то получится примерно следующее.

Первый этап. Существует какое-то знание или положение, фиксирующее некоторые свойства или связи свойств определенного языка; ставится вопрос, обладает ли таким же свойством или такой же связью свойств другой определенный язык.

Второй этап. Исходный вопрос обобщается: не является ли это свойство таким, что им обладают или могут обладать все другие языки.

Второй вопрос существенно отличается от первого; только в нем впервые появляется намек на универсальность, но именно из-за этого на него уже не так легко ответить, как на первый. Предположение, что можно получить подтверждение универсальности путем проверки по уже существующим описаниям всех других известных языков, опровергается двумя примерами из школьного учебника логики; первый — открытие черных лебедей в Австралии, второй — знаменитое опровержение тезиса Лавуазье о том, что кислотные свойства соединений создаются наличием в них кислорода; оба они свидетельствуют, что индукция через перечисление даже всех известных случаев, соответствующих тому или иному понятию, не дает обобщенного и необходимого знания. Таким образом, второй вопрос — это уже, по сути дела, прыжок в неизвестное; хотя сам вопрос, конечно, может и даже должен быть задан, но как отвечать на него, неизвестно.

Но не это даже является здесь главным возражением. Всякий, кто занимался хоть какими-либо научными исследованиями, сразу заметит, что если подобные вопросы иногда и задаются в науке, то все равно имеют мизерное значение и, как правило, ни к чему путному не приводят. Ученого, занимающегося исследованием какого-либо объекта или группы объектов, интересует всегда другое: как, имея ограниченное число объектов, с самого начала выделять в них такие свойства, которые были бы общими для объектов, образующих достаточно большие классы, и, главное, находились бы в связях с другими свойствами, общими для всех этих же объектов. Иначе говоря, ученого всегда интересует, с одной стороны, как можно выявлять новые универсальные свойства объектов и как можно создавать новые универсальные характеристики, а с другой — как нужно пользоваться уже найденными универсалиями для выявления других свойств объектов.

Но, чтобы сознательно и целенаправленно выявлять универсалии или формулировать универсальные положения, ученый должен знать, что это такое. А чтобы узнать, он должен исследовать уже существующие универсалии, хотя бы одну из них, и получить достаточно полное представление, на основе которого он мог бы поставить себе «техническое задание» для работы.

Так мы приходим к необходимости вопросов уже совсем другого рода, стимулирующих дальнейшее развитие представлений об универсалиях.

Третий этап. Ставится вопрос о строении, содержании и форме универсальных положений, а также о возможном месте их в системе языковедения и отношениях к объектам разного типа — отдельным языкам и языку вообще.

Но и это не исчерпывает тех вопросов, которые неизбежно должны возникнуть в подобной ситуации.

Четвертый этап. Характеризуя одни языковедческие положения как универсальные, а другие, наоборот, как неуниверсальные, языковед обязательно должен поставить вопрос, что такое «языковедческая универсалия» вообще. А отвечая на него, он должен будет, хочет он сам того или нет, ввести понятие об универсалии и при этом охарактеризовать ее экзистенциальный или категориальный статус.

Кстати, именно в этом пункте сталкиваются особенно резко два мнения: Ч. Хоккет называет универсалиями общие свойства языков, а Дж. Гринберг, Ч. Осгуд и Дж. Дженкинс — особые типы высказываний о языке и языках. Интересно, что при таком расхождении в категориальных определениях универсалий они на эмпирическом уровне имеют дело с одним и тем же — с языковедческими положениями и, в общем, примерно одинаково их анализируют, но придают полученным в анализе результатам разный смысл и разный онтологический статус. Соответственно этому по-разному строятся вводимые ими понятия об универсалиях.

Только получив ответы на все вопросы, возникшие на третьем и четвертом этапах, языковед сможет сознательно и целенаправленно формулировать новые универсальные положения и правильно употреблять в дальнейших исследованиях уже существующие.

Но здесь вместо того, чтобы приступить наконец-то к работе, языковед продолжает развешивать проблемы.

Пятый этап. Ставится вопрос: какими универсальными свойствами могут обладать все языки или язык вообще. Здесь языковед возвращается от универсальных положений назад к языку и утверждает, что если бы кто-нибудь ответил ему на этот вопрос, то дальше он без труда и за короткое время сформулировал бы очень много универсальных положений, не особенно задаваясь вопросом о том, что они собой представляют.

Мы привели эту примитивную реконструкцию постепенного развертывания и усложнения проблемы универсалий,

чтобы показать, насколько сложной она выглядит даже при самом упрощенном подходе. В реальности все, конечно, еще сложнее, и не удивительно, что сама проблема стала предметом внимания специальной конференции, причем значение ее для развития языкознания оценивалось самими организаторами крайне высоко. Внимание многих лингвистов привлекла фраза Ч. Осгуда, что участники конференции по проблеме универсалий были «свидетелями происходящей сейчас в языкознании бескровной революции».

Такая характеристика положения ко многому обязывает. Если суть дела действительно заключена в тех изменениях, которые претерпевает сейчас языковедение, то, очевидно, чтобы раскрыть суть проблемы универсалий, нужно анализировать не те или иные отдельные языковедческие высказывания, а языковедение в целом, представленное в виде сферы деятельности и агломерации знаний. Но достаточно так охарактеризовать задачу анализа, чтобы стало ясно, что проблема, поставленная языковедами, была такова, что она не могла быть решена их собственными силами и в рамках одного лишь языковедения. Ее решение находится в компетенции методологии и логики.

Но тогда уже не может и не должен вызывать особого удивления сформулированный нами выше тезис, что действительный смысл проблемы языковедческих универсалий не был раскрыт на нью-йоркской конференции 1961 г.; ведь среди ее участников не было специалистов, которые обладали бы средствами для того, чтобы рассмотреть языковедение в адекватном ему виде — как сложно-кооперированную сферу деятельности и как агломерацию разнообразных по своему типу знаний. Участники конференции ставили вопросы двоякого рода — либо относительно логической формы языковедческих знаний, либо относительно «природы» изучаемого в языковедении объекта. Но эти вопросы, совершенно оправданные в рамках специального предметного анализа, все же слишком узки и традиционны: отвечая на них, нельзя наметить какие-либо новые пути и средства решения проблемы, суть которой связана с изменением структуры языковедения.

Отсутствие собственно методологической установки и соответствующих средств для изображения и анализа языковедения как целого не позволило участникам конференции выделить и проанализировать обстоятельства, играющие здесь особенно важную роль. Первым среди них является многообразие тех деятельностей — «практических», «конструктивно-технических», «методологических» и собственно «научных», которые объединяются сейчас под общей шапкой языковедения. Каждая из названных деятельностей решает свои

особые проблемы и задачи, имеет свои особые средства, получает особые продукты, и все они, в силу условий становления и позднейшего развития языковедения, не разделены в достаточной мере, не институционализированы: как особые деятельности, не организованы в одну систему, и это создает такое вавилонское смешение проблем, языков описания и продуктов анализа, в котором даже сами лингвисты давно уже перестали ориентироваться и разбираться. К этому надо добавить, что собственно «научные» деятельности составляют сейчас в этой сфере очень незначительную часть, но в силу господства естественнонаучной идеологии вся она рассматривается как научная по преимуществу, и это создает еще один мощный источник неразберихи.

Указанное переплетение деятельностей образует то целое, внутри и в рамках которого идут очень сложные процессы. Один из них — продолжающееся развитие естественнонаучной точки зрения и «натуралистических» научных исследований, которое началось в языковедении в XIX столетии с появлением сравнительной и сравнительно-исторической концепций. Другой — мощное развитие методологических и логико-методологических исследований, начавшееся в языковедении с первых лет XX столетия, ставшее особенно интенсивным в 30-е годы, а сейчас все более и более определяющее собственно теоретические исследования (для этого, как мы увидим далее, есть свои основания).

Постановка проблемы универсалий явилась, с нашей точки зрения, выражением обоих названных выше процессов. По содержанию она прямо соответствует основному принципу происходящего сейчас в языковедении движения от «нормативных систем» языковых грамматик к собственно теоретическим системам науки, а форма, в которой ставится проблема, есть результат: (1) формирования в лингвистике особых сфер методологии, (2) вызванного этим повышенного интереса к логическим и вообще формальным аспектам языковедческого знания и (3) прямого заимствования современных логических представлений о формальной структуре знаний.

Чтобы показать это, нужно, во-первых, ввести специальные графические средства и понятия для изображения сфер деятельности и агломераций знаний, а, во-вторых, с их помощью рассмотреть строение современного языковедения. Это даст нам возможность необходимым образом вывести современную постановку проблемы универсалий из состояния, в котором находятся сейчас языковедение и логика.

Совершенно очевидно, что эта работа, если мы хотим провести ее в теоретическом плане и систематически, требует анализа огромного эмпирического материала. Но нам сейчас важна другая, не теоретическая, а методологическая сто-

рона проблемы: необходимо показать принципы и общую схему подобного анализа. Решая эту более частную и по сути дела предварительную задачу, мы можем ограничиться весьма абстрактными соображениями и общими средствами теории деятельности. При этом главная наша цель будет состоять в том, чтобы разделить и разграничить внутри языковедения, рассматриваемого как сложная сфера деятельности, то, что принадлежит, во-первых, к «языковой инженерии», во-вторых, к языковедческой методологии и, в-третьих, к собственно языкознанию, т. е. к науке о «речи-языке».

ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ КАК ИНЖЕНЕРИЯ

В основных своих частях языковедение всегда было и сейчас остается работой, связанной с конструированием новых «программ» и «норм» речевой деятельности, которые мы в целом можем назвать «языком» (в самом широком смысле этого слова). Программы и нормы речевой деятельности на в коем случае нельзя рассматривать как модели или теоретические изображения и описания речи, речевой деятельности или языка. Инженер, создающий новую конструкцию, новую машину или программу к ней, никогда не ставит перед собой задачу что-то описать или изобразить. Он конструирует и создает нечто новое, в некоторых случаях реализуя при этом предварительно созданный проект. Создаваемое им — машина или ее проект — ни на что не должно быть похоже и не должно ничего изображать. Инженер хорошо понимает, что раньше не было ничего, что могло бы рассматриваться как прообраз его машины¹. В противоположность этому ученый создает знание, которое обязательно должно изображать и описывать какой-либо объект, обладающий своими особыми механизмами жизни. В научной работе требование «истинности» теоретической картины или модели — первое и непременное требование, создающее специфику самой научно-исследовательской деятельности.

Чтобы пояснить тезис о различии инженерно-конструктивной и научно-исследовательской работы в языковедении, воспользуемся аналогией человека с вычислительной машиной и на основании ее введем структурную модель, объясняющую различие этих двух видов работы в языковедении. Специально отметим, что это будет не доказательством правильности и истинности наших утверждений, а лишь аналогией, разъясняющей суть мысли.

---

¹ Принципиальные изменения в эту точку зрения были внесены бионикой, которая ищет прообразы вновь создаваемых машин в естественном устройстве животных, но эти нововведения не опровергают нашего тезиса.

Общеизвестно, что первые вычислительные машины были спроектированы и сделаны таким образом, что им не нужна была программа. Собственно говоря, программа закладывалась в них с самого начала и была выражена способами спайки разных блоков машины друг с другом. Иначе можно сказать, что это была машина для одной-единственной программы. Довольно быстро выяснилось, что это — очень плохая машина, машина с крайне ограниченными возможностями. Если бы был выбран путь создания таких машин, то для каждой частной деятельности пришлось бы создавать специальные машины. Тогда конструкторы выделили в машине две функциональные подсистемы: 1) саму машину с ее морфологией или «физиологией» и 2) программу работы этой машины. Программа меняется в зависимости от характера решаемой задачи, она составляется отдельно и затем вставляется в «универсальную» машину, заранее предназначенную для работы со многими программами.

Человека можно сопоставить со второй машиной, и генетически он производится примерно так же. С одной стороны, в нем есть тот био-физиологический субстрат, за счет которого он собственно живет, а с другой стороны, — в нем есть сложная иерархизированная система программ, которые создаются обществом в виде систем культурных норм разного рода — научных, этических, философских и т. п., и затем особым образом «вставляются» в человека. Среди норм или программ деятельности имеются и программы речевой деятельности. Именно из этого мы будем исходить в дальнейших рассуждениях о природе речевой деятельности.

Чтобы пояснить ход рассуждений, введем две схемы.

Нарисуем ребенка, у которого имеется «табло» — так мы изображаем план человеческого сознания, введем в схему набор речевых текстов, которые обычно высказываются людьми данного общества, и предположим, что ребенок каким-то образом должен научиться понимать эти высказывания и высказывать их в подходящих по обстоятельствам ситуациях (схема 1). Хорошо известно, что ребенок начинает учиться речи с раннего возраста.

Сталкиваясь с высказываниями других людей в тех или иных жизненных ситуациях, он каким-то образом выделяет в них так называемые ориентирующие признаки, каким-то образом фиксирует их на своем табло и при этом у него появляются, с одной стороны, так называемые субъективные знания, а с другой — спо-

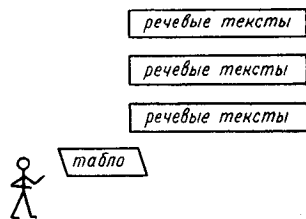

Схема 1

способности. Для дальнейших рассуждений неважно, как именно мы будем понимать то и другое, важно только, что нечто подобное существует и что благодаря этому ребенок получает возможность строить необходимые для жизни высказывания и понимать высказывания других людей.

Вот первая ситуация, которую мы хотим зафиксировать. Главным в ней является то, что соответствующие знания появляются непосредственно на табло, или в сознании у ребенка, и что они вырабатываются им самим или, хотя и с помощью взрослых, но так, что взрослые не знают, что именно и как выработалось у ребенка.

По сути дела, то, что было сказано, означает — и нам кажется, что это общеизвестный факт, — что маленькие дети учатся речи без каких-либо грамматик и что до сих пор никогда не создавали грамматик языка для маленьких детей². Иначе можно сказать, что до сих пор еще никогда не создавали систему языка для того, чтобы учить совсем маленьких детей. Этого нет сейчас и, тем более, этого не было в прошлом. Дети сами в общем и целом вырабатывают у себя соответствующие субъективные знания и способности. Из истории языкознания хорошо известно, что «грамматические» системы языка впервые были созданы тогда, когда пришлось учить взрослых, либо — умению писать стихи, письма и романы, либо — умению мыслить (отсюда логические схемы Аристотеля), либо — умению говорить на чужом языке, либо — умению переводить с одного языка на другой, либо же, наконец, — умению обучать языку других людей. Все эти случаи образуют вторую ситуацию, которую мы должны рассмотреть и сопоставить с первой.

Чтобы изобразить эту вторую ситуацию, нам нужно будет нарисовать новую картину (схема 2). Введем в нее, следуя указанным историческим фактам, взрослого человека, на табло которого уже зафиксированы определенные субъективные знания о речевых текстах и в связи с ними сло-

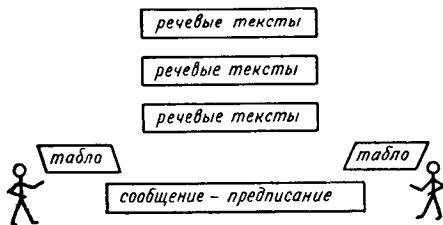

Схема 2

жились способности, с помощью которых он говорит на каком-то определенном языке и понимает чужие высказывания. Кроме того, рядом с этим человеком изобразим еще одного, выпол-

² Исключение составляют глухонемые, и этот факт подтверждает правдивость проводимой нами идеи.

няющего специфические функции: это будет «языковед» в широком смысле этого слова, человек, объединяющий в себе функции знатока речи, толмача, ученого и учителя. Этот человек тоже имеет дело со всем набором текстов-высказываний, которые создаются людьми данного общества, в принципе — с большим набором, чем тот, с которым имел дело первый индивид из нашей схемы, и тоже имеет соответствующие способности и субъективные знания, большие, чем у первого. Второй индивид, языковед, должен научить первого такой речевой деятельности, которую первый сам по себе не может осуществить и которой он сам не может научиться. Для этого языковед должен выработать и сформулировать определенные сообщения-предписания, такие, чтобы они помогли первому человеку выработать у себя недостающие ему субъективные знания и способности или восполнить их недостаток. Важно подчеркнуть, что сообщения, вырабатываемые языковедом в помощь первому человеку, не являются для последнего знаниями в собственном смысле и тем более научными знаниями о речи и языке. Они являются для него средствами, программой, которую он должен взять и как бы «вставить» в себя, чтобы затем с ее помощью строить те тексты-высказывания, которые ему необходимы и которые он раньше не умел строить.

Точно такие же рассуждения мы можем провести для случая, когда первый индивид должен научиться понимать речевые тексты, которых он раньше не понимал.

Здесь существенно отметить также, что программа, создаваемая языковедом, всегда «подстроена» под те субъективные способности и субъективные знания о речи-языке, которые уже были выработаны первым индивидом самостоятельно.

Обе последние схемы были введены с помощью аналогии, уподобляющей человека универсальной вычислительной машине. Эта аналогия была использована для того, чтобы облегчить понимание основной мысли и создать необходимое упрощение объектов. Теперь мы можем, пользуясь полученными схемами, вернуться к основной теме — определению языковедения как особой сферы деятельности. При этом мы будем пользоваться введенными выше схемами как средствами анализа.

Произведем наложение абстрактных схем на эмпирический материал, который мы должны проанализировать. В качестве основного принципа, определяющего процедуру наложения, сформулируем положение, что «язык», или то, что мы привыкли называть «языком», подобно программам на наших схемах. Иначе это можно сказать так: «язык», как его выделяют лингвисты, очень похож на такие программы,

он создается, конструируется в качестве системы средств, которая позволяет людям понимать и строить различные цепочки высказываний.

Можно наметить несколько различных видов рече-мыслительной деятельности, каждый из которых нуждается в определенных программах и характеризуется их специфическим характером. Выше мы уже называли некоторые из этих видов деятельности — построение речевых цепочек, понимание текстов, перевод с одного языка на другой, производимый человеком без помощи машины или с ее помощью. И для каждого из этих случаев нужны свои особые средства, своя программа.

Таким образом, грамматики языка по своей основной функции не есть знания о языке или речи. Тем более они не являются знаниями о речевой деятельности. Это — форма, в которой существует сам язык, часть тех средств, которые необходимы человеку для осуществления рече-мыслительной деятельности. Соответственно этому лингвисты издавна были теми специалистами, которые строят подобные программы; аналогичные же программы вырабатывались логиками, но для других сторон и аспектов речевого мышления.

Из этих утверждений, если мы их примем, следуют весьма радикальные выводы в отношении объекта и предмета лингвистического исследования. Мы должны их здесь сформулировать, хотя это и отвлечет нас несколько в сторону от основной линии анализа лингвистического как сферы деятельности.

ПРОДУКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНЖЕНЕРИИ — ЭЛЕМЕНТ ОБЪЕКТА ЛИНГВИСТИКИ

Основной недостаток воззрений, по которым грамматики языков относились к знаниям и науке, состоял в том, что таким образом они исключались из состава объекта, изучаемого в лингвистике. Это было естественно и оправданно, ибо как отдельные знания, так и наука в целом с точки зрения естественнонаучной идеологии противостоят объекту и не могут быть включены в его состав.

Не отрицая того, что грамматики являются продуктом сознательной конструктивной деятельности лингвистов, соглашаясь даже, что в определенном аспекте они являются знаниями или включают знания в свою систему, мы утверждаем вместе с тем, что они являются важными и, можно даже сказать, определяющими элементами речевой деятельности,

а речевая деятельность есть единственный возможный объект научного языкознания³.

По сути дела, именно эта мысль была главной в предшествующем разделе статьи, а схема 2, введенная там, задавала простейшее, с нашей точки зрения, системное представление того объекта, с которым должно иметь дело научное языковедение, или, как мы говорим, собственно языкознание. Любая часть этой системы, в том числе речевые цепочки как таковые или языковые программы как таковые не обладают целостностью относительно многих процессов, в частности относительно процессов развития речи-языка, и поэтому изолированно друг от друга не могут быть исследованы и объяснены: при всем желании исследователю не удастся объяснить законы и механизмы их жизни, не соотнося речевые цепочки с языковыми программами, а языковые программы с речевыми цепочками.

Но, чтобы произвести это соотношение и в ходе него определить, с одной стороны, генетические отношения между речевыми цепочками и языковыми программами-нормами, а с другой стороны, функции языковых программ относительно речевых цепочек, нужно задать какую-то более широкую систему, жизнь которой создает эти функции и взаимоотношения. Такой системой, как было показано в ряде работ, является система воспроизводства рече-мыслительной деятельности⁴.

Рассматривая структуру речевой деятельности, изображенную на схеме 2, с точки зрения процессов воспроизвод-

---

³ В ранних работах (1957 г.) я утверждал, что «язык» и «мышление» являются не объектами, а предметами знания, и получаются как разные знания о «языковом мышлении», отражающие его как бы в разных ракурсах. Здесь неправильным было противопоставление предметов знания объектам; предметы знания внутри деятельности есть объекты особого рода, ничуть не менее объективные, чем все другие. В этом плане критические замечания А. А. Реформатского и П. С. Кузнецова против моего тезиса были правильными (см. сб. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков», М., 1960, стр. 102, 125). На дискуссии по проблеме системности языка (январь 1962 г.) я защищал уже более точный тезис, подчеркивая, что предметы знания, в том числе «язык», являются специфическими объектами. Но тогда не была еще показана последняя составляющая — превращение этих предметов в средства деятельности, что стало возможным только в контексте специальных социологических исследований, начатых нами с середины 1962 г. (см. Г. П. Щедровицкий, О методе семиотического исследования знаковых систем, и В. А. Лефевр, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин, «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах, — сб. «Семиотика и восточные языки», М., 1967).

⁴ См. статьи, указанные в прим. 3, а также Г. П. Щедровицкий, «Естественное» и «искусственное» в развитии речи-языка, — сб. «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию „Основные проблемы эволюции языка“», ч. 1, Самарканд, 1966; В. М. Розин, Семиотический анализ знаковых средств математики, — сб. «Семиотика и восточные языки».

ства, мы обнаруживаем, что она еще отнюдь не полна, ибо не содержит многих элементов, необходимых для воспроизводства, и, следовательно, должна быть дополнена и развернута дальше так, чтобы удовлетворить этому требованию полноты. В принципе подобное развертывание можно было бы осуществлять в схемах, изображающих сами процессы воспроизводства, но так как мы проводим все рассуждение в другом срезе, а именно — в схемах, изображающих деятельность разного рода и их кооперацию, то сформулированное выше требование означает, что мы должны дополнить введенную выше кооперацию речевой деятельности индивида и обслуживающей ее деятельности языковеда другими деятельностями, обеспечивающими воспроизводство речевой деятельности человечества. Основные линии такого развертывания схем кооперации могут быть определены, исходя из двух связей, в которых находятся языковые программы:

во-первых, они должны быть созданы языковедом-инженером, и для этого ему нужны методические предписания разного рода, научные знания, философские картины и т. п.;

во-вторых, уже созданные языковые программы должны транслироваться от поколения к поколению, должны усваиваться новыми поколениями, и для этого должна существовать специальная система обучения языку.

Каждый из этих механизмов в системе воспроизводства предполагает свои особые группы деятельностей, которые входят, целиком или частично, в языковедение, а каждая деятельность дает продукт, который в той или иной форме включается в систему речевой деятельности человечества. Рассмотрим эти группы деятельностей более детально.

МЕТОДОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННОГО КАК ПРАКТИКА ОСОБОГО РОДА

Работа по созданию языковых программ, конечно, должна обслуживаться специальными знаниями. Но уже первый, самый поверхностный анализ показывает, что объекты и содержание этих знаний бывают весьма различными; в частности, языковеду-инженеру нужны знания о самой программе и принципах ее работы, о речевых цепочках, которые строятся и понимаются с помощью этих программ, наконец, знания о рече-мыслительной деятельности в целом. Кроме того, знания о каждом из этих объектов могут иметь разную логическую форму: практико-методическую, конструктивно-техническую или собственно научную⁵. Поэтому, чтобы разо-

⁵ См. Г. П. Щедровицкий, Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности, — сб. «Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму», М., 1966, стр. 102—109.

браться во всем многообразии возможных и необходимых здесь знаний, нужна определенная система анализа. Один из возможных вариантов такой системы был предложен нами вместе с В. Я. Дубровским для развертывания схемы методологической работы⁶; выполненный на абстрактной модели любой методологической работы, он без труда может быть перенесен и на языковедение. Здесь мы изложим лишь самые существенные пункты развертывания этой схемы, надеясь, что читатель дополнит пропущенные звенья или обратится к указанной выше статье.

При некоторых упрощениях деятельность языковеда-инженера может быть представлена как вариант «практической деятельности»; отличия будут заключены прежде всего в типах знаний, используемых инженером и «практиком», и в характере их целей, но эти моменты пока не будут для нас существенными.

Практическая деятельность изображается рядом схем, фиксирующих с разной полнотой ее элементы и структуру. В качестве исходного мы можем взять изображение, представленное на схеме 3. Оно содержит как бы два «узла».

В правой нижней части изображена «объектная» часть деятельности: *Пр* — продукт деятельности, *ИсМ* — исходный материал, из которого этот продукт получается, $D_1...D_k$ — действия, *Ор* — орудия и другие внешние средства, используемые в этих действиях. В левой верхней части схемы изображена «субъектная» часть деятельности: сам индивид, цель, стоящая перед ним, треугольник — интериоризованные средства, прямоугольник — способности, необходимые для оперирования средствами и осуществления действий.

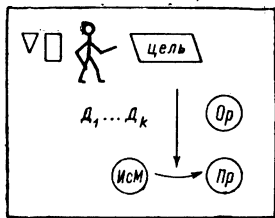

Схема 3

Надо заметить, что эта схема отнюдь не полна и не имеет единого и однородного принципа своей организации. Эти недостатки, весьма существенные в других аспектах, при нашем способе рассуждения не будут иметь значения.

Введя таким образом единицу практической деятельности, мы можем затем построить ситуацию, в которой у индивида, получающего определенный продукт (в нашем случае — языковую программу), возникают затруднения. Для этого мы поставим рассматриваемого нами индивида в положение, когда перед ним появляется другая цель, заставляющая его по-

⁶ См. Г. П. Шедровицкий, В. Я. Дубровский, Научное исследование в системе «методологической работы», — сб. «Проблемы исследования структуры науки», Новосибирск, 1967.

лучать новый продукт, а для этого в свою очередь строить новую систему действий. (Иначе говоря, мы предположим, что до этого данный индивид никогда не выдвигал подобной цели и не получал аналогичных продуктов). Таким образом, индивид должен осуществить определенную деятельность, но у него нет для этого средств и способностей; можно сказать, что он не знает, как это сделать.

Будем считать, что таким образом мы задали ситуацию с «разрывом», т. е. ситуацию, в которой индивид не может выполнить деятельность, которую от него ожидают.

Выход из трудного положения был бы найден, если бы кто-то рассказал ему, что именно и как нужно делать для достижения данной цели, дал бы ему «подсказку», по которой он мог бы построить нужную ему процедуру деятельности и получить нужный продукт (схема 4). Подобная подсказка

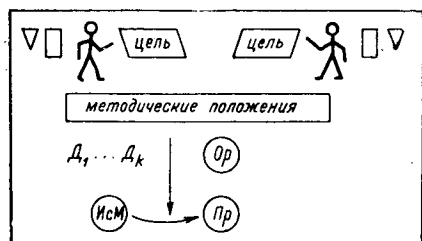

Схема 4

называется «методическим положением». Она дает возможность первому индивиду выбрать из запаса, накопленного человечеством, недостающие ему средства и построить соответствующие действия.

Здесь естественно возникает вопрос: откуда второй индивид берет эту подсказку?

Самым простым будет случай, когда он сам или кто-то другой уже осуществили деятельность, направленную на достижение подобной цели, и, следовательно, у него уже есть образцы ее. Тогда «методическое положение» будет простым описанием соответствующих элементов, отношений и связей этой деятельности, лишь переведенным в форму указания или предписания к построению ее копии.

Более сложным будет случай, когда деятельность, которую нужно осуществить первому индивиду, еще никогда никем не строилась, и, следовательно, нет образцов ее, которые могли бы быть описаны в методических положениях. Но методическое указание все равно должно быть выдано, и оно создается вторым индивидом, теперь уже не просто как описание ранее совершенной деятельности, а как *проект* или *план* предстоящей деятельности.

Но сколь бы новой и отличной от всех прежних ни была проектируемая деятельность, сам проект или план ее может быть выработан только на основе анализа и осознания уже выполненных раньше деятельностей и полученных в них продуктов-текстов.

Каким должен быть этот анализ и фиксирующие его описания и каким образом проект новой деятельности, выражаемый методическими положениями, будет опираться на подобные описания — все это вопросы, которые должны обсуждаться особо (и частично они будут затронуты дальше). Ясно, что чем больше будет разница между деятельностью, которую надо построить, и теми деятельностями, которые уже осуществлялись раньше, тем больше будет в методических положениях собственно проектировочных моментов. Но главное в том, что при всех условиях выработка методических положений предполагает со стороны второго индивида два существенно различных отношения: одно — к предстоящей деятельности, другое — к уже построенным процедурам (схема 5).

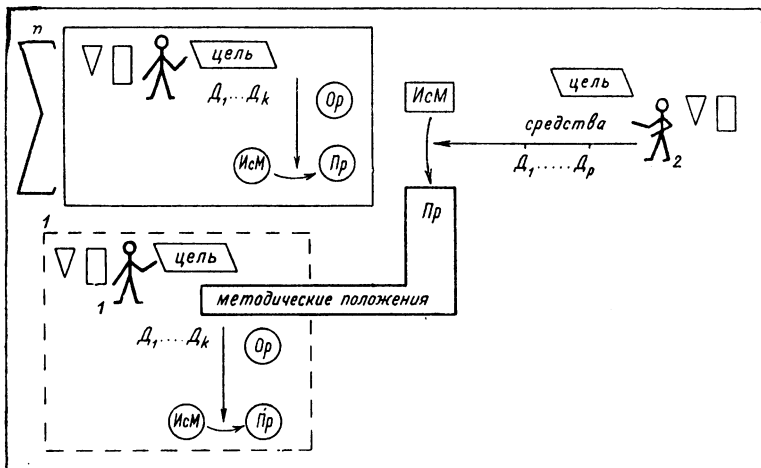

Схема 5

Это структурное изображение можно считать задающим специфику «методологической» деятельности, ее простейшую и вместе с тем всеобщую форму. Оно содержит множество относительно замкнутых актов практической деятельности, ставших затем объектами анализа, и незамкнутый акт практической деятельности, который должен быть построен с помощью методических положений; все это объединяется в одну сложную единицу элементами «собственно методологической деятельности» с ее двумя отношениями — описательным и проектировочным.

Если рассматривать все это с точки зрения генезиса и происходящего при этом изменения положения действующе-

го индивида, то можно сказать, что для выработки методических положений, обеспечивающих построение новых процедур деятельности, индивид как бы выходит за пределы существовавших до этого структур своей деятельности и становится к ним, а вместе с тем и к своим прежним позициям в *рефлексивное отношение*. Этот признак точно так же можно считать специфической функциональной характеристикой «методологической» деятельности; на уровне описаний и признаков он повторяет то, что изображено на схеме.

СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ

Основной принцип и результаты проведенного выше развертывания схем кооперированной деятельности не трудно применить и для второго направления, связанного с обучением речевой деятельности (см. стр. 56). Для этого достаточно рассмотреть систему, представленную на схеме 5, не как последовательные позиции одного индивида, осуществляющего рефлексивный анализ своей прошлой деятельности, а как связь и кооперацию деятельностей двух индивидов, и вдобавок к этому предположить, что речь идет о повторении первым индивидом деятельностей, уже выработанных и зафиксированных человечеством. Таким образом мы получим характерную «учебную ситуацию».

Правда, с точки зрения всей системы обучения кооперация деятельностей, представленная на схеме 5, выступает как один маленький фрагмент, но ее можно дополнить и развернуть в любую, сколь угодно сложную систему.

Пример подобного развертывания системы обучения мы дали в ряде специальных работ⁷, и здесь не будем повторять его основные шаги и промежуточные результаты, а ограничимся лишь тем, что приведем конечную схему, изображающую в единой системе основные специальности «педагогического производства» (схема 6).

Совершенно очевидно, что каждая из введенных нами на схеме 6 деятельностей может рассматриваться как практическая деятельность, нуждающаяся в своем особом методологическом обслуживании. Педагог-методист, конструирующий новые приемы обучения, спрашивает, как это делать, учитель интересуется тем, как использовать эти приемы в процессе обучения детей, педагоги-методисты, создающие программы и отдельные учебные средства, спрашивают, как это можно сделать не путем случайных проб и многих оши-

⁷ См. Г. П. Щедровицкий, Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности; его же, Система педагогических исследований. Методологический анализ,— сб. «Педагогика и логика» (на правах рукописи), М., 1968.

бок, а так, чтобы заранее рассчитывать на известный успех, и, наконец, аналогичные вопросы задает педагог, создающий модели — проекты образованных людей, соответствующих требованиям будущей социальной жизни.

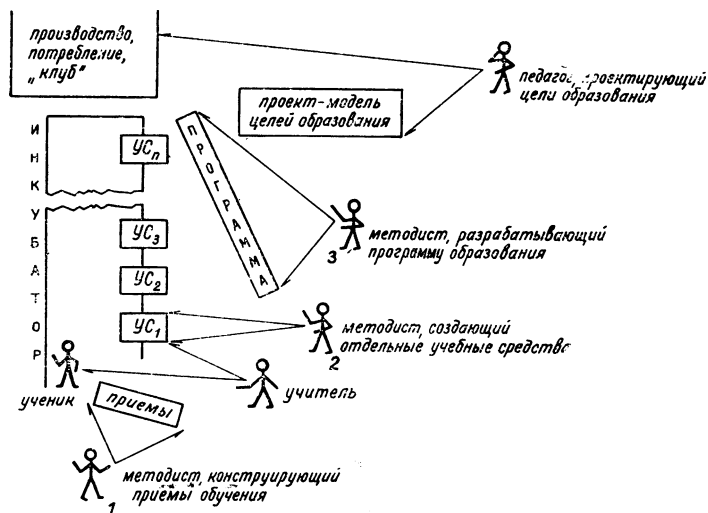

Схема 6

Каждый из них, задавая свои вопросы, ожидает помощи от методологии. И это значит, что рядом с каждым из введенных нами деятелей системы педагогического производства должна вырасти обслуживающая их система методологической деятельности.

Но сказанное равнозначно утверждению, что все эти деятельности, входящие также и в систему обучения языку, как и первая из разобранных нами деятельностей, создают ситуации, стимулирующие появление тех или иных знаний о речи, языке и речевой деятельности, и должны учитываться в нашем методологическом анализе. Другими словами, вся заданная нами весьма сложная и разнообразная в своих элементах система «практических деятельностей» образует множество «базисных ситуаций», на которых вырастает по описанным нами выше схемам методология языковедения и должна затем, как утверждалось, вырастать языковедческая наука. Но этот последний процесс остается до сих пор нерассмотренным, и к обсуждению его мы должны сейчас перейти.

Изобразив и описав выше рефлексивный выход индивида за пределы осуществляющихся им структур деятельности (а характер этих структур, как очевидно, несуществен), мы задали общую схему, на основе которой можно вести дальнейшие исследования: во-первых, детализировать и уточнять строение уже введенных в схему элементов, их материал, существующие между ними зависимости, связи и т. п.; во-вторых, разворачивать схему дальше, описывая этапы и механизмы дифференциации и усложнения методологической деятельности.

В рамках каждого из этих направлений существует целый ряд особых методологических проблем и соответствующих им линий анализа. В контексте обсуждаемой нами темы особенно важна одна из них. Суть ее состоит в том, что мы выделяем методические положения и рассматриваем их на пересечении трех отношений. В первом они берутся как средства построения новой деятельности, и это дает возможность определить необходимое в этом аспекте строение их содержания и формы. Во втором отношении они выступают как обобщенные знания, фиксирующие опыт уже осуществленных деятельностей, в том числе и опыт анализа их как объектов особого рода; здесь прежде всего выясняется, знаниями о чем и какими именно знаниями могут быть методические положения. Сопоставление того, что необходимо должно быть в методических положениях как средствах построения определенных деятельностей, и того, что в них может быть как в обобщенных знаниях из прошлой деятельности или о прошлой деятельности, позволяет выявить некоторые из специфических преобразований, которые осуществляются в ходе методологической работы. Наконец, в третьем отношении методические положения берутся как продукт специфически методологической деятельности, как порождение ее средств и способов мышления; здесь, исходя из уже зафиксированных в двух других отношениях обязательных свойств методических положений, можно определять (или конструировать) необходимые для их выработки структуры методологической деятельности, а затем, наоборот, исходя из тех или иных уже зафиксированных структур методологической деятельности, определять тот тип методических положений, которые посредством них могут быть получены.

Эта линия анализа особенно важна для нас, потому что она позволяет в дальнейшем выяснить место научных исследований в методологической работе.

Чтобы построить новую процедуру какой-либо практической деятельности, индивид (в общем случае) должен знать:

1) вид и характер требующегося ему продукта, 2) вид и характер исходного материала, который может быть преобразован в нужный продукт, 3) необходимые для получения продукта средства, 4) характер отдельных действий, которые нужно совершить, и их порядок. Знания о действиях в свою очередь должны учитывать два их отношения: а) к объектам и продуктам преобразований и б) к средствам деятельности.

Соответственно этому методические положения должны содержать указания на все эти элементы деятельности и вместе с тем представлять их в связке друг с другом.

Отсюда характерная форма методических положений, отличающая их от собственно научных знаний: «Чтобы получить продукт вида A , надо взять исходный материал B и с помощью орудий (машин или вообще средств) C, D, E произвести действия α, β, γ », или «Чтобы произвести преобразование исходного материала B в продукт A , надо взять орудия (машины, средства) C, D, E и осуществить с их помощью действия α, β, γ »⁸. Не надо думать, что эта форма методических предписаний специфична лишь для деятельности с вещами и машинами; она в полной мере распространяется и на деятельность со знаками. Если мы возьмем методические предписания, вырабатываемые для помощи тем, кто учится говорить на родном или чужом языке или создает новые художественные и научные тексты, то увидим в них, по сути дела, точно такую же логическую форму; изменится лишь содержание указаний на исходный материал этих построений и на их средства.

Сначала подобные положения являются не чем иным как фиксациями прошлого опыта деятельности, чисто механически опрокинутыми на будущее. Даже если они соответствуют множеству случаев, осуществившихся совершенно одинаково, то и тогда нет достаточных оснований считать, что так дело будет происходить всегда (это было показано уже Юмом). В лучшем случае подобные положения, если они ориентированы на будущее, дают возможность консервировать мир человеческой деятельности. Но мы с самого начала предположили, что рассматриваемый нами индивид должен строить новую деятельность, отличную от всех ранее осуществленных. Это приводит нас к вопросу: что именно и каким обра-

⁸ См. Г. П. Щедровицкий, Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности, стр. 102—109. Надо заметить, что мы здесь рассматриваем форму методических положений, полностью отвлекаясь от всех тех дополнений и изменений в ней, которые обусловлены особенностями передачи сообщений от одного человека к другому в процессах коммуникации и трансляции (см. В. А. Лефевр, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах; В. М. Розин, Семиотический анализ знаковых средств математики).

зом должно быть выделено в прежних структурах деятельности и, в частности, в их средствах, продуктах и действиях, чтобы это давало возможность создавать обоснованные методические предписания к построению новых видов деятельности.

В этом пункте должно быть проведено исключительно важное различение категорий. Чтобы преобразовать знания, фиксирующие прошлый опыт, в методические предписания, указывающие, какую именно новую деятельность надо строить при достижении новых целей, недостаточно категории «осуществленного»; сами эти знания должны строиться в категориях «возможного» и «необходимого». Но тогда это не будут уже знания о прошлом опыте; это будут знания о «существующем», о «бытии» или о «сущем».

Выработка подобных знаний начинается с того момента, когда в рамках методологической деятельности складывается так называемая «естественная» точка зрения, когда изменения, происходящие с объектами в ходе преобразований, начинают рассматриваться как независимые от человеческой деятельности, как происходящие в силу внутренней «природы» объектов и присущих им объективных законов⁹. Появление этой точки зрения знаменует собой начало науки (в собственном смысле этого слова); оно связано с формированием особых «предметов» изучения и конструированием особых «идеальных объектов», отличных от «эмпирических объектов» практической деятельности и обладающих как бы «вечными» законами жизни¹⁰.

Первые методические положения, выступающие одновременно в роли знаний, фиксировали сосуществование элементов в уже произведенных актах деятельности. Научный анализ должен выявить «необходимые» или «возможные» связи между ними. Для этого он прежде всего расчленяет «действительность», зафиксированную в методических положениях, на фрагменты. Так появляются идеальные объекты, моделирующие в виде «естественных процессов» изменения *ИсМ* в *Пр* в ходе различных преобразований. Точно так же появляются идеальные объекты, моделирующие «естественным» образом связи между воздействиями орудий и происходящими при этом переходами *ИсМ* в *Пр*. Все преобразования объектов, осуществленные «практикой», втягиваются раньше или позже в сферу естественных наук и получают в том или ином научном предмете свое обоснование в категориях «возможного» или «необходимого». Благодаря этому все методические предписания, рекомендуемые устанавливать в деятель-

⁹ Г. П. Щедровицкий, Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности, стр. 102—106.

¹⁰ Там же, стр. 106—117.

ности эти связи между объектами, получают научные основания для своей интенции в будущее.

Но вместе с тем в «методической действительности» остается еще один элемент, который упорно не поддается естественнонаучному анализу и описанию. Это — действия людей и связь действий с преобразованиями объектов. Уже давно было зафиксировано, что одно и то же преобразование объектов может быть достигнуто с помощью разных орудий (средств) и разных комбинаций действий; стало счеvidным, что орудия и действия (или операции) постоянно изменяются и развиваются; все это заставляло отказаться от попыток представить связи действий (операций) с преобразованиями объектов как вечные и необходимые. Они фиксировались в особой форме — исторически меняющихся «норм» деятельности, а сама работа по описанию этих норм (в технике, архитектуре, военном деле, языковедении, педагогике и т. п.) стала особым видом методологической деятельности; в дальнейшем из нее родилось то, что мы сейчас называем «историей».

Таким образом, собственно методологическая деятельность, которую мы ввели как деятельность по выработке методических положений (см. схема 5), превратилась у нас в очень сложную структуру. Она содержит теперь по меньшей мере три типа разных деятельностей: 1) научное исследование, имеющее своим продуктом «естественные» знания, 2) деятельность, дающую исторически сменяющиеся описания норм деятельности, 3) собственно методическую деятельность,

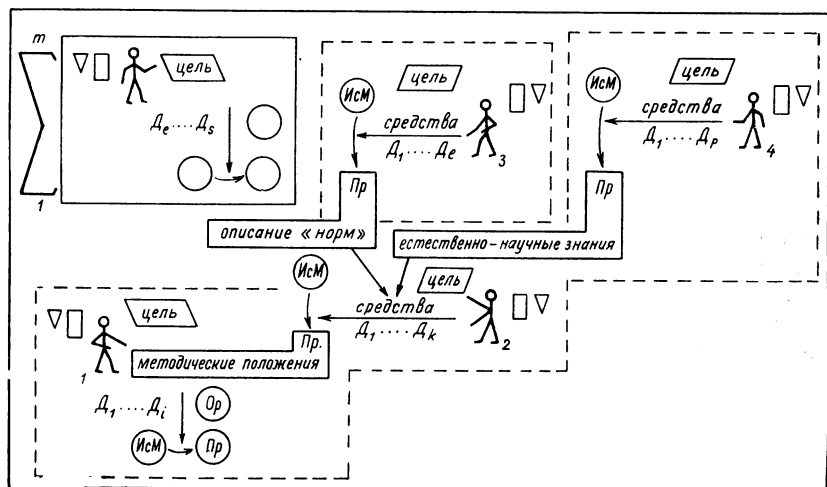

Схема 7

непосредственно вырабатывающую методические предписания (схема 7). Продукты двух первых деятельностей становятся средствами третьей.

Соответственно характеру поставленных целей и используемых при этом средств методическая деятельность в свою очередь включает три варианта: а) составление методических предписаний на основе фиксированных норм деятельности, б) проектирование новых средств и систем, соответствующих «необходимым» и «возможным» преобразованиям объектов, описанным в естественнонаучных знаниях, в) проектирование новых структур деятельности, не имеющих ни нормативных, ни научных оснований.

Но и такая, более сложная система методологической деятельности не образует еще замкнутого целого. Каждая из входящих в нее частных деятельностей нуждается в дополнительных средствах, в частности, в методических предписаниях, а это значит также — в особой деятельности, создающей их. Различные направления и способы поиска этих средств, а вместе с тем порождающей их деятельности, образуют линии дальнейшего разворачивания системы методологической работы. При этом все три введенные нами деятельности, несмотря на то что они образовывали единую систему — ведь и описание норм деятельности, и естественнонаучное исследование возникли для обслуживания методической деятельности, — обособляются и начинают развиваться дальше относительно самостоятельно и независимо. Это в особенности касается научно-исследовательской деятельности, которая порождает свое собственное методологическое «обслуживание», образует вместе с ним относительно изолированную систему и развивается дальше по имманентным законам этой системы.

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ЕГО МЕТОДОЛОГИЯ

Чтобы рассмотреть дальнейшее разворачивание систем научно-исследовательской деятельности, мы должны предположить, что научное исследование является одним из видов практической деятельности, и тогда вся развитая выше схема дифференциации деятельности просто повторится. Исследователь, чтобы построить новые виды научной деятельности, будет ставить вопросы перед методологией науки и получать от нее соответствующие методические предписания. Методология науки, чтобы дать обоснованные научные предписания, в свою очередь будет разворачивать внутри себя три уже описанных выше вида деятельности: 1) выработку методических предписаний для научного исследования, 2) описа-

ние исторически сменяющихся норм научно-исследовательской деятельности и 3) специальное научное исследование, обслуживающее своими продуктами методическую работу в области науки.

Вопрос о том, какой характер имеет наука этого второго слоя методологии, является достаточно сложным. Указать на нее эмпирически не так уж трудно: это — «логика» (в самом широком смысле, включая туда не только формальную и символическую логику, но также научную теорию познания, «наукознание» в смысле Фихте, диалектику, теорию мышления, теорию деятельности и т. п.). Но такого рода указание не дает еще представления о характере самой «логики». В частности, неясно, может ли эта наука внутри методологии науки быть такой же, как «естественные» науки, обслуживающие методологию предметной деятельности¹¹, или же это обязательно должна быть дисциплина, принципиально отличная от «естественных» наук, скажем, историческая теория «норм» деятельности или что-то подобное. Этот вопрос остается до сих пор открытым¹².

Нетрудно также заметить, что в связи с «логикой» эта схема может разворачиваться еще раз, порождая методологию и науку третьего порядка. Собственно так и происходит, но эти новые слои методологии и науки замыкаются с методологией и наукой второго слоя в одно «кольцо», поэтому, чтобы излишне не усложнять анализ, мы оставим эти вопросы в стороне, тем более, что для обсуждаемой нами проблемы они не так уже важны, как предыдущие.

Теперь остается только еще один существенный пункт в формальном разворачивании схем, который должен быть зафиксирован, прежде чем мы опять обратимся к материалу языковедения. Он касается отношений между структурами кооперированной деятельности и формами организации различных элементов деятельности в относительно замкнутые материальные системы.

СТРУКТУРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И «ОРГАНИЗАЦИИ»

В итоге описанных выше дифференциаций и усложнений деятельности получается весьма разветвленная и громоздкая система. Она включает «инженерию», создающую языковые программы, обучение языку и конструирование соответствующей

¹¹ То есть научной дисциплиной, рассматривающей знаковые объекты, преобразуемые научно-исследовательской деятельностью, как обладающие «естественной» жизнью, независимой от человеческой деятельности.

¹² См. Г. П. Щедровицкий, О специфических характеристиках логико-методологического исследования науки, — сб. «Проблемы исследования структуры науки», Новосибирск, 1967.

щих учебных предметов, методологию, обслуживающую обучение и инженерную деятельность, научные исследования, возникающие внутри каждого направления методологических разработок, и, наконец, разные направления методологии научного исследования и обслуживающие их логические теории. Пока в этой системе нет ни единой методологии языковедения, ни единой системы научных исследований речи-языка, ни, тем более, единой системы учебных предметов. Каждая разрывная ситуация создает свой особый «пакет» деятельности, в который входят и своя особая инженерия, и своя особая методология, и своя, не похожая на другие научная система. Обучение взрослых иностранным языкам создает одно направление исследований речи-языка, обучение детей родной речи — другое направление, развитие художественно-стилевых форм литературной речи — третье направление, а машинный перевод с одного языка на другой — четвертое. Но такое членение деятельности по «пакетам», каждый из которых соответствует каким-то определенным практическим затруднениям, создает массу дополнительных затруднений социального порядка, приводит к дублированию одних и тех же по сути разработок, мешает использованию результатов одной деятельности для построения других и т. п.

Для преодоления неурядиц такого рода внутри всей этой системы расчлененных на «пакеты» деятельности вводятся «организованности» разного типа¹³. Они могут строиться по самым различным основаниям и объединять в одну систему однородные или разнородные элементы из разных «пакетов» деятельности. В одном случае таким основанием может стать случайно возникший обмен продуктами деятельности, который потом оформляется в постоянно действующую производственную связь, в другом случае основанием будет единство специально созданного поля из объектов, преобразуемых в одноименных деятельности из разных «пакетов», например, так объединяются ученые-исследователи, создавая себе общий идеальный объект изучения в виде «языка» вообще или «речевой деятельности» вообще, в третьем случае основанием для организации будет служить искусственно созданное единство системы средств, используемых в дея-

---

¹³ О понятиях «организации» и «организованности» см. Г. П. Щедровицкий. Проблемы методологии системного исследования, М., 1964, стр. 19—22, General Systems, vol. XI, 1966, pp. 35—40; В. А. Лефевр, Конфликтующие структуры, М., 1967, стр. 4—18; О. И. Генисаретский, Опыт конструирования моделей культурно-исторических систем, — «Социальные исследования», вып. 5, М., 1969; его же, О классе систем, в которых имеет место феномен «естественного» и «искусственного», — «Вопросы логики и методологии общей теории систем. Труды III Всесоюзного симпозиума по кибернетике», Тбилиси (в печати).

тельности, и т. д. и т. п. Но во всех случаях суть организации деятельности будет заключаться в том, что на уже существующую систему кооперации деятельности будут как бы накладываться новые, дополнительные отношения и связи, объединяющие друг с другом уже не акты и единицы деятельности, а те или иные материальные элементы, входящие в их состав, и таким образом будут создаваться материальные условия для изменения и дальнейшего развертывания самой деятельности.

Кроме того, большую роль в появлении и оформлении этих организационностей играет то обстоятельство, что почти всегда в лице одного реального ученого соединяются специалисты разного рода, и, следовательно, происходит объединение разных средств, чаще всего синкретическое, но организованное в рамках одной субъективной системы «видения» мира и частных объектов изучения. В плане наших структурных схем это означает объединение (и организацию в рамках единой системы) средств, характерных для разных позиций, в том числе позиций из первого, второго и третьего слоев деятельности.

Ко всему этому надо еще добавить, что введение обобщенных идеальных объектов или общих полей средств дает возможность перестраивать системы кооперированной деятельности и значительно упрощать их. При этом очень часто происходит как бы «сплющивание» разных слоев сложно организованной деятельности, при котором научные системы из второго или даже третьего слоя как бы накладываются на научные системы из первого слоя деятельности. В дальнейшем уже на этой основе происходит новая дифференциация и усложнение деятельности, опять появляются слои второго и третьего порядка, которые затем организуются по такой же схеме и снова «сплющиваются» в одну систему на базе новых идеальных объектов и общих полей средств. В целом весь этот процесс напоминает как бы пульсацию системы, которая то расширяется за счет дифференциации и наращивания новых слоев деятельности, то, наоборот, суживается за счет объединения разных элементов в единства и «сплющивания» деятельности.

Мы не будем здесь перечислять различные виды «организационностей», которые могут возникать в подобных системах деятельности, так как это заняло бы непомерно много места. Мы обсудим дальше только один вид такой организационности, появляющийся в процессе формирования лингвистической науки. Но, чтобы осуществить это, нужно предварительно соотнести введенные выше абстрактные схемы с конкретным материалом языковедения.

На протяжении всей предшествующей истории и, по-видимому, вплоть до середины XIX столетия грамматика языка никогда не относили к языковедческой науке; очевидно, всем было достаточно хорошо известно, что они являются продуктами искусства особого рода. Мы не знаем, когда именно произошла та странная трансформация взглядов и представлений, в результате которой работу по составлению грамматик стали считать научно-исследовательской работой, а отдельные грамматические категории — научными конструкциями. Ясно только, что каким-то образом такая трансформация во взглядах произошла, и сейчас в массовом сознании лингвистов и широкой публики не существует уже четких границ между работой по составлению грамматик и конструированием новых лингвистических категорий, с одной стороны, и собственно научным языковедческим исследованием — с другой. Не проводится это различие и во многих исследованиях по истории языковедения, написанных в XX столетии. Вместе с тем в том материале, который в этих работах приводится, совершенно отчетливо выступает, вопреки осознанию фактов самими авторами, различие между грамматикой и наукой.

Например, общеизвестно и зафиксировано по сути дела во всех исторических работах, что грамматика Панини была не научным произведением, а учебником, по которому обучали языку — как санскриту, так и более ранним формам, на которых были написаны Веда¹⁴. Конечно, и она появилась в результате особого анализа речевых текстов, и даже более того, в результате особого сопоставления древних текстов священных гимнов и нового языка. Ясно также, что этот анализ был обусловлен определенными ситуациями с разрывами¹⁵. Но из всего этого еще отнюдь не следует, что граммати-

¹⁴ «Знаменитое произведение Панини состоит из ряда (около 4 тыс.) крайне сжатых правил, которые сами по себе, без комментариев, непонятны и, очевидно, рассчитаны на то, чтобы быть переданными устным путем и быть удержанными легко в памяти. Это достигается благодаря далеко заходящему и крайне остроумному употреблению различных сокращений и немнотехнических слов и букв» (см. В. Томсен, История языковедения до конца XIX века, М., 1938, стр. 12).

¹⁵ В частности, В. Томсен описывает такую ситуацию: «Языкознание индийцев возникло первоначально из изучения древних священных гимнов — Вед, особенно Ригведы... С течением времени не могла не увеличиться разница между разговорным языком и этим старым языком поэзии, так что многие места в древних гимнах стали постепенно непонятны. С другой стороны, очень важно было, чтобы священные песни были переданы с чрезвычайной точностью, и не только в отношении самого текста, но и самых мелких деталей в произношении и передаче каждого стиха и каждого слова в стихе; ибо как раз от этого зависело их культовое значение и действие, которое они должны были оказывать на богов» (там же, стр. 9).

ческие категории, фиксирующие результат этого анализа, являются научными знаниями.

Здесь, правда, мы сталкиваемся с очень сложной и до сих пор до конца не решенной проблемой отношений между «нормами» и «знаниями». Бесспорно, грамматические категории появляются как описания речевых текстов, выбранных за образцы. По сути дела именно сами эти образцы текстов, и это с очевидностью следует из приведенных выше высказываний В. Томсена, являются нормами, и именно они, правда, благодаря побочному обстоятельству — их культовой функции, непрерывно транслируются и существуют в виде неизменных образцов параллельно непрерывно меняющемуся разговорному языку. Но кроме того, рядом с ними обязательно должны появиться специальные описания-комментарии. Это происходит потому, что сами по себе эти тексты становятся непонятными и нужно сопровождать их другими текстами, выражающими тот же самый смысл на новом языке. В дальнейшем придется специально объяснять, почему два разных текста, старый и новый, и каким именно образом выражают один и тот же смысл. Еще дальше, можно поставить задачу объяснить, как и почему из старого текста появились новые тексты, по-новому выражающие его смысл. Все эти описания, сопровождающие нормы-образцы текстов, можно рассматривать как знания особого рода. Но взятые таким образом, т. е. в отношении к выбранным образцам, они не являются и не могут быть обобщенными научными знаниями. Это всегда просто описания единичных случаев. Когда они становятся достаточно полными и детальными, то затем сами эти описания могут, конечно, выступить в качестве норм, но это будет уже вторичный процесс, возникающий сравнительно поздно.

Перелом наступает в тот момент, когда во множествах зафиксированных текстов находят общие элементы и общие принципы организации и построения. Появляется известное обобщение, но его тоже нельзя трактовать как научное, а фиксирующую его форму в виде «правила» или «принципа» — как форму научного знания. И здесь оно выступает лишь как констатация точно определенного и зафиксированного, ограниченного числа случаев.

Но главное возражение против трактовки грамматических категорий как научных знаний состоит все же в другом. Мы уже сказали выше, что грамматика Панини, как вообще все последующие грамматики, является прежде всего учебником, по которому происходит обучение, или, точнее, методическим пособием для учителя, по которому он обучает. Зафиксированные в ней правила, как и образцы парадигм вместе с сопровождающими их правилами, в последующих, в частности

европейских, грамматиках выступают как то содержание, которое должно быть усвоено учениками. По сути дела — это средства, которые они усваивают, чтобы затем по ним строить новые речевые тексты, соответствующие нормам и воспроизводящие их во все новом и новом материале. Как средства эти правила и образцы парадигм являются органическими элементами и составляющими речевой деятельности. Это — такой же (а может быть, и более важный) элемент речевой деятельности, как и собственно речевые тексты, ее продукты. Если по отношению к исходным образцам текстов грамматические описания и категории выступали как знания (не научные!), то по отношению к бесконечному множеству всех создаваемых людьми речевых текстов они являются уже отнюдь не знаниями, а проектами и планами. Именно в этом отношении к бесконечному множеству создаваемых людьми речевых текстов могла бы реализоваться обязательная функция научного знания — его неопределенная всеобщность, но как раз в этом отношении это «знание» выступает уже не как знание, а как проект и норма.

Эти замечания, конечно, весьма общи и недифференцированы, ибо вопрос о роли знаний вообще и научных знаний в частности в процессах воспроизводства деятельности и трансляции норм до сих пор не проанализирован в должной мере. Но их все же достаточно, чтобы очертить круг истинных проблем и отделить их от ложных и мнимых, созданных неразличением «практических искусств» и науки.

Грамматические категории могут быть использованы в качестве специальных познавательных средств, когда на основе уже сформированной грамматики одного языка начинают описывать другой, незнакомый язык. По сути дела, эта ситуация аналогична той, когда с помощью уже построенной грамматики «старого» языка описывают новые явления этого же языка. И в том, и в другом случае лингвист может столкнуться с ситуациями, в которых какое-то явление описываемого языка будет подводиться сразу под две разные, противопоставленные друг другу категории. Если такое обнаружено, то оно служит указанием на несоответствие между системой грамматических категорий и живой речью и требует перестройки системы грамматических категорий. Но благодаря этому лингвист попадает в новую ситуацию разрыва, стимулирующую дальнейшее развитие сферы лингвистической деятельности.

Выход из положения, как мы уже сказали, заключается в создании новых грамматических категорий. Конечно, историк языкознания или логик, описывающий историю мышления, может принять историческую точку зрения и сказать, что в какой-то момент новая категория или категории появились,

и таким образом парадоксальная ситуация была устранена. И тот и другой в таком случае апеллируют к естественному процессу развития систем языка и человеческого мышления. Но такая позиция, очень удобная для историка языкознания или историка мышления и ретроспективно все объясняющая, не может быть принята теми, кто в своей субъективной целенаправленной и сознательной деятельности должен эти категории создавать. Попадая в подобную ситуацию, они всегда должны построить новую категорию. И у них есть всего два пути. Один состоит в том, что, не зная заранее, как это делать, они пробуют и делают, делают и анализируют свои ошибки, ошибившись, снова делают и при этом не теряют надежды, что когда-нибудь их попытки закончатся удачей. Другой путь состоит в том, что они ничего не делают, пока не узнают, как это делать, и начинают делать лишь после того, как выработают средства, метод и план предстоящей работы. Если переводить это на язык описанных нами выше схем, то это значит, что во втором случае языковед-инженер, т. е. языковед, создающий новые грамматические категории, обращается с вопросом к методологии и надеется получить от нее ответ на вопрос о том, как надо решать стоящую перед ним задачу.

Ситуация, описанная выше, является узловой во всякой инженерной и познавательной деятельности. Именно вокруг нее разворачиваются отношения между представителями всех существующих ныне сфер инженерно-конструктивной и научной деятельности. Сегодня вокруг подобной «разрывной» ситуации собираются буквально все: практик, инженер, методолог практики, ученый-эмпирик и ученый-теоретик, математик, методолог науки, логик и теоретик деятельности. Каждый из них пытается решить задачу и при этом опирается на имеющиеся у него средства, методы и способы деятельности. В зависимости от того, кем и как решается задача, ее решение бывает более или менее общим и открывает большие или меньшие перспективы для дальнейшего развития соответствующей области методической, инженерной или научной деятельности.

Но все это различие подходов и способов деятельности еще должно быть выведено, а пока мы находимся на первых ступеньках этого выведения. Двигаясь в соответствии с изложенными выше схемами, мы должны здесь говорить, что у языковеда, создающего новые грамматические категории, есть всего два пути — путь случайных проб и путь апелляции к методологии.

Но, как следует из изложенного выше, методология, обслуживающая работу по составлению грамматик, может дать научно обоснованные методические предписания языко-

веду только в том случае, если ею развиты соответствующие научные дисциплины. Ведь, по сути дела, методист из соответствующей методологической сферы сможет ответить языковеду на вопрос, как строить новые грамматические категории, только в том случае, если он знает, какие вообще грамматические категории могут быть. Но он не знает и не может знать этого, если ориентируется только на уже существующие грамматики языков. Ответ на вопрос, какие вообще могут быть грамматические категории, предполагает задание особой идеальной действительности, в которой все, что может существовать, уже существует как некоторый идеальный объект.

Для пояснения этого тезиса можно воспользоваться очень простой аналогией. Мы можем сейчас считать любые совокупности объектов, в том числе и такие, которые еще никогда не были сосчитаны, и у нас заранее есть для этого как сама процедура, так и форма того числа, которое может получиться. Мы заранее имеем все это благодаря тому, что математики античности построили «понятие числа», т. е. задали все числа как определенную идеальную действительность, в которой все, что может быть, конструируется по определенным и очень простым правилам. Примерно то же должен иметь методист из сферы методологии, обслуживающей грамматическую работу: особую идеальную действительность, в которой все возможные грамматические категории развертывались бы конструктивно из уже известных категорий, или же все и любые грамматические категории конструировались бы из каких-то общих для них элементов. Имея такую идеальную действительность, методист, как мы уже сказали, мог бы давать языковеду, строящему грамматику, обоснованные методические рекомендации. Но такую действительность, как мы уже описывали выше, строит собственно наука, входящая в методологию языковедения.

Так мы приходим ко второй узловой ситуации языковедения, но теперь уже — к собственно научной. Мы получили, что условием сознательного и целенаправленного построения грамматических категорий является наличие развитой языковедческой науки, обладающей такой идеальной действительностью, которая показывает, какие вообще могут или, соответственно, не могут существовать грамматические категории. Но если такой идеальной действительности нет, то ее нужно строить. Вслед за первой разрывной ситуацией — в области языковедческой инженерии, появилась вторая разрывная ситуация — в области языковедческой науки, в языкознании. И в значительной степени решение первой зависит от решения второй. Это то положение, в которое языковедение попало в древней Греции и в котором оно на-

ходится до сих пор, ибо до сих пор такая идеальная действительность не построена.

Историки языкознания сходятся на том, что развитие знаний о речи-языке у греков шло другими путями, нежели у древних индийцев. Почти все они подчеркивают, что у греков, в отличие от индийцев, в языковедение входили разнообразные вопросы и рассуждения по так называемой философии языка. И это не случайно. Нередко высказывают суждение, что у древних греков споры по вопросам философии языка были условием и предпосылкой разработки грамматики. И это тоже справедливо. Но при этом, как правило, недостаточно обращают внимание на то обстоятельство, что у древних греков, а потом во всей европейской традиции, в этом круге обсуждались уже совершенно иные проблемы, относящиеся не к построению грамматик и грамматических категорий, а прежде всего к конструированию той идеальной действительности, в которой бы все было «правилосообразно» и в соответствии с этим могло бы развертываться формально и на основе строгих единообразных законов. Именно грекам мы обязаны тем, что они заложили основы наук, в принципе это значит — формальных наук, наук с идеальными объектами. Эта позиция, развитая ими для физики в виде общего учения о пространстве, т. е. в виде геометрии, с самого начала распространялась на все, в том числе и на язык. Только исходя из этой точки зрения, мы можем объяснить и знаменитый спор о «правильности» имен, попытки свести знаки языка и принципы их построения к некоторой «природе», подчиняющейся естественным законам жизни, и замечательное решение, которое дал этой проблеме Платон устами Сократа («Ни одна из выдвинутых точек зрения не является справедливой; „природно-правильный“ язык существует только в мире идей»), и учение стоиков об этимоне, и знаменитое учение александрийских грамматиков об «аналогиях», т. е. «единообразии», существующем в языке, и многое другое. Все это, как мы уже сказали, были попытки эмпирически нащупать или сконструировать идеальную действительность для языкознания, действительность, которой могли бы быть приписаны общие и естественные законы жизни.

Но поисками идеальной действительности для языкознания были заняты не только древние, этим занимаются все исследователи-языковеды позднейших времен. Разница заключается лишь в том, что, по-видимому, с конца XVIII и начала XIX столетия задачи этой работы были, наконец, осознаны и сформулированы в идеологии и мировоззрении естественнонаучного подхода. Поэтому Ф. Бопп и Я. Гримм прямо противопоставляют свой метод естественного подхода к языку предшествующим работам по составлению грамма-

тик. Но и они не могли полностью оторваться от грамматической традиции, и они занимались «естественным» изучением языка для того, чтобы правильно составлять грамматики. По сути дела у них не могло быть иной точки зрения, ибо в рамках своего подхода они в принципе не могли выделить ту идеальную действительность, которая нужна была для построения языковедческой науки. И Бопп и Гримм, хотя они и пытались быть учеными-естественниками, оставались в век математических и строго дедуктивных наук эмпириками, ориентирующимися только на реальные речевые проявления.

Поэтому действительным зачинателем собственно научной традиции в языкознании стал В. Гумбольдт, сознательно и целенаправленно конструировавший идеальный объект языкознания. Насколько был понят смысл его работы и его действительный вклад позднейшими лингвистами, можно судить по оценкам, которые дал ему в 1902 г. (!) В. Томсен: «Не без основания Гумбольдт рассматривается в Германии как основоположник „всеобщего языкознания“ нового времени, даже если не учитывать того, что и в отношении самого языкового материала он очень способствовал расширению взгляда на вещи. И все же, несмотря на всю признательность за это, несмотря на все восхищение этой гениальной умственной работой, нельзя отделаться, говоря с чисто языковедческой точки зрения — после того, как с трудом пытаешься пробраться сквозь дебри его языковой философии, — от впечатления чего-то такого, что очень далеко лежит от нас, от более эмпирического понимания языка нашего времени; абстрактное и нереальное, подчас даже мистическое, в лингвистических трудах Гумбольдта не позволяет нам полностью оценить значение его работ или даже понять то влияние, которое они якобы оказали на развитие языкознания»¹⁶. Эта оценка исчерпывающим образом выражает понимание лингвистом-эмпириком природы языкознания как науки и сути научной работы вообще; «абстрактное» и «нереальное» для него это не высшая похвала успеха самого языкознания и языковедов, а что-то негативное и уничижительное. На деле, конечно, это приговор самому эмпиризму и языковедам, исповедующим его.

Дерзания В. Гумбольдта были исключительны, и поэтому научное языкознание всегда будет считать его своим пионером. Но ему, так же как и грекам, не удалось построить

---

¹⁶ В. Томсен, История языковедения до конца XIX века, стр. 69—70. Ср. это с не менее характерными замечаниями, сделанными в 1967 году: «При всем уважении к Гумбольдту как философу языка, вряд ли можно признать, что он сделал что-либо в области научного рассмотрения языка» (Дж. Хердан, Кризис современного общего языкознания, ВЯ, 1968, № 2, стр. 117).

идеального объекта языкознания, хотя он был ближе к пониманию его, чем многие и многие из последующих авторов. В дальнейшем попытки нащупать этот идеальный объект шли чаще всего уже по другим линиям. Сюда должны быть отнесены и многие работы Г. Штейнталя, работы по философии языка А. Марти, «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, психология языка К. Бюлера и многие другие. Все это — различные попытки заложить основы науки о «речи-языке» в рамках методологии, обслуживающей инженерную языковедческую работу построения грамматик. Так как эти попытки не удавались, мы можем сказать, хотя это и будет звучать парадоксально, что в языковедении было очень много «методологов» и вообще не было теоретиков. Теоретики в собственном смысле этого слова смогут появиться лишь после того, как будет построена языковедческая идеальная действительность. А до сих пор она еще не построена. Именно поэтому языковеды в поисках ее непрерывно колеблются между онтологическими картинами разных наук. Они обращаются то к логике, то к психологии, то к социально-антропологической теории культуры, то, наконец, к собственно имманентному, так называемому структурному, анализу языка. В последнее время в русле этих же поисков сложились общая теория знаков, или семиотика, психолингвистика и другие дисциплины. Но все пока, несмотря на обилие и разнообразие проб, окончилось неудачей: идеальная действительность языкознания, которой можно было бы приписать внутренние механизмы и закономерности развертывания, так и не нащупана.

Поэтому то, что уже было раз в инженерной ситуации, повторяется еще раз на уровне научной теории и теперь не только в плане самого разрыва, но также и в плане путей выхода из него. Имея задачей построить науку о речи-языке и, в частности, сконструировать идеальную действительность языкознания, не зная, как это сделать, и получая все новые и новые неудачи в своих пробах, языковед снова обращается с вопросом к методологии, но теперь уже к методологии науки. Он спрашивает, как нужно строить языковедческую науку, как можно и нужно конструировать ее идеальные объекты.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Обращение языковеда-ученого к методологии науки и ее средствам знаменует переворот во всей дальнейшей судьбе языкознания. Оно означает, что этот ученый уже не хочет и не может более рассчитывать на естественный научный поиск и историю, постепенно отбирающую удачные результаты, не

хочет ждать, пока научное языкознание само стихийно сложится. Он хочет его построить сознательно и целенаправленно в соответствии с существующими уже образцами и нормами науки. Представители традиционного языковедения могут как угодно относиться к такому повороту событий, могут не принимать или даже осуждать его. Это не имеет никакого значения, ибо переворот уже произошел.

Реально новая ситуация была подготовлена уже к началу XX столетия, хотя отчетливо и ярко проявилась только в 20-е и 30-е годы. Это было связано с известным отставанием теоретического осознания, которое всегда проделывает свой собственный путь, то забегая вперед, то, наоборот, задерживаясь относительно других элементов ситуации. На этом этапе его развитие больше всего было стимулировано, по-видимому, тремя обстоятельствами: во-первых, тщательным анализом методов сравнительно-исторического языкознания, давшим опыт работы такого рода, во-вторых, трудными поисками методов описания индейских языков в американской дескриптивной лингвистике и, в-третьих, развитием логики и методологии науки и распространением логических представлений и понятий среди широкого круга исследователей. Во всяком случае, к концу 30-х и началу 40-х годов новые методологические задачи были поставлены уже предельно резко, и значительное число людей принялось их решать¹⁷.

¹⁷ Сейчас уже невозможно отделить тех языковедов, которые определенно приняли эти задачи, от всех других, так как почти все значительные работы последних десятилетий в большей или меньшей степени затрагивают эти вопросы. Фундаментальные исследования Копенгагенской школы — «Пролегомены к теории языка» Л. Ельмслева и «Основы глоссематики» Х. И. Ульдалля — были посвящены, по сути дела, исключительно методологической проблематике. В этом плане весьма показательны замечания В. А. Звегинцева, выражающие мировоззрение наивноонтологического языковедения, не утруждающего себя различием плоскостей и слоев языковедческой работы: «Определение и описание языка, его структуры и элементов в собственно лингвистических терминах (соотнесенных со специфическими качествами языка) в глоссематике подменяется описанием его в терминах логистики, обусловленных формальными критериями. А это знаменует собой переключение лингвистики в логистику, растворение лингвистики в этой последней (см. в этой связи S. Johansen, *Glossematics and logistics*, «Acta linguistica», 1950, vol. VI, № 1) и, если быть последовательным до конца (надо помнить, что Л. Ельмслев считает свою теорию языка единственно возможной), утрату самостоятельности для науки о языке. Поэтому труд Л. Ельмслева правильнее было бы назвать не „Пролегомены к теории языка“, а „Пролегомены к теории уничтожения языка“» (В. А. Звегинцев, *Глоссематика и лингвистика*, — сб. «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960, стр. 236—237). Противоположную позицию в оценке методологической работы занял Ю. В. Рождественский (см. «О современном строении языкознания», — ВЯ, 1965, № 3), хотя одновременно он отрицает значение и важность для языковедения общей методологии — весьма характерная точка зрения, о которой мы будем говорить ниже. Вместе с тем, хотя уже многие лингвисты, как мы сказали, приняли методологические задачи и участвуют в их решении, нельзя говорить, что все они разде-

Реально вопрос сейчас заключается только в одном: кто и с какими средствами будет прodelывать методологическую работу в языкознании на этом этапе, кто и как будет задавать норму языковедческой науки и тем самым определять направление ее развития?

В принципе на это может претендовать любой языковед-инженер, языковед, считающий себя методологом или теоретиком, методолог-профессионал, социолог, математик или даже физик — у каждого будут свои основания. Поэтому а priori никому нельзя отказать, и, чтобы выяснить, у кого же больше объективных оснований, придется, с одной стороны, специально анализировать сложившуюся ситуацию, определять характер возникших в ней разрывов, пути их преодоления и вместе с тем характер возможных дополнений и перестроек ситуации, а с другой стороны, вклады, которые может сделать в эту работу каждый из перечисленных специалистов, и перспективы развития научного языкознания на том пути, который он предлагает.

Что касается ситуации, то она представляется нам достаточно ясной в свете изложенных выше соображений о механизмах и закономерностях развития деятельности. Как и в

ляют один подход, подобный тому, который сложился в первые годы этого движения. Если для таких работ, как «Основы общей лингвистики» А. Мартине или «Синхрония, диахрония и история» Э. Косериу, характерно обращение прежде всего к онтологическим проблемам языкознания, попытки ответить на вопрос, что представляет собой речь-язык как объект изучения, — и в этом плане они мало чем отличаются от значительно более ранних работ Б. Л. Уорфа («Наука и языкознание», «Лингвистика и логика» и др.) или даже от «Языка» Э. Сепира, — то другие, наоборот, все больше внимания уделяют логической структуре языковедческой науки и входящих в нее отдельных знаний. Здесь достаточно назвать работы Н. Хомского, Э. Хэрриса, И. Бар-Хиллела, М. Халле, Г. Карри, С. К. Шаумяна и других; именно в этом мы видим линию дальнейшего прогрессивного развития проблематики методологии языкознания. Э. Бенвенист резюмировал свое представление о новых тенденциях в языкознании следующими словами: «Коренное изменение, происшедшее в лингвистической науке, заключается в следующем: признано, что язык должно описывать как формальную структуру, но что <вместе с тем> такое описание требует предварительно соответствующих процедур и критериев и что в целом реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого ее определяют. Следовательно, ввиду исключительной сложности языка мы должны стремиться к упорядочению как изучаемых явлений (с целью их классификации в соответствии с определенным логическим принципом), так и методов анализа, чтобы создать совершенно последовательное описание, построенное на основе одних и тех же понятий и критериев» (Э. Бенвенист, Уровни лингвистического анализа, — сб. «Новое в лингвистике», вып. IV, 1965, М., стр. 434)

К этому же направлению исследований следует, наверное, отнести все работы по проблемам моделей и моделирования в языкознании (см. в этой связи обзор в статье: А. А. Леонтьев, The Plurality of Language Models and the Problems of Teaching languages and Grammar, — JRAL, vol. I, № 3 и 4).

других разрывных ситуациях, языковедов интересуют здесь методические предписания, в соответствии с которыми он мог бы построить науку о речи-языке, и средства для такого построения. Как методические предписания, так и средства могут либо переноситься из других более развитых наук, либо конструироваться специально для данного случая. Кто и как будет их переносить или конструировать — несущественно, лишь бы в результате получилось то, что нужно. Но так как нельзя знать заранее получится это или не получится, а практическая проверка предлагаемых средств и алгоритмов деятельности очень сложна и требует долгого (даже в социальном масштабе) времени, то очень полезны и даже необходимы специальные обоснования процедур и способов получения этих предписаний и средств. Для этого, как показано выше, рядом с методикой в рамках методологии языкознания должны существовать, во-первых, специальная историческая дисциплина, а во-вторых, специальная естественнонаучная дисциплина. Задачи той и другой тоже уже определены: история должна дать описание тех процедур и способов деятельности, которые осуществлялись раньше в аналогичных случаях, т. е. при задании методик и средств построения науки, а естественнонаучная дисциплина должна выделить идеальную действительность и найти в ней те имманентные законы и механизмы, которые детерминируют и определяют именно такой способ деятельности и такие средства, какие предлагаются методистом в данном случае.

Но достаточно таким образом представить ситуацию и те недостающие в ней элементы, которые необходимы для дальнейшего развития деятельности, чтобы стало ясно, что как историческая, так и естественнонаучная дисциплины, обслуживающие методологию языкознания, не могут уже иметь ничего общего с собственно языковедением, ибо в нем нет еще, как мы выше утверждали и стремились показать, ни опыта построения науки, ни опыта выработки соответствующих методических рекомендаций. Обе эти дисциплины должны иметь более общий характер и опираться на суммарный опыт всех существующих ныне наук. Как мы уже говорили выше, эти дисциплины называют по-разному, чаще всего — логикой, или общей теорией познания (гносеологией или эпистемологией), но иногда также — логикой науки, наукоучением, теорией мышления, логикой познания или теорией научного исследования, не очень различая и разделяя внутри них историю и «естественную теорию».

Наверное, полезно специально отметить, что история и естественнонаучная дисциплина, обслуживающие методологию языкознания, должны быть общими, а не специально языковедческими именно потому, что языкознание как наука

только начинаст свой путь. Физика или химия могут уже иметь свою собственную логику, поскольку у них есть как сравнительно развитые научные системы, так и большая история их формирования и развития; в крайнем случае методология этих наук может опираться на их историю. У языкознания нет такого опыта и поэтому оно в значительно большей мере должно опираться на историю и логику других наук¹⁸, и, вместе с тем, чем дальше будет оно идти в своем развитии, тем большее значение и вес будет приобретать его собственная история и логика. Но пока в области методики построения языковедческой науки работа лингвиста оказывается органически связанной с логикой (в широком смысле этого слова) и даже более того — во многом зависимой от нее.

Опираясь на общие исследования по методологии науки, мы можем продвинуться еще дальше в описании ситуации, сложившейся сейчас у колыбели языкознания, и более детально охарактеризовать, с одной стороны, вопросы, которые лингвист-ученый ставит перед методистом, а с другой стороны, тип ответов, которые он ждет. Здесь самым важным оказывается принципиальная двойственность тех и других.

Одни вопросы формулируются по отношению к объектам изучения, по отношению к той идеальной действительности, которая должна быть построена. Они имеют примерно такую форму: что нужно сделать, чтобы проанализировать и описать объект, называемый речью-языком? Другие вопросы формулируются по отношению к продуктам научно-исследовательской деятельности — в форме: что нужно сделать, чтобы получить научное знание того или иного типа о речи-языке?

Приведенные выше вопросы задаются лингвистом-методологом, пытающимся строить теорию речи-языка. Методолог, работающий в сфере общей методологии и логики науки, формулирует их уже в другом виде. Он спрашивает: 1) какое строение и характер имеют абстрактные или идеальные объекты такого типа, к которому принадлежит речь-язык? или 2) какое строение и характер может иметь наука об объекте такого типа, каким является речь-язык, с помощью каких средств и процедур она может быть построена?

Совершенно очевидно, что ответы на эти вопросы можно получить либо в истории науки, либо в «естественной теории», и во втором случае их характер будет зависеть, с одной стороны, от характера существующих теорий абстрактных объектов и предметов (т. е. методологической онтологии), а с другой стороны, от характера развитых к настоящему времени логических теорий.

---

¹⁸ Ср. с рассуждениями Х. И. Ульдалля в «Основах глоссематики» (сб. «Новое в лингвистике», вып. I, 1960).

В этом пункте мы можем вернуться к тем специалистам, которые претендуют на решение методологических проблем языкознания, и оценить в общих чертах их возможности, так как каждый из них является носителем определенных методических, исторических и логических средств. Хотя, как мы уже говорили, в построении языкознания могут принять участие специалисты самого разного профиля, вклад психологов, социологов, математиков, физиков, и вклад каждого может быть полезным, настоящий спор и соревнование идут, на наш взгляд, между тремя: 1) методологом-языковедом, идущим от опыта языковедческой, в первую очередь инженерной, работы и истории неудачных попыток сформировать языкознание как науку, 2) методологом, опирающимся на весьма развитый аппарат математической логики, и 3) методологом, разрабатывающим специальные онтологические и логические средства так называемой «содержательной» методологии.

Методолог-языковед в этом споре имеет то безусловное преимущество, что он знает детально расчлененный эмпирический материал языковедения, может свободно пользоваться эмпирическими описаниями многих языков и по идее должен знать историю языковедения. Но одновременно он очень ограничен в онтологических и логических средствах, ибо вся его личная история проходила в рамках языковедческой инженерии и рефлексивного осознания своих собственных, чисто языковедческих, способов работы. Вопрос о его возможностях сводится, таким образом, только к одному: может ли богатая эмпирическая интуиция восполнить недостаток общих онтологических и логических средств при решении методологических проблем языкознания?

Преимущество методолога, опирающегося на современную математическую логику, заключено в высоком уровне формального развития ее аппарата¹⁹. Но сейчас можно считать уже достаточно выясненным, что аппарат современной математической логики, несмотря на все свои совершенства и свою мощь, мало чем может помочь в решении вопросов о том, какой вид может иметь языкознание (или какая-либо другая наука), как ее можно построить и развивать дальше. Аппарат современной математической логики в лучшем случае может ответить на вопрос о том, какое строение имеют

¹⁹ Систематическое изложение средств математической логики и некоторые попытки использования их в сфере методологии науки даны в следующих работах: Д. Гильберт и В. Аккерман, Основы теоретической логики, М., 1947; R. Carnap, Abriß der Logistik, Wien, 1929; R. Carnap, Logische Syntax der Sprache, Wien, 1934; А. Тарский, Введение в логику и методологию дедуктивных наук, М., 1948; С. К. Клини, Введение в метаматематику, М., 1958; А. А. Зиновьев, Основы логической теории научных знаний, М., 1967.

знаковые формы отдельных знаний, вырабатывавшихся ранее в «естественных» науках, но он не дает ответа на вопрос, какое строение имеют или могут иметь науки разных типов, в частности, не описывает различия между «естественными» и «гуманитарными» науками и, самое главное, не дает перечня и описаний существующих и возможных объектов и предметов исследования²⁰. Поэтому мы очень низко оцениваем возможности математической логики в решении методологических проблем современной науки.

Наиболее перспективным в этом плане мы считаем методолога, разрабатывающего специальные онтологические и логические средства «содержательной» методологии; в их состав входят: 1) теория деятельности, 2) теория мышления, 3) семиотика, 4) теория науки и 5) онтология системно-структурного анализа (схема 8). Основное, что ограничи-

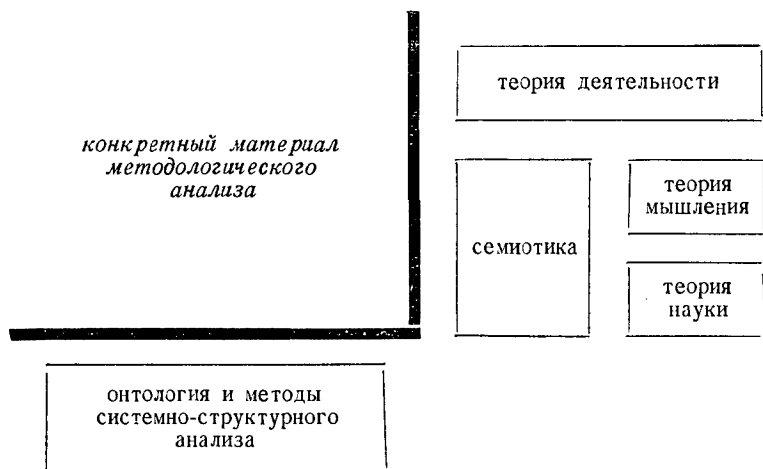

Схема 8

²⁰ Изложение истории приложений аппарата математической логики к проблемам методологии науки и общая критика этих попыток даны в работах: V. Kraft, Vienna Circle. The Origins of Neopositivism, N.-Y., 1953; L. Wittgenstein, Philosophical Investigations, Oxford, 1953; Ф. Франк, Философия науки, М., 1960; В. С. Швырев, Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки, М., 1966; К. Поппер, Logic of scientific discovery, London, 1959; И. Лакатос, Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы, М., 1967 (см. также Г. П. Щедровицкий, Модели новых фактов для логики, — «Вопросы философии», 1968, № 4).

Внутренняя и поэтому чаще всего скрытая критика содержится, в частности, в работах: А. А. Зиновьев, Логика высказываний и теория вывода, М., 1962; А. А. Зиновьев, О возможностях логического анализа науки, — сб. «Логика и методология науки», М., 1967; R. В. Braithwaite, Scientific Explanation, N. Y., 1960; Р. Карнап, Значение и необходимость, М., 1958.

вает сегодня возможности «содержательного» методолога, это — недостаточная формальная разработка графического и понятийного аппарата всех используемых им теоретических и онтологических систем²¹.

Возможности каждого из этих способов методологической работы отчетливо раскрываются в их отношении к проблеме универсалий.

«УНИВЕРСАЛИИ» В СВЕТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Один из важнейших аспектов проблемы универсалий задан вопросом, что такое сама «универсалия». Конечно, лингвист-теоретик, стремясь сохранить чистоту лингвистической позиции и присущего ей метода работы, может отказаться отвечать на такой вопрос²². Но это означает отнюдь не то, что он отказывается от использования соответствующего термина и стоящего за ним представления или понятия. Нет, это означает лишь, что он вполне полагается на свою интуицию и здравый смысл и считает, что у каждого лингвиста их достаточно, чтобы, во-первых, отличать универсалии от не-универсалий, а во-вторых, чтобы выделять или строить универсалии. В общем, для лингвиста, осуществляющего инженерную деятельность или теоретизирующего, это — вполне оправданная позиция вплоть до первого значительного парадокса. Но лингвист-методолог не может ее принять уже хотя бы в силу своего положения и того различия, которое должно существовать между ним и другими лингвистами. Для методолога, откуда бы он ни вел свою родословную, исходным является сам термин «универсалия», употребляемый в системе языкознания, и тот факт, что одни положения этой системы называются универсалиями, а другие нет, и он должен не только раскрыть, но и объяснить смысл этого термина.

Но так уже оказывается, что постановка такой задачи есть предел, дальше которого лингвист-методолог не может пойти, если ограничивает себя теми средствами, которые лежат в рамках лингвистики, и не делает принципиального шага, заимствуя представления и понятия общей методологии. И это понятно, ибо в данном случае объяснить, это значит представить смысл термина «универсалия» в виде элемента какой-то более широкой системы, а все то,

---

²¹ С состоянием исследований в каждой из этих областей методологии можно познакомиться, хотя и частично, по работам, указанным в предшествующих примечаниях.

²² Эта позиция была достаточно резко сформулирована в выступлении Б. А. Успенского на конференции по «Проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языка».

чем владеет языковед, все то, что он знает о речи-языке, не дает этой более широкой системы и поэтому не объясняет и не может объяснить специфического смысла «универсальности».

Шаг к объяснению того, что такое универсалия, может быть сделан только в том случае, если мы перейдем от анализа речи-языка как объекта языковедческого исследования и инженерного конструирования к анализу деятельности самого языковеда, ибо универсальность какого-либо языковедческого положения есть признак особого употребления этого положения, признак особого использования его в деятельности языковеда. И лишь этот момент создает те особенности формы и содержания каких-то языковедческих положений, которые мы затем фиксируем как универсальность²³.

²³ Тот факт, что лингвисты, характеризуя природу универсалий, вынуждены обращаться к анализу деятельности языковеда, в частности, к характеристикам процедур и методов получения универсальных положений, проявляется во многих работах. Считают, что «настоящие» универсалии могут получаться только индуктивным путем, членят и противопоставляют друг другу области и типы эмпирического материала, на которых могут или не могут быть получены универсалии и т. п. (см. Ю. В. Рождественский, О лингвистических универсалиях, — ВЯ, 1968, № 2). Обращение к специфически логическим и методологическим характеристикам языковедческой работы здесь очевидно. Однако, заимствование общих логических и методологических понятий лингвистами происходит фактически независимо от того, как они осознают и определяют свою позицию. Наверное, именно поэтому во многих работах появляются такие понятия и понятийные противопоставления, которые резко критикуются в современной литературе по логике и методологии науки. В обстоятельном исследовании, посвященном истории логических идей неопозитивизма, В. С. Швырев собрал воедино и проанализировал многочисленные затруднения и парадоксы, к которым приводит разделение знаний по уровням эмпирического и теоретического, когда оно основывается на оценке содержания этих знаний или их отношения к объекту. Он показал, каким образом закономерный ход развития логических исследований заставил крупнейших представителей неопозитивизма уже к середине 50-х годов по сути дела совсем отказаться от этого принципа (см. «Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки», стр. 95—138). Не менее показательны противопоставление «индуктивного» и «дедуктивного», интенсивно обсуждавшееся в логической литературе последних сорока лет (см. К. Порпер, *Logik, der Forschung*, Wien, 1935; С. Hempel, *Studies in the Logic of Confirmation*, — «Mind», 1945, vol. 54, № 213—214; G. H. von Wright, *The Logical Problem of Induction*, Oxford, 1957; J. Kotarbinska, *The Controversy: Deductionism versus Inductionism*, — «Logic, Methodology and Philosophy of Science. Proceedings of 1960. International Congress», Stanford, California, 1962, и др.); выражая основную линию этих исследований и как бы подытоживая их, И. Лакатос в работах, блестящих по тонкости рассуждений и остроумию, показал, что «миф индукции», широко распространенный среди исследователей, не имеет ничего общего с тем, как идет действительное познание (см. «Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы», М., 1967, стр. 99—113; I. Lakatos, *Changes in the Problem of inductive Logic*, — «The Problem of inductive Logic», Amsterdam, 1968).

Действительно, даже если исходить из эмпирической схемы образования универсалий, то нужно будет сказать, что чикакое положение, полученное из анализа одного языка или сколь угодно большого, но ограниченного числа их, не является универсалией. Это положение становится универсалией после того, как какой-то языковед выдвигает предположение, что свойство или связь свойств, фиксированные в этом положении, принадлежат всем языкам (тем самым в представлении многих языковедов — языку вообще), и в соответствии с этим предположением начинает по-особому употреблять само это положение и по-особому относиться к выраженному в нем содержанию.

Принимая таким образом, что «универсальность» есть прежде всего особый «пучок» употреблений какого-то языковедческого положения, мы получаем возможность включить ее в более широкую систему, а именно, в систему, изображающую деятельность языковеда, и затем строго научным образом исследовать там все компоненты деятельности, участвующие в создании универсалий, и все варианты деятельности, создающие, если это возможно, разные виды их. При этом «добавки» в форме и содержании самого положения, характеризующие его универсальность, будут рассматриваться как формы фиксации способов его употребления.

Утвердив тезис, что научное описание и объяснение универсальности как особого свойства некоторых языковедческих положений возможно лишь через анализ деятельности языковедов с этими положениями, мы должны затем построить соответствующие изображения деятельности и из их структур вывести как особенности жизни универсальных положений в системе языкознания, так и особенности их содержания.

Первое, что мы должны здесь фиксировать, это — двойное существование универсалии в деятельности того языковеда, который ее создал: одна форма существования задана тем смыслом, который он приписывает какому-то языковедческому положению в плане своего сознания, другая — непосредственными употреблениями этого положения в отношениях к другим положениям или к объектам в рамках предмета его деятельности; различие этих планов существования любого объекта в деятельности мы фиксируем терминами «табло» и «верстак» (схема 9) ²⁴.

---

²⁴ См.: Г. П. Щедровицкий, О методе семиотического исследования знаковых систем, стр. 28—29; В. А. Лефевр, Конфликтующие структуры, М., 1967.

Наверное, нужно специально отметить, что между способами употребления языковедческого положения на «верстаке» и тем смыслом, который приписывает ему языковед в плане своего сознания, существуют или долж-

Универсальное употребление какого-то языковедческого положения одним языковедом не создает еще универсалии ни в системе социализированной языковедческой деятельно-

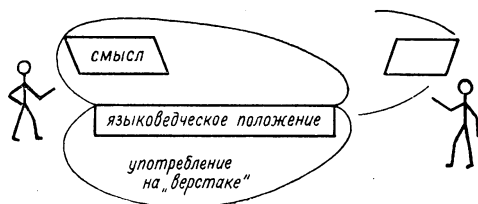

Схема 9

сти, ни в системе собственно языкознания. На этом этапе все другие языковеды смотрят лишь на «странное» манипулирование первого и ничего не знают о том новом смысле, который он приписал известному всем положению. Социализация новой формы деятельности с данным положением произойдет тогда, когда остальные языковеды освоят ее и начнут повсеместно осуществлять. Но для этого они должны понять и узнать цели той деятельности, которую осуществляет первый языковед, ее продукты, средства и процедуры, научиться осуществлять их самостоятельно, а это значит, что они должны прежде всего образовать *знание об универсалиях*.

Пути появления или создания такого знания достаточно разнообразны. Они зависят от того, кто и в какой кооперации деятельности вырабатывает его; от этого будут зависеть также форма и содержание получившегося знания. В одних случаях знание будет вырабатываться каждым отдельным языковедом самостоятельно и преимущественно в плане сознания, в других случаях — кооперативно и в ходе специального анализа форм употребления данного языковедческого положения на «верстаке». Если в работе по выработке знания примет участие также и тот языковед, который впервые создал универсалию, то, дополнительно ко всему уже описанному, он будет строить специальные сообщения, выражающие более или менее точно тот смысл, который он создал и приписал данному языковедческому положению, когда превратил его в универсалию. Это сообщение тоже будет анализироваться и пониматься другими языковедами как объективный элемент сложившейся ситуации, а смысл

ны существовать определенные отношения. Они весьма сложны, динамически меняются и лишь в какие-то моменты своего существования могут трактоваться в плане того или иного «морфизма». Исследование этих отношений представляет собой одну из важнейших задач теории деятельности.

его, появившийся у них в плане сознания, будет входить в качестве конституирующего элемента в знание об универсалии.

Но и вся эта работа не дает еще необходимой социализации универсалии. Для завершения и окончательного оформления ее как элемента совокупной человеческой деятельности нужно перевести все эти знания в одно транслируемое средство, а это значит образовать понятие универсалии и вместе с тем превратить все языковедческие положения, охватываемые этим понятием, в особые предметы и элементы научной системы языкознания (схема 10).

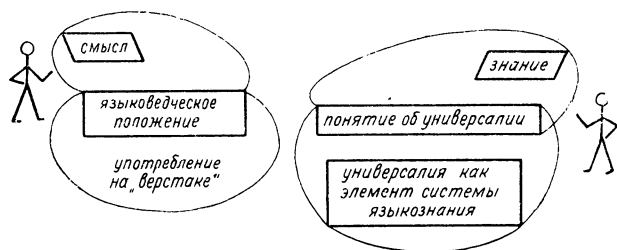

Схема 10

Для этого нужно, прежде всего, найти или построить в системе будущей языковедческой науки, с одной стороны, ту «плоскость», в которой будет проходить оперирование термином «универсалия», а с другой — «плоскости», в которых придется оперировать теми языковедческими положениями, которые будут выступать в роли универсалий. Но найти или построить соответствующие плоскости системы языкознания — это значит вместе с тем соотносить каждое из выбранных языковедческих положений со всеми другими «плоскостями» и «блоками»²⁵ языковедения вообще и языкознания в частности, в том числе — построить онтологическую картину идеального объекта, соответствующего универсальному употреблению этого положения, включить это положение, взятое в его новом смысле и объективном содержании, в систему других положений теории языкознания, зафиксировать способы употребления универсальных положений по отношению к новому идеальному объекту и к прежним эмпирическим объектам в блоке «метод» (т. е. в виде специальных

²⁵ О многоплоскостном и блок-схемном изображении науки см. сб. «Проблемы исследования структуры науки», стр. 129—190; И. В. Кузнецов, Структура физической теории, — «Вопросы философии», 1967, № 11; его же, Структура объекта и структура физической теории, — «Вопросы философии», 1968, № 5.

методических предписаний) и т. д. и т. п. И только когда все это проделано, новая система деятельности с определенными языковедческими положениями, созданная отдельным языковедом, превращается в особый социализированный предмет и средство деятельности, доступное всем членам данного общества, и вместе с тем — в систему связей и отношений внутри «машин» языковедческой науки, определяющих ее функционирование²⁶.

Одним из важнейших моментов в этой работе является построение онтологической картины того идеального объекта, который обязательно должен стоять за всяким универсальным положением. Собственно говоря, предположение, что какое-то свойство или связь свойств могут принадлежать всем языкам, является фактом индивидуального сознания лингвиста или лингвистов и не имеет ровно никакого объективного значения до тех пор, пока в системе науки не построена онтологическая картина или модель того идеального объекта, который в себе одном представляет, репрезентирует все множество эмпирических объектов данного класса, и пока это свойство или связь свойств не выведены из строения идеального объекта. И именно в этой переориентации содержания какого-либо лингвистического положения, перевода его из отношения к эмпирическим объектам в отношение к идеальному объекту и состоит методологический смысл квалификации какого-либо положения или знания как универсального (схема 11). Иначе можно сказать, что характер-

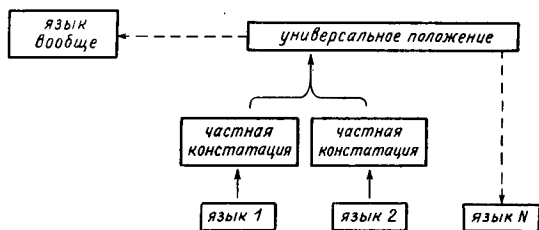

Схема 11

стика какого-либо лингвистического положения как универсалии дает нам возможность, с одной стороны, спроецировать его содержание, выявленное при анализе единичного эмпирического объекта или группы их, на систему, изображающую

²⁶ Конечно, все это делают лишь после того, как выясняют, что изобретенный способ деятельности действительно продуктивен и оправдан как с точки зрения изучения речи-языка, так и с точки зрения общих норм строения науки и механизмов научного исследования. Сейчас мы совсем не затрагиваем этой стороны проблемы, а берем лишь ее формальные аспекты.

идеальный объект, а с другой стороны, вывести его, развертывая имманентную структуру этого объекта. И именно поэтому понятие универсалии играет исключительно важную роль прежде всего в теоретическом (мы подчеркиваем это) исследовании объекта.

Конечно, чтобы все эти процедуры были возможны, в системе науки должен существовать специальный язык для изображения идеальных объектов. В исходных пунктах он может быть чисто *изобразительным*, но затем должен превращаться в *конструктивный* или, еще лучше, *оперативный язык*, позволяющий формально конструировать или выводить имманентные определения идеального объекта²⁷.

Рассматривая с точки зрения введенного выше понятия об универсалиях существующую сейчас языковедческую литературу, мы прежде всего должны различить: (1) реальные способы языковедческой работы, создающие универсалии, и (2) способы сознания или осознания этой работы, с одной стороны, предваряющие оформление универсалий в виде особого предмета в системе языкознания, а с другой — фиксирующие его. Хотя эти два момента теснейшим образом связаны, и не только в том плане, что реальные способы работы языковеда определяют формы его сознания, но и в том плане, что формы сознания влияют на реальные способы работы и часто их полностью определяют, тем не менее мы должны их разделить и противопоставить друг другу, так как между ними существует не только бесспорное различие, но также расхождение и противоречие.

Не затрагивая сейчас вопрос о правомерности употребления тех или иных языковедческих положений в качестве универсалий, мы хотим отметить, что те формы методологического и теоретического осознания самого свойства универсальности, которые сейчас выдвинуты и обсуждаются в языковедении, а также попытки сформулировать первое предварительное понятие об универсалиях, на наш взгляд, неудовлетворительны.

Основной недостаток их, а вместе с тем и причина всех частных затруднений, заключены в самой идее решить проблему универсалий, не рассматривая структуру языковедения как целого и не пользуясь средствами общей методологии. В результате средства, к которым прибегают, оказываются неадекватными и не позволяют преодолеть и правильно решить те парадоксы, на которые обращают внимание авторы, проводящие более глубокий анализ проблемы. Один из таких весьма характерных парадоксов был выявлен И. Ф. Вардулем. Рассматривая два конкурирующих определения универсалии, он отмечает, что термин «универсалия», с одной стороны, применяется к классу высказываний в метаязыке и, следовательно, сам принадлежит к метаязыку, а с другой стороны, предназначается для систематизации наших сведений о всем множестве языков, т. е. для описания языков-объектов, и, следовательно, принадлежит к метаязыку лингвистики, что противоречит предыдущему утверждению²⁸.

Этот вывод совершенно справедлив и действительно создает затруднения, если пользоваться теми понятиями и исходными расчленениями, которыми пользуется подавляющее большинство лингвистов, обсуждающих проблему. Но все парадоксы и затруднения можно преодолеть, если мы введем различие предмета и объекта изучения и одновременно признаем су-

²⁷ См. В. М. Розин, Семиотический анализ знаковых средств математики; Г. П. Щедровицкий, О методе семиотического исследования знаковых систем, стр. 30—38.

²⁸ См. И. Ф. Вардуль, Несколько замечаний в связи с языковыми универсалиями, — сб. «Семиотика и восточные языки», М., 1967, стр. 109.

ществование в предмете языкознания структуры, изображенной нами на схеме 11. Различие между эмпирическими объектами и идеальным объектом языкознания представлено там наглядно, и одновременно из схемы с очевидностью следует, что как языковедческие универсалии, так и сам термин «универсалия» находятся в двойном отношении к «объекту» или, точнее, к двум разным объектам, и поэтому могут принадлежать одновременно как к метаязыку лингвистики, так и к метаметаязыку (если пользоваться этими, в общем совершенно неудовлетворительными понятиями) в зависимости от того, какое из двух отношений мы берем.

Самым главным здесь, конечно, является различие эмпирических объектов — различные конкретные языки — и идеального объекта — язык вообще, которое многими языковедами не проводится или даже в принципе отрицается. Но без него никогда нельзя будет понять существа проблемы универсалий. Исходя из того, что научные высказывания, как правило, имеют форму всеобщности, исследователи-языковеды гипотетически придают эту форму эмпирически полученным частным положениям, а затем ставят вопрос о том, что именно в конкретных языках и каким образом можно фиксировать в такой форме. Но сама эта форма появилась в человеческом мышлении и имеет смысл лишь благодаря существованию идеальных объектов как обязательных эталонов для эмпирических объектов. Поэтому уже тогда, когда в языкознании была допущена сама возможность существования универсалий, фактически совершился переход на теоретический уровень анализа, и в систему знаний в полагании был включен идеальный объект изучения. Но из этого следует, что хотя сам вопрос об универсальных свойствах или связях свойств может быть поставлен в плоскости высказываний и знаний, описывающих эмпирические объекты, ответ на него может быть дан только в отношении к идеальному объекту. Иначе говоря, вопрос о том, что является общим или универсальным для всех языков, осмыслен, но бессодержателен, ибо нет процедуры, с помощью которой можно было бы получить ответ на него на эмпирическом уровне; единственное отношение, в котором он не только осмыслен, но и содержателен, это — отношение к идеальному объекту, и то лишь в том случае, если у нас есть процедуры выведения соответствующих свойств из его имманентной структуры, и поэтому указание на то, что должно быть присуще языку вообще как идеальному объекту, есть единственная форма ответа на вопрос, что именно присуще всем языкам (мы оставляем сейчас в стороне тот очевидный и бесспорный момент, что все идеальные объекты получаются обязательно из анализа описаний эмпирических объектов).

Другим не менее показательным примером, подтверждающим необходимость обращения к средствам общей методологии науки, являются постоянно встречающиеся смешения предметных, объектных и формальных характеристик смысла универсальных высказываний.

Так, например, И. Ф. Вардуль возражает против понимания универсалий как высказываний и настаивает на том, что лингвистические универсалии нужно определить «как лингвистически-релевантные свойства языков или отношения между свойствами языков, прослеживаемые во всех языках». А потом дальше, сразу за этим определением, в универсальные свойства языка попадают «универсальные отношения импликации» и «универсальные отношения дизъюнкции»²⁹.

Неправомерность подобных утверждений ясна: даже при большом желании нельзя рассматривать содержания, соответствующие формально-логическим отношениям импликации и дизъюнкции, как свойства языка-объекта. Но вместе с тем над исследователем довлеет необходимость такого хода. Ведь мы сами выше доказывали, что всякое высказывание, полагаемое в качестве универсального, обязательно должно быть спроецировано на идеальный объект и только благодаря этому оно может стать и становится

²⁹ Там же, стр. 108—109.

универсалией. Поэтому, образовав сложное высказывание о языках, которое вроде бы подтверждается во всей известной эмпирической области, исследователь, чтобы сделать его «настоящей» универсалией, выделяет его смысл и переносит этот смысл в план подразумеваемого объекта — самого «языка». Казалось бы — все правильно. И если мы тем не менее говорим, что это — ошибочный ход, то обязательно должны вместе с тем утверждать, что смысл высказывания в принципе никогда нельзя отождествлять с объектом и свойствами объекта и что переход от какого-либо положения, принимаемого за универсальное, к идеальному объекту, соответствующему ему, предполагает особую процедуру выделения из общего смысла этого положения тех его компонент, которые характеризуют сам объект, и отделения их от других компонент смысла, обусловленных формой знания и структурой научного предмета.

Но, чтобы сделать это утверждение и, тем более, чтобы осуществить процедуру названного разложения, нужно воспользоваться понятиями и представлениями общей методологии, описывающей различия между (1) системами знания, (2) системами предмета и (3) системами объекта изучения³⁰. Без этих понятий и представлений мы так и останемся в ситуации, заставляющей нас называть отношения импликации и дизъюнкции свойствами языка-объекта.

Но здесь мы подходим ко второму важнейшему аспекту проблемы универсалий.

ДВА ТИПА УНИВЕРСАЛИЙ: ОБЪЕКТНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ФОРМАЛЬНЫЕ

До сих пор, строя понятия об универсалиях, мы рассматривали последние только со стороны их происхождения и тех особенностей их формы и содержания, которые обусловлены этим процессом. Между тем, не только сами универсалии по характеру и строению обусловлены их употреблениями в системе науки, но и знание об универсалиях формируется и разворачивается в том или ином направлении в зависимости от того, для чего оно нужно и как его будут употреблять.

Выше мы уже не раз говорили, что для лингвиста-теоретика наибольшее значение имеет вопрос о том, как можно выявлять универсальные характеристики языков (или языка) и как, соответственно, создавать универсальные лингвистические положения. По условиям современной кооперации деятельности этот вопрос адресован методологии лингвистики. Поэтому, создавая понятие о лингвистических универсалиях, методология должна иметь в виду и учитывать прежде всего названный практический аспект. Это означает, что понятие об универсалиях должно быть сформировано таким образом, чтобы оно максимально способствовало ответу на поставленный выше вопрос и по сути дела задавало такое представление-проект о форме и содержании универсальных положений, чтобы на основе его лингвист-теоретик мог бы создавать их методически обоснованно.

³⁰ См. Г. П. Щедровицкий, Проблемы методологии системного исследования, стр. 14—19, 22—29.

Этот вывод обращает нас к анализу деятельности языковеда, создающего универсальные положения.

Чтобы сознательно и целенаправленно создавать универсальные положения, характеризующие речь-язык, языковед-теоретик должен иметь по крайней мере две вещи: 1) образцы или нормы универсалий и 2) средства и методы для создания универсалий, соответствующих образцам. Эти образования теснейшим образом связаны друг с другом и, в частности, первое зависит от второго.

Прежде всего нормативные изображения универсалий будут фиксировать все те свойства и характеристики их, которые существенны для функционирования универсалий в системе языковедения вообще и языкознания в частности и поэтому обязательно должны учитываться в процессе их создания.

Эти характеристики будут разными в зависимости от того, в какой более широкой системе мы будем описывать и представлять сами универсальные положения. При одном представлении в их число войдут: 1) характеристики функций универсальных положений, задаваемые разными способами употребления их, и 2) характеристики внутреннего строения «материала» универсальных положений, соответствующие выделенным функциям³¹. При другом представлении универсальные положения будут раскладываться по многоплоскостным схемам и характеризоваться: 1) строением своей знаковой формы, 2) строением своего объективного содержания и 3) типом отношений между плоскостями формы и содержания³². (Между этими видами изображений существуют свои

³¹ См. сб. «Проблемы исследования структуры науки», стр. 116—190; Г. П. Щедровицкий, О принципах классификации наиболее абстрактных направлений методологии структурно-системных исследований, — «Проблемы исследования систем и структур», М., 1965.

³² См. Г. П. Щедровицкий, К анализу процессов решения задач, — «Доклады АПН РСФСР», 1960, № 5; В. И. Розин, Семiotический анализ знаковых средств математики.

Здесь наверное полезно отметить, что формально-логические схемы универсальных высказываний, на которые обычно ориентируются языковеды, представляют собой не что иное, как такую норму или образец универсалии, но только для знаковой формы выражающего ее высказывания; эти схемы совершенно не касаются и не могут касаться содержания и возможных функций универсальных положений внутри системы языковедческой науки (см. Г. П. Щедровицкий, Н. Г. Алексеев, В. А. Костеловский, Принцип параллелизма формы и содержания мышления и его значение для традиционных логических и психологических исследований. Сообщения I—IV, — «Доклады АПН РСФСР», 1960, № 2, 4; 1961, № 4, 5; Г. П. Щедровицкий, К анализу исходных принципов и понятий формальной логики, — «Доклады Института философии Академии наук Болгарии», т. XII, 1966, а также *Systematics*, vol. 5, № 2, 1967); но поэтому, как отмечал И. Ф. Вардуль, они не фиксируют специфических признаков того, что интуитивно выделяется как языковые универсалии (см. «Несколько замечаний в связи с языковыми универсалиями», стр. 108—109).

сложные отношения и зависимости, на которых мы сейчас не останавливаемся.)

Указанные выше функциональные характеристики универсальных положений очень важны и обязательно должны войти в нормативные изображения универсалий, если мы хотим, чтобы эти изображения обеспечивали целенаправленное и сознательное построение универсалий. Но кроме того, есть еще одна группа отношений, которая оказывает не меньшее влияние на вид и характер нормативного изображения; она связана со средствами и процедурами создания универсальных положений.

В принципе деятельность, порождающая универсалии, может быть достаточно разнообразной. Сейчас мы знаем и можем четко разграничить по меньшей мере три существенно разные процедуры: 1) «естественный» научный поиск, 2) конструирование в рамках определенной оперативной системы и 3) реализацию в материале на основе предварительного проектирования. Каждая из них характеризуется своими особыми условиями, средствами и своим методом. Но какую бы из этих процедур мы ни выбрали для реального осуществления, нормативное изображение продукта, в данном случае — универсального положения, должно соответствовать ее специфическим средствам и методу. Если, к примеру, мы хотим создавать универсальные положения путем конструирования их в рамках какой-либо оперативной системы, то эти универсальные положения должны быть представлены в нормативном изображении таким образом, чтобы были очевидны элементы, из которых они конструируются, и сами способы соединения элементов. Если же мы выбираем путь проектирования, то в нормативном изображении должны быть зафиксированы моменты, связывающие форму и содержание универсальных положений со средствами и методами проекционной деятельности. Но, какой бы путь мы ни выбрали, всегда нормативное изображение универсального положения должно максимально служить методическим целям и обеспечивать с этой стороны деятельность, которую придется осуществлять языковеду-теоретику. Поэтому нам остается выяснить только одно: какие именно формы изображения универсальных положений более всего соответствуют методической функции.

Специальный анализ проблемы в рамках общей методологии³³ показывает, что методические функции удовлетворяются наилучшим образом, если всякое общее знание нормируется двумя отношениями: в первом оно выступает как

³³ См. Г. П. Щедровицкий, О специфических характеристиках логико-методологического исследования науки, стр. 117—124.

необходимое следствие строения (или структуры) объекта, а во втором — как необходимое следствие строения (или структуры) науки, мышления и вообще человеческой деятельности. Практически эта нормировка осуществляется за счет того, что параллельно всей совокупности общих знаний (представленных в текстах научной литературы) строятся еще две системы изображений (иногда представленных также в этих текстах): одна представляет объект изучения как таковой, в его собственной, имманентной структуре, отличной от структуры знаний, описывающих этот объект, и их смысла, а другая представляет знание как таковое, в его имманентной формальной структуре, отделенной от объективного содержания и как бы противостоящей ему (схема 12)³⁴,

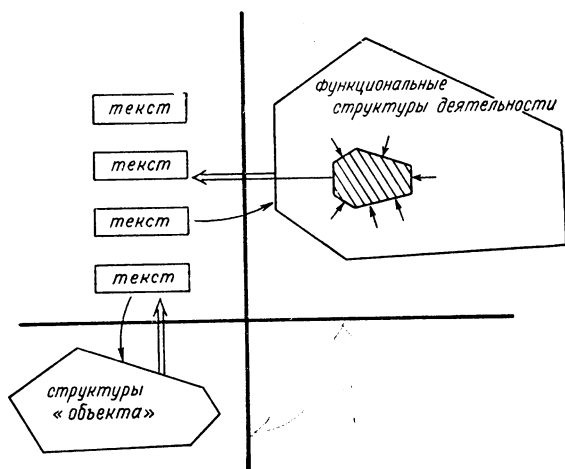

Схема 12

а затем содержание и форма всякого конкретного научного знания как бы выводятся из этих двух систем. Иначе дело можно представить еще так, что всякое научное знание (или выражающий его осмысленный текст), уже существующее или еще только создаваемое, проецируется на два «идеальных пространства»: в одном его структура выступает как фрагмент какой-либо функциональной структуры деятельности или входящей в нее системы знаний, в другом — как замещение или копия структуры объекта (точнее — как копия

³⁴ Ср. это с описаниями условий и процедур выделения в методологии «объекта» как такового в его противоположности знаниям: Г. П. Щедровицкий, Проблемы методологии системного исследования, стр. 5—19, 22—29, 32—45.

«следа» движения по объекту, имитирующего его внутреннее устройство). Эти две проекции создают две новые «действительности», каждая из которых особым образом представляет структуру конкретных знаний и вместе с тем выступает как та сущность, которая ее определяет. Систему и, соответственно, «действительность», изображенную на схеме справа, мы будем называть *формальной*, а систему и «действительность», расположенную слева внизу, — *объектно-онтологической*.

В формальной проекции знание или его элементы берутся как детали машины, которые по своей форме и строению должны подходить к остальным деталям и соответствовать всему процессу работы машины. Можно сказать, что в этом случае структура знания должна как бы вписываться в структуру какой-то другой системы, быть частью ее; это обстоятельство обуславливает функциональный и обязательно однородный характер соответствующих описаний структуры знания и объемлющей ее структуры деятельности. В объектно-онтологической проекции структура знания берется как замещение или выражение структуры объекта, и, хотя, по сути дела, здесь выделяется и фиксируется отношение между двумя деятельностями (ибо сами структуры есть не что иное, как отпечатки преобразований и движений, производимых нами на объектах), все выглядит так, будто сопоставляются и соотносятся друг с другом собственно объектная и материально-знаковая структуры.

По отношению к уже существующим знаниям из той или иной науки обе эти системы — формальная и объектно-онтологическая — должны выступать как основания для обяснения, по отношению к вновь создаваемым знаниям — как основания для их построения, но в обоих случаях они являются теми нормами, которым эти знания должны соответствовать.

Чтобы удовлетворить этим методическим требованиям, каждая из названных систем, с одной стороны, должна обладать «естественными» законами жизни, как бы независимыми от человеческой деятельности и за счет этого создающими «необходимость» именно таких, а не иных форм знания³⁵, а с другой стороны, должна представлять собой определенное оперативное поле или даже оперативную систему, развертывающуюся либо по мере появления новых научных знаний, требующих обоснования, либо в связи с требованиями создать новые знания. Оперативные возможности каждой системы соответствуют зафиксированным в ней естест-

³⁵ См. Г. П. Щедровицкий. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности, стр. 102—117.

ненным законам, а естественные законы устанавливаются в соответствии с ее оперативными возможностями³⁶.

Нетрудно заметить, что различие этих двух проекций соответствует различию тех вопросов, которые ставятся учеными-теоретиками перед методологией: 1) какие свойства или связи свойств могут быть выявлены в изучаемом объекте, 2) какие знания об изучаемом объекте могут быть образованы — и каждая из них своим существованием, поскольку она задана как оперативная система и достаточно развернута, дает на них ответ.

Но все сказанное автоматически переносится и на проблему лингвистических универсалий. Чтобы ответить на вопрос, какими могут и должны быть универсалии, нужно построить две системы нормативных изображений; одна будет давать картину речи-языка как объекта исследования, другая — структурную картину языкознания как науки особого типа. Таким образом каждая из этих систем, если они будут правильно построены, опишет и зафиксирует те инварианты, которые будут выражаться в научных знаниях о речи-языке. И это будет вместе с тем единственно возможный ответ на вопрос, какими могут и должны быть лингвистические универсалии.

В плане этого решения мы видим, что полемика об экзистенциальной природе и статусе лингвистических универсалий была вполне оправданной и отвечала реальному положению дел: характеристики универсалий оказываются двойными и даже в каком-то смысле полярными. Но, вместе с тем, было чисто формальным и неоправданным противопоставление двух определений универсалии: оно обуславливалось отсутствием настоящего понятия об универсалии и вообще структуре знания, ибо всякое научное знание при логико-методологическом анализе должно проецироваться на два идеальных пространства — объектно-онтологическое и формальное, и соответственно этому получать две группы различных характеристик, которые вместе и, притом, лишь в особом соединении друг с другом дают ответ на вопрос, что собой представляет и каким может быть знание.

Изложенные выше соображения непосредственно подводят нас к вопросу о том, как строить систему методологических проекций для развивающегося сейчас языкознания. Совершенно очевидно, что характер их будет определяться теми общеметодологическими средствами, которыми мы захотим воспользоваться; формально-логические представления о структуре знания поведут нас в одну сторону, представ-

---

³⁶ См. Г. П. Щедровицкий, Система педагогических исследований (методологический анализ), стр. 141—148.

ления «содержательной» методологии — в другую. Выше мы уже говорили о теоретических средствах содержательной методологии, которой мы сами отдаем предпочтение (см. схему 8). Чтобы теперь построить объектно-онтологическую и формальную системы для языкознания, нужно соотнести эти средства — схемы и понятия — с эмпирическим материалом современного языковедения, с возникшими в нем парадоксами, уже введенными и употребляемыми онтологическими картинами, знаниями, выражающими новые факты, и т. п. Как именно все это будет делаться — это уже другой вопрос, которому нужно посвятить специальные методологические исследования, выходящие за рамки очерченной нами проблемы.

* * *

Резюмируя в заключение основную мысль этой статьи, мы хотим еще раз сказать, что развернувшееся сейчас обсуждение проблемы универсалий, бесспорно, как об этом и говорил Ч. Осгуд, связано с установкой на построение собственно научной картины речи-языка. Но, чтобы построить науку о каком-либо объекте, нужна прежде всего его онтологическая картина. В современном языкознании нет сейчас сколько-нибудь удовлетворительной онтологической картины, изображающей речь-язык в качестве объекта научного изучения. Именно это является камнем преткновения для всех, кто пытается научными методами строить науку о языке, и это же проглядывало за всеми дискуссиями по универсалиям. Но вместо того чтобы взять линию на разработку необходимой онтологической картины, группа языковедов, собравшаяся на нью-йоркскую конференцию, пошла по мало продуктивному, а на наш взгляд, и совершенно бесперспективному пути индуктивно-эмпирического поиска и выделения универсалий: такой метод работы никогда еще не приводил к построению науки, и вряд ли можно надеяться на то, что языковедению удастся создать первый прецедент.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЛОГИКИ ВЕЩЕЙ В ЯЗЫКЕ

1. Общеизвестно значение контекста в условиях различных омонимий: а) звуковой — русск. *лук* как растение и *лук* как оружие; б) графической, особенно в полифонных алфавитах, — старописьм.-монг. *ата* 'кастрированный верблюд', *ада* 'злой дух', 'бес' и *енде* 'здесь' (фонемы [т] и [д] передаются одним полифонным знаком, а сочетание [ен-] и гласный [а] в начале слов одинаково передаются двумя «зубцами» влево от вертикальной линии); в) орфографической — совр.-монг. *ард* вместо *арад* 'трудящийся' и *ард* вместо *арда* 'позади'; г) факультативно-орфографической — русск. *мука* и *мука* соответственно *му́ка* и *мука́*.

2. Под термином «контекст» здесь понимаются: а) собственно контекст в синтаксическом плане, включая сюда так называемую обстановку, или ситуацию речи; б) логика вещей, что условно можно называть лексическим контекстом. Лексический контекст отличается от синтаксического своей относительностью, например, в случаях субъектно-объектной обратимости: в сочетании *лошадь — человек — запрягать* первое слово всегда будет находиться в объектном положении, а второе — в субъектном, тогда как в сочетании *лошадь — бык — встревожить* первое и второе имена могут быть как в объектном, так и в субъектном положении.

3. В настоящем сообщении речь будет идти о грамматически безразличном употреблении двух средств выражения одного и того же содержания преимущественно в монгольских языках (с привлечением единичных параллелей из некоторых других языков): а) обязательного и свободного расположения слов в различного рода предложениях и словосочетаниях, о котором так много сообщается во всех лингвистических исследованиях по синтаксису алтайских языков, да и не только алтайских; б) основы имени и винительного падежа, часто называемых в алтаистике соответственно неоформленным, или нулевым, и оформленным винительными падежами; в) основы имени¹ и локальных (дательного и местного) падежей.

¹ В монгольских языках основа и форма именительного падежа имен являются разными категориями, иногда различными фонетически (см. Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I,

4. Факультативность употребления двух средств выражения одного и того же содержания, т. е. относительно полная возможность их безразличного применения, допустима лишь тогда, когда контекст исключает возможность двусмысленного понимания определенного отрезка речи, текста. В противном случае обязательным окажется только одно из этих средств. Иными словами, факультативность и обязательность находятся в полной зависимости от контекста, определяемого прежде всего логикой вещей, т. е. тем, что является в значительной степени экстралингвистическим.

5. Не требует никакого пояснения уже ставшее банальным универсальное положение о том, что при отсутствии или недостаточности морфологических средств функция различения в значительной мере ложится на порядок слов.

6. Для различения подлежащего и прямого дополнения при отсутствии морфологических показателей или при возможности их факультативного использования порядок соответствующих слов — предшествования подлежащего — является обязательным, если по логике вещей возможна субъектно-объектная обратимость: русск. *мать любит дочь* и *дочь любит мать*; монг. *морь бух айлгав* 'лошадь напугала быка' и *бух морь айлгав* 'бык напугал лошадь'. Соответственно порядок слов не является обязательным, если субъектно-объектная обратимость исключается: русск. *стадо увидело сено* и *сено увидело стадо*, монг. *морь ногоо иднэ* 'лошадь ест сено' и *ногоо морь иднэ* 'траву ест лошадь'.

7. Однако встречаются такие контекстуальные случаи синтаксического характера, когда даже при наличии субъектно-объектной обратимости и морфологической неопределенности, обусловленной омоформами, постпозиция подлежащего по отношению к прямому дополнению оказывается обязательной: русск. *в этой семье отца любит сын, а мать любит дочь* (вне контекста вторая часть данного целого должна была иметь бы вид *дочь любит мать*)². Это, по-видимому, аналогично тому, что имеется в японском языке при употреблении формы единственного числа со значением множественности: *ися га кита*, *ися ва футари датта* 'пришли врачи, их было двое', букв. 'пришел врач, врач было двое'. Иными словами, здесь значения последующего в русском и предшествующего в японском соответственно уточняются из предыдущего и последующего, без чего подобные обороты в указанных значениях вряд

1953, стр. 140—147). Этого нельзя сказать относительно соответствующих явлений в тюркских языках, в которых эти формы совпадают фонетически и трактуются как одна форма основного, неопределенного или именительного падежа.

² А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, М., 1935, стр. 47.

ли возможны. Это, по-видимому, связано с законами препозиции и постпозиции соответствующих языковых — русских и японских — единиц, а отсюда и равнозначность предлогов и послелогов.

8. Достаточно много говорится в алтаистике о факультативности употребления винительного объекта, в известных случаях могущего быть замененным без особого ущерба для смысла основой, т. е. так называемым нулевым винительным. Это показано в монгольских примерах (выше в п. 6), которые могут быть преобразованы: *морь бухыг айлгав* 'лошадь напугала быка', *бух морийг айлгав* 'бык напугал лошадь', *морь ногоог иднэ* 'лошадь ест траву' и *ногоог морь иднэ* 'траву ест лошадь'. Относительно такой двойкой возможности передавать одно и то же, т. е. возможности заменять винительный объект основой и обратно, в монголистике и, конечно, в тюркологии имеются различные мнения, которые хорошо известны. Так, например, часто утверждается, что в алтайских языках прямое дополнение оформляется винительным объектом или основой тогда, когда речь идет соответственно о предмете определенном и неопределенном, как это имеет место в западных языках при употреблении определенных и неопределенных артиклей.

Однако эти споры вряд ли приведут алтаистов-языковедов к единому мнению, поскольку вопрос изучается, так сказать, не с того конца. Его надо ставить иначе: почему в определенных случаях невозможна факультативность употребления винительного объекта? Почему, например, нельзя в монгольском языке вместо *ангууч адуучийг харав* 'охотник увидел табунщика' сказать *ангууч адууч харав*, т. е. вместо винительного объекта *адуучийг* употребить основу *адууч* в значении 'табунщика'? Ответ может быть только один: потому что здесь возможна субъектно-объектная обратимость, т. е. действует логика вещей³.

9. Только после такой постановки данного вопроса можно перейти к рассмотрению различия между винительным объектом и основой, выражающей в известных случаях объект. Возможно, что винительный объект в алтайских языках в отличие от основы выражает логическое выделение прямого дополнения или действительно некую «определенность». Здесь могут быть некоторые расхождения даже между близкородственными языками. Надо также подчеркнуть, что преслову-

³ Часто в монгольских языках основа может быть употреблена вместо винительного объекта и в случае субъектно-объектной обратимости, если она, основа имени, по форме не совпадает с именительным падежом, поскольку важно не смешивать прямое дополнение с подлежащим: бурят. *охи шубуу хараба* 'брат увидел птицу' (*шубуу* — основа в значении 'птицу', тогда как это слово в именительном падеже имеет вид *шубуун* 'птица').

тая «определенность» (категория определенности—неопределенности) не должна пониматься обязательно таким же образом, как одноименная категория в западных индоевропейских языках. Например, монгольская фраза *ах морийг барив* означает не 'брат поймал определенного коня', а 'брат поймал определенно коня', т. е. именно коня, а, например, не быка.

10. Оформление какого-нибудь монгольского или тюркского имени в дательном-местном или каком-либо локальном падеже в известных случаях не является обязательным. Оно факультативно, если в данном отрезке речи соответствующее имя по логике вещей может быть понято только как обстоятельство места или времени. В этих случаях имя может принимать и форму основы: монг. *энэ жил* (вместо ожидаемого *жилд*) *ах хот* (вместо *хотод*) *орно* 'в этом году брат отправится в город', букв. 'этот год брат отправится город'; узб. *бу йил оз ишламадим* 'в этом году работал я не мало', *Тошкент* (вместо *Тошкентга*) *борди* [он] отправился в Ташкент'⁴. Дело ни в какой степени не изменится от того, что факультативность применения соответствующего средства сменяется обязательностью. На этом основании некоторые исследователи иногда склонны ряд существительных считать наречиями времени и места⁵. Правда, пока еще никто не пытался относить к наречиям монг. *хот* 'город', *жил* 'год', узб. *Тошкент* 'Ташкент', *йил* 'год' и т. д.

11. Можно также указать на другие факты проявления логики вещей в монгольских языках, например, в образовании страдательного залога (нельзя образовать форму этого залога от глагольной основы *уу-* 'пить', ибо ничто выпиваемое не может, конечно, стать выпивающим), а также даже в фонологии (при доминации логики вещей, например, увулярная слабая фонема [rh] не воспринимается носителями некоторых бурятских диалектов в качестве проточной оппозиции смычной [r], хотя в действительности язык эти согласные различает как разные фонемы: *саghaa* 'молочное, подаваемое гостям' и *сагаа* 'свое время' — нейтрализация этих фонем, орфографически обозначаемых одинаково в виде [r], является, так сказать, лишь психологической).

12. Из сказанного выше вытекает, в частности, что синтаксические компоненты, лишенные морфологического уточнения, не могут считаться неоформленными, если соблюдается обязательный порядок этих компонентов, который и есть оформление. Равным образом основу имени, по форме отли-

⁴ См. А. Н. Кононов, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948; стр. 48.

⁵ См. А. И. Искаков, Наречие в современном казахском языке, Алма-Ата, 1950, стр. 68.

чающуюся от именительного падежа, нет никаких оснований считать «нулевой». Ведь важно, чтобы язык так или иначе отличал одно содержание от другого. Вот почему утверждается, что «...различение падежей именительного и винительного существенно для названий одушевленных существ и довольно безразлично для названий вещей...», и указываются случаи, когда нет двусмысленности, «...даже если прямое дополнение ничем не выражено»⁶.

13. Из сказанного очевидно также, в каких случаях необходим учет логики вещей, или лексического контекста. Логика вещей проявляется в любом языке, конечно, в самых различных формах. Ибо как бы неодинаковы ни были языки мира, многие их явления и категории в том или ином виде представляют известное единство, обнаруживающееся в соответствии с законами каждого из них и обусловленное единством всего сущего. Так, например, очень возможно, что проблема инверсии подлежащего и дополнения в китайском языке должна рассматриваться именно в излагаемом плане. Здесь имеются в виду явления типа *чжэбэнь шу во ицзин дуго* 'эту книгу я уже читал' наряду или вместо более «обычного» и стандартного *во ицзин дуго чжэбэнь шу* 'я уже читал эту книгу'⁷. Иными словами, и здесь китаистам надо, видимо, обратиться к логике вещей.

---

⁶ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 346.

⁷ В. М. Солнцев, Очерки по современному китайскому языку, М., 1957, стр. 151.

ОБ ОДНОЙ ДИЗЪЮНКТИВНОЙ УНИВЕРСАЛИИ

Будем исходить из того, что языковая система (ЯС)¹ состоит из четырех ярусов — фонологического, морфологического, синтаксического (или потенциально-синтаксического) и супрасинтаксического (или актуально-синтаксического). Каждый ярус включает: а) набор низших единиц, б) правила построения высших единиц из низших, в) множество высших единиц, ограниченное этими правилами, и г) перечень семантических правил, устанавливающих, что обозначают низшие (а следовательно, и высшие) единицы данного яруса (в случае фонологического яруса семантические правила устанавливают, что то, что обозначается единицами этого яруса, равно нулю). Низшими и высшими, или вместе — предельными, единицами названных ярусов являются: фонема (сокращенно — Фн) и слог (Сл) — для фонологического яруса, морфема (Мф) и глоссема (Гл)² — для морфологического яруса, синтаксема (Сн) и самостоятельное (Са) — для синтаксического яруса, фразема (Фм) и фраза (Фр) — для супрасинтаксического яруса³.

Сопоставим предельные единицы всех классов по их протяженности, руководствуясь двумя следующими правилами.

1. Если в единицах одного класса (E^1) единицы другого класса (E^2) укладываются всегда целое число раз и притом без остатка, будем считать, что единицы этих классов соотносятся друг с другом и что E^1 находится в отношении «больше или равно» к E^2 , т. е. $E^1 \geq E^2$, а E^2 находится в отношении «меньше или равно» к E^1 , т. е. $E^2 \leq E^1$.

2. Если же к единицам двух данных классов E^1 и E^2 от-

¹ См.: И. Ф. Вардудль, Понятие универсалии в лингвистической типологии, — наст. сб., стр. 19—33.

² Для данного рассмотрения достаточно сказать (хотя это не совсем точно), что под глоссемой понимается отдельная словоформа (в смысле А. И. Смирницкого) знаменательного или служебного слова. См. И. Ф. Вардудль, Слово как часть речи, — «Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Тезисы докладов», Л., 1965, стр. 22—23.

³ О синтаксеме и самостоятельном, фраземе и фразе см. И. Ф. Вардудль, Очерки потенциального синтаксиса японского языка, М., 1964, стр. 9—10 и 23; О двух синтаксических уровнях языка, — «Исследования по японскому языку», М., 1967, стр. 8—9; Основные понятия актуального синтаксиса, там же, стр. 21—22.

ношения «больше или равно» и «меньше или равно» (в том смысле, в каком эти отношения были сформулированы в предыдущем правиле) неприменимы, будем считать, что единицы этих классов не соотносятся друг с другом, и будем обозначать это $E^1 \sim E^2$ (E^1 не соотносится с E^2).

При таком сопоставлении предельных единиц оказывается, что для всех языковых систем $\Phi p \geq Ca \geq \Phi m \geq Cn \geq Gl \geq Mf$ и $\Phi p \geq Ca \geq \Phi m \geq Sl \geq \Phi n$, или, если рассматривать те же единицы в аспекте отношения «меньше или равно», — $\Phi n \leq Mf \leq Gl \leq Cn \leq \Phi m \leq Ca \leq \Phi p$ и $\Phi n \leq Sl \leq \Phi m \leq Ca \leq \Phi p$.

Сопоставление Sl с Mf , Gl и Cn дает разные результаты в разных языках.

1. Только в части ЯС (ср. китайский язык) слог соотносится и с морфемой, и с глоссемой, и с синтаксемой, причем так, что $Sl \leq Mf$, $Sl \leq Gl$ и $Sl \leq Cn$.

2. Кроме того, существуют ЯС (ср. немецкий язык), в которых слог всегда меньше глоссем и синтаксем или равен им, но с морфемой не соотносится. Ср. нем. *lesen* 'читать', членящееся на морфемы *le:z-ən*, а на слоги — *le:-zən*. В ЯС этого типа $Sl \leq Gl$ и $Sl \leq Cn$, но $Sl \sim Mf$.

3. Существуют также ЯС (ср. русский язык), в которых возможно слияние в слоге служебной и знаменательной глоссем одной синтаксемы, что свидетельствует о несоотнесенности слога с глоссемой. Ср. русск. *к дому*, членящееся на глоссем *г-дому*, но на слоги — *гдо-му*. В таких ЯС непременно отсутствует также соотнесение слога с морфемой, ср. *г-дом-у*⁴. Но с синтаксемой слог соотносится: он всегда меньше синтаксемы или равен ей. Таким образом, в ЯС этого типа $Sl \leq Cn$, но $Sl \sim Mf$, $Sl \sim Gl$.

4. В некоторых ЯС (ср. французский язык) возможно слияние в слоге двух синтаксем одной фраземы и поэтому слог не соотносится с синтаксемой. Ср. фр. *nous allons* 'мы идем', которое членится на синтаксем *nuz-alɔ̃*, но на слоги — *ni-za-lɔ̃*. В таких ЯС непременно отсутствует также соотнесение слога с глоссемой (ср. *nuz-alɔ̃*)⁵ и с морфемой (ср. *nuz-al-ɔ̃*). Таким образом, в ЯС этого типа $Sl \sim Mf$, $Sl \sim Gl$ и $Sl \sim Cn$.

Сказанное позволяет заключить о существовании следующей дизъюнктивной универсалии: во всех ЯС или $Sl \leq Mf$, $Sl \leq Gl$ и $Sl \leq Cn$, или $Sl \leq Gl$ и $Sl \leq Cn$, но $Sl \sim Mf$, или $Sl \leq Cn$, но $Sl \sim Mf$ и $Sl \sim Gl$, или $Sl \sim Mf$, $Sl \sim Gl$ и $Sl \sim Cn$.

⁴ И следовательно, попутно обнаруживается имплицативная универсалия, которую можно сформулировать так: для каждой ЯС, если $Sl \sim Gl$, то $Sl \sim Mf$.

⁵ И следовательно, обнаруживается еще одна имплицативная универсалия: для каждой ЯС, если $Sl \sim Cn$, то $Sl \sim Gl$.

НЕКОТОРЫЕ ВЕРОЯТНОСТНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

0. В настоящих заметках излагаются предварительные результаты наблюдений, касающихся предрасположенности в различных языках определенных смысловых оппозиций к выражению их определенными формальными оппозициями (ФО).

1. Среди различного рода смысловых оппозиций одними из наиболее важных и распространенных являются каузативные смысловые оппозиции (КО), такие, например, как «плакать—доводить до слез», «сидеть—сажать», «упасть—уронить», «щекотно—щекотать», «пахнуть—нюхать» и т. п. Смысловыми КО охватывается значительная часть глаголов любого языка и, как видно из примеров, не только глаголов.

2. Из большого числа соотносительных некаузативных и каузативных значений в качестве материала для исследования отобраны четыре пары некаузативных и каузативных значений: «смеяться—смешить», «кипеть—кипятить» (о воде, чае и т. п.), «гореть—жечь» (о бумаге и т. п.), «сломаться—сломать» (о палке и т. п.).

Во всех этих парах значения вторых членов оппозиций, являющихся семантически производными от первых членов оппозиций, включают в себя некаузативное значение и—дополнительно—значение каузативности: *кипятить воду* = 'делать так, чтобы она кипела' и т. п.¹

3. Здесь не затрагиваются многие иные способы обозначения каузативных ситуаций, содержащие указание на средство каузации, например: *увидев ее в таком наряде, он засмеялся* (т. е. *ее вид заставил его засмеяться, ее вид рассмешил его*); *отец рассказывал так весело, что дети поминутно смеялись*; *он сильно согнул палку, и она сломалась*. В принципе, по-видимому, возможно отображение

¹ Выбор названных четырех пар значений в определенном смысле мотивирован. В процессе работы над вопросами, смежными с рассматриваемыми, внимание автора привлек тот факт, что в различных языках не все конкретные КО одинаково часто образуются с помощью каузативной морфемы. Представилось целесообразным проверить некоторые из таких КО на относительно большом числе языков. Были выбраны такие пары значений, каждая из которых заметно отличается от другой характером реализации обозначаемых ими действий (см. ниже, разд. I1).

почти любой каузативной ситуации без использования каузативного переходного глагола, семантически производного от соответствующего некаузативного. Достаточно назвать средство каузации и каузируемое состояние, обозначающее интранзитивом (ср. также *он вскипятил чай и принес его в комнату* и *он поставил чай на огонь; когда чай вскипел, он принес его в комнату*).

Отображение в корневой морфеме глагола одним языком каузируемого состояния, а другим — средства каузации нередко бывает причиной структурного гетероморфизма у соотносительных КО разных языков; ср., например, соответственно абх. [*анапқаа*] *а-р-ба-ра* 'вытереть [руки]', букв. 'высушить [руки]' (от *а-ба-ра* 'сохнуть') и производное чук. [*мынгыт*] *малек* '[вы]тереть [руки]', нельзя: **мынгыт ры-пъа-в-ык* (от *пъак* 'сохнуть') 'высушить руки'. Любопытно китайское соответствие, суммирующее оба признака, ср. *гань* 'сухой' и *ца гань*, букв. '[вы]тереть насухо'.

4. Глаголы, содержащие сему «каузация», подразделяются семантически на: (1) глаголы, не обозначающие каузируемое состояние, например, *заставить*, и (2) глаголы, обозначающие каузируемое состояние, например, *сместить* (= 'заставлять смеяться'). Глаголы типа (1) подразделяются на: (а) обозначающие только каузацию, например, русск. *заставить*, франц. *faire*, англ. *to take*, и (б) обозначающие каузацию и средство каузации, например, *приказать* (= 'заставить голосом, жестом и т. п.'). Глаголы типа (2) подразделяются на: (а) обозначающие каузацию и каулируемое состояние, например, *сместить*, и (б) обозначающие каузацию, каулируемое состояние и средство каузации, например, *застрелить* [= 'убить (= 'заставить умереть'), выстрелив'].

5. По формальному признаку наличия однокоренного (полностью или частично) некаузативного коррелята типы глаголов (2а) и (2б) подразделяются каждый на супплетивные и несупплетивные. Таким образом, тип (2а) подразделяется на: супплетивный тип: *убить* (ср. *умереть*) и несупплетивный тип: *родить* (ср. *родиться*); тип (2б) также подразделяется на супплетивный тип: *застрелить* (ср. *умереть*) и несупплетивный тип: нем. *totschießen* 'застрелить', букв. 'стрелять кого-либо мертвым' (ср. *tot sein* 'быть мертвым').

6. Названные во 2-м пункте четыре конкретных КО могут выражаться не менее чем семью основными типами ФО, которым ниже присвоены условные наименования. Эти ФО, находящиеся в определенных иерархических отношениях, подразделяются следующим образом²:

² См. также В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий, Типология морфологического и лексического каузатива, — сб. «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив», Л., 1969.

(А) Супплетивные ФО (далее С)³. Члены оппозиции различаются полным несовпадением корневых морфем, например, вьетн. *cháu* 'гореть' — *dốt* 'сжигать'.

(Б) Несупплетивные ФО. Последние подразделяются на: (I) направленные и (II) ненаправленные ФО.

(I) В направленных ФО основа (в том числе и составная) одного члена оппозиции включает в себя основу другого члена, т. е. содержит дополнительную (деривационную) морфему. В зависимости от направления производности различаются: 1) каузативные и 2) антикаузативные ФО.

(1) В следующих ФО основа каузативного члена оппозиции включает в себя основу некаузативного члена. По характеру значения дополнительной морфемы здесь возможны два случая: а) дополнительная морфема не употребляется самостоятельно вообще или с тем же значением (т. е. она является каузативным аффиксом или каузативным служебным глаголом), например, башк. *һын-* 'сломаться' → *һын-дыр-* 'сломать' или — с теми же значениями — телугу *virig-* → *viriga koṭṭa*. Эта ФО именуется каузативной (далее К); б) дополнительная морфема, обозначающая способ каузации, употребляется самостоятельно с тем же значением, например, кит. *дуань* 'сломаться' → *да дуань* 'сломать' [букв. 'ударить (так, чтобы) сломалось'], *чжэ дуань* 'сломать' [букв. 'переломить (так, чтобы) сломалось']. Эта ФО именуется каузативно-инструментальной (далее И).

(2) В антикаузативных ФО (далее А) обозначенным с помощью антикаузативной морфемы является некаузативный член оппозиции. Например, суахили *-vinj-ik-a* 'сломаться' ← *-vinj-a* 'сломать'.

(II) Ненаправленные ФО подразделяются на: 1) конверсивные и 2) альтернантные:

(1) Члены конверсивных, или нулевых, ФО (далее Н) имеют одни и те же основы и различаются: либо а) парадигматически, например, чук. *мыле-гви* 'сломалось-то' ↔ *мыле-нин* 'сломал-он-то', либо б) синтагматически, например, англ. [*the stick*] *has broken* '[палка] сломалась' ↔ [*he*] *has broken* [*the stick*] '[он] сломал [палку]'.

2) У членов альтернантных ФО, обе основы которых пересекаются (т. е. помимо совпадающей части содержат отличающие их элементы), чередуются: либо а) отдельные фонемы внутри корня, причем чередование носит нерегулярный характер (далее Ч от «чередование»), например, лит. *lūz-ti* 'сломаться' ↔ *lauz-ti* 'сломать', либо б) некорневые элементы, особенно часто каузативные и антикаузативные морфемы (далее З от «замещение»), например, пушту *mat-ed-*

³ Сокращения для типов ФО, приводимые в этом разделе, используются в таблице и в приложении, см. ниже.

эл 'сломаться' ↔ мат-ав-эл 'сломать'. К типу **З** отнесены также и те случаи пересечения основ, когда наблюдается чередование корневых фонем, но, кроме того, еще один член ФО содержит деривационную морфему, например; русск. *сме-ять-ся* ↔ *сместить*.

7. Названные четыре КО рассматриваются на материале 60 языков: индоевропейских, семито-хамитских, угро-финских, самодийских, палеоазиатских, монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, мон-кхмерских, китайско-тибетских, индонезийских, дравидийских, корейского, японского, языков банту, манде и др. Всего, таким образом, исследуется 240 пар глаголов (относя к глаголам также и аналитические сочетания).

8. Если в языковом материале оказывалось несколько синонимических ФО для той или иной КО, то выбор одной пары глаголов проводился (при отсутствии данных об употребительности) в следующем порядке: (а) несупплетивная ФО предпочиталась супплетивной; (б) направленная ФО предпочиталась ненаправленной (типа **Н, З, Ч**); (в) ФО с цельюоформленными членами предпочиталась ФО с нецельоформленными членами.

9. Приводим в таблице основные результаты исследования. Рассматриваемые КО обнаруживают следующие тенденции к выражению их теми или иными из рассмотренных выше ФО: каузативной (**К**), нулевой (**Н**), антикаузативной (**А**), супплетивной (**С**), заместительной (**З**), чередования (**Ч**), каузативно-инструментальной (**И**).

Как видно из таблицы, вероятность появления каузативной ФО увеличивается от КО₄ к КО₁, а вероятность появления

Тип КО \ Тип ФО		Тип ФО							Число конкретных ФО
		К	Н	А	С	З	Ч	И	
КО ₁	«смеяться—сместить»	54	—	—	—	6	—	—	60
КО ₂	«кипеть—кипятить»	36	9	2	7	4	1	1	60
КО ₃	«гореть—жечь»	19	14	8	14	2	3	—	60
КО ₄	«сломаться—сломать»	9	19	22	—	5	3	2	60
Число конкретных ФО		118	42	32	21	17	7	3	240

нулевой, антикаузативной и супплетивной ФО увеличивается в противоположном направлении. Каузативная ФО особенно продуктивна в КО₁ и КО₂, а антикаузативная — в КО₄. Супплетивная ФО особенно продуктивна в КО₃.

Таким образом, хотя в рассмотренных КО отсутствует прямая и жесткая зависимость определенного типа ФО от значения КО, однако статистическая, вероятностная зависимость существует.

10. Приведем еще ряд наблюдений.

10.1. В плане сравнения первых двух КО отметим, что если язык имеет ФО, обладающие различной продуктивностью, то нередко более продуктивное средство образует КО₁, а менее продуктивное — КО₂. Так, например, обстоит дело в языках арабском, венгерском, нивхском, эвенкийском, якутском, японском. Обратные случаи не встретились.

10.2. Характерно, что КО₁ нигде не образуется путем присоединения антикаузативных морфем к транзитиву. Любопытной особенностью этой КО в ряде языков является обязательное (как, например, в русск. *смеяться*, груз. *i-cinis* 'смеется', исп. *reir-se*) или факультативное [как, например, в алб. *qesh-e-m* 'смеюсь' (наряду с *qesh* 'смеюсь') или кечуа *asi-cu* (наряду с *asi-*) 'смеяться'] использование при исходном интранзитиве антикаузативной морфемы.

10.3. Из всех рассматриваемых значений значение «сместить» обладает наибольшей вероятностью быть выраженным описательно с помощью фразеологизмов и сочетаний с вспомогательными глаголами. Это наблюдается не только в языках, не имеющих каузативных аффиксов (как, например, в английском, вьетнамском, латинском, китайском, молдавском, осетинском), но и в языках, имеющих каузативные аффиксы (как, например, в коми-зырянском, курманджи, тамильском, хауса, эстонском). Можно сказать, что если в каком-либо языке одна из четырех КО выражена описательно, то обычно это будет КО₁ (если таких КО более одной, то среди них будет и КО₁).

10.4. Характерно, что КО₁ в отличие от всех остальных КО не образуется нигде с помощью Н. Однако это не означает, что глагол со значением «смеяться» нигде не употребляется в качестве переходного. Такие случаи имеются, например, в языках эскимосском, латинском, коми-пермяцком, финском, зулу, удмуртском, японском. Однако производным значением здесь будет не «сместить», а «насмехаться», «смеяться над кем-либо, чем-либо». Например, финск. *poika naura-a* 'сын смеется' — *poika naura-a isää* 'сын смеется над отцом' (ср. *poika naura-tta-a isää* 'сын смещит отца').

10.5. Наличие супплетивов в КО₂ не означает, что некаузатив не имеет форм, образованных каузативной морфемой. Такие формы есть, например, в языках нивхском, суахили, эскимосском, чукотском. Однако они имеют значение не «жечь», а «зажечь». Ср. нивхск. *у-д'* 'гореть' — *ршув-д'* 'жечь' — *у-гу-д'* 'зажечь'. В свою очередь глагол со значением «жечь» при супплетивных КО₂ может быть производным от некаузатива со значением «сгорать» (или «тлеть»), ср. чук. *чылетык* 'гореть' (→ *ры-нле-в-ык* 'зажигать') — *ры-лвэ-т-ык* 'жечь' (от *тылв-ык* 'сгореть').

10.6. Супплетивный каузатив в КО₂ обычно, кроме значения «кипятить», имеет также значение «варить» (например, в языках бирманском, индонезийском, кхмерском, тайском, чукотском).

10.7. Особенностью КО₂ является отсутствие в ряде языков глагола со значением «гореть». Так, например, в языках масаи, мансийском, хантыйском это значение выражается описательно с помощью сочетаний типа *огонь пожирает*, например, хант. *тут-ны тэ-ты* 'горит', букв. 'огнем пожирается' (переходный глагол стоит в пассивной форме) → *тут-а таныт-* 'сжигать', букв. 'огню скармливать' (*-ныт-* — каузативный суффикс).

10.8. Некоторые ФО, по-видимому, объясняются ареальными причинами. Так, скорее всего, можно объяснить нулевую ФО для КО₂ в некоторых южнославянских языках, как, например, болг. *горя* 'гореть' и 'жечь'. Ср. молд. *а арде* и новогреч. *χαίω* с этими же двумя значениями.

11. Есть основания полагать, что значительное расширение круга привлекаемых языков существенно не изменит выявленных тенденций (см. п. 9), поскольку в их основе лежат экстралингвистические факторы (подробное рассмотрение последних не входит в задачу настоящих заметок). Так, например, изменению продуктивности тех или иных ФО соответствуют определенные изменения на референтном плане: изменение степени активности агента некаузативного действия и параллельное изменение степени визуальной очевидности определенного каузативного действия.

12. В связи с изложенным материалом представляется целесообразной разработка вероятностной типологической детерминации определенных словообразовательных средств в различных языках, изучение, если можно так выразиться, «типологической продуктивности» тех или иных словообразовательных средств при использовании их для образования определенных смысловых позиций.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Приводим использованные 240 конкретных ФО, располагая их в алфавитном порядке языков (ФО каждого языка приводятся в порядке КО₁, КО₂, КО₃, КО₄)⁴.

абх. (ККНН) -чча- → -р-чча-; -ш- → -р-ш-; -был- ↔ -был-; -п̄эа- ↔ -п̄эа-; аварск. (ККНН) [в'ель- → [в'ельгиз-а[в]-⁵; гьалд- → гьализ-а[б]-; [б'ухл- ↔ [б'ухл-; бекл- ↔ бекл-; адыг. (КККН) щхы- → гвэ-щхы-; жэо- → гвэ-жэо-; сты- → гвэ-сты-; зэпыкы- ↔ зэпыкы-; алб. (КНАА) qesh- → bej tē qeshē; zje- ↔ zje-; digj-e- ← dieg-; thy-he- ← thye; алт. (ККСК) каткыр- → каткыр-тыр-; кайна- → кайна-т-; куй- — дрт-; сын- → сын-дыр-; амх. (ККЗА) saq- → a-ssaq-; fell- → a-fell-; tε-qattel- ↔ a-qattel-; tε-sēbber-; ← sēbber-; англ. (КННН) laugh → make laugh; boil ↔ boil; burn ↔ burn-break ↔ break; араб. (ККАА) дахика → даххака; галā → 'а-глā; 'ух-та-рака ← харака; та-кассара ← кассара-; арм. (ККАА) cicaγ- → cicaγ-eçn-; et- → et-açn-; vař-v- ← vař-; kotər-v- ← kotr-; бамбара (КННН) yele → la-yele; wuli ↔ wuli; jeni ↔ jeni; kari ↔ kari; банджарск. (КСЗК) katawa → tambuat katawa; manggurak — tamasak; ta-banam ↔ tam-banam; patah → ma-matah; башк. (КККК) кәл- → кәл-дәр-; кайна- → кайна-т-; ян- → ян-дыр-; һын- → һын-дыр-; бирм. (КССК) йи → йишун лоу'; сху — чо; милаун — мишоу; чоу → ч-х-оу; болг. (ЗЧНА) смее се ↔ раз-смива; ври ↔ вари; гори ↔ гори; се счупи ← счупи; велг. (КККН) nevet- → nevet-tet-; forr- → forr-al-; ég- → ég-et-; [el]tör- ↔ [el]tör-; вьетн. (КССИ) ci'õ'i → lam cu'õ'i; sdi — du[n[sdi]; cháу — dot[cháу]; bi gāу → bē gāу; груз. (ЗКАА) i-cin-i- ↔ a-cin-eb-; duγ- ↔ a-duγ-eb-; i-çv-eb- ← çv-av-; t̄q-d-eb- ← t̄ex-; исп. (ЗНАА) reir-se ↔ hacer reir; hervir ↔ hervir; quemar se ← quemar; romper-se ← romper; калм. (КККЗ) инэ- → инэ-лһ-; бусл- → бусл-һ-; шат- → шат-а-; хамх-р- ↔ хамх-л-; кикуйю (ККСА) -thek- → -thek-i-; -theruk- → theruk-i-; -hi- — -cin-; -n-ik- ← -n-; кит. (КИНИ) сяо → доу сяо; кай → шаокай; шао ↔ шао; дуань → нун дуань; кихехе (ЗЗСА) he-k ↔ he-s-; helu-k- ↔ helu-s-; lipу- — пуану-; deny-ik- ← deny-; коми-зыр. (ККАН) сер-[ав]- → серам петкӧдны-; пу[зь]- → пузь-ӧд-; сот-ч- ← сот-; чег- ↔ чег-; кор. (КККА) ут- → ук-ки-; ккыл- →

⁴ В таком же порядке типы ФО обозначены теми же символами (К, Н, А, С, З, Ч, И), которые использовались в таблице (см разд. 9). Стрелками обозначены следующие типы ФО: → каузативные и каузативно-инструментальные ФО (К и И); ← антикаузативные ФО (А); ↔ ненаправленные ФО (Н, З, Ч). Знак — связывает супплетивные ФО (С). В некоторых случаях приводимые ФО несколько упрощают картину, поскольку тип ФО может меняться в разных временных формах.

⁵ В угловые скобки здесь и ниже взяты классные согласователи.

ккыр-и; тха- → тхэ-у; ккэкк-э-чжи- ← ккэкк-; курд. (курм.) (КККК) *ken* → *datn kenandine*; *kel* → *kel-and*; *şewit* → *şewit-and*; *şikest* → *şiken-and*; кхмер. (КССК) *saэс* → *thwэ: aoy saэс; puh* — *dam*; *chч* — *dot*; *bak* → *bvm-bvk*; лакск. (ККНН) *хъяй ур* → *хъяхъи уллай ур*; *царай* 'л'ур → *царацци* [d]уллай ур; *ччучлай* 'd'ур ↔ *ччучлай ур*; *гъагъ-лай* 'd'ур ↔ *гъагълай* 'ур; лат. (ККСН) *rideo* → *risum [alicui] moveo*; *ferveo* → *ferve-facto*; *ardeo* — *uro*; *frangor* ↔ *frango*; латш. (ЗАКЧ) *smej-a-s* ↔ *smi-din-a*; *vār-ā-s* ← *vār-a*; *deg* → *dedz-in-a*; *lūz-t* ↔ *lauz*; лезг. (КННН) *хъуьр* → *хъуьруь-р*; *рга* ↔ *рга*; *ку* ↔ *ку*; *х* ↔ *х*; малаялам (КККН) *ciri* → *ciri-ppi*; *tiḷa* → *tiḷa-ppi*; *katt* → *katt-i*; *takar* ↔ *takar*; манс. (КАКЗ) *toṃwinta* → *toṃwinta-pt*; *pājt-axt* ← *rajt*; [найн] *tē* → [найн] *ti-tt*⁶; *sakw-al* ↔ *sakw-at*; масан (КССН) *-kweni* → *-ita-kweni*; *-tokitok* — *rowaj*; *-nos* [enkima]⁷ — *-rej*; *-gil* ↔ *-gil*; молд. (КННА) *а рыде* → *а фаче сэ рыдэ*; *а фёрбе* ↔ *а фёрбе*; *а арде* ↔ *а арде*; *а се рупе* ← *а рупе*; нан. (КЗЧЗ) *инэкте* → *инэктэ-вэн*; *пуй-си* ↔ *пуй-у*; *дегдэ* ↔ *дегди*; *мокто-а* ↔ *мокто-ли*; нен. (КККЧ) *писен* → *письла-бта*; *лохом* → *лохом-да*; *пара* → *пара-да*; *мальё* ↔ *малье*; нивхск. (ККСА) *хаба* → *хаба-гу*; *қорқор* → *қорқор-у*; *у* — *руув*; *моқ-р* ← *моқ*; осет. (КННН) *худ* → *худын кжнын*; *фыц* ↔ *фыц*; *судз* ↔ *судз*; *сэтт* ↔ *сэтт*; перс. (КККН) *хянди* → *хянд-ан*; *джуши* → *джуш-ан*; *сух* → *суз-ан*; *шекаст* ↔ *шекаст*; сомали (ККАК) *qosol* → *qosl-in*; *karkar* → *karkar-in*; *gub-an* ← *gub*; *jab* → *jeb-in*; суахили (КЗСА) *-chek* → *-chek-esh*; *-chem-k* ↔ *chem-ch*; *-wak* — *-chom*; *-winj-ik* ← *-winj*; тапта (КЗАА) *-sek* → *-sək-esh*; *-chem-k* ↔ *chem-sh*; *kor-er* ← *kor*; *chikany-k* ← *chikany*; тайск. (КССН) *хуа-ро* → *тхам хуа-ро*; *дыат* — *хунг*; *май* — *пхау*; *хак* ↔ *хак*; тамил. (КННН) *ciri* → *cirikka vai*; *koti*; → *kotikka vai*; *eri* ↔ *eri*; *uṭai* ↔ *uṭa*; телугу (КККК) *navv* → *navv-incu-marig* → *marig-incu*; *kāl* → *kāl-c*; *virig* → *viriga koṭṭa*; удм. (ККАА) *серекъя* → *серекъя-ты*; *пöзь* → *пöзь-т*; *жуа* — *сум*; *тия-ськ* ← *тия*; финск. (КККА) *naura* → *naura-tta*; *kiehu* → *kiehu-tta*; *pala* → *pol-tta-taitt-u* ← *taitta*; франц. (ККНА) *rire* → *faire rire*; *bouillir* → *faire bouillir*; *brûler* ↔ *brûler*; *se rompre* ← *rompre*; хауса (КННН) *дара* → *ба дарийа*; *тафаса* ↔ *тафаса*; *коне* ↔ *коне*; *карье* ↔ *карье*; хинди (КККЧ) *хдс* → *хдс-ā*; *убал* → *убāl*; *джал'* → *джал-ā*; *түт* ↔ *тор*; чеченск. (КККА) 'd'бл-у → 'd'л-а-до; кхехк-а → кхехк-а-до; 'd'дг-у → 'd'аг-а-до; *каг-дал-а* → *каг-до*; чук. (ЗССН) *тэнңы-тку* ↔ *тэн-тэнңы-ң*; *итит* — *ыпат*; *ңылет* — *рылвэт*; *мыле* ↔ *мыле*; шведск. (КНЧА) *skratta* — *få att skratta*; *köka*; ↔ *köka*; *brinna* ↔ *bränna*; *bryta-s* ← *bryta*; эшк. (ККЧА) *инектэ* → *инектэ-вкэн*; *хую* → *хую-в*; *дегдэ* ↔ *дегди*; *капу-рга* ← *капу*; эвенск. (КККЗ) *ин* → *ин-укэн*; *хуй* → *хуй-у*; *дур* → *дур-у*; *хоко-р* ↔ *хоко-л*; эсперанто (КККА) *rid* → *rid-ig*; *bol* → *bol-ig*; *brul* → *brul-ig*; *romp-ig* ← *romp*; эст. (КККА) *naer* → *naerma ajama*; *kee* → *kee-t*; *pöle* → *pöle-ta*; *turd-u* ← *turd*; юкагирск. (ККСК) *агал'wэ* → *агал'wэ-су*; *лолба* → *лолба-су*; *эду* — *эндэ*; *сал'б* →

⁶ Букв. 'огонь ест' — 'огню скармливается'.

⁷ Букв. 'огонь ест'.

салба-рэ-; якут. (КККЗ) кул- → кул-лэр-; оргуй- → оргу-т-; убай- → уба-т-; тоһу-н- ↔ тоһу-т-; яп. (ККНН) вара[в]- → варав-а-с-; вак- → вак-а-с-; як- ↔ як-; кудак- ↔ кудак-⁸.

⁸ Языковой материал получен из словарей, грамматик, а также в результате опроса информантов и консультаций со специалистами по данному языку. Автор благодарит следующих лиц, которые помогли ему в нахождении перечисленных каузативных пар и в определении типа их формальной оппозиции: В. А. Аврорина, М. С. Андропова, Р. М. Баталову, И. С. Быстрова, А. Г. Васильева, Ф. А. Гайдарову, И. О. Гецадзе, Ю. А. Горгониева, И. Н. Горелова, Ф. Диару, Д. И. Еловкова, А. К. Жолковского, А. В. Жугру, И. И. Загорскиса, П. И. Инэнликэя, С. С. Каткову, Г. Н. Курилова, Э. Лилиан, П. Люмета, С. С. Маслову-Лашанскую, Е. А. Меньшикову, Ш. Мокань, Д. Нгуре, Ф. Г. Оздоеву, Ю. М. Осипова, Г. А. Огаину, Е. И. Ромбандееву, С. Г. Рудина, А. А. Селимова, О. С. Сорокину, Н. А. Спешнева, Т. И. Тепляшину, Н. И. Терешкина, Н. М. Терещенко, Е. Теферру, А. А. Холодовича, В. С. Храковского, В. И. Цинциус, С. А. Шубика, З. А. Юсупову, И. П. Яковлеву, Р. А. Янсона, С. Е. Яхонтова.

ГЛУБИНА И ДЛИНА СЛОВ В ЕСТЕСТВЕННЫХ И ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Задачей настоящей работы является изучение вопроса о том, существует ли максимальный предел усложненности структуры слов в естественных и искусственных языках. Решение этого вопроса представляет интерес не только в плане исследования характеристик естественного языка как кода, но и в плане построения типологии знаковых систем.

Меру усложненности структуры слова удобно измерять количественно. Можно выделить два параметра, по которым производится такого рода измерение, — количество морфем в слове (глубину слова) и количество слогов или звуков в слове (длину слова).

Первый из указанных параметров — глубина слова — непосредственно отражает степень морфологической усложненности слова, второй — длина слова — отражает ее только опосредствованно.

Понятие глубины применительно к предложению впервые было предложено В. Ингве. Ингве удалось показать, что глубина предложения (т. е. количество обязательств по завершению предложения), как правило, не превышает семи обязательств¹. Предложения естественных языков принципиально не могут иметь глубину более семи обязательств в силу ограниченности объема кратковременной памяти человека, равного 7 плюс-минус 2 единицы информации². Если максимум глубины предложения приблизительно равен семи, то можно предположить, что этот максимум действителен и для внутренней усложненности (глубины) строевого элемента предложения — слова. В самом деле, сложные и производные слова (слова-компози́ты и слова-дери́ваты) генетически представляют собой компрессированные словосочетания. Поэтому их максимальная глубина не может превышать максимальной глубины предложений, компрессиями частей кото-

¹ V. H. Yngve, A Model and a Hypothesis of Language Structure, — «Proceedings of the American Philosophical Society», 1960, vol. 104, № 5.

² G. A. Miller, The Magical Number Seven Plus or Minus Two; Some Limitations of our Capacity to Produce Information, — «Psychological Review», 1956, vol. 63.

рых они являются. Сложность «онтогенеза» (порождения слова) не может превысить сложности «филогенеза» (порождения предложения).

Проверка этого предположения, проведенная нами на материале языков разных типов, показала, что оно хорошо согласуется с наблюдаемыми фактами. Максимальное количество морфем в словах естественных языков редко превышает семь. Эта глубина обычно достигается в языках полисинтетического и агглютинативного строя и несколько реже — в языках фузионного и изолирующего строя. Встречающиеся в разных языках слова — монстры с большей глубиной, как, например, инкорпоративный комплекс в абхазском языке *x'-aиt'a-аиц-на-и-ва-цэыца-л-мы-р-тэит* 'она нас опять вместе друг к другу туда сбоку от кого-то в затаенном месте под чем-то посадила' (корень и 10 аффиксов) — являются раритетами, воспринимаемыми носителями языка как аномальные образования.

Вот свидетельство исследователя одного из индийских языков (язык йокут, Калифорния) Стэнли Ньюмена: «Формально (в языке йокут. — В. М.) могут быть сконструированы гигантские слова, содержащие три или четыре тематических суффикса. В ходе моих полевых исследований я изобрел много сложных слов, которые мой информант послушно переводил, хотя и с большим удивлением. Они были созданием структурально мыслящего лингвиста, а не носителей языка, которые коллективно накладывают ограничения на свой язык. В терминах их избирательных привычек йокуты ставят низкий предел использования возможностей их тематических суффиксов...»³.

Характерной чертой естественных языков является отсутствие стандартного размера глубины слов. В речевой цепи каждого языка встречаются слова разной глубины — от одной до семи и более морфем. Однако средняя нагрузка глубины колеблется в разных языках в известных пределах — от 1,06 морфемы на слово во вьетнамском языке до 3,72 морфемы на слово в эскимосском языке⁴. Так, например, в упоминавшемся выше языке йокут средняя глубина слова равна 2,2 морфемы на слово, причем в выборке из 500 слов 80% слов содержали две морфемы, 15 — три и около 5% — четыре морфемы⁵.

Для большинства естественных языков показательной яв-

³ S. Newman, *Semantic Problems in Grammatical Systems and Lexemes: a Search for Method*, — «Language in Culture», Chicago, 1954.

⁴ Дж. Гринберг, Квантитативный подход к морфологической типологии языков, — сб. «Новое в лингвистике», вып. 3, М., 1963.

⁵ S. Newman, *Semantic Problems in Grammatical Systems and Lexemes...*

ляется средняя глубина слова в речевой цепи, приблизительно равная 2,5 морфемы на слово. Согласно статистической закономерности, в 68,3% случаев в речевой цепи должна встречаться глубина слова, колеблющаяся вокруг средней на одно квадратическое отклонение (приблизительно от одной до четырех морфем), в 95,4% случаев — на два отклонения (от одной до пяти морфем) и в 99,7% случаев — на три отклонения (от одной до семи морфем).

Есть основания полагать, что эти цифры характеризуют существенные кодовые свойства естественных языков. Иначе трудно объяснить поразительно точное соответствие этих данных данным инженерной психологии об оптимальном и максимальном количестве информации, которое способен воспринять, запомнить и воспроизвести человек после одного предъявления, — оптимум колеблется в пределах от 1 до 4 единиц информации, а максимум — от 5 до 9 единиц информации⁶.

Это частное наблюдение можно интерпретировать и в более широком плане.

Очевидно, указанные свойства оперативной памяти человека определяют некоторые особенности строения естественных языков на всех уровнях их структуры. Оптимальное количество единиц низшего уровня, содержащееся в одной единице более высокого уровня, должно колебаться в пределах от 1 до 4 единиц, а максимальное их количество — в пределах от 5 до 9 единиц. Хотя языки и не являются телеологическими системами, эти теоретически ожидаемые пределы соответствуют фактам, наблюдаемым в различных языках: среднему и максимальному числу фонем в слогах, слогов и морфем в слове, слов в регрессивных конструкциях предложений.

Заметим, что в лингво-психологических опытах количество информации измеряется с точки зрения непредсказуемости знака в сообщении, т. е. в плане синтагматики, а в наших рассуждениях о глубине слов мы оперируем термином «количество информации», используя его в несколько ином смысле. Мы измеряем информацию, заключенную в слове, по количеству элементарных значащих единиц (морфем), содержащихся в слове. При таком понимании информации она рассматривается не в плане синтагматики, а в плане парадигматики. Оба подхода к измерению информации — и синтагматический, и парадигматический — приводят к тем же результатам. В самом деле, чем больше морфем в слове, тем оно информативнее, но одновременно и длиннее. А, как известно из лингвистической статистики, с удлинением слов:

---

⁶ G. A. Miller, *The Magical Number Seven Plus or Minus Two...*

уменьшается вероятность их встречаемости в речевой цепи, т. е. увеличивается их непредсказуемость — мера информации в синтагматическом плане. Оставляя за собой возможность возвратиться к этому интересному и сложному вопросу в другое время, ограничимся здесь констатацией предположения, что результаты измерения количества информации в слове при синтагматическом и парадигматическом подходе оказываются сопоставимыми.

В свете гипотезы, постулирующей наличие связи между оптимальным и максимальным количеством единиц информации, которое может одновременно удержать в своей оперативной памяти человек, и оптимальным и максимальным количеством единиц низшего уровня языка, содержащихся в единице более высокого уровня, не покажется парадоксальным тот факт, что средняя длина слова в разных языках колеблется в пределах от двух до трех слогов, а максимальная — от 7 до 10 слогов. Так, например, в китайском языке средняя длина слова составляет два слога, а максимальная — шесть слогов⁷, а в русском средняя длина слова равна трем слогам, а максимальная — семи слогам⁸.

Между тем лингво-психологические опыты показывают, что емкость оперативной памяти человека на образ речевого сообщения исчерпывается примерно семью слогами. В опытах, проведенных в лаборатории Л. А. Чистович, наблюдалось резкое снижение разборчивости фраз, превышавших размеры семи слогов⁹.

Естественно предположить, что такое совпадение двух максимумов — одного, наблюдаемого в различных естественных языках, и другого, полученного в результате лингво-психологических опытов, — свидетельствует о наличии связи между максимальной длиной слов и максимальной разрешающей способностью оперативной памяти человека.

Таким образом, можно утверждать, что максимальное количество морфем и слогов, содержащихся в слове, примерно равно семи-деяти. Однако здесь же уместно будет сделать ряд оговорок.

Во-первых, эвентуально могут встречаться слова большей глубины и длины. Такие слова необычайно редки, так как, согласно одной из формул лингвистической статистики, число слогов в слове равно логарифму его вероятности¹⁰. На 11 млн.

⁷ G. K. Zipf, *The Psycho-biology of Language*, Boston, 1935.

⁸ A. G. Oettinger, *The Distribution of Word Length in Technical Russian*, — «Mechanical Translation», 1954, vol. 1, № 3.

⁹ «Речь. Артикуляция и восприятие», под ред. В. А. Кожевникова, М.—Л., 1965.

¹⁰ P. Guiraud, *Problèmes et méthodes de la statistique linguistique*, Paris, 1960.

слов немецкого текста 8 раз встретились слова длиной в 13 слогов, 2 раза — в 14 слогов и 1 раз — в 15 слогов. Слова с длиной, превышающей семь слогов, покрывают только 0,05% этой выборки¹¹. Наличие таких слов сверхмаксимальных размеров свидетельствует о том, что в языке имеются элементы, построенные в нарушение его основных правил.

Во-вторых, установленные здесь максимумы, вероятно, справедливы прежде всего для языка устного общения. Человека ограничивает объем его оперативной памяти только при устном общении, при письме эти ограничения снимаются. Поэтому прежде всего в тех стилях речи, которые в основном ориентируются не на фонетическое, а на графическое выражение, возможны отклонения от максимумов, установленных для языка устного общения.

В-третьих, нарушение максимума длины слов более вероятно, чем нарушение максимума их глубины. Этот факт объясняется, по-видимому, тем, что глубина слова отражает более фундаментальные языковые зависимости, чем длина слова. Как справедливо заметил А. А. Реформатский, оба членения языка — одно, связанное с парадигматикой (морфемное), и второе — линейное (слоговое) — «обязательно коррелируют, но не обязательно конгруируют. И корреляция этих двух рядов в разных типах языков и в разных языках — различна и не обладает качеством элементарности»¹².

Принимая во внимание эвентуальную встречаемость в разных языках слов сверхмаксимальной глубины и длины, можно полагать, что потенциальный предел глубины слова в естественных языках колеблется в интервале от 10 до 15 морфем, а длины слова — от 15 до 20 слогов.

В силу господствующего в естественных языках принципа экономии (иначе говоря — принципа наименьшего усилия) в различных языках наблюдается тенденция к сбрасыванию критической глубины и длины слов путем замены их аббревиатурами. Степень широты использования аббревиации зависит не только от стиля речи, но и от целевой установки автора сообщения.

Так, например, в научных публикациях из области химии используются сокращения названий химических соединений — ФМН заменяет *фламинмононуклеотид*, ПВП — *пировинилпирролидон* и т. п. Однако в текстах по химии, имеющих силу юридического документа, даже наиболее глубокие и длинные слова не подвергаются сокращению, а сохраняются

¹¹ F. W. Kaeding, Häufigkeitwörterbuch der deutschen Sprache, Steglitz bei Berlin, 1897.

¹² А. А. Реформатский, К вопросу о фоно-морфологической делимитации слова, — Морфологическая структура слова в языках различных типов, М.—Л., 1963, стр. 65—66.

в исходном виде. В описаниях изобретений и открытий из области химии можно встретить такие слова, как *тетраметилендиоксидисульфонметилциклогексилметан* или *триалкиларилсилилэтинилмагнийбромиды*. Процесс аббревиации усложненных слов распространен прежде всего в стилях речи, где слова сверхмаксимальной глубины и длины получили наибольшее распространение. Этот процесс действует как противовес, компенсирующий существование усложненных слов. Таким образом, в языке осуществляется необходимое равновесие простых и сложных элементов, способствующее сохранению его эффективности как средства общения между людьми.

Вопрос о том, существует ли в естественных языках связь между глубиной слова и глубиной предложения, а также длиной слова и длиной предложения, решается скорее всего отрицательно. Нет никаких оснований полагать, что средняя глубина предложений в немецком языке, предпочитающем «глубокие» слова, существенно отличается от средней глубины предложений во французском языке, где в отношении глубины слоев господствует тенденция, противоположная немецкому языку. Все же некоторое взаимодействие между глубиной слова и глубиной предложения, вероятно, имеет место. Так, например, в английском языке пассивный аффикс *'s* вытесняется конструкцией с *of*, а производные слова с аффиксами *-tion, -ment, -ize, -en, -ness* — предложными группами¹³.

Заметим, что в то время как глубину предложения увеличивает только регрессивная последовательность слов, глубину слова увеличивает как префиксация, так и аффиксация. Как показал Ш. Балли, и префиксальные, и суффиксальные образования являются по природе регрессивными¹⁴. Однако при произнесении слова удобен такой порядок морфем, при котором корневая морфема, несущая максимум информации, выдавалась бы вначале. Поэтому в различных языках суффиксация распространена гораздо шире, чем префиксация¹⁵. Порядок аффиксации в языке влияет в свою очередь на порядок слов в этом языке. Если язык исключительно префиксальный, в нем принята прогрессивная последовательность слов, если язык исключительно суффиксальный — регрессивная последовательность¹⁶.

¹³ V. H. Yngve, A Model and Hypothesis of Language Structure.

¹⁴ Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 265.

¹⁵ J. H. Greenberg, Order of Affixing: a Study in Genetical Linguistics, — «Essays in Linguistics», Chicago, 1957, стр. 89.

¹⁶ J. H. Greenberg, Sime Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements, — «Universals of Language», Cambridge, 1963, стр. 73.

Порождение и восприятие глубины предложения представляет, вероятно, для носителей языка большую трудность, чем порождение и восприятие глубины слова. Человек, хорошо владеющий языком, достигает полного автоматизма в порождении и восприятии слов и предложений, и, по-видимому, более детерминированная и стабильная структура слова выступает в процессе порождения и восприятия речи как законченный элемент высказывания. Менее детерминированная и менее связанная структура предложения требует большего внимания со стороны как говорящего, так и слушающего. В агглютинативных языках глубина слова ощущается, вероятно, более отчетливо, чем в фузионных языках, где реальная морфологическая структура слова иногда затемняется в результате процессов опрощения и переразложения.

Вопрос о характере восприятия глубины слов и предложений во многом остается невыясненным и нуждается в специальном изучении. Некоторые данные свидетельствуют о том, что для говорящего представляет затруднение в первую очередь глубина высказывания, а для слушателя — его длина¹⁷.

Величины максимальных и оптимальных пределов глубины и длины слов, характерные для естественных языков, как правило, не превышаются ни в одном из известных нам искусственных языков. В искусственных языках типа эсперанто или интерлингвы, предназначенных для общения между людьми, величины пределов глубины и длины слов всегда ближе к оптимуму, чем в естественных языках. Эти языки, построенные по четкой логической схеме, рациональны в правилах построения их основных единиц — слов. Простота строения этих языков является необходимым условием их успешного использования и распространения. Поэтому существование в этих языках слов сверхмаксимальной глубины и длины маловероятно.

В грамматике эсперанто существует особое правило необходимости и достаточности, гласящее, что при построении слов следует использовать все корни, аффиксы и окончания, которые необходимы для этой цели, но не более того количества, которое достаточно для выражения данного понятия. Не удивительно, что при самом детальном изучении словаря языка эсперанто и текстов на этом языке мы не обнаружили ни одного слова глубиной более семи морфем и длиной более тридцати букв.

Из наиболее усложненных слов, встретившихся в обсле-

¹⁷ И. И. Луцхина, Использование гипотезы Ингве о структуре фразы при изучении восприятия речи, — «Вопросы психологии», 1965, № 2, стр. 37—66.

дованных материалах, можно упомянуть, например, такие шестиморфемные слова, как *nerevenigebbla* 'невозвратимый', *malsupreniranta* 'нисходящий', *neplibonigebbla* 'неисправимый' и т. п. Существование максимальных и оптимальных пределов глубины и длины слов, наблюдаемых в естественных и искусственных языках, обусловлено особенностями оперативной памяти человека. Поэтому в искусственных языках, предназначенных не для общения между людьми, а для различных специальных целей, эти ограничения снимаются.

Показательны в этом отношении информационные языки, используемые для накопления и поиска информации. Большинство этих языков рассчитано для оперирования данными на электронных машинах, оперативная память которых намного более емка, чем оперативная память человека. Поэтому величина усложненности слов информационных языков этого рода определяется не ограниченной емкостью оперативной памяти, а лишь соображениями удобства обработки данных. В так называемых семантических информационно-поисковых языках, где корень исходного слова естественного языка заменяется набором семантических множителей, глубина и длина слов приблизительно соответствует величинам, наблюдаемым в естественных языках. В остальных информационно-поисковых языках (ИПЯ) используются слова стандартной глубины и иногда — стандартной длины, причем глубина слов соответствует типу ИПЯ. Для детальной характеристики глубины слов в ИПЯ распределим различные информационно-поисковые языки по рубрикам морфологической классификации языков Э. Сепира, где различаются корневые (I), деривационные (II), конкретно-реляционные (III) и абстрактно-реляционные (IV) понятия. По выраженности в языках этих понятий судят о типе языка. Несколько расширяя классификацию Э. Сепира, мы получаем следующую таблицу (см. табл. на стр. 123).

В ИПЯ, аналитических по степени синтеза, глубина слов стандартна и равна одной морфеме. Сюда относятся Уни-терм, SLANT, ИПЯ В. П. Черенина и его сотрудников и др. В синтетических ИПЯ глубина слов также стандартна и равна количеству выражаемых в словах этих ИПЯ понятий. Например, в ИПЯ Объединенного совета инженеров США, где помимо корневых понятий выражаются при помощи так называемых указателей роли деривационные понятия, глубина слов равна двум морфемам. В противоположность этим ИПЯ «семантические» ИПЯ отличаются нестандартностью глубины слов. Однако при реализации «семантических» ИПЯ на электронных машинах часто прибегают к операции свертывания слов ИПЯ в результативные слова стандартной глубины.

**Морфологическая классификация естественных
и информационных языков**

Тип языка	Техника	Степень синтеза	Примеры из естественных языков	Примеры из информационных языков
А. Простые корневые языки (I)	—	—	—	УниTERM
Б. Сложные корневые языки (I и II)	агглютинирующий	синтетический	—	ИПЯ Объединенного Совета инженеров США
В. Простые конкретно-реляционные языки (I и III)	—	—	—	?
Г. Сложные конкретно-реляционные языки (I и II и III)	агглютинирующий	аналитический	—	SLANT (ИПЯ Объединения телефонных компаний Италии)
Д. Простые абстрактно-реляционные языки (I и IV)	1) изолирующий 2) изолирующий с агглютинацией	аналитический аналитический	вьетнамский тибетский	ИПЯ В. П. Черенина и др. (ВИНИТИ) ?
Е. Сложные абстрактно-реляционные языки (I, II и IV)	1) агглютинирующий	синтетический	турецкий	SYNTOL (ИПЯ Национального центра научных исследований Франции)
	2) агглютинирующий	аналитический	полинезийские	?
	3) символический	аналитический	шиллук	?
Ж. Простые смешанно-реляционные языки (I, III и IV)	агглютинирующий	синтетический	банту	? (УДК)
З. Сложные смешанно-реляционные языки (I, II, III и IV)	1) агглютинирующий	синтетический	?	ИПЯ Института кибернетики АН УССР
	2) агглютинирующий	полисинтетический	—	—
	3) символично-агглютинирующий	синтетический	нутка семитские	Кливлендский семантический код
	4) фузионный	аналитический	английский	—

При переводе содержания текста с естественного языка на ИПЯ слово естественного языка транспонируется в ИПЯ целиком, причем оно становится корневой морфемой ИПЯ, к которой в свою очередь присоединяются аффиксы ИПЯ. Строительным материалом для построения слов ИПЯ являются не морфемы естественного языка, а слова естественного языка. Следовательно, слову естественного языка соответствует корневая морфема ИПЯ. А поскольку длина слов естественного языка бывает различной, длина корневых морфем ИПЯ (а также слов ИПЯ) оказывается переменной. В ряде ИПЯ для удобства оперирования словами ИПЯ при обработке данных на электронных машинах производится стандартизация длины слов ИПЯ как особая процедура¹⁸.

Изложенные выше соображения по поводу потенциальных пределов глубины и длины слов в естественных и искусственных языках предстоит всесторонне конкретизировать и проверить на самом широком материале как в рамках типологии знаковых систем, так и в рамках собственно лингвистической типологии.

В качестве метаязыка для описания структуры слов можно использовать как любой естественный, так и любой искусственный язык. Однако желательно, чтобы метаязык имел достаточно четкую логическую структуру и одновременно позволял бы вести описание на двух уровнях: конкретном, максимально приближенном к специфике описываемого языка, и абстрактном, удобном для проведения типологического сравнения ряда языков. Одним из метаязыков такого рода является аппликативная порождающая модель, разработанная С. К. Шаумяном и П. А. Соболевой. В этой модели порождение слов конкретного языка описывается как процесс аппликации ряда постоянных операторов (реляторов) к корню¹⁹.

На первом такте работы генератора слов порождаются слова первой степени производности, на втором — второй степени и т. д. Например, слово *воспитанница* порождается в результате четырех операций: первого такта — порождения глагола *воспитал* (R_1O), второго — порождения из этого глагола причастия — *воспитанный* (R_3R_1O), третьего — по-

¹⁸ Комплекс вопросов, связанных с сопоставлением естественных языков и ИПЯ, более подробно освещен в моей работе «Морфологическая структура слова в естественных и информационно-поисковых языках» (сб. «Третья Всесоюзная конференция по информационно-поисковым системам и автоматизированной обработке научно-технической информации», т. 2, М., 1966).

¹⁹ Используется следующая символика: O — корень; R_1 — релятор, аналог глагола; R_2 — релятор, аналог существительного; R_3 — релятор, аналог прилагательного; R_4 — релятор, аналог приглагольного наречия; R_5 — релятор, аналог придъективного наречия.

рождения из причастия существительного — *воспитанник* ($R_2R_3R_1O$) и четвертого — порождения из существительного нового существительного — *воспитанница* ($R_2R_2R_3R_1O$)²⁰. Наличие в аппликативной порождающей модели, особого механизма — генератора слов, специально предназначенного для моделирования словообразования, а также возможность отражать в терминах этой модели процесс словообразования в достаточно абстрактной форме делают ее адекватным инструментом для типологического изучения структуры слов в разных языках.

Аппликативная порождающая модель как информационный язык, предназначенный для описания порождения лингвистических структур, относится к сложным абстрактно-реляционным языкам. В ней, так же как в турецком языке и ИПЯ SYNTOL, выражаются корневые, деривационные и абстрактно-реляционные понятия. По «технике» это агглютинативный язык, по степени синтеза — синтетический. В отличие от других информационных языков в аппликативной модели выражаются не конкретные понятия, а их абстрактные аналоги. При применении аппликативной порождающей модели следует принять во внимание, что в генераторе слов порождаются только производные слова, а порождение сложных слов производится в генераторе фраз аналогично порождению словосочетаний.

Понимание слова в терминах аппликативной модели отличается от традиционного понимания слова как цельно-оформленного сочетания корневого элемента и относящихся к нему служебных элементов (аффиксов). В аппликативной порождающей модели связки, предлоги и аналитические служебные элементы приравниваются к аффиксам, поэтому под словом понимается мельчайший фрагмент синтаксической структуры предложения — синтаксический атом. Например, в аппликативной порождающей модели последовательность *стал высоким* рассматривается как отдельное слово, а в традиционном понимании она является сочетанием двух слов. Оба определения слова легко соотносимы. Для порождения из традиционного слова синтаксического атома необходимо добавить еще один такт работы генератора слов: *высокий* (R_3R_2O), *стал высокий* ($R_1R_3R_2O$); *дом* (R_2O), *в доме* (R_4R_2O) и т. п.

Количество тактов работы генератора слов приблизительно соответствует количеству морфем в слове (глубине слова). Один такт работы генератора слов обычно приводит к увеличению глубины слова еще на одну морфему. Процесс словопроизводства представляется в терминологии Б. Уорфа

²⁰ С. К. Шаумян, Структурная лингвистика, М., 1965, стр. 210—224.

в виде последовательного прибавления к корню, принадлежащему к одной из избирательных категорий языка, ряда модулей — показателей категорий, модулирующих избирательные категории²¹.

Соответствие количества тактов работы генератора слов степени морфологической усложненности порождаемых слов четко выявилось в результате описания авторами аппликативной модели словопроизводства в русском языке²². Наибольшее количество тактов работы генератора слов, наблюдавшееся в этом описании, не превышало восьми, например: *звал* (R_1O), *призвал* (R_1R_1O), *призывал* ($R_1R_1R_1O$), *призыв* ($R_2R_1R_1R_1O$), *до призыва* ($R_4R_2R_1R_1R_1O$), *допризывный* ($R_3R_4R_2R_1R_1R_1O$), *допризывник* ($R_2R_3R_4R_2R_1R_1R_1O$), *допризывница* ($R_2R_2R_4R_2R_1R_1R_1O$).

Есть все основания полагать, что ни в одном естественном языке количество тактов порождения слов никогда не превысит 16 тактов (15 морфем как предел глубины слова + 1 такт при переходе от слова в традиционном понимании к слову как синтаксическому атому).

Обычно же генератор слов будет загружен в пределах от одного до пяти тактов. Изредка могут встретиться слова большей сложности — до 7—9 тактов — и совсем редко еще более сложные, требующие для своего порождения до 16 тактов. Соответствующие длины слов варьируют от языка к языку даже для слов одной и той же степени производности. Они не превышают ни в одном языке 15—20 слогов. Конкретное соотношение глубины слов и их длины устанавливается с помощью правил морфонологии, особых для каждого языка.

Предположения, изложенные в настоящей работе, по своему характеру относятся к универсалиям семиотической и лингвистической типологии. Основанные на доступном нам ограниченном материале ряда естественных и искусственных языков, они, как все лингвистические универсалии, являются «по определению предположениями, подлежащими отбрасыванию, а не взглядами, которые следует защищать»²³. По мере накопления нового эмпирического материала можно будет судить о том, существуют ли исключения из этих универсалий, и, если исключения существуют, насколько широко они распространены.

²¹ В. Л. Whorf, *Grammatical Categories*, — «Language», vol. 20, № 1.

²² С. К. Шаумян, П. А. Соболева, *Основания порождающей грамматики русского языка*, М., 1968.

²³ Ch. F. Hockett, *The Problem of Universals in Language*, — «Universals of Language», ed. J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963, стр. 6.

ОБ ОДНОВРЕМЕННОМ СУЩЕСТВОВАНИИ ФОНЕМ [f], [θ], [x] В ОДНОМ ЯЗЫКЕ

В данной работе излагается указанная в заглавии статьи универсалия, а также делается попытка объяснить некоторые явления в истории ряда языков с помощью этой универсалии.

Универсалия:

если

то

∃ фонема, все аллофоны которой суть варианты [f],
и
∃ фонема, все аллофоны которой суть варианты [θ],
и
∃ фонема, все аллофоны которой суть варианты [x],

∃ фонема, характерным вариантом которой является [β] или [v], и
∃ фонема, характерным вариантом которой является [ð], и
∃ фонема, характерным вариантом которой является [ɣ]

Система [f], [θ], [x] при наличии [β] или [v], [ð], [ɣ] обнаружена в следующих языках: исландском, испанском, новогреческом, ваханском, язгулямском, шугнано-рушанских, древнеирландском, старобретонском, авестийском и гипотетически восстанавливаемом общеиранском. Данная универсалия делает более вероятной реконструкцию *β, *ð, *ɣ, а не *b, *d, *g в общегерманском на месте и.-е. *bh, *dh, *gh (по крайней мере в некоторых позициях) и в местах, предсказываемых законом Вернера. Становится также возможным интерпретировать (по крайней мере в некоторых позициях) древнеперсидские [b], [d], [g] как [β], [ð], [ɣ].

Постановка квантора (∀ или ∩) перед формулировкой данной универсалии затруднительна, так как непонятно отношение к ней двух языков: арабского и тогда.

Если считать, что араб. *ħ* = [x], а *ġ* = [ɣ], то можно сказать, что в арабском есть [f], [θ], [x], есть также [ð] и [ɣ], но нет ни [β], ни [v].

Трудно сказать, функционирует ли араб. *w* как [β] или [v] (тогда придется в формулировке универсалии приписать после

«[β] или [v]» еще «или [w]») или арабский является исключением.

Сведения же о том, как выяснилось в беседе с М. А. Андроновым, настолько скудны, что нельзя сказать определенно, есть в нем звуки [β] или [v], [ð], [ɣ] или нет.

Возможна иная, более широкая формулировка универсалии:

если

то

∃ фонема, характерным вариантом которой является [f], и

∃ фонема, характерным вариантом которой является [θ], и

∃ фонема, характерным вариантом которой является [x]

то же, что в 1-й формулировке

Однако такая система обнаружена только в древнееврейском.

Общеизвестно, что если есть универсалия $A \rightarrow B$ и в некотором языке появилось A , то вскоре должно появиться и B , а если исчезло B , то должно исчезнуть и A .

Греческий переход $b > v$, $d > ð$, $g > \gamma$ связан с появлением [f], [θ], [x] из [ph], [th], [kh].

В латыни индоевропейские звонкие придыхательные дали в некоторых позициях $*bh > f$, $*dh > f$, $*gh > h$. Возможно, первоначально на месте $*bh$ было [f], на месте $*dh$ — [θ], а на месте $*gh$ — [x]. Но так как [b], [d], [g] не перешли в шелевые, то система [f], [θ], [x] должна была распасться: $*x > h$, $*\theta > f$ ¹.

Распадом системы $*\beta$, $*ð$, $*\gamma$ можно объяснить распад системы [f], [θ], [x] в некоторых германских языках: нем. $*\beta > b$, $*ð > d > t$ и $*\theta > d$; англ. $*ð > d$, $*\gamma > g$, $*\gamma > dʒ$, $*\gamma > j$ и $x > f$, $x > \emptyset$.

¹ Аналогично русск. $\theta > f$ в греческих заимствованиях.

ВЫРАЖЕНИЕ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ГЛАГОЛА КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СВОЙСТВО ЯЗЫКОВ

При изучении грамматического уровня языков с целью выявления их универсальных свойств представляется допустимым в отдельных случаях исходить из тех или иных аспектов плана содержания, из смысловых категорий. Однако за основу при этом должны приниматься лишь действительно общие понятия и категории, которые отражают явления действительности, свойства материи и никоим образом не зависят в своем существовании от свойств конкретных языковых систем.

В частности, основой для сопоставительного анализа может послужить такое реальное отношение, как отношение действий и процессов к затрагиваемым ими объектам.

Хотя логика в своем членении суждения удовлетворилась выделением понятий субъекта и предиката, но лингвистика уже давно пользуется более дробным членением, применяя, в частности, понятие логического объекта.

По этой причине отсутствует строгое научное определение объекта как члена суждения, и лингвисты в практике описания различных языков обычно исходят из представления об объекте как о категории смысловой, связанной с реальной действительностью, объединяющей в себе различные понятия предметов, вещей, лиц, явлений, которые участвуют в процессах и действиях, т. е. испытывают на себе воздействие. Понятие объекта как понятие субстанциональное противопоставлено понятию действия, процесса, отдельно от которого оно, однако, не может существовать. С другой стороны, субстанциональное понятие объекта, пассивно участвующего в действии и процессе, противопоставлено субстанциональному же понятию субъекта действия, его активного производителя или активного источника. Возможны различные названия для этих двух понятий; так, известны термины «аггенса» и «пациенса». Но не в терминах суть. Названное противопоставление двух участников весьма существенно для реальной действительности, для практической деятельности людей, а поэтому для любого отражения их в языке. Различение понятий субъекта действия (процесса) и его

объектов необходимо для правильной смысловой интерпретации множества предложений любого языка. Наличие языковых средств для выражения такого различия может быть отнесено к числу универсальных свойств языков. Соответственно и для отношений между субъектом действия и действием, с одной стороны, и для отношений между действием и его объектами — с другой, имеются свои средства языкового выражения.

Постольку поскольку универсальным является выделение среди знаменательных слов имен и глаголов, универсально и следующее положение: отношения между действием (процессом) и его субъектом и объектами передаются в языке через отношения глагола к именам. В этих отношениях глагола выделяются две сферы, характеризующиеся, как уже упоминалось, специфическими, лингвистическими средствами: сфера субъектных отношений глагола, которой мы здесь более подробно не касаемся, и сфера объектных отношений глагола, которая и является предметом данного сообщения.

Выражение объектных отношений глагола составляет в любом языке сферу, относящуюся к наиболее существенным: таким, как выражение предикативных и атрибутивных отношений. Однако этой проблеме как целому уделено в существующей литературе, особенно в теоретическом плане, несравненно меньше внимания, чем предикативным или атрибутивным отношениям.

В языкознании существует большая литература по таким вопросам, как залого глаголов, глагольное управление, категория падежа, категория дополнения в разных языках; все эти лингвистические явления и категории связаны с выражением объектных отношений, некоторые из них целиком предназначены для этой цели. Но в то же время явления залогов, падежей, глагольного управления обнаруживаются не во всех языках либо проявляются настолько по-разному, что их сравнение превращается в перечень различий. Нельзя упускать из виду и обусловленность характера каждой из названных категорий характером конкретной языковой системы. Попытки сравнения таких категорий могут дать полезные наблюдения и выводы, особенно интересные для изучения родственных языков либо для целей методики преподавания и перевода, однако, если иметь в виду сколько-нибудь широкое типологическое сравнение, такие попытки, как представляется, должны завести исследователя в тупик.

Именно поэтому и кажется полезным попробовать оттолкнуться от плана содержания, сравнив, как выражаются, объектные отношения в разных языках.

В системе каждого языка может быть выделена подсистема, связанная с выражением объектных отношений — «объ-

ектная подсистема» (далее — ОП). ОП каждого языка включает в себя элементы различных уровней: лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические.

ОП в разных языках различаются между собой. Различными являются наборы элементов — языковых средств, обслуживающих выражение объектных отношений глагола.

Таковыми элементами подсистемы могут быть: падежная система имени; переходность и непереходность глагола; предложное и послеложное управление; залоговые формы у глаголов; объектное спряжение глаголов; активная, пассивная, каузативная, эргативная, инкорпоративная и другие типы конструкций; порядок слов.

Различны не только наборы элементов, но и их материальная реализация, их соотношение и удельный вес в конкретных ОП.

ОП различных языков представляют собой богатый материал как для типологического сравнения, так и для выработки представлений об универсальных свойствах языков.

Ниже приводится несколько примеров ОП, которые, конечно, не отражают всего их многообразия.

Например, ОП русского языка характеризуется следующими элементами: разделением глаголов на две лексико-грамматические подгруппы: переходных и непереходных глаголов на основе признака синтаксической сочетаемости с прямым дополнением; неучастием словообразовательных аффиксов в определении свойств переходности—непереходности; развитым падежным управлением, к которому присоединяется предложное управление и в котором один падеж — беспредложный винительный — занимает особое место падежа прямого дополнения; к этой характеристике надо добавить неразвитость, расплывчатость категории действительного страдательного залога.

В английском языке при тех же лексических и словообразовательных характеристиках отсутствует глагольное управление падежами, и его функции полностью несет управление предложное; возрастает роль порядка слов; категория залога является намного более развитой и употребительной.

В азербайджанском и в других тюркских языках переходные и непереходные глаголы также являются лексико-грамматическими подгруппами, но в отличие от европейских языков в производных глагольных основах свойство переходности во многих случаях определяется словообразовательными аффиксами; падежное управление сочетается с послеложным; противопоставление действительный—страдательный залогов слабо выражено.

В индонезийском языке с характерной для него неразграниченностью лексического и грамматического уровней

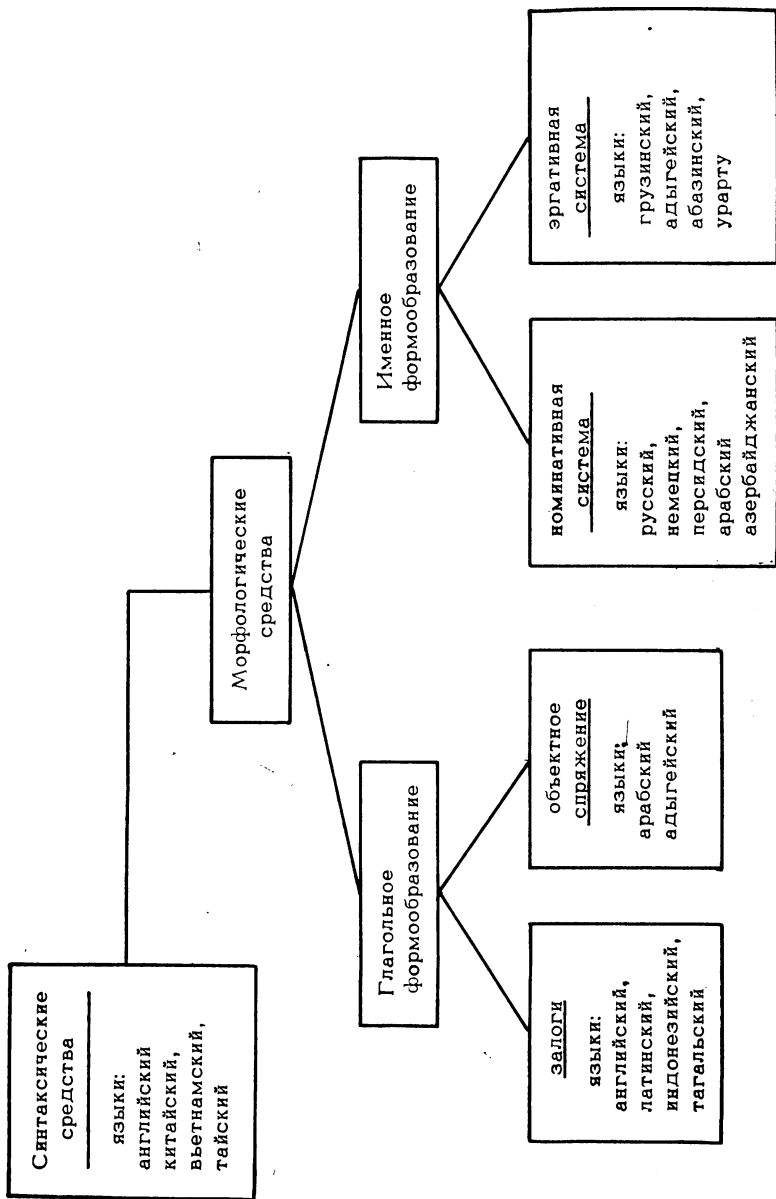
различение переходных и непереходных глаголов осуществляется и на том, и на другом уровне; важную роль при этом играют глаголообразующие аффиксы. В число последних входят два суффикса, обладающие некоторыми чертами аффиксов формообразования. Наряду с предлогами они участвуют в передаче и дифференциации объектных связей глагола с именем. Падежи отсутствуют. Существенную роль играет порядок слов. Пассивные конструкции, противопоставляющиеся активным, разнообразны и широко употребительны.

В родственном индонезийскому тагальском языке находим заметно отличающуюся *ОП*; все многообразные отношения к другим словам в предложении передаются посредством двух серий артикледоподобных служебных слов (*ng, ni, nina; sa, kay, kina*), которые могут уточняться сравнительно малоупотребительными и немногочисленными предлогами. Наиболее дифференцированно и точно объектные отношения выражаются в предложениях пассивного строя. Разнообразие пассивных конструкций достигается благодаря наличию различных залоговых форм у глаголов. Напротив, в рамках активной конструкции возможности для дифференцированного выражения объектных отношений весьма ограничены; в частности, отсутствует сколько-нибудь ясное выделение прямого дополнения среди прочих дополнений, вследствие чего отпадает и этот обычный критерий разделения глаголов на переходные и непереходные.

Если мы обратимся к языкам с эргативным строем, то там *ОП* выглядит совершенно по-иному, при этом также меняясь от языка к языку. Например, в абазинском языке наряду с выделением лексико-грамматических подгрупп переходных и непереходных глаголов существуют различаемые по парадигме переходный и непереходный залого; имеет место совсем особая падежная система, не выделяющая винительного падежа, противопоставленного именительному; отсутствует противопоставление действительного и страдательного залогов.

Принципиально отличные *ОП* обнаруживаются в изолирующих языках — китайском, тайском, вьетнамском, в палеоазиатских языках (с их инкорпоративными конструкциями).

Естественно возникает вопрос: нельзя ли установить какие-либо универсальные прямые зависимости между элементами *ОП*? Однако ответ на этот вопрос должен быть отрицательным: связи между элементами *ОП* являются весьма пестрыми и непостоянными, и это объясняется тем, что, как отмечалось выше, *ОП* объединяет в себе средства и категории, принадлежащие разным уровням языковой системы, и отражает особенности морфологии и синтаксиса, присущие данной системе.

Влияние этих общих особенностей усложняет соотношение элементов внутри *ОП*. Поэтому для установления каких-либо закономерных соответствий между элементами внутри рассматриваемой подсистемы надо выйти за рамки ее.

Поскольку выражение объектных отношений есть по существу отношение глагола к имени, то здесь существенную роль должен играть характер этих двух категорий в данном языке. Естественно предположить, что если в языке сильно развита падежная система, то следует ожидать, что обнаружится слабость в залоговой системе и в различении переходных — непереходных глаголов, а если в языке развита система залогов, то ей может сопутствовать слаборазвитое или неразвитое именное словоизменение. Именно так и обстоит дело в различных конкретных языках, хотя и существуют особенно богатые в морфологическом отношении языки, где выражение объектных отношений обслуживается и глагольным, и именным словоизменением (например, латинский).

Соотношение основных средств выражения объектных отношений глагола к имени в различных языках можно изобразить графически (см. приводимую схему).

Сначала отделяем *ОП*, где для выражения объектных отношений служат средства только синтаксические и лексические. Такие *ОП* имеют место в языках изолирующих. На правой ветви остаются все *ОП*, в которых для этой цели используются формы слов (синтаксические и лексические средства не исключаются). Раздвоение этой ветви указывает на разделение морфологических средств на глагольное и именное формообразование. Глагольное формообразование имеет две основные разновидности: 1) формы действительного и страдательного залогов; 2) формы объектного спряжения. Именное формообразование также сводится к двум разновидностям падежных систем: 1) номинативная система (с винительным падежом, противопоставленным другим косвенным падежам), 2) эргативная система (в которой субъект при непереходном глаголе и объект при переходном глаголе выражаются одним и тем же именительным падежом, т. е. отсутствуют противопоставленные именительный и винительный падежи). Соответственно на каждой ветви даны в качестве примеров те или иные языки. В некоторых случаях один и тот же язык должен быть приведен более чем на одной ветви — это не опровергает предлагаемой схемы, а говорит либо о морфологическом богатстве таких языков, о возможности чего упоминалось выше, либо об отражении в их *ОП* черт различных языковых систем.

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Проф. В. Скаличка одной из важнейших задач типолога считает «познание количественных отношений»¹, существующих между фактами в разных языках. По его мнению, это дает возможность более надежно сравнивать языки и выявлять универсалии не только типа «если есть *A*, то есть и *B*», но и универсалии типа «чем больше *A*, тем больше *B*» и т. п. Универсалии второго типа, включая имплицативную информацию первой, дают еще и информацию о количественных отношениях, существующих между двумя явлениями языка.

Такое сравнение создаст новый материал не только для типологии, как таковой, но и позволит объяснить уже описанные явления конкретных языков. При этом чем больше будет привлечено языков для такого сравнения, тем большей объяснительной силой будет обладать описание каждого из конкретных языков.

Известно, что типологически разные языки отличаются друг от друга не только способами выражения пассивного значения² в предложении, но и их употребительностью.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно произвести подсчеты в текстах одного жанра и одинаковой длины на разных языках, например, русском, бирманском и английском. Результаты подсчетов, произведенных в текстах переводов, менее убедительны, поскольку грамматика переводимого текста оказывает некоторое влияние на грамматику перевода. Подсчеты в оригинальных текстах на современных языках дали следующие результаты: в первых 10 страницах

¹ В. Скаличка, К вопросу о типологии, — ВЯ, 1966, № 4, стр. 24—26.

² Под пассивным значением предложения здесь понимается такое значение предложения, которое возникает в том случае, если подлежащим в нем служит существительное, обозначающее не производителя действия (как в предложениях с активным значением), а объект этого действия. Пассивной конструкцией (или сокращенно пассивом) здесь называется совокупность средств выражения пассивного значения предложения. Таким образом, «пассивное значение» соотносится с «пассивной конструкцией» так же, как план содержания соотносится с планом выражения.

рассказа А. Толстого «Гадюка»³ пассивных конструкций предложения оказалось 11, в первых 10 страницах рассказа одного из известнейших писателей Бирмы Да Гон Тая «Тонкий аромат»⁴ их оказалось 8, а в 10 страницах рассказа Сомерсета Моэма «Государственный пост»⁵ — 53.

Ясно, что такие большие различия в употребительности пассива нельзя объяснить случайностью или спецификой стиля авторов. Если выбрать трех других писателей, также пишущих в одном жанре, то цифровые данные для каждого автора, естественно, будут иными, но разрыв между ними, отражающий различия в употреблении пассива, между русским и бирманским языками, с одной стороны, и английским — с другой, останется тем же. Чем же объясняются эти различия, если назначение человеческой речи во всех языковых коллективах одинаково? Другими словами, с чем (с наличием какого явления в языке) связана большая или меньшая употребительность пассивной конструкции в указанных языках и не является ли обнаруженная зависимость двух языковых явлений универсальной?

Как известно, пассивная конструкция может быть либо двучленной, и тогда производитель действия не указывается, либо трехчленной, и тогда производитель действия указан. Известно также, что помимо своего прямого назначения — показать, что существительное в роли подлежащего обозначает не субъект действия, а его объект, — и двучленная и трехчленная пассивные конструкции имеют и другое назначение в языке. Так, двучленная конструкция употребляется тогда, когда требуется избежать упоминания о производителе действия либо по объективным, либо по субъективным причинам, т. е. либо когда этот производитель действия неизвестен говорящему, либо когда о нем сознательно умалчивают.

Трехчленная пассивная конструкция содержит ту же информацию, что и соответствующая ей активная конструкция. Предложения *Рабочие строят школу* и *Школа строится рабочими* соотносятся с одной и той же ситуацией. Это лишь два способа представления одного и того же процесса. В одном случае отправной точкой коммуникации служит субъект действия, обозначенный существительным *рабочие*, а в другом — объект действия, обозначенный существительным *школа*. Таким образом, трехчленная пассивная конструкция употребляется для изменения коммуникативной роли существ-

³ А. Толстой, Собрание сочинений, т. 4, М., 1958, стр. 180—181.

⁴ Да Гон Тая, Тонкий аромат, — журн. «Шумауа», Рангун, 1959, июль, стр. 110—118.

⁵ Somerset Maugham, The Official Position, — «Here and There», London, 1948, стр. 86—97.

вительных, выступающих в функции подлежащего и дополнения в активном предложении. При трансформации активного предложения в пассивное объект действия говорящий представляет как «данное», «известное». При этом существительное, обозначающее объект действия, принимает форму подлежащего, т. е. в языках, располагающих морфемными средствами⁶ указания на синтаксическую функцию слов, как, например, в русском и бирманском, оно соответствующим образом изменяется или маркируется, так как «подлежащее есть такая языковая категория, которая вырабатывается в языке как средство выражения логического субъекта»⁷.

Однако указанное изменение коммуникативной нагрузки существительных возможно и на базе активного предложения.

Во-первых, путем перестановки членов предложения. Дополнение выносится в начало предложения. В этом случае объект действия либо становится отправной точкой коммуникации (если перед ним нет других слов), либо входит в ее состав (если перед ним есть какое-нибудь слово или слова). При этом ни форма существительного, обозначающего этот объект, ни его помета как дополнения не меняется, например: *Школу строят рабочие* или *Школу рабочие строят*.

Во-вторых, путем вынесения дополнения в начало предложения с превращением его в тематическое подлежащее⁸ этого предложения. При этом оформление существительного, выступавшего в функции дополнения, естественно меняется там, где в языке имеются морфемные средства для маркировки тематического подлежащего. Следует отметить, что в русском языке предложения с тематическим подлежащим характеризуют лишь определенный стиль речи, например: *Школа — ее рабочие строят*.

Ясно, что как в первом, так и во втором случае перераспределение коммуникативной роли слов, т. е. изменение в актуальном членении предложения, не затрагивает всю структуру предложения в такой мере, как трансформация для тех же целей активного предложения в пассивное. Так, форма подлежащего и форма сказуемого в обоих этих случаях остаются прежними. Вследствие сравнительной простоты указанных способов изменения в актуальном членении мы вправе ожидать большей употребительности их по срав-

⁶ Под морфемными средствами имеются в виду как части (флексии) слов, так и служебные слова, называемые в бирманистике синтаксическими показателями.

⁷ В. В. Панфилов, *Грамматика и логика*, М., 1967, стр. 75.

⁸ Тематическим подлежащим здесь называется такой обособленный член предложения, который по смыслу связан со следующим за ним предложением как с целым, например, в ряде языков предложения типа: (букв.) «Он отец умер» и т. п. являются литературной нормой.

нению с пассивной трансформацией в тех языках, где они возможны.

Свободная инверсия, или перестановка подлежащего и дополнения, возможна лишь в языках с относительно свободным порядком слов, который в свою очередь предопределяется преимущественным использованием морфемных средств в синтаксическом членении предложения. К таким языкам и относятся русский и бирманский, и, хотя в русском языке синтаксические функции существительных в роли подлежащего и дополнения маркируются падежными окончаниями, а в бирманском — служебными словами, перестановка их — очень распространенное явление, поэтому пассивные конструкции в этих языках малоупотребительны.

В английском же языке функция существительных, относящихся к глаголу-сказуемому, маркируется их порядком, отсюда порядок слов (точнее, членов предложения) — фиксированный, и, как следствие этого, пассивная конструкция настолько употребительна, что подлежащим пассивного предложения может быть слово, обозначающее не только прямой, но и почти любой косвенный объект, т. е. возможны пассивные предложения типа: *The bed had not been slept in*⁹.

Китайский язык с его фиксированным порядком слов в предложении при малой употребительности пассивной конструкции представляет лишь видимое противоречие, поскольку в этом языке широкое распространение получил структурный тип предложений с тематическим подлежащим.

До сих пор речь шла о трехчленной пассивной конструкции и было установлено, что в языках с относительно свободным порядком подлежащего и дополнения она должна быть малоупотребительна, хотя есть и языки с фиксированным порядком слов, где она тоже малоупотребительна (китайский язык). Имеется ли такая же зависимость между относительно свободным порядком слов и употребительностью двучленной пассивной конструкции?

Как уже говорилось, такая пассивная конструкция употребляется тогда, когда не хотят называть в предложении производителя действия. Для этого надо либо построить предложение без подлежащего (односоставное глагольное предложение), либо предложение, в котором подлежащее обозначает не субъект, а объект действия, названного в сказуемом. В последнем случае обычно строится пассивное предложение.

В языках с относительно свободным порядком слов построение предложений без подлежащего, с одним струк-

---

⁹ O. Jespersen, *Essentials of English Grammar*, London, 1952, стр. 123.

турным центром — сказуемым — вполне возможно и широко распространено, как это имеет место в бирманском и русском языках. Вследствие этого в этих языках и двучленная пассивная конструкция тоже малоупотребительна уже потому только, что не является единственным средством построения предложения без указания на производителя действия.

В языках с фиксированным порядком слов, где функция относящихся к глаголу-сказуемому существительных маркируется как раз этим порядком, т. е. позицией, построение повествовательного глагольного односоставного предложения невозможно. Место подлежащего должно быть занято, отсюда и необходимость в формальном подлежащем в английском и французском языках. В таких языках подлежащее — второй необходимый структурный центр повествовательного предложения, и если в этом предложении подлежащее не является средством указания на производителя действия, то оно (подлежащее) обозначает объект действия. Как правило, тогда глагол-сказуемое должен иметь форму страдательного залога, значит, двучленная пассивная конструкция должна быть очень употребительной.

Однако в некоторых языках, где глагольное формобразование развито слабо (как в китайском языке), и в активных предложениях подлежащее по содержанию может быть объектом действия, как это имеет место в предложениях состояния¹⁰ китайского и бирманского языков. Ясно, что в таких языках двучленная пассивная конструкция будет малоупотребительной.

Таким образом, двучленная пассивная конструкция малоупотребительна в тех же самых языках, что и трехчленная пассивная конструкция, а именно в языках с относительно свободным порядком слов¹¹, и широко употребительна в тех же языках, что и трехчленная пассивная конструкция, а именно в языках с фиксированным порядком слов, а эти

---

¹⁰ Н. В. Солнцева, Страдательный залог в китайском языке, М., 1962, стр. 88.

¹¹ Сказанное не относится к употребительности пассива в глагольных определениях. Так, в русском и в бирманском языках пассивное значение гораздо чаще находит выражение именно в глагольных определениях, а не в сказуемом, хотя в русском языке оно выражается синтетически: формами страдательных причастий, а в бирманском — аналитически: путем оформления служебным глаголом *txa* знаменательного глагола с синтаксическим показателем определения *do*.

Это объясняется тем, что здесь пассивная форма (в первом случае причастия, а во втором — глагола в функции определения) является единственным средством, дающим возможность показать, что существительное в функции определяемого обозначает не производителя действия, названного в глагольном определении, а лицо (или предмет), подвергшееся или подвергаемое этому действию, т. е. выполняет функцию лишь собственно пассива.

последние к тому же отличаются развитым глагольным формообразованием.

На основании изложенного выше можно предложить следующую гипотетическую универсалию: если в каком-либо языке наблюдается фиксированный порядок слов, то при достаточном развитии глагольного формообразования в нем широко употребительны пассивные конструкции; если в каком-либо языке относительно свободный или свободный порядок слов, в нем пассивные конструкции — малоупотребительны.

Так, для русского активного предложения мы имеем три равноупотребительные схемы:

- 1) $P - C - D$;
- 2) $D - P - C$;
- 3) $D - C - P$.

Пассивная конструкция малоупотребительна.

Для бирманского активного предложения мы имеем две равноупотребительные схемы:

- 1) $P - D - C$;
- 2) $D - P - C$.

При этом в бирманском языке имеются также и предложения с тематическим подлежащим, и предложения состояния.

Пассивная конструкция малоупотребительна.

Для английского активного предложения мы имеем одну схему:

- 1) $P - C - D$.

Предложения со схемой $D - P - C$ встречаются крайне редко.

Пассивная конструкция очень употребительна.

О НЕКОТОРЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ
ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ В СООТНОШЕНИИ
СИНТАКСИЧЕСКОГО И МОРФОЛОГИЧЕСКОГО
УРОВНЕЙ (В СВЯЗИ С СИНТАКСИЧЕСКОЙ РОЛЬЮ
ПОРЯДКА СЛОВ И ФОРМ СЛОВ)

Постановка проблемы универсалий на современном этапе развития лингвистики означает признание структурных закономерностей, свойственных языку вообще, изоморфных принципов внутреннего устройства различных языков¹.

Таким образом, универсалии призваны отразить общее именно в структурном устройстве языков, общность внутренних структурных принципов, стоящую за внешним разнообразием фактов различных языков.

Возникает вопрос о путях и направлении поиска, исключающих момент случайности и произвольности при определении языковых универсалий. Представляется закономерным путь от грамматических способов и приемов, повторяющихся (пусть в количественно разных соотношениях) в различных языках.

Установление типов грамматических способов, общих для различных языков, относится к числу основных достижений типологии. Признание типологической значимости этих способов содержит в себе мысль о существовании некоторых универсальных принципов устройства языка, лежащих в основе того или иного из способов. Отрицание определенных принципов языкового устройства, соответствующих определенным грамматическим способам, означало бы отрицание типологической значимости последних. Таким образом, раскрытие механизмов языкового устройства, соответствующих определенным грамматическим способам, обуславливается требованием дальнейшего развития типологии и может служить объективной основой для определения языковых универсалий.

¹ См. постановку проблемы в статье Р. Якобсона «Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание», — сб. «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963.

Итак, что следует понимать под принципами, механизма-ми языкового устройства?

Генеральной, общепризнанной идеей современного языко-знания является положение о том, что язык есть система, целое, отдельные элементы или части которой находятся между собой в закономерной связи. Принять это положение фактически — это значит применительно к каждому языко-вому явлению находить элементы, состоящие между собой в закономерных связях, раскрывать эти связи.

Исходя из принципа системности языка, принцип язы-кового устройства можно определить как соответствующее определенному грамматическому способу соотношение за-кономерно связанных между собой элементов, частей или сторон языка. Универсальность принципа языкового устрой-ства означает наличие в языках некоторого соотношения как постоянной величины.

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются два способа выражения синтаксических отношений между словами — 1) средствами порядка слов и 2) средствами форм слов — и те принципы языкового устройства, которые лежат в их основе. Основанием для предлагаемых выво-дов явилось проводимое автором исследование синтакси-са китайского языка и сопоставление данных последнего с данными русского языка.

Сопоставительный анализ русского и китайского языков, языков типологически разных, дает чрезвычайно богатый материал для типологических наблюдений. При условии правильной постановки вопроса и правильного объяснения соответствующих фактов полученные результаты могут служ-ить предпосылкой для выдвижения научных гипотез об универсальных свойствах языка.

Объясним используемые в нашей статье термины.

Элементарная синтаксическая единица, или синтагма, — это грамматически правильное и цело-стное объединение слов, структура которого определяется отношением двух членов.

Данное понимание синтагмы соответствует сосюровско-му, однако с тем существенным различием, что ее предель-ным элементом считается слово.

Непредикативная синтагма образуется отноше-нием поясняемого и поясняющего членов, предикатив-ная синтагма образуется отношением субъектного и предикативного членов.

Структура синтагмы определяется показателем связи между ее членами. В качестве показателей синтакси-ческой связи языки используют различные средства: формы слов, служебные слова, частицы, порядок слов и т. д. Су-

ственно отметить, что в ряде случаев структура синтагм организуется не одним синтаксическим показателем, а несколькими, например сочетанием падежа и предлога (последога), порядка слов и служебных слов и т. п.

Порядок слов считается грамматически значимым, если правилами языка предполагается строго определенная последовательность членов синтагмы.

Синтаксическое значение — значение реляционного типа, соответствующее употреблению определенного показателя связи между членами синтагмы.

Определение синтаксических значений предполагает анализ соотношения между синтагмами различных структур и выявление на основе этого анализа семантико-реляционных признаков, противопоставление которых имеет для данного языка формальную значимость (т. е. соответствует противопоставлению синтагм различной формальной организации). Указываемое понимание синтаксического значения исключает признание традиционного разделения реляционных значений на атрибутивный, обстоятельственный, объектный, субъектный типы как универсально значимого разделения синтаксических значений. Анализ системы синтагм конкретного языка может выявить синтаксические значения, основанные на различении семантико-реляционных признаков, не укладывающихся в традиционную схему разделения значений. Ниже показывается, например, сущность синтаксических значений способа действия и обстоятельственной характеристики, противопоставляемых в китайском синтаксисе на основе словопорядка. Те значения, которые, согласно этому противопоставлению, отождествляются (синтаксический ряд типа *шо хуа* 'говорить слова', *жэнцзой цзян-чжун* 'бросить в реку', *цзичжундао икуар* 'собраться вместе'), согласно традиционному разделению значений, различаются (дополнение и обстоятельство). И наоборот — то, что различается (например, *жэнцзай цзян-чжун* 'бросить в реку' и *цзай цаочан-ли тицю* 'играть в футбол на спортплощадке'), традиция отождествляет (обстоятельство).

Функциональные члены — это те члены синтаксических единиц, которые выступают выразителями и носителями реляционных значений. В непредикативных синтагмах это будут вводимые посредством определенных синтаксических показателей поясняющие члены. В предикативных — оба члена.

Классы слов (или части речи) — группы слов, объединяемые определенной общностью значения и грамматических (морфологических или синтаксических) признаков. Классы слов берутся здесь как данные величины.

Слова и классы слов относятся к морфологическому уров-

ню языка. Синтаксические значения — принадлежность синтаксического уровня.

Итак, сопоставительный анализ фактов китайского и русского языков показывает следующее.

В той мере², в какой отношения между словами выражаются порядком слов, структура соответствующей синтаксической единицы обнаруживает определенную индифферентность по отношению к классной принадлежности ее функционального члена: та или иная позиция функционального члена не связана с различием классов слов. См., например, такой ряд китайских непредикативных синтагм, как *баоюань та* 'обижаться на него'; *жэнцзай цзян-чжун* 'бросить в реку'; *каньла иань* 'взглянуть разок'; *дяоча минбайла* 'изучить' (букв. 'исследовать — понять'); *шоуши ганьцзин* 'убрать чисто'; *цзичжундао икуар* 'собраться вместе', в котором слова класса имен, счетных слов, глаголов, прилагательных, наречий занимают позицию после глагола. А в таком ряду непредикативных синтагм, как *хэ та шо* 'говорить с ним'; *цзай цаочан-ли тицю* 'играть на спортивной площадке в футбол'; *ицзяо тисы гэ ню* 'одним ударом ноги убить корову'; *вэйсяоди цочжо шоу* 'улыбаясь, потирать руки'; *цяоцяо-ди шо* 'тихонько сказать'; *икуар цзоу* 'пойти вместе', слова тех же классов занимают позицию перед глаголом.

В той же мере, в какой отношения между словами выражаются формами слов, структура соответствующей синтагмы находится в прямой зависимости от классной принадлежности соответствующих слов: разные классы дадут разные структуры синтагм. Ср., например, структуру атрибутивных синтагм в русском языке в случаях, когда функциональные члены выражаются соответственно прилагательным и существительным: *красная материя* (показатель связи между членами синтагмы — согласование между прилагательным и существительным в роде, числе и падеже), *книга сестры* (показатель связи — родительный падеж существительного), или — структуру предикативных синтагм, предикативные члены которых выражаются соответственно глаголом, прилагательным, существительным: *он идет* (показатель связи — согласование в лице, числе), *она веселая* (показатель связи — согласование в роде, числе, падеже), *он студент* (показатель связи — именительный падеж).

Известное безразличие к классной принадлежности функционального члена, наблюдающееся при выражении отношений средствами форм слов (например, синтаксическая эквивалентность прилагательных, причастий, относительных

---

² Мы говорим «в той мере», так как структура синтагмы может организовываться несколькими синтаксическими показателями.

местоимений, порядковых числительных при пояснении существительного в русском языке), имеет в своей основе морфологическое уподобление нескольких классов одному классу (в указываемом случае — классу прилагательных), что по существу сохраняет прямую зависимость структуры синтагмы от определенного класса.

Другой стороной этого же явления (зависимости структуры синтагмы от классной принадлежности функционального члена, если она формируется формами слов) является известная способность одной и той же формы выступать в разных синтаксических функциях, в составе синтагм различного типа. См., например, употребление русского творительного падежа в синтагмах типа *ударить молотком, нос крючком, работать инженером*, родительного — в синтагмах типа *книга сестры и не хватает денег*, дательного — в синтагмах типа *памятник Пушкину и подарить отцу*, именительного — в функции подлежащего и приименной части сказуемого, полной формы прилагательного в функции определения и функции сказуемого и т. п.

Итак, сопоставление данных китайского и русского языков показывает, что структура синтаксической единицы зависит от классной принадлежности функционального члена, если она формируется формами слов, если же она формируется порядком слов, она от классной принадлежности функционального члена не зависит.

Указанная связь между способами выражения отношений между словами и характером зависимости структуры синтаксической единицы от классной принадлежности функциональных членов не случайна — в основе ее лежит определенное соотношение определенных сторон языка.

Рассмотрим это соотношение. Выражение отношений между словами (формирование синтагм) сопряжено с закономерным взаимодействием синтаксического и морфологического уровней языка. Синтаксические значения, с одной стороны, и значения слов (категориальные и индивидуальные) — с другой, — вот те два необходимых компонента, соотношение между которыми составляет принцип языкового устройства в рассматриваемой языковой сфере.

Основные черты взаимодействия синтаксических значений и классов слов состоят в следующем.

Значение синтагмы (т. е. содержание отношения между образующими ее членами) как единицы высшего по сравнению со словом уровня базируется на значениях слов (категориальных и индивидуальных). Носителями синтаксических значений выступают функциональные члены соответствующих синтагм. Однако это не значит, что функциональные члены синтаксических единиц способны реализовать лишь те

реляционные значения, которые непосредственно базируются на значении соответствующего класса (синтактико-морфологические значения). В составе синтаксической единицы под влиянием взаимодействия значений сочетающихся слов функциональные члены могут реализовать реляционные значения, не имеющие непосредственной базы в значении классов, — чисто синтаксические значения (известную аналогию здесь можно провести с химией, которая дает множество примеров того, как меняются свойства элемента в составе различных соединений).

Таким образом, наблюдается два типа реляционных значений. Первый — синтактико-морфологический, когда соответствующее реляционное значение имеет в своей основе категориальное значение слов. Например, значение атрибутивности, выраженное на базе слов класса прилагательных. Второй — чисто синтаксический, когда соответствующее реляционное значение не имеет в своей основе значения класса, например, то же значение атрибутивности (признака предмета) при функциональном члене, выраженном существительным, глаголом, наречием и т. п.

В плане чисто синтаксических значений — синтагмы, функциональные члены которых образованы различными классами, могут объединяться определенной общностью значения (то же значение атрибутивности в разного рода именных — с поясняемым членом существительным — синтагмах), а синтагмы, образованные одним и тем же классом, — противопоставляться друг другу (например, противопоставление синтаксических значений атрибутивности и предикативности при функциональном члене, выраженном прилагательным: *высокая девушка и девушка высокая*).

В плане синтактико-морфологических значений — синтагмы, функциональные члены которых образованы различными классами слов, отличаются друг от друга по значению, а образованные одним и тем же классом слов объединяются определенной общностью значения. Например, в синтагмах *красный цветок, книга сестры, желание увидеть*, чисто синтаксически объединяемых значением атрибутивности, соответствующий признак в одном случае выражается через отношение предмета и его качества, во втором — через отношение предмета к предмету, в третьем — через отношение процесса к процессу. Чисто синтаксически противопоставленные друг другу атрибутивная и предикативная синтагмы, коль скоро их функциональные члены выражаются прилагательным, обладают определенной общностью значения, состоящей в том, что и в том и в другом случае реализуется отношение предмета и качественного признака.

Двум грамматическим способам — порядку слов и фор-

мам слов — соответствуют два различных принципа обобщения и разграничения значений на синтаксическом уровне языка.

Синтаксические структуры, формируемые порядком слов, основаны на принципе релевантности чисто синтаксических значений и, таким образом, независимы от определенных классов слов и их значений; синтаксические структуры, формируемые формами слов, основаны на принципе релевантности синтактико-морфологических значений и имеют, следовательно, в своей основе категориальное значение определенного класса слов.

Таким образом, зависимость между структурой синтаксической единицы и классами слов, различная при порядке слов и формах слов (то, на что указывалось выше), получает свое объяснение.

Структура синтагм, организуемая порядком слов, потому индифферентна к классной принадлежности функционального члена, что порядок слов имеет в своей основе чисто синтаксический тип обобщения значений. А это значит, что слова различных классов, если они объединяются определенной общностью синтаксического значения, могут занимать одну и ту же позицию, и наоборот, слова одного и того же класса, если они выражают синтаксически противопоставленные значения, займут разную позицию.

Сравнительный анализ синтаксических форм китайского языка показывает, что в основе оппозиции постпозитивной и препозитивной глагольных структур (с постпозицией и препозицией функционального члена по отношению к глаголу) лежит противопоставление чисто синтаксических значений способа действия (объектный, количественный, результативный) и обстоятельственной характеристики, т. е. противопоставление связей, обусловленных внутренними возможностями процесса и соответственно характеризующих процесс и внутри, указывая на способ его разворачивания во времени, и связей, внутренние же независимых от процесса, реализующихся параллельно процессу и характеризующих процесс и внешне, с точки зрения сопутствующих ему обстоятельств.

Слова различных классов займут позицию после глагола постольку, поскольку синтаксически (т. е. в составе определенных синтагм) они выступают носителями значения способа действия, и займут позицию перед глаголом, если синтаксически они выступают носителями значения обстоятельственной характеристики.

Ср. с точки зрения указанного противопоставления следующие пары примеров, в которых слова одного и того же класса занимают позицию после и перед глаголом:

1. *шоу хуа* 'говорить слова' (связь с объектом данного содержания — необходимое условие реализации процесса) и *хэ та шо* 'говорить с ним' (связь с объектом данного содержания не является необходимым условием реализации процесса).

2. *жэнцзай цзын-чжун* 'бросить в реку' (нахождение в месте — результат развития процесса) и *цзай цаочан-ли тию* 'играть в футбол на спортивной площадке' (нахождение в месте — сопутствует реализации процесса).

3. *каньла иянь* 'взглянуть разок' (счетное слово характеризует процесс с количественной стороны) и *ицзяо тисы гэ ню* 'одним ударом ноги убить корову' (счетное слово характеризует процесс не столько со стороны количества, меры его проявления, сколько со стороны условий, сопутствующих его реализации).

4. *дяоча минбайла* 'изучить' (букв. 'исследовать', 'понять') и *вэйсяо-ди цочжо шоу* 'улыбаясь, потирать руки'; *шоуши ганьцзин* 'убрать чисто' и *цяоцяо-ди шо* 'сказать тихонько'; *цзичжундаола икуар* 'собраться вместе' и *икуар цзоу* 'идти вместе'. В одном случае глагол, прилагательное, наречие обозначают признаки, реализующиеся, как таковые, вследствие реализации процесса и соответственно придающие процессу результативную характеристику, в другом — соответствующие признаки реализуются, как таковые, параллельно реализации процесса и характеризуют процесс со стороны тех или иных обстоятельств его протекания.

Структура синтагм, образуемая формами слов, потому зависит от классной принадлежности функциональных членов, что формы слов имеют в своей основе морфолого-синтаксический тип обобщения значений. А это значит, что постольку, поскольку в качестве средства связи используются формы слов, функциональная (чисто синтаксическая) общность значения не получает общего формального выражения — каждый класс будет ее выражать по-своему. Формальное выражение получают те различия в реляционных значениях, которые возникают за счет различной классной отнесенности соответствующих функциональных членов. Например, атрибутивный признак, основанный на отношении к предмету (предметность — значение класса существительных), выражается в русском языке средствами категории падежа (категория, свойственная существительному), а тот или иной из падежей избирается в зависимости от различий в отношениях между соответствующими предметами (ср. *книга сестры*, *памятник Пушкину* и *нос крючком*); атрибутивный признак, основанный на значении качества, выражается средствами согласования прилагательного и т. п.

С другой стороны, синтаксически противоположные, не-

однородные структуры обладают в русском языке некоторыми общими формальными признаками, опять же вследствие того что они обладают определенной общностью значения за счет одинаковой классной принадлежности соответствующих функциональных членов. Например, согласование прилагательного с существительным, используемое в атрибутивных и предикативных структурах и выражающее общее для обеих структур значение связи предмета и качественного признака; использование творительного в функциях дополнения, определения, присвяточной части сказуемого (*ударить молотком, нос крючком, он работает инженером*), обусловленное той общностью значения соответствующих структур, которая имеет место за счет употребления в них существительного и того отношения, в котором находится соответствующий предмет к другим предметам или признакам; последнее (отношение) составляют в наших примерах связанные друг с другом значения орудия, способа (образа) действия, исполнителя функции.

Итак, данные китайского и русского языков показывают, что порядок слов и форм слов как синтаксические средства языка имеют в своей основе различное соотношение синтаксического и морфологического уровней, различный характер зависимости синтаксических значений от классов слов.

Соотношение категорий синтаксиса и морфологии, соответствующее способу порядка слов, состоит в чисто синтаксическом характере выражаемого порядком слов значения и соответственно — в независимости этого значения от определенного класса слов. Соотношение категорий синтаксиса и морфологии, соответствующее способу форм слов, состоит в синтактико-морфологическом характере выражаемого формами слов значения и соответственно — в зависимости этого значения от определенного класса слов.

Эти различия в характере соотношения категорий синтаксиса и морфологии объясняют соответствующие структурные особенности синтаксических единиц в их связи с классами слов.

Представляется закономерным предположение о том, что указываемое соотношение синтаксического и морфологического уровней является величиной постоянной для различных языков, т. е. является универсальной структурной закономерностью. Именно — соотношение категорий синтаксиса и морфологии, а не значение отдельных форм и порядка слов (они будут разными в различных языках).

Научной предпосылкой и основанием выдвигаемой гипотезы являются следующие два допущения: 1) допускается, что грамматические приемы изоморфны принципам граммати-

ческого устройства; 2) допускается, что на материале русского и китайского языков принципы грамматического устройства, соответствующие грамматическим способам порядка слов и форм слов, интерпретированы правильно.

Работа, проведенная нами по верификации предлагаемой гипотезы, не может считаться достаточной, однако она позволяет привести ряд подтверждающих фактов. Кроме грамматик китайского и русского языков рассматривались грамматики немецкого, английского, французского, тайского, вьетнамского, японского, турецкого, монгольского, хинди, бенгальского языков.

Данные указанных языков свидетельствуют о следующем.

Во всех языках, где формы слов выступают как средство синтаксической связи, они не обладают безусловной функциональной однозначностью, обслуживая разные типы синтагм, разные синтаксические функции; с другой стороны, однотипные синтагмы, одна и та же функция, обслуживаются разными формами. Эти факты являются свидетельством того же соотношения между категориями синтаксиса и морфологии, того же принципа обобщения значений в синтаксисе, которые имеют место в русском языке. Следует отметить, что степень функциональной неоднозначности морфологических форм в различных языках неодинакова. Например, в русском языке, как отмечает В. Г. Адмони, морфологические формы обладают большей свободой синтаксического употребления, чем в немецком³, что зависит, по-видимому, от соотношений внутри всего комплекса синтаксических средств, используемых в конкретном языке. Факт функциональной неоднозначности морфологических форм безусловно имеет место в тех языках, грамматики которых нами рассматривались⁴, и теоретически, если механизм синтаксического употребления морфологических форм предлагаемая гипотеза объясняет правильно, не может не иметь места в любом языке.

На материале перечисленных выше языков можно указать несколько случаев использования порядка слов как

³ В. Г. Адмони, Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1955, стр. 71.

⁴ Сопоставьте, например, между собой такие три характеристики языка, приводимые в работе: А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956: 1. «Определение может стоять не только в форме основного или притяжательного (родительного, при изафете) падежей, но и в форме дательного, местного, исходного падежей, а также может управляться послелогами» (стр. 416); 2. «Слова в основном, дательном, местном, исходном падежах, а также в сочетании с послелогами обслуживают два разряда членов предложения: дополнение и обстоятельство» (стр. 396); 3. «Слово, выступающее в присвязочной части, стоит в основном, родительном, дательном, местном, исходном падежах, сочетается с послелогами; присвязочная часть может принимать аффиксы принадлежности» (стр. 387).

чисто синтаксического средства, не зависящего от определенного класса слов.

1. Случаи строго фиксированного расположения членов синтаксических единиц, например: уточняющие члены перед уточняемыми в японском языке, постпозиция поясняемого члена и препозиция поясняющего в хинди и бенгальском, постпозиция поясняющего члена в тайском, определение перед определяемым в турецком и монгольском языках, постпозиция определения во французском и вьетнамском.

Само собой разумеется, что, поскольку определенная позиция свойственна члену синтаксической единицы, она остается неизменной при выражении соответствующего члена словами любого класса. Эти факты — несомненное и весьма убедительное подтверждение обосновываемой в данной статье закономерности.

2. Случаи формирования предикативной синтагмы с участием определенной позиции (постпозиции и препозиции) присвязочного члена и выражением последнего словами различных классов, например:

русск.: 1) *Товарищ был студент;* 2) *Он был с усами;* 3) *Девушка была красивой;* 4) *Блузка была обужена;* 5) *Она была здесь;* 6) *Сестра была замужем;* 7) *Ехать было необходимо.*

нем.: 1) *Die Rose ist eine Blume;* 2) *Das Buch ist Payls;* 3) *Das Buch ist mir;* 4) *Die Türe ist hier;* 5) *Der Knabe ist gut;* 6) *Mein Sohn ist 10 Jare alt;* 7) *Die Tür ist geschlossen;*

англ.: 1) *He is a doctor;* 2) *This book is yours;* 3) *He is young;* 4) *He is in Moscow;* 5) *To go there is necessary;* 6) *He is thirty-two;* 7) *He got tired.*

Несомненно, что в рассматриваемых случаях общность позиции различных классов связана с определенной общностью синтаксического значения — с выражением и формированием идеи сказуемого.

В ряде языков, в которых отсутствует словоизменение прилагательного и для которых характерен определенный порядок слов, функции существительного и прилагательного обобщаются — в той мере, в которой существительное чисто синтаксически, в определенных сочетаниях слов, приобретает значение качества, свойства предмета. Подобное явление имеет место в английском, китайском, турецком, монгольском и других языках.

Существует довольно обширная литература, в которой интерпретация данного языкового явления дебатруется в такой плоскости: остается ли в таких случаях существительное самим собой или превращается в прилагательное. Однако, если учесть, что язык способен обобщать и на чисто синтаксической основе, то окажется, что эти случаи так же

закономерны, как и те, когда существительное и прилагательное выражают свою зависимость от определяемого в разной форме, и что собственно для постановки вопроса о переходе существительного в прилагательное нет оснований.

В заключение отметим следующее. Формы слов и порядок слов противостоят друг другу как грамматические средства синтетического и аналитического порядка. Естественно предположить, что чисто синтаксический тип обобщения значений, соответствующий грамматическому способу порядка слов, может быть характерен и для прочих синтаксических средств аналитического порядка (служебных слов, частиц, не входящих в структуру слова). Интересны в этой связи данные языка хинди⁵. Они показывают, как причудливо язык в свойственных ему структурах может синтезировать синтактико-морфологический и чисто синтаксический принципы обобщения значений. В хинди для определения как члена предложения характерно согласование с определяемым (в основном — в роде и частично — в числе и падеже). Интерес представляют способы реализации согласования определения с определяемым: если определение выражается словом, относящимся к классу слов, обладающих способностью к согласованию (изменяющимся прилагательным, причастием, притяжательным местоимением), то согласование с определяемым реализуется в форме соответствующего слова; однако, если определение выражается словом, относящимся к классу слов, не способному к согласованию (существительное, глагол, наречие), то используются определенные служебные элементы аналитического порядка, которые, изменяя свою форму, реализуют согласование определения с определяемым.

Такого рода факты убеждают, что поиск свойственных языку типов обобщения значений, способов формирования его абстракций представляет собой задачу, достойную внимания.

---

⁵ В. А. Чернышев, Синтаксис простого предложения в хинди, М., 1965, стр. 59—67.

ОБ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ОДНОЙ УНИВЕРСАЛИИ

0.0. С точки зрения кибернетики порядок можно понимать как хаос, на который наложены ограничения: именно таким образом понимается информация, например в работах У. Эшби, который определяет ее как «упорядоченное разнообразие»¹.

Такое же понимание порядка, присущее, вероятно, всему человечеству, нашло отражение в древнейших мифах разных народов (ср., например, греческие мифы о первобытном яйце, индийские мифы о разделении земли и неба и т. п.). Смысл притчи о Вавилонской башне, по-видимому, лишь в том, что человеческие языки имеют общее основание, некий глубинный инвариант, проявляющийся в виде универсальных ограничений, наложенных на все или большинство языков.

По этой же причине поиски различных универсалий и проверка уже предложенных (чему посвящена настоящая конференция) приобрели столь большое значение.

В дальнейшем на базе утвержденных и проверенных универсалий, вероятно, можно будет создать метаязык, пригодный для описания конкретных языков: тем самым, наконец, осуществится давняя мечта лингвистов об универсальной грамматике.

0.1. Языкознание является эмпирической наукой², и, как у всякой подобной науки, его функция заключается в упорядочении фактов действительности, т. е. в наложении системных ограничений на поступающую извне информацию.

Хорошо известно, что один и тот же эмпирический материал может быть упорядочен неединственным образом в зависимости от первоначальных допущений: языковые факты при этом не представляют исключения (ср. прим. 1).

¹ Ср. «...шум по существу неотличим от любой другой формы разнообразия. Установить различие между сообщением и шумом можно только в том случае, когда имеется некоторый получатель, решающий, какая информация имеет для него значение» (У. Р. Эшби, Введение в кибернетику, М., 1959, стр. 267).

² Хотя «в лице структурной лингвистики языкознание вступает в семью точных наук...», это «вступление, как показывает практика, будет достаточно длительным и мучительным процессом» (см. С. К. Шаумян, Структурная лингвистика, М., 1965, стр. 44).

0.2. В своей классификации универсалий Б. А. Успенский показал, что наиболее заслуживающими внимания являются индуктивные (эмпирические) универсалии³.

Любая такая универсалия получается следующим образом: наблюдается некоторое (не все) множество языковых систем, выводится определенная закономерность, далее постулируется, что она будет верна и для нерассмотренных языков.

0.3. Если предположенная закономерность является универсальной (U) для данного множества языков (L) и если в дальнейшем находится такой язык (l), для которого «неверно, что U », то лингвист обычно оказывается перед выбором из двух возможностей:

1) полностью отказаться от U ;

2) сохранить U и считать данный l исключением, т. е. перевести данную универсалию из абсолютной в статистическую⁴.

Между тем в свете сказанного (0.0—0.2) ясно, что в определенных случаях существует и третья возможность: переупорядочить эмпирические данные l таким образом, чтобы U осталась абсолютной и l не представлял собой исключения. Это не только позволяет сохранить U , но нередко может упростить описание l .

0.4. В настоящем сообщении речь пойдет о проверке уже существующей универсалии: «в любом языке число фонем меньше или равно восьмидесяти одной»⁵.

Поскольку высказывались сомнения в реальности предложенной универсалии⁶, на материале такого «типичного» языка-исключения, как кашмири, демонстрируется необходимость принятия данной U в качестве абсолютной.

1.0. При исследовании фонетики и фонологии кашмири лингвисты сталкиваются с целым рядом трудностей, одна из которых — и весьма существенная — отсутствие единой унифицированной системы записи как у носителей, так и у исследователей языка⁷.

---

³ Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 179—222.

⁴ Там же, стр. 179.

⁵ Там же, стр. 198.

⁶ В частности, во время дискуссии о природе универсалий на расширенном заседании индо-иранского сектора Отдела языков ИНА АН СССР.

⁷ До недавнего времени применялись три основных алфавита: деванагари, шарада и арабский. Последний, в настоящее время вытеснивший остальные и построенный на консонантной основе, чрезвычайно неудобен для языка кашмири, в котором гласные фонемы несут весьма значительную информацию [см. подробнее Б. А. Захарьин, Фонемы кашмири (поиски, решения), — «Исследования по фонологии восточных языков» — в печати].

Следует учесть также малочисленность и труднодоступность текстов на кашмири, неграмотность носителей языка и другие факторы. В результате в распоряжении лингвистов имеется лишь весьма противоречивый эмпирический материал: некоторое количество текстов на разных алфавитах (особенно доминирующий в последнее время арабско-персидско-урду шрифт), одинаково плохо приспособленных к кашмирской фонетике, или столь же противоречивые записи европейских исследователей кашмири, применявших собственные системы обозначений⁸.

Не удивительно поэтому, что в большинстве имеющихся работ крайне неадекватно описываются кашмирские фонемы, и даже число таких у разных авторов колеблется в пропорции один к трем: сорок пять у Т. Вейда, сто двадцать пять у Г. Моргенштерне⁹.

1.1. Но существуют и объективные причины столь больших колебаний: сложность звуковой и фонологической систем кашмири, которые допускают разные решения при разложении сегментов типа (C)CV(C).

Вполне вероятно при этом, что кашмири вообще относится к системе языков так называемого силлабемного или группофонемного типа, в которых нельзя рассматривать признаки «вокальность — невокальность» и «консонантность — неконсонантность» как присущие определенным фонемам; в качестве единиц фонологического уровня в таких языках выступают целостные сочетания так называемых согласных и гласных элементов¹⁰. В этом случае фонологическое пространство кашмири описывалось бы при помощи совершенно иной модели, чем та, которая рассматривается здесь.

2.0. Если не рассматривать малоинтересные в лингвистическом отношении и составленные с чисто прагматическими целями (главным образом в качестве Tourist Guides) грамматики кашмири, то существовавшие способы представления фонологической системы кашмири можно будет свести к двум основным моделям: так называемой вокалической

⁸ См., например: G. A. Grierson, *Specimens of the Dardic or Pisacha Languages*, — LSJ, Calcutta, 1919, vol. VIII, pt 2; W. I. Elmslie, *A Vocabulary of the Kashmiri Language*, London, 1872; T. G. Bailey, *The Pronunciation of Kashmiri*, London, 1937; G. Morgenstierne, *The Phonology of Kashmiri*, — «Acta Orientalia», Oslo, 1941, vol. XIX, p. 1.

⁹ См.: G. Morgenstierne, *The Phonology of Kashmiri*, и T. R. Wade, *A Grammar of the Kashmiri Language as Spoken in the Valley of Kashmir*, London, 1888.

¹⁰ См. о группофонемах: В. К. Журавлев, *Группофонема как основная фонологическая единица праславянского языка*, — сб. «Исследования по фонологии», М., 1966, стр. 76—96. Там же приводится библиография по этому вопросу.

(Дж. Грирсона¹¹) и консонантической (Т. Бэйли — Г. Моргенштерне¹²).

З.О. Дж. Грирсон, исходивший из грамматики кашмири, написанной, в соответствии с традицией, на языке санскрит кашмирским ученым И. Каулем¹³ и являющейся по сей день лучшей грамматикой из всех имеющихся, строил свои представления о системе кашмирских фонем целиком на базе фонетической транскрипции И. Кауля.

По Грирсону фонемное пространство кашмири содержит большое количество гласных, вступающих в тройственную оппозицию по долготе, где краткие гласные в качестве средних членов противопоставляются, с одной стороны, долгим, с другой — сверхкратким, или так называемым матра¹⁴.

Эти последние (а именно: *a*-, *e*-, *o*-, *ū*-, *u*-, *i*-матра, при этом сам. Дж. Грирсон отмечал, что *e*-, *o*- — варианты *a*-матра¹⁵) играют особенно важную роль во всей фонологической системе кашмири: меняют тональность предшествующих согласных, обуславливая строго определенные ряды консонантических альтернатив (типа *k—ĉ*, *t—c*, *d—z* и др.), а также модифицируют произношение предшествующих гласных; ср., например, формы от глагола *thakun* 'быть усталым'; *thak* — императив 2-е л. ед. ч.; *-thok^u* — Past, 3-е л. ед. ч. м. р., *-thuch^ū* — Past, 3-е л. ед. ч. ж. р., *thakⁱ* — Past, 3-е л. мн. ч. м. р.¹

С точки зрения дистрибуции шесть гласных-матра могут быть охарактеризованы следующим образом:

Таблица 1

	Гласные-матра					
	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>i</i>	<i>ū</i>
Встречается в середине слога	+	+	+	—	—	+
Реализуется фонетически в середине слога	+	+	+	—	—	+
Встречается перед паузой	—	—	—	+	+	+
Реализуется фонетически перед паузой	—	—	—	?	+	—

¹¹ См.: G. A. Grierson, *Essays on Kashmiri Grammar*, London, 1899; *A Manual of the Kashmiri Language*, Oxford, 1911.

¹² См. прим. 8.

¹³ Грамматика И. Кауля была прокомментирована и издана Дж. Грирсоном: *Isvara Kaula, The Kaṣmīraçabdamaṅṭa, a Kashmiri Grammar, written in the Sanscrit Language by Içvara Kaula, edited with notes and addition by G. A. Grierson, Calcutta, 1898.*

¹⁴ G. Grierson, *Manual...*, стр. 15—16; *Essays...*, стр. 3—4.

¹⁵ Там же, стр. 20.

3.1. Очевидно, *e*-, *o*-, *a*-матра действительно являются вариантами (*a*-матра) и встречаются лишь в позиции «не перед паузой», где они, как и *ū*-матра, также могущая быть в этом положении, реализуются фонетически в виде краткого *ə* — закрытого гласного среднего ряда средне-верхнего подъема. Гласная *ū*-матра, впрочем, наряду с *u*-матра, может быть и в позиции «перед паузой», где, как и *u*-матра, не реализуется фонетически («ноль звука»). Гласная *i*-матра — единственная из всех гласных-матра, которая: а) встречается только «перед паузой» и реализуется в этой позиции фонетически, смягчая предшествующую согласную (так что $C+i\text{-матра}=C'$) и вызывая сдвиг к центру предшествующей гласной, например: *vuč^h* [wuchh^u] — Past, 3-е л. ед. ч. м. р. — *vəč^h* [wuchhⁱ] — Past, 3-е л. мн. ч. м. р. от *wučhun* 'видеть'; б) противопоставляется в этой позиции соответствующей краткой гласной *i*: *gur* 'лошадь' — им. пад. ед. ч., *gurⁱ* (*gur'*) — эрг. пад. ед. ч., *guri* — им. пад. мн. ч.

Таким образом, из шести матра Грирсона лишь одна *i*-матра реализуется фонетически в конечной позиции, проявляясь при этом не в виде самостоятельного звука, а лишь как палатализирующий эффект предшествующих согласной и гласной фонем. (Реализация *u*-матра перед # остается под вопросом, однако ее целесообразно учесть из морфологических соображений).

3.2. Однако (как мне удалось выяснить в ходе работы с информантами¹⁶) в кашмири практически все палатализованные согласные могут быть и не в конечном положении, тогда как правило Дж. Грирсона запрещает появление в этой позиции *i*-матра; ср., например, пары типа *zūn* 'луна' — *z'ūn* — Past, ед. ч. м. р. от *zēnun* 'завоевывать'; *huh* 'этот' — *h'uh* 'подобный', *kul* 'дерево' — *k'ul* 'гвоздь' и др.

Следовало либо непомерно увеличить и без того громоздкую систему гласных ради обладающих малой экспланаторной функцией гласных-матра (практически ради одной лишь *i*-матра), либо совсем отказаться от теории матра, к чему и пришли лингвисты в дальнейшем.

3.3. Теория матра была неудовлетворительна не только с позиций собственно кашмири, но и с точки зрения ареальной типологии индоарийских языков, входивших в гипотетический «гималайский языковой союз», или — шире — в «центрально-азиатский языковой союз» (ЦАЯС)¹⁷.

¹⁶ М. Н. Райной и П. Н. Каулем, которым я приношу искреннюю благодарность.

¹⁷ В. Н. Топоров, Несколько замечаний к фонологической характеристике Центральноазиатского языкового союза, — «Symbolae grammaticae in honorem Georgii Kuryłowiczi», Kraków — Warszawa — Wrocław, 1965.

По данным ареальной типологии, ближайшими соседями кашмири, с которыми он родственен в грамматическом и ином отношениях (например, с синдхи¹⁸) и в которых наблюдаются сходные лингвистические процессы, оказываются языки «консонантического» типа с явно выраженным преобладанием согласных над гласными: так, в хинди процентное соотношение гласных и согласных 34,5 : 65,5; в пенджаби — 38 : 62, в непали — 31 : 69, в синдхи — 28 : 72(!) и т. д.¹⁹

Большинство из родственных кашмири дардских языков также являются консонантическими и содержат более 30 согласных фонем: шина—30, гаварбати—31, пашаи—32 и т. д.²⁰

Принятие теории гласных-матра и введение их в систему [например, в виде чисто реляционных единиц, не имеющих физических коррелятов²¹ и характеризующихся лишь признаками «гласности», «бемольности» (*u*-матра) и «дизности» (*i*-матра); *ÿ*-матра — одновременно «бемольная» и «дизная»] отделило бы тогда насыщенную гласными фонологическую структуру кашмири (соответствующее отношение было бы 48 : 52) от остальных «консонантных» языков, входящих в ЦАЯС.

4.0. Таким образом, сохранение матра даже ценой таких насилий над языком, как описанное выше, было бы нецелесообразным с позиций и «внутренней» и «внешней» лингвистики. Поэтому лингвисты 30-х годов XX в., занимавшиеся фонологией кашмири — Бэйли, Фёрс, Моргенштерне²², — целиком отбросили теорию гласных-матра, приняв взамен гипотезу о существовании в кашмири тоновых оппозиций согласных. Исследователи пришли к выводу, что более адекватна модель, в которой каждый из согласных может быть веляризованным, палатализованным, централизованным или произноситься нейтрально. В терминах ДП — это полная реализация четырех возможных сочетаний двух бинарных оппозиций: «бемольная — простая (тональность)» и «дизная — простая» (табл. 2).

4.1. Наиболее последовательно эту точку зрения отстаивал Моргенштерне, считавший, что каждая из 28 согласных фонем кашмири может произноситься соответственно четырьмя различными способами. Тем самым кашмирская фонологическая

¹⁸ J. Bloch, *L'indo-aryen. Du Veda aux temps modernes*, Paris, 1934, стр. 19.

¹⁹ Т. Я. Елизаренкова, К типологии фонологических систем некоторых новоиндийских языков, — «Доклады делегации СССР на XXVI Международном конгрессе востоковедов», М., 1963, стр. 13—14.

²⁰ В. Н. Топоров, Несколько замечаний к фонологической характеристике Центральноазиатского языкового союза, стр. 323—324.

²¹ См. С. К. Шаумян, Структурная лингвистика, стр. 90; его же, Проблемы теоретической фонологии, М., 1962, и сб. «Исследования по фонологии».

²² См. прим. 8; также доклад Т. G. Bailey, *The Fourfold Consonant System in Kashmiri*, — «Proceedings of the 2-nd Congress of Phonetical Sciences», London, 1935, и «Le maître phonétique», № 68, с докладом Фёрса.

система насчитывала бы 112 (четырежды по двадцать восемь) согласных и 13 гласных, т. е. всего 125 фонем — лишь на три единицы меньше вероятной максимальной загруженности бы-стродействующей человеческой памяти²³.

Таблица 2

Признаки \ Согласные				
	C	C° (C+u-матра)	C°' (C+i-матра)	C°'' (C+y-матра)
«Бемольный—простой»	—	+	0	+
«Диезный—простой»	—	0	+	+

Такое описание кашмирских согласных одобрил и Р. О. Якобсон, указав Моргенстьерне на подобную же четырехмерную структуру фонологического пространства в дунганском, описанную Н. Трубецким. Впоследствии Р. О. Якобсон высказал предположение и о существовании соответствующих четырех рядов гласных²⁴.

Кроме того, Моргенстьерне, находившийся, как, вероятно, и Грирсон, под впечатлением мнимой релевантности оппозиций по долготе для гласных хинди²⁵, считал, что «легче и удобнее распределить гласные по двум различным группам (т. е. противопоставив долгие кратким.— Б. З.), чем пытаться свести их в одну модель», отмечая, однако, при этом, что «возможно, имеется некоторая качественная разница между „краткими“ и „долгими“ гласными»²⁶.

4.2. Легко, однако, увидеть, что и предложенное Моргенстьерне описание кашмирских фонем обладает серьезными недостатками как с точки зрения имманентной структуры языка, так и с позиций общей типологии и прежде всего в этом последнем отношении: число фонем в кашмири тогда значительно превышает 81, нарушая тем самым постулированную универсалию: см. стр. 193.

²³ См., например: V. H. Yngve, A Model and an Hypothesis for Language Structure, — «Proceedings of the American Philosophical Society», 1960, vol. 104, № 5.

²⁴ Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле, Введение в анализ речи, — «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962, стр. 202.

²⁵ В действительности для гласных хинди фонетически релевантна оппозиция по открытости — закрытости; фонологически — противопоставленность по тональности и компактности (см. Б. А. Захарьин, Гласные фонемы хинди, — журн. «Народы Азии и Африки», 1964, № 4).

²⁶ T. G. Bailey, The Fordfold consonant System in Kashmiri, стр. 90.

Кроме того, оказывается, что такое четырехчленное противопоставление согласных противоречит и данным фонетики самого кашмири, на что указывал уже Т. Бэйли, ценные замечания которого относительно того, что «теоретически каждая из согласных может произноситься четырьмя различными способами, но практически влияет лишь *i*-матра²⁷», не учел Моргенстьерне.

4.3. Мои собственные наблюдения над произношением информантов также свидетельствуют о том, что фонетическая реализация так называемых централизованных согласных ничем не отличается, с одной стороны, от соответствующих простых, но с другой — оба они четко противопоставлены палатализованным, как твердые — мягким: так, формы *gip* 'скрой' — *gip^u* Past, 3-е л. ед. ч. ж. р. от глагола *gipin* 'скрывать' на слух звучат почти одинаково (слегка отличаясь лишь качеством гласных, но никак не согласных: оканчиваются на твердое [p] и четко противопоставлены ярко выраженному мягкому [p'] в формах *gipⁱ* — Past, 3-е л. мн. ч. м. р., *gipi* — Past, 3-е л. мн. ч. ж. р.).

4.4. Вызывает возражения и предложенная Моргенстьерне аранжировка кашмирских гласных в два ряда, противопоставленных по признаку «долготы — краткости», что противоречит общетипологической тенденции новых индоарийских языков к замене оппозиции по долготе противопоставлением «по открытости — закрытости». В частности Фёрс, изучавший фонетику кашмирских гласных, считал, что качественные различия для них наиболее существенны, а оппозиции по долготе являются лишь сопутствующими, — тем самым кашмири подчиняется закономерности, общей для всех языков Северной Индии²⁸.

4.5. Уже сам Моргенстьерне, разбирая представление кашмирских фонем Гирсоном, указывал, что и с диахронической точки зрения тройственная оппозиция гласных по долготе является маловероятной; в эпоху, когда гласные-матра действительно существовали и реализовались фонетически, им были противопоставлены [u], [i] как долгие — кратким.

Впоследствии, с падением системы матра фонемы [u], [i] оказались на положении кратких, а так как сами оппозиции в языке долговечнее выражающих их материальных элементов, на месте долгих в *langue* закрепились уже проникшие в *parole* в заимствованных морфемах долгие [ū] и [ī]²⁹. В дальнейшем, однако, в ходе внутренней эволюции оппозиция по долготе в кашмири была замещена противопоставлением гласных по открытости, поэтому рассмотрение современных кашмирских

²⁷ G. Morgenstierne, *The Phonology of Kashmiri*, стр. 6—7.

²⁸ J. R. Firth, *Papers in Linguistics*, London, 1957.

²⁹ G. Morgenstierne, *The Phonology of Kashmiri*, стр. 89.

гласных в свете оппозиций по количеству вряд ли целесообразно. (При этом следует также учесть и пока неясную роль динамического ударения, которое, вероятно, будучи достаточно слабым, тем не менее играет, по-видимому, большую роль, чем ударение, например в хинди, особенно в народной поэзии на кашмири³⁰).

5.0. Таким образом, обе предложенные модели — и «вокалическая», и «консонантическая» — обладают серьезными недостатками и с позиций дескриптивного подхода к языку, и с точки зрения типологии. Где же выход? Быть может, вновь следует обратить внимание на теорию матра и, пренебрегши данными фонетики, ввести условные «нулевые» фонемы, как это предполагалось выше? Но это противоречило бы стремлению к возможно более точному соответствию описания реальным языковым фактам.

Или, может быть, следовало бы сохранить в неприкосновенности группу гласных фонем Дж. Грирсона за счет отказа от некоторых противопоставлений, характерных для согласных фонем, в реальности существования которых были высказаны некоторые сомнения: в частности, оппозиций по придыхательности и церебральности³¹? Но это не только противоречило бы реальному положению вещей в кашмири (по моим собственным наблюдениям), но и еще более увеличило бы долю вокалических элементов в нем, превратив кашмири в язык с очень высоким процентом гласных, что маловероятно с точки зрения реальной типологии.

5.1. Выход должен заключаться в том, чтобы беспристрастно анализировать весь эмпирический материал, имея в виду, однако, некую общую закономерность, которая должна наложить определенные ограничения на выбор принимаемых решений, а именно универсалию: «число фонем языка меньше или равно 81», а также, учитывая данные ареальной типологии.

6.0. В самом деле, если подойти к фактам объективно, т. е. без давления лингвистических теорий и построений, то нельзя не заметить, что для современного кашмири конечные *й*-матра являются лишь исторической реконструкцией³², а введение смешанной тональности согласных тем более неоправданно, так как согласный «смешанной тональности» фонетически эквивалентен «простому» (не обладающему тоном) согласному, — и рождено теми же эвристическими стремлениями.

³⁰ G. Grierson & L. D. Barnett, *Lalla-vakyāni*, London, 1920, стр. 144—147.

³¹ См.: G. Grierson, *LSI*, vol. VIII, pt 2, стр. 152; G. Morgenstierne, *The Phonology of Kashmiri*, стр. 95—96; G. Grierson, *Hatim's Tales*, — «*Indian Texts Series*», London, 1923, стр. LXXVI.

³² G. Morgenstierne, *The Phonology of Kashmiri*, стр. 88—89.

ми к законченности описания, что и, например, введение древними индийцами в систему фонем санскрита долгого *l*. Весь же механизм тоновых противопоставлений кашмирских согласных сводится к оппозициям по «дизной» и «бемольной» тональностям, характерным почти для всех согласных фонем кашмири. И речь идет именно о противопоставлениях трех рядов согласных: «лабиализованный» — «палатализованный» — «простой», могущих иметь место в любой позиции в слове (при этом всегда согласные смягчены перед гласными переднего ряда и огублены перед гласными заднего ряда), а вовсе не о существовании мифических *i*-, *u*-матра.

Что же касается срединных *a*-, *ï*-матра, то это, возможно, варианты редуцированной гласной [ъ], занимающей примерно то же положение в системе, что и гипотетическое редуцированное *a*-краткое в хинди³³.

В этом случае, учитывая, конечно, и то, что система гласных должна описываться прежде всего оппозициями по открытости (т. е. признаками компактности и тональности в терминах ДП), а не по количеству, а также тот факт, что противопоставления по церебральности и придыхательности являются релевантными в кашмири, мы получим систему фонем, насчитывающую около 64 членов (различная трактовка глайдов и палатальных в свете оппозиций по тональности может прибавить к этой системе еще семь фонем). Описание значительно упрощается и сохраняется абсолютный характер указанной универсалии.

---

³³ Там же, стр. 85.

ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И УНИВЕРСАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

А. Е. СУПРУН, О. В. ЗАХАРОВА

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И УНИВЕРСАЛИИ

Возможно построение нескольких типов сопоставительных (конфронтационных) грамматик двух языков. Так, представляется возможным построение сопоставительной трансляционной грамматики, в задачу которой входит описание системы соответствий между достаточно большими эквивалентными текстами на изучаемых языках. Другим типом сопоставительной грамматики является такая грамматика, в которой сопоставляются не тексты, а системы данной пары языков; такую сопоставительную грамматику можно было бы назвать типологической.

Фундаментом типологической сопоставительной грамматики является гипотеза о наличии некоторых элементов плана содержания, на которые он (план содержания) может быть разложен в сопоставляемых языках. Эта гипотеза аналогична принципу переводимости в отношении обоснования трансляционной грамматики. В качестве единицы сопоставления в типологической сопоставительной грамматике целесообразно выбирать некоторые относительно замкнутые грамматические подсистемы в сопоставляемых языках.

Для построения типологической сопоставительной грамматики целесообразно использовать сети грамматических дифференциальных признаков, противопоставлений, характеризующих сопоставляемую пару подсистем. Поскольку такая сеть признаков будет по сути семантической, видимо, здесь трудно избежать переплетения грамматико-семантических и лексико-семантических дифференциальных признаков; то, что в одном из языков входит в сферу грамматики, в другом может оказаться явлением логического порядка. В качестве искомой сети противопоставлений может быть использована всеобщая или ареальная сеть универсальных

дифференциальных признаков, образцом которой на ином уровне является универсальная сеть фонологических противопоставлений.

Построение сети дифференциальных признаков грамматических явлений, тем более сети универсального характера, связано с определенными трудностями. Даже такую сравнительно хорошо разработанную подсистему, как падежная, мы пока еще не умеем охарактеризовать с помощью общепризнанной сети противопоставлений. Такая сеть, построенная как индуктивным, так и дедуктивным путем, может быть использована в качестве основы для типологических сопоставлений языков, о чем говорилось в связи с обсуждением на Московском съезде славистов доклада Р. О. Якобсона¹.

В качестве примера можно воспользоваться фрагментом сопоставительной грамматики русского и киргизского языков. Идеи Якобсона² о падежных противопоставлениях принципиально важны для последующих рассуждений, но, к сожалению, сопоставить русскую и киргизскую падежные системы в предложенной Якобсоном системе координат нам не удалось, ибо при этом признаки пришлось бы применительно к киргизскому языку толковать столь расширительно, что смысл сопоставления был бы утрачен, так как своеобразие русской и киргизской падежных систем при сопоставлении останется совершенно не раскрытым.

Представляется, что при сопоставительном анализе русской и киргизской падежных систем могут оказаться полезными идеи Е. Куриловича относительно классификации падежей³. Вполне правомерно учесть его идею относительно целесообразности рассмотрения в едином комплексе с падежами предложных конструкций, причем в анализе тюркского материала необходимо распространить эти соображения также на послеложные конструкции. Можно использовать также тезис о первичных и вторичных функциях падежей; анализ тюркских падежей показывает и плодотворность трактовки вопроса о грамматических и конкретных падежах. В свете мыслей Куриловича о том, что во вторичной функции конкретные падежи могут рассматриваться как комбинаторные варианты аккузатива, интересное понимание может получить основной (именительный) падеж в тюркских языках. Существенно, кроме того, отметить, что типологический сопоставительный анализ падежных систем, особенно в части,

¹ «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. 2, М., 1962, стр. 40.

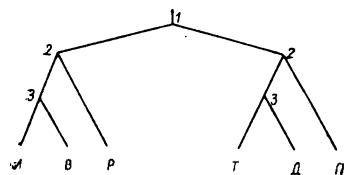
² См. Р. Якобсон, Морфологические наблюдения над славянским склонением, 's Gravenhage, 1958.

³ Е. Курилович, Очерки по лингвистике, раздел «Проблема классификации падежей», М., 1962, стр. 175 и сл.

касающейся конкретных падежей, как было показано Куриловичем применительно к одному индоевропейскому языку, не может не выйти за пределы собственно именной системы и не войти в круг адвербиальных, наречных образований и значений.

Дерево русской падежной системы по Jakobson—Куриловичу представлено на схеме 1, где цифрами обозначается деление на ветви, причем ветви с положительным признаком

Схема 1

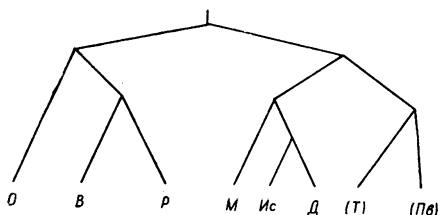

располагаются вправо; признаки: 1—периферийность, 2—объемность, 3—направленность.

Jakobson предполагает, что ветви Р и П могут быть еще расчленены по признаку 3, и получится восьмипадежная парадигма с дополнительными противопоставлениями типа *много снегу — нет снега; на берегу — о берегу*.

Киргизскую и вообще тюркскую падежную систему можно охарактеризовать рядом более или менее отчетливых оппозиций⁴. Основной (именительный, беспризнаковый) падеж, выступающий в тюркских языках сплошь и рядом во вторичной функции других падежей, по своей первичной «подлежащей» функции противопоставлен винительному (по первичной функции — объектному) и родительному (посессивно-

Схема 2

му). Последние представляют собой оформленные определения: родительный — к имени, а винительный — к глаголу⁵. Собственно грамматическая (левая) часть дерева киргизских падежей (схема 2) выглядит, таким образом, несколько иначе, чем соответствующая часть дерева русских падежей.

⁴ Подробное о значении падежей и послелогов в киргизском и вообще в тюркских языках, а также об их русских соответствиях см., в частности: И. А. Батманов, Употребление падежей в киргизском языке, Фрунзе — Казань, 1938; его же, Грамматика киргизского языка, вып. 2, 1940; Х. К. Карасаев, Семантика падежей киргизского языка, — «Труды ИЯЛИ КирФАН СССР», 1944, вып. I; К. К. Сартабаев, Падежи и типы склонения, — «Мугалимдерге жардам», 1948; № 6; Н. К. Дмитриев, Строй тюркских языков, М., 1962 (разд. «Категория падежа»); Э. В. Севортян, Категория падежа, — сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 2, М., 1956.

⁵ См. Э. В. Севортян, К истории падежной системы в тюркских языках, — «Ученые записки Военного института иностранных языков», 1948, № 6, стр. 99.

Три грамматических падежа противопоставлены трем конкретным падежам, которые в киргизском языке имеют локальное значение; дательный (направительный) и исходный падежи, выражающие центростремительное и центробежное направление динамики, противостоят местному падежу, указывающему на статическое нахождение в некотором месте. К числу падежей в киргизском языке относят также некоторые конструкции с послелогоми. И. А. Батманов в этом плане отмечает творительный-соединительный падеж с послелогом *менен* и повествовательный с послелогоми *туура-лу* или *жөнүндө*; возможно, аналогичным образом следует рассматривать и некоторые другие конструкции, например с послелогом *чейин*, и подобные.

Целесообразно провести отдельно сопоставление подсистемы грамматических падежей и подсистемы конкретных падежей, причем отдельно для первичных и для вторичных функций.

Подсистемы грамматических падежей по их первичным функциям в русском и в киргизском языках довольно близки. Видимо, по своим первичным функциям близки русский и киргизский номинатив, а также аккузатив. Что касается генитива, то первичная его функция в киргизском языке, очевидно, уже, чем в русском языке. В. В. Виноградов выделял четыре основных круга значений русского родительного падежа: родительный-определятельный, количественный-отделительный, даты и причинно-целевой (последний всегда с предлогами). Из этих четырех кругов только первый относится к первичной функции родительного падежа. Но структура этого круга и сама по себе достаточно сложна (В. В. Виноградов перечисляет родительный принадлежности, субъекта, объекта, обозначения, изъяснения, качественного определения⁶). По мнению А. В. Исаченко, следующего в характеристике падежей Куриловичу, только функции субъекта (*работа коллектива*) и объекта (*чтение книги*) могут рассматриваться как синтаксические, первичные функции родительного падежа⁷. Курилович считает, что посессивный генитив продолжает основываться на субъектном и объектном генитиве⁸. Если признать, что посессивная функция является вторичной для русского генитива, придется считать, что первичные функции русского и киргизского генитива (последний, по удачному выражению Э. В. Севортяна, обозначает, в сущности, лишь субъект принадлежности) совершенно

⁶ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 173 и сл.

⁷ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. I, Братислава, 1965, стр. 103—104.

⁸ Е. Курилович, Очерки по лингвистике, стр. 196 (стр. 145 оригинального издания).

не совпадают: одна из вторичных функций русского генитива соответствует первичной функции генитива в киргизском языке. Возможно, однако, что для современного русского языка целесообразно несколько более широкое понимание первичной функции, примерно в том объеме, который очерчен первым кругом значений родительного падежа у В. В. Виноградова. Тогда первичная функция киргизского генитива соответствует части первичной функции русского генитива. Нетрудно видеть, что выбор первого из этих толкований означает, что мы имеем в данном случае фактически в русском и в киргизском языках совершенно разные падежи, в то время как выбор второго толкования означал бы, что речь идет о сопоставимой паре падежей, первичная функция которых отличается прежде всего по объему.

Вторичные функции рассматриваемой подсистемы (грамматических падежей) в русском и в киргизском языках имеют определенные отличия. В русском языке вторичные функции именительного падежа ограничены (собственно назывная функция, обращение, сказуемое, определение-приложение, особые случаи использования именительного в обстоятельстве), он не может сравниться по развернутости вторичных функций с тюркским, а в частности с киргизским основным падежом. Основной, или заместительный, как его называют, падеж выступает практически в функции всех косвенных падежей. Особенно часто он используется в роли винительного, а также родительного; в ряде случаев назывной падеж используется вместо дательного, несколько реже — вместо местного. Разумеется, все эти функции следует рассматривать как вторичные: нулевая форма основного падежа выступает здесь фактически как комбинаторный вариант винительного, родительного, дательного или местного падежа. Кроме того, форма назывного падежа используется в ряде наречно-последложных конструкций, в частности для образования некоторых пространственных обстоятельств, например: *шкаф ичине* 'в шкаф', 'внутри шкафа', *шкаф ичинде* 'в шкафу', 'внутри шкафа', *шкаф ичинен* 'из, изнутри шкафа', *шкаф жанында* 'у, возле шкафа' и т. п.; характерно, что аналогичные конструкции образуются и с родительным падежом, например, *шкафтын ичине* и т. д. Общей с русским языком является вторичная функция назывного падежа — функция сказуемого. Вообще же вторичные функции основного падежа в киргизском языке значительно шире, чем в русском языке, что находит косвенное подтверждение в большей частотности назывного падежа в киргизском языке по сравнению с частотностью именительного падежа в русском языке.

Винительный и родительный падежи (в отличие от назывного) во вторичных адвербиальных функциях используют-

ся в киргизском языке весьма органично, в то время как русский родительный имеет развитую систему вторичных функций (а также и винительный, но в меньшей степени). Вторичные функции русских генитива и аккузатива находят себе соответствие не среди вторичных функций соответствующих по первичным функциям киргизских падежей, а среди первичных функций конкретных киргизских падежей и адвербиальных конструкций.

Рассматривая конкретные падежи, охватывающие широкую сеть адвербиальных конструкций, целесообразно ограничиться локальной подсистемой, сравнительно четко и стройно очерченной, поскольку речь идет не об описании всех соответствий русских и киргизских падежей, а об иллюстрации возможности использования противопоставлений универсального характера как сети-основы для сопоставления падежей и предложных (послеложных) падежно-адвербиальных конструкций.

Можно попытаться дедуктивно построить сеть пространственных противопоставлений, которая, разумеется, может быть в дальнейшем усовершенствована с учетом как дедуктивных рассуждений, так и конкретного языкового материала.

Можно предположить, что пространственные противопоставления образуются в трех факторах, которые характеризуют динамичность (или нединамичность), степень периферийности и относительную расположенность (т. е. расположенность относительно некоторого объекта). Кроме того, по крайней мере в некоторых языках должна учитываться некоторая дополнительная информация о существительном (и предмете им обозначаемом), используемом в локальной конструкции.

Каждый из этих факторов расчленяется на ряд признаков-противопоставлений. При этом факторы динамичности и относительной расположенности включают в себя ряд бинарных признаков, которые приписываются в зависимости от предварительного решения вопроса о динамичности или относительности данного локального обозначения, а фактор периферийности как бы градуируется шкалой противопоставлений по степени приближенности к объекту.

Возможно, группы противопоставлений каждого из факторов, а в частности фактора периферийности, могут быть дополнены и перестроены. Рассматриваемые факторы, видимо, независимы друг от друга, в то время как признаки внутри факторов построены так, что они зависят друг от друга; иерархия признаков внутри факторов может быть, видимо, и несколько иной, может быть, это зависит в известной мере от структуры языка. Иерархия признаков безусловно

заслуживает специального обсуждения; возможно, следует рассмотреть и вопрос об иерархичности факторов.

В целом пространственные противопоставления могут быть сведены таким образом:

1. Динамичность

- 10. Динамичность — нединамичность
- 11. Целенаправленность — нецеленаправленность
- 12. Центростремительность — центробежность

2. Периферийность

- 21. Внутренность — невнутренность
- 22. Прикасаемость — неприкасаемость
- 23. Близость — неблизость

3. Относительная расположенность

- 3.0. Относительность — безотносительность
- 3.1. Вертикальность — невертикальность
- 3.2. Верхность — неверхность (низкость)
- 3.3. Латеральность — нелатеральность
- 3.4. Левость — нелевость (правость)
- 3.5. Передность — непередность (задность)

0. Дополнительная информация о существительном (предмете)

- 0.1. Подвижность — неподвижность
- 0.2. Множественность — немножественность

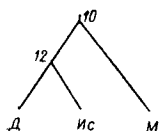
Признак 0.1 введен в связи с возможностью выражения обоюдного движения (ср. *навстречу, вслед за...*); признак 0.2 может дифференцировать случаи, когда существенна именно множественность (расчлененность) объекта (ср. *среды, между...*).

Разумеется, нет необходимости, чтобы были сколько-нибудь грамматикализованы обозначения всех возможных пересечений приведенных противопоставлений. В каждом языке существует некоторый репертуар локальных конструкций, который охватывает лишь часть возможных обозначений места. Остальная часть возможных обозначений образуется свободным сочетанием лексем, а, вероятно, даже и не может быть выражена без специальных сложных описаний. Разумеется, принципиально возможны также и дополнительные признаки, связанные как с особенностями восприятия пространства, так и с его мерностью [ср. возможность противопоставления «косость — некосость», «прямызна — непрямызна (кривизна)»; ср. также необходимость дополнительных противопоставлений по крайней мере в факторе 3 для языка, предназначенного для описания четырехмерного пространства].

случае не производится уточнение по 2-му и 3-му факторам, во втором — такое уточнение производится вспомогательными именами (мы не касаемся сейчас их различной трактовки в тюркологической литературе); основное имя во втором случае чаще всего используется в родительном или в основном падеже. Дерево падежных обозначений пространственных отношений в киргизском языке (схема 4) характеризуется

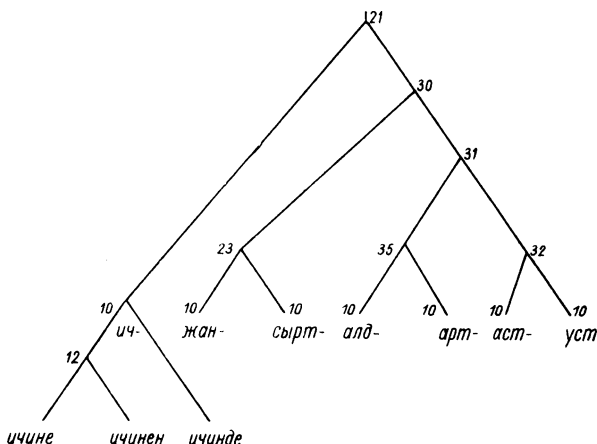
Схема 4

лишь двумя противопоставлениями, поскольку динамичные падежи (1.0) одновременно и целенаправлены (1.1). Дерево локальных обозначений с помощью вспомогательных имен (схема 5) завершается однотипными разветвлениями, соответствующими дереву падежных обозначений, поскольку каждое вспомогательное имя может употребляться в любом из трех пространственных падежей.

Таким образом, пример русского и киргизского языков в передаче ими локальных значений показывает уже отмечавшееся отсутствие четких граней между лексически и грамматически выраженными пространственными отношениями. На этом примере можно также увидеть, что не все пересече-

Схема 5

ния противопоставлений получают грамматикализованное выражение, а также едва ли можно считать грамматикализованными и выражения самих противопоставлений (например, 3.4). Построение локальных выражений двух языков, так сказать в одной системе координат, улучшает возможности их сопоставления, а в частности, рассмотрение каждого из де-

ревьев позволяет лучше представить себе специфику локальных обозначений.

Независимо от возможной спорности отдельных положений предлагаемых схем противопоставлений представляется, что едва ли можно отрицать возможность принципиального построения такого рода универсальной схемы и использования ее для улучшения техники сопоставительного описания языков.

(Все ветви схемы Б имеют завершение, однотипное с левой ветвью *иц-*, соответствующее возможностям, заложенным надежными противопоставлениями, показанными на схеме 4).

Среди специфических вопросов, возникающих в связи с построением сетей противопоставлений, используемых в качестве основ для сопоставлений, немаловажен вопрос об оптимальном выборе подсистем, подвергаемых сопоставлению, т. е. проблема оптимального членения языкового материала для сопоставлений, а также вопрос о способах анализа избранных подсистем, о направлениях этого анализа, который, в сущности, вновь сводится к проблеме оптимального членения конфронтируемого материала.

Возникающая при этом проблематика достаточно ярко выявляется, например, при сопоставительном анализе русского и киргизского словообразования.

Один из возможных путей сопоставления словообразовательных систем исходит из словообразующих возможностей основ того или иного типа и путей реализации этих возможностей. Этот тип сопоставления словообразовательных систем в очень большой мере включает использование информации о грамматических возможностях языков; так, например, словообразовательные возможности глагола *трамбовать* в русском языке⁹ зависят от общих противопоставлений частей речи в русском языке, от категории глагольного вида и от префиксации глагола, от типа глагольной основы и т. п. В киргизском языке иные отношения имени и глагола, иные отношения между именами, значительна роль залоговых противопоставлений глагола, но нет категории вида. И все это весьма значительно сказывается на системе порождения новых слов. Указанный путь сопоставления словообразовательных систем очень важен для выявления механизма появления новых слов рассматриваемых языков в сопоставительном плане.

Но этот путь, видимо, не может быть единственным при сопоставительном анализе словообразования. Не менее важ-

---

⁹ Г. С. Зенков, К постановке вопросов теории современного русского словообразования, — «Ученые записки филологического факультета [Кирг. гос. ун-та]», Фрунзе, 1963, вып. 9.

ным является и путь сопоставления, основанный на семантическом членении результатов словообразования и сопоставлении способов, которыми были достигнуты результаты, одинаковые в семантическом отношении. Можно, к примеру, проанализировать, как образуются в русском и в киргизском языках новые существительные со значением лица. При этом оказывается, что довольно сложной системе суффиксов русского языка, используемых для образования названий лиц по различным признакам, соответствует более простая система суффиксальных средств обозначений лиц в киргизском языке, с ее более обобщенными значениями аффикса *-чы* и более четкой дифференциацией использования аффиксов по семантическому принципу. Эти способы в киргизском языке в меньшей мере, чем в русском, зависят от исходной основы, от ее грамматической характеристики.

Оба упомянутых пути взаимно дополняют друг друга, и оба они дают возможность построить свои самостоятельные сетки противопоставлений. Определенным образом построенные, такие сетки могли бы иметь универсальный характер и служить основой для типологических сравнений словообразовательных систем различных языков.

Пока не созданы общие универсальные сети противопоставлений, для построения типологических сопоставительных грамматик могут быть построены сети противопоставлений, характерные для данной пары языков. Эти частные сети могли бы быть использованы в дальнейшем при проверке дедуктивных и построении индуктивных универсальных сетей противопоставлений. Наряду с сопоставлением небольших подсистем целесообразно, видимо, и сопоставление более крупных подсистем, таких, например, как системы частей речи и т. д., причем в этом случае внимание должно концентрироваться на более крупных совокупностях признаков, включать, возможно, в себя вероятностно-статистический подход к языковым категориям.

Поиски грамматических (и вообще семантических) универсалий и создание сопоставительных типологических грамматик оказывается, таким образом, взаимосвязанным и взаимно полезным.

ОБ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМАХ

Изучение черт и соотношений, одинаковых для всех языков, обычно связывают с построением универсальной системы, которая должна служить для описания всех языков вместе и каждого в отдельности. Эту систему называют универсальной грамматикой, языком-эталонном, метаязыком, общей теорией языка и т. д. Независимо от терминологических соображений желательно как можно более четко определить, о какой системе и когда может идти речь. Дело в том, что имеет смысл говорить о нескольких различных универсальных системах, каждая из которых по-своему служит для описания языков и находится в определенных взаимоотношениях с другими системами.

Одна из этих систем — универсальная типологическая система. Она должна представлять собой результат обработки некоторого количества заранее данных структурных описаний естественных языков. От простой совокупности описаний языков универсальная типологическая система отличается в следующих отношениях.

Во-первых, в ней зафиксированы одинаковые, совпадающие части описаний — универсалии.

Во-вторых, между нетождественными элементами разных описаний установлены соответствия, основанные на общности значений или функций этих элементов. Эти соответствия могут быть построены в виде правил перехода от одного описания к другому. Исходное описание в таком случае становится языком-эталонном.

В-третьих, в системе зафиксированы закономерности, характеризующиеся тем, что присутствие в языке какого-то признака зависит от наличия или отсутствия некоторого другого признака (таковы универсальные импликации).

Наконец, в-четвертых, языки подвергнуты классификации по наиболее существенным свойствам и группам свойств.

(Кстати сказать, универсалии, имеющиеся во всех языках, для классификации абсолютно ничего не дают. Для классификации языков интересны лишь те элементы, которые встречаются в нескольких, но не во всех языках).

Существенность языковых свойств, лежащих в основании типологической системы, позволяет говорить о ее универсальности, т. е. рассчитывать на то, что и всякий новый язык уложится в классификацию, не потребовав серьезных переделок системы.

Можно сказать, что универсальная типологическая система есть устройство, способное порождать (т. е. перечислять) описания языков. Иными словами, для того чтобы описать какой-то язык, достаточно указать его место в типологической системе. В этом смысле типологическую систему можно считать универсальным средством, пригодным для описания всех языков.

При этом, однако, следует помнить два обстоятельства:

1. Чем более развита типологическая система, чем больше зафиксировано в ней пересечений и соответствий, тем сложнее выделить из общего «переплетения» единственное описание.

Так, в типологической системе универсалии не повторяются в описании каждого языка, а присутствуют лишь один раз. Тем самым достигается определенная экономия. Однако такая экономия имеет свою обратную сторону. Если некоторые части описания L_1 принадлежат также и другим описаниям L_2 и L_3 , то выделить описание L_1 , т. е. указать его место в общей системе, оказывается сложнее, чем просто найти его в перечне (L_1, L_2, L_3).

В типологической системе описание языка приходится, таким образом, как бы собирать по частям. Не исключено, что в очень подробной типологической системе инструкция по сборке какого-то описания окажется не менее громоздкой, чем само это описание, взятое отдельно.

И наоборот, чем легче выделить из типологической системы единственное описание, тем меньше в этой системе типологического, тем ближе она к простому перечню описаний.

2. Как бы ни были важны и интересны типологические данные, они никак не влияют на исходные структурные описания языков, а лишь: 1) фиксируют соотношение между описаниями и 2) устанавливают зависимости между элементами описаний (наличие одного элемента обуславливает наличие или отсутствие другого). От того, что мы сведем ряд описаний в типологическую систему, отдельное описание конкретного языка не станет иным — более полным, более адекватным. Описания остаются теми же описаниями, к ним лишь прибавляются знания о системе, вобравшей в себя эти описания.

Итак, типологическая система как универсальное средство описания языков: по отношению к исходным языкам — повторяет их описания, данные заранее; по отношению к но-

вому языку — позволяет описывать то общее, что есть между новым и исходными языками, и только это общее.

Этим утверждением мы вовсе не пытаемся умалить значение типологических систем для лингвистики. Едва ли нужно напоминать, что в сфере действия естественных языков прототипами типологической системы служат языковые структуры, существующие в мышлении переводчика, а областями применения типологических систем являются автоматический перевод, обучение иностранным языкам, дешифровка, реконструкция и т. д.

Для построения типологической системы требуется, чтобы все языки были описаны предварительно в одних и тех же терминах, и чтобы каждый термин в применении ко всем языкам имел достаточно общее содержание. Если это условие не выполнено, типологическая система не может быть построена. Стремление лингвистов произвести типологическое сопоставление неизбежно приводит к попыткам устранить терминологическую расплывчатость, создать единую систему терминов, пригодную для описания любого языка.

Система терминов является особой универсальной системой, которую естественно назвать метаязыком.

Как и типологическая система, о которой шла речь выше, метаязык должен быть универсальным. Он должен содержать все, что необходимо для описания любого языка. Однако между метаязыком и типологической системой имеется целый ряд существенных различий.

В типологической системе указана принадлежность каждого элемента к тому или иному языку; в метаязыке такие указания отсутствуют.

Типологическая система является результатом сравнения языков — точнее, их описаний, данных заранее. Метаязык не может быть выведен путем сравнения. Он «извлекается» из языков посредством сложнейшей эвристической деятельности лингвистов. Он не является продуктом сравнения языков, но содержит в себе все основания для их сравнения. Если в типологической системе имеются высказывания: «во всех языках существует X », или «в таких-то языках существует Y », или «в таких-то языках из X следует Y », то все эти X и Y берутся из метаязыка.

Создание нового фрагмента типологической системы ничего не прибавляет к описанию данного конкретного языка. Напротив, создание нового фрагмента метаязыка представляет собой углубление, пополнение наших знаний о конкретном языке, представляет собой открытие, что в каждом языке или по крайней мере в ряде языков имеет место нечто такое, о чем мы не знали раньше.

Примером типологических систем служат классические

типологии от Шлегеля¹ до Сепира², перечни универсалий³ и т. д.

Примерами фрагментов метаязыка являются фонологические различительные признаки Якобсона — Халле — Фанта⁴, система падежей Ельмслева⁵, метаязык Лекомцева⁶, оптимизирующие параметры по Мельникову⁷ и т. д.

Итак, метаязык является первичной универсальной системой, без которой не может существовать вторичная универсальная система — типологическая. В то же время нельзя отрицать и обратное: метаязык не может появиться без развитых типологических исследований. Сравнение языков дает богатейшую пищу для развития метаязыка, для расширения наших знаний о языковых механизмах. Одновременно оно служит для проверки высказываний на метаязыке. Стимулирующее воздействие на развитие метаязыка составляет, по видимому, одну из важнейших функций типологии. Таким образом, обе названные системы обуславливают друг друга, и фактическое развитие их проходит параллельно.

Наконец, объектом лингвистической теории является еще одна, третья по счету, универсальная система — система, строящая грамматику. Наиболее фундаментальные и интересные идеи относительно этой системы высказаны Хомским⁸. Напомню вкратце, в чем они состоят.

Наряду с описанием конкретных языков, т. е. созданием конкретных грамматик, мы должны заниматься описанием устройства, которое само бы строило грамматическое описание конкретного языка, если этому устройству предъявлена речевая выборка на этом языке. По отношению к порождающим грамматикам конкретных языков эта модель является

¹ F. Schlegel, Ueber die Sprache und Weisheit der Indier, Heidelberg, 1808.

² Э. Сепир, Язык. Введение в изучение речи, М.—Л., 1934.

³ См. Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965.

⁴ R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle, Preliminaries to Speech Analysis: the Distinctive Features and Their Correlates, — MIT. Acoustic Laboratory, Technical report, № 13, 3 pr., Cambridge (Mass.), 1955.

⁵ L. Hjelmslev, La catégorie des cas. Étude de grammaire générale, I — «Acta Jutlandica», vol. VII, 1935, № 1; II — «Acta Jutlandica», vol. IX, 1937, № 2.

⁶ Ю. К. Лекомцев, Синтез, анализ и тип метаязыка, — «Исследования по фонологии», М., 1966; его же, Некоторые вопросы метаязыка для описания дистрибуции элементов, — «Структурная типология языков», М., 1966.

⁷ Г. П. Мельников, Язык как система и языковые универсалии, — «Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов», М., 1966.

⁸ См.: Н. Хомский, О понятии «Правило грамматики», — «Новое в лингвистике», вып. IV, М., 1965; его же, Логические основы лингвистической теории, — там же; его же, Объяснительные модели в лингвистике, — сб. «Математическая логика и ее применения», М., 1965.

«метамеханизмом», устройством более высокого ранга, теорией высшего порядка. Эту теорию Хомский называет теорией языковых универсалий, поскольку она представляет собой совокупность эталонов и правил, применимых к текстам на любом языке. Обработав заданный текст, мы должны получить порождающую грамматику именно заданного языка.

Аналогия со способностью человека усваивать язык здесь очевидна. Такое устройство должно служить моделью овладения языком (МОЯ).

Идея описания универсальной системы, строящей грамматику, представляется нам чрезвычайно плодотворной как для теоретической, так и для прикладной лингвистики. Возьмем, например, проблему машинной имитации языкового поведения человека (автоматический перевод, реферирование и т. д.). Как показывает практика, мы не можем формализовать естественный язык до такой степени, чтобы вложить его в машину. То же самое касается и типологической системы двух и более языков.

Зато мы можем вести поиск по другому руслу. Мы можем попытаться вложить в машину не язык непосредственно, а универсальную модель овладения языком, а потом обучить машину конкретному языку.

Конечно, создание такой модели имело бы огромное значение не только для решения практических задач, но и для всей лингвистической теории.

Очевидно, что такая модель чрезвычайно сложна. Поэтому в качестве предварительного шага к ее созданию представляется интересным сделать значительно более простую модель — такую, которая строила бы порождающую грамматику только для заданного текста. Подчеркнем ее серьезное отличие от модели овладения языком. МОЯ, получив на вход речевую выборку, строит грамматику для всего языка, способную выдавать как входные, так и новые правильные предложения. Модель, которую предлагаем мы, получив на вход текст, строит грамматику, перечисляющую все входные цепочки, и только их. Дело не должно, однако, сводиться к переписи цепочек. Поскольку число словоформ естественного языка чрезвычайно велико, а число предложений еще более велико (если не бесконечно), грамматика должна быть гораздо более экономной, чем простой перечень входных цепочек. Стремление же получить экономию неизбежно приводит нас к созданию системы, воспроизводящей известные лингвистические категории.

При построении предлагаемой модели задача ставится следующим образом. Дан алфавит символов и конечное множество цепочек, составленных из этих символов, причем все цепочки также конечны. Каждая цепочка начинается исход-

ным символом (Н) и оканчивается заключительным символом (К). Требуется построить грамматику, порождающую все эти цепочки, и только их. Такую грамматику можно представить себе в виде устройства с двумя «головками». Первая из них движется по цепочкам слева направо, считывая встречающиеся ей символы. Вторая головка перепечатывает эти символы на выходе.

Очевидно, такой автомат представляет собой тривиальную порождающую грамматику, которая лишь переписывает заданный набор цепочек. Нужно придать этой системе более экономную форму — при условии, конечно, что множество порождаемых цепочек останется неизменным.

Получить экономию можно несколькими способами. Мы рассмотрим два из них.

Для простоты в обоих случаях будем вести изложение на примерах.

Начнем с преобразования, которое позволяет удалять повторяющиеся части цепочек. Это преобразование мы называем «склеиванием».

Пусть нам даны цепочки:

$$\begin{aligned} (Н) &\rightarrow a \rightarrow b \rightarrow e \rightarrow (К) \\ (Н) &\rightarrow a \rightarrow b \rightarrow d \rightarrow e \rightarrow (К) \\ (Н) &\rightarrow c \rightarrow d \rightarrow e \rightarrow (К) \end{aligned} \quad (1)$$

В этих цепочках имеются повторяющиеся символы: a , b , d , e и повторяющиеся последовательности этих символов, например (a, b) и (d, e) . Предлагается следующий способ устранить некоторые из этих повторений. Совместим, т. е. отождествим, первые символы всех заданных цепочек. У нас получится граф:

$$\begin{array}{l} \swarrow a \rightarrow b \rightarrow e \rightarrow (К) \\ (Н) \rightarrow a \rightarrow b \rightarrow d \rightarrow e \rightarrow (К) \\ \searrow c \rightarrow d \rightarrow e \rightarrow (К) \end{array} \quad (2)$$

Теперь сравним все символы, которые непосредственно следуют за одним и тем же символом (Н), и совместим те из них, которые одинаковы. Получим граф:

$$\begin{array}{l} \swarrow b \rightarrow e \rightarrow (К) \\ (Н) \rightarrow a \rightarrow b \rightarrow d \rightarrow e \rightarrow (К) \\ \searrow c \rightarrow d \rightarrow e \rightarrow (К) \end{array} \quad (3)$$

Еще раз сравним все символы, которые следуют за одним и тем же символом, теперь уже за символом a . За a следуют два символа b . Совместим их. Получим граф:

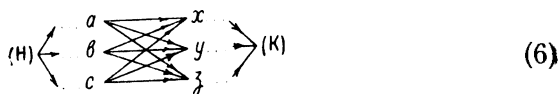

Таким образом, мы должны каждый раз сравнивать все символы, которые непосредственно следуют за одним и тем же символом, и те из них, которые окажутся одинаковыми, совмещать. Когда все возможные совмещения осуществлены, мы должны проделать то же самое, но двигаясь уже не слева направо, а справа налево. А именно, мы совмещаем все последние символы (К), поскольку они одинаковы. Потом совмещаем все одинаковые, которые в графе предшествуют (К). Затем вновь сравниваем все символы, которые в графе непосредственно предшествуют одному и тому же, и совмещаем те из них, которые окажутся одинаковыми, и т. д. В нашем примере совмещение заканчивается графом:

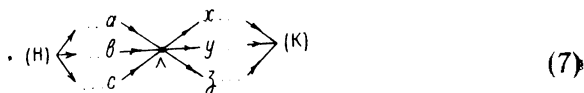

Ясно, что он более экономен, чем граф (1) (экономию мы условимся выражать числом дуг). В то же время графы эквивалентны в том смысле, что оба они позволяют порождать одно и то же множество цепочек. Действительно, всякий путь от (H) до (K), входящий в граф (1), входит и в граф (5). И обратно, всякий путь от (H) до (K), входящий в граф (5), входит и в граф (1).

Теперь пускай в результате совмещения каких-то символов мы получили граф:

где каждая из точек a, b, c соединена с каждой из точек x, y, z . В таком графе мы можем ввести добавочную «пустую» точку, с которой соединены точки a, b, c и которая в свою очередь соединена с каждой из точек x, y, z . Тогда мы получим граф:

эквивалентный графу (6), но более экономный: вместо девяти дуг он содержит только шесть.

Эту процедуру условно мы называем «умножением» множества $\{a, b, c\}$ на множество $\{x, y, z\}$.

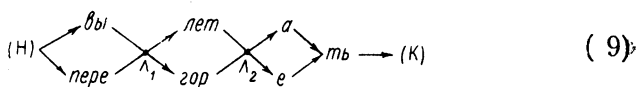
Граф, полученный посредством «склеивания» и «умножения», соответствует, по терминологии Хомского, грамматике с конечным числом состояний без петель⁹.

Какова же лингвистическая интерпретация такого графа? Какие лингвистические явления он позволяет моделировать?

В графе (7) множество путей от (Н) до новой точки Λ можно интерпретировать как множество основ, имеющих одну и ту же парадигму, а множество путей от Λ до (К) — есть парадигма.

Можно считать, что множество всех путей от (Н) до (К), содержащих один и тот же отрезок $[\Lambda, (К)]$, принадлежит одному семейству, а множество всех путей от (Н) до (К), содержащих один и тот же отрезок $\{(Н), \Lambda\}$, является окрестностью в кулагинской теоретико-множественной модели языка¹⁰.

В качестве примера проделаем описанные выше процедуры склеивания и умножения над русскими словоформами: {вылетать, вылететь, выгорать, выгореть, перелететь, перегореть, перелетать, перегорать}. Получим граф:

Как видно из этого примера, граф дает определенное представление о структуре исходных словоформ, а именно: добавочная точка показывает границы между соседними морфемами¹¹.

Разумеется, нельзя рассчитывать, что такие простые про-

⁹ Н. Хомский, Синтаксические структуры, — «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962.

¹⁰ О. С. Кулагина, Об одном способе определения грамматических понятий на базе теории множеств, — «Проблемы кибернетики», вып. I, М., 1958.

¹¹ Ср. с процедурой, которая позволяет построить словарь, имеющий вид дерева, из исходных словоформ с размеченными морфемами: В. Б. Борщев, Ф. З. Рохлин, Морфологическая модель языка и морфологический анализ, ч. I. Морфологическая модель языка и форма диспозиции морфологического анализа, — «Научно-техническая информация», № 11, 1965; В. Б. Борщев, Морфологическая модель языка и морфологический анализ, ч. 2. Разбиение морф на классы и алгоритм составления таблицы состояний, — там же, № 12, 1965. Такое дерево можно рассматривать как результат склеивания слева исходных словоформ. Процедура, близкая к склеиванию (без «умножения»), была разработана ранее для других целей, см. А. Ш. Блох, Синтез релейно-контактных схем, — ДАН СССР, т. 117, № 4, 1957.

Склеивание неассоциативно: склеивая в разном порядке цепочки $\{abc, dbc, dbe\}$, мы получаем разные графы:

$$(H) \left\langle \begin{array}{l} a \rightarrow \beta \rightarrow c \\ d \rightarrow \beta \rightarrow e \end{array} \right\rangle (K) \quad (H) \left\langle \begin{array}{l} a \rightarrow \beta \\ d \rightarrow \beta \end{array} \right\rangle \begin{array}{l} c \\ e \end{array} (K) \quad (10)$$

эквивалентные друг другу в том смысле, что оба они порождают одно и то же множество цепочек.

Если же зафиксировать порядок подачи цепочек и рассматривать склеивание слева и склеивание справа как отдельные операторы, то они будут некоммутативными. Вследствие этого для одного и того же множества исходных словоформ может быть построено несколько графов-вариантов.

Чтобы эти варианты не появлялись, необходимо (хотя, может быть, и недостаточно), чтобы исходный список словоформ отвечал двум условиям:

1. Если в нем есть цепочки $AХВ$, $AХD$ и $CХD$, то есть и цепочка $CХВ$ (A или B порознь или вместе могут быть пусты).

2. Если есть цепочка $AХВ$, то нет цепочки $AХCХВ$ (A , B , C и D могут быть пусты).

Но естественный язык, как легко убедиться, не удовлетворяет этим условиям. Так, в русском языке есть цепочки: *вы-гор-еть*, *вы-гор-ать*, *гор-еть*, но не **гор-ать*, и склеить правильные цепочки можно двумя способами:

$$(H) \left\langle \begin{array}{l} \text{гор} \rightarrow e \\ \text{вы} \rightarrow \text{гор} \rightarrow a \end{array} \right\rangle \text{ть} \rightarrow (K) \quad (11)$$

$$(H) \left\langle \begin{array}{l} \text{гор} \rightarrow e \\ \text{вы} \rightarrow \text{гор} \end{array} \right\rangle \begin{array}{l} a \\ \text{ть} \end{array} \rightarrow (K) \quad (12)$$

Нарушение второго условия иллюстрируется словоформами *воды* и *водопроводы* — эти словоформы можно склеить четырьмя различными способами:

$$(H) \left\langle \begin{array}{l} \text{в} \rightarrow \text{о} \rightarrow \text{д} \rightarrow \text{о} \rightarrow \text{п} \rightarrow \text{р} \rightarrow \text{о} \rightarrow \text{в} \rightarrow \text{о} \rightarrow \text{д} \rightarrow \text{ы} \\ \text{в} \rightarrow \text{о} \rightarrow \text{д} \rightarrow \text{о} \rightarrow \text{п} \rightarrow \text{р} \rightarrow \text{о} \rightarrow \text{в} \rightarrow \text{о} \rightarrow \text{д} \rightarrow \text{ы} \end{array} \right\rangle (K) \quad (13)$$

Поэтому возникает проблема выбора наиболее экономного варианта.

Правда, введение в цепочки символов значений резко уменьшает число вариантов. Так, в паре *воды* и *водопроводы*,

указав значения морфов *вод* («вода») и *вод* («вести»), мы вместо четырех вариантов получим единственный:

$$(H) \rightarrow \theta \rightarrow \sigma \rightarrow \delta \left[\text{«вода»} \right] \left\langle \begin{array}{c} \theta \rightarrow \pi \rightarrow \rho \rightarrow \sigma \rightarrow \theta \rightarrow \sigma \\ \text{«вести»} \end{array} \right\rangle \text{by} \rightarrow (K) \quad (14)$$

Фактически здесь мы сталкиваемся с проявлением общей закономерности, присущей языку: при анализе верхних ярусов языка результат неизбежно оказывается многозначным, и только обращение к более глубоким ярусам позволяет отбросить одни варианты и принять другие.

Таков вкратце первый способ построения экономной порождающей грамматики. Второй способ состоит в замене повторяющихся частей цепочек более простыми, более короткими символами.

В любом естественном языке существуют многочисленные случаи, когда какая-либо цепочка символов повторяется в окружении разных символов так, что повторные вхождения этой цепочки не могут быть совмещены ни при склеивании справа, ни при склеивании слева. Например, русское придаточное определительное предложение может располагаться внутри главного, китайское обстоятельственное может оказаться между предлогом и послелогом, — и тогда уже придаточное не склеится с одинаковым ему предложением, если только не совпадут еще и части главного, предшествующие придаточному или следующие за ним. А ведь такие одинаковые придаточные предложения могут быть как угодно длинными. Окружения же двух одинаковых последовательностей символов могут никогда не совпасть, например, если эти последовательности находятся в одном и том же предложении. На такие случаи и рассчитан второй способ получения экономии.

Выпишем какую-либо повторяющуюся последовательность. Заменяем каждое ее вхождение одной точкой. Проведем стрелки от каждой из этих новых точек к выписанной цепочке.

Проделав эту процедуру со всеми одинаковыми частями всех цепочек (в том числе и выписанных), мы добьемся того, что каждый символ будет записан в полном виде только один раз, а все его вхождения будут заменены точками. Подобным же образом вхождения повторяющихся цепочек в исходные цепочки будут заменены точками.

При этом каждая цепочка обратится в дерево, разумеется, при условии, что никакая повторяющаяся часть не входит более одного раза в одну и ту же цепочку. В противном случае в результате описанной процедуры образуется ориентиро-

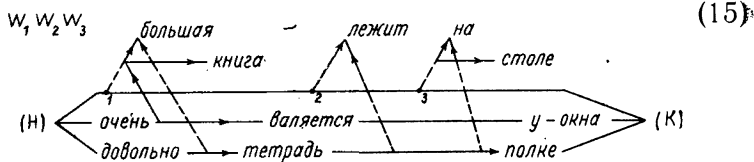
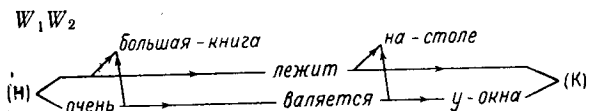
ванный связный граф без контуров, в некоторые вершины которого может заходить более чем одна дуга.

Пример преобразования цепочки в дерево:

W_1 : (Н) → большая → книга → лежит → на → столе → (К)

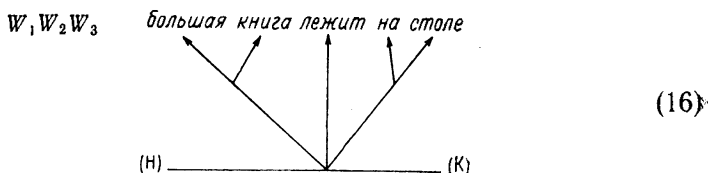
W_2 : (Н) → очень → большая → книга → валяется → на → столе → у → окна → (К)

W_3 : (Н) → довольно → большая → тетрадь → лежит → на → полке → (К)

Чтобы получить обычное дерево составляющих, достаточно теперь стянуть в одну точку вершины (1—3), находящиеся на одном пути от (Н) до (К).

В результате получаем дерево такого вида:

Правила перечисления цепочек с помощью нового графа отличаются от правил для графа, склеенного из цепочек. Если прежде все дуги, исходящие из каждой данной вершины, были равноценными и при перечислении путей требовалось каждый раз выбирать одну из них, то в новом графе (16) для построения предложения необходимо все дуги, исходящие из одной и той же вершины, обойти в фиксированном порядке.

Очевидно, если обозначить все точки, заменяющие вхождения одной и той же цепочки, одинаковыми символами, функционирование системы превратится в развертывание синтаксического дерева посредством переписи символов.

Описанную процедуру, которая обращает цепочки в деревья, мы условно назвали «символизацией». Помимо символизации и склеивания¹² имеется целый ряд других формальных процедур, которые позволяют восстанавливать рекурсивные процессы, выявлять грамматические повторы и т. д. Мы надеемся, что дальнейшее развитие работ в этом направлении даст возможность воспроизвести в моделях и обогатить наши знания об универсальной системе, способной усваивать язык.

Автор благодарит Э. Д. Стоцкого, который ознакомился с работой в рукописи и дал автору ряд полезных советов.

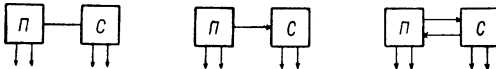
---

¹² Графы, построенные посредством этих процедур, принадлежат к числу графовых грамматик В. Б. Борщева (см. В. Б. Борщев, Грамматики, задаваемые с помощью графов, и диспозиционные грамматики, Будапешт, 1967).

ПРОБЛЕМА ДОМИНАЦИИ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СИСТЕМА АБСТРАКТНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР

1. При описании структуры предложения в терминах членов предложения значительные разногласия вызывает вопрос о доминирующих элементах структуры. В соответствии с одной точкой зрения главными членами предложения, доминирующими в его структуре, являются подлежащее и сказуемое, а все остальные его члены признаются второстепенными, зависящими от главных. Признание подлежащего и сказуемого главными членами предложения не решает вопроса о характере связи между ними. На этот счет также высказываются различные суждения: 1) подлежащее и сказуемое — равноправные, противопоставленные друг другу элементы структуры предложения¹, 2) подлежащее и сказуемое неравноправны, подлежащее доминирует над сказуемым², 3) подлежащее и сказуемое взаимно доминируют, иначе говоря, зависят друг от друга³.

Эти три исключаяющие друг друга суждения представлены на следующих схемах:

В этих схемах заглавные буквы *П* и *С* обозначают соответственно подлежащее и сказуемое, горизонтальная линия — отсутствие доминации, горизонтальные стрелки — наличие и направление доминации, вертикальные стрелки — направление доминации от главных членов предложения (элементов первого уровня структуры предложения) к непосредственно зависящим от них второстепенным членам предложения (элементам второго уровня структуры предложения).

¹ См. Е. Курилович, Очерки по лингвистике, М., 1962.

² См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, Л., 1938.

³ См. Н. Brinkmann, Die deutsche Sprache, Düsseldorf, 1962.

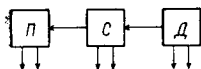

Существует также точка зрения, в соответствии с которой в предложении доминирует только сказуемое. Пропаганду этой точки зрения, ставшей ведущей в работах по структурному и прикладному языкознанию⁴, обычно связывают с именем Л. Теньера, который считает, что подлежащее в структуре предложения занимает то же место, что и дополнение⁵. Эту точку зрения отражает следующая схема:

По этой концепции подлежащее наряду с другими зависящими от сказуемого членами предложения располагается на втором уровне структуры предложения.

Наконец, существует точка зрения, в соответствии с которой главными, доминирующими членами предложения являются подлежащее, сказуемое и прямое дополнение. Этой позиции придерживаются лингвисты, изучающие языки с эргативным строем предложения. По словам академика И. И. Мещанинова, «в эргативной конструкции значение прямого дополнения усиливается настолько, что оно включается в число главных членов предложения»⁶. Независимым главным членом предложения при таком подходе признается прямое дополнение⁷. Эта концепция может быть изображена на следующей схеме:

Высказывается также мнение о том, что среди элементов первого уровня дополнение более существенно для характеристики сказуемого, нежели подлежащее. Так, например, Ю. К. Лекомцев пишет:

«Наличие или отсутствие подлежащего характеризует глагол в значительно меньшей степени, чем наличие или отсутствие дополнения»⁸.

⁴ Заметим, что в ряде таких работ, в частности, в работах, ориентированных на грамматику зависимостей, описание структуры предложения ведется не в терминах членов предложения, а в терминах графемных слов. Тем не менее при изображении структуры предложения в виде дерева зависимостей в вершину дерева помещают обычно слово, являющееся либо спрягаемой, либо неспрягаемой частью сказуемого. Вследствие этого мы вправе сделать вывод о том, что графемные слова в работах этого типа соотносятся с членами предложений во всяком случае на первом этапе построения дерева. В этой связи см. С. Я. Фитиалов, О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике, — сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962.

⁵ L. Tesnière, *Éléments de syntaxe structurale*, Paris, 1959; см. также А. А. Холодович, Опыт теории подклассов слов, — ВЯ, 1961, № 1.

⁶ См.: И. И. Мещанинов, Структура предложения, М., 1963, стр. 45; см. также Н. Ф. Яковлев, Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, М.—Л., 1948.

⁷ См. И. И. Мещанинов, Структура предложения, стр. 65.

⁸ См. Ю. К. Лекомцев, Структура вьетнамского простого предложения, М., 1964, стр. 100.

Перечисленные точки зрения⁹ свидетельствуют о наличии теоретических расхождений как по вопросу о членах предложения первого уровня структуры (это либо одно сказуемое, либо сказуемое и подлежащее, либо сказуемое, подлежащее и прямое дополнение), так и по вопросу о характере зависимостей между членами предложения первого уровня (существующая альтернатива: подлежащее и сказуемое равноправны, подлежащее доминирует над сказуемым, подлежащее и сказуемое доминируют друг над другом, прямое дополнение доминирует над сказуемым, которое в свою очередь доминирует над подлежащим).

Между тем в практике лингвистического описания нередко наблюдается одновременная апелляция к различным теоретическим концепциям. Например, такой тонкий лингвист, как О. Есперсен, указывает, что «рассмотрение двух видов нексуса до некоторой степени уже предвосхитило вопрос о взаимоотношениях подлежащего и сказуемого: в тех нексусах, которые составляют законченное предложение, „первичный компонент“, как было уже показано, является подлежащим, а аднекс („вторичный компонент“) — сказуемым»¹⁰. Судя по приведенному высказыванию, подлежащее, с точки зрения О. Есперсена, доминирует над сказуемым.

Однако, очевидно, другой вывод можно сделать, если проанализировать еще одно высказывание О. Есперсена из той же работы: «А при сочетании глагола с местоимением (*он ест* и т. д.) или с существительным (*человек ест* и т. д.) обнаруживается, что глагол сообщает сочетанию особый характер завершенности и создает (более или менее) законченное высказывание, что не получается при соединении существительного или местоимения с прилагательным или наречием. Глагол дает жизнь предложению и поэтому особенно важен при построении предложений»¹¹. Здесь уже акцентируется доминирующая роль глагола, являющегося в предложении сказуемым, подчеркивается, что именно глагол-сказуемое, а не подлежащее, является тем элементом в структуре, который, собственно говоря, создает само предложение.

О. Есперсен как будто непоследователен в своих суждениях. Но в чем истоки этой непоследовательности? К этому вопросу примыкают и два других. Чем объясняется наличие противоречивых мнений относительно доминанции членов предложения? Можно ли дать такое описание структуры

---

⁹ Возможно, что некоторые точки зрения не учтены, но мы и не стремились дать их полный перечень. Наша цель более скромная: указать на наличие противоречий.

¹⁰ О. Есперсен, *Философия грамматики*, М., 1958, стр. 164.

¹¹ Там же, стр. 95.

предложения, которое бы преодолело существующие противоречия? Задача настоящей статьи и состоит в том, чтобы в какой-то мере ответить на эти вопросы.

2. Прежде всего, по-видимому, следует указать, что, с нашей точки зрения, понятийный код, используемый в языкознании для описания структуры предложения, недостаточен для ответа на поставленные вопросы, ибо в нем отсутствует понятие системы структур предложения. Описывая предложение, традиционная грамматика обычно классифицирует их по различным параметрам, но не дает системы структур предложения. Известно деление предложений на нераспространенные и распространенные, простые и сложные, сложноподчиненные и сложносочиненные, односоставные и двусоставные и т. п. При таком подходе фиксируются некоторые типы предложений, но остается в тени вопрос о соотношении их структур. Тем самым не решается проблема разграничения инвариантов и вариантов уровня структур предложения. Существующая классификация предложений только учитывает наблюдаемое разнообразие, но не ограничивает его, тогда как основная задача науки заключается в поисках «ограничений разнообразия»¹².

Сравним, например, два предложения: *Ребенок уснул* и *Ребенок спокойно уснул*. В соответствии с принятым стандартом назовем первое предложение простым нераспространенным, а второе — простым распространенным. Однако, если будет задан вопрос, как соотносятся структуры этих предложений — как логически равноправные инварианты или же как варианты одной структуры, — ответить на него в рамках традиционной грамматики невозможно. А между тем традиционная грамматика подготовила необходимую базу для введения понятия системы структур предложения. Речь идет о четко различаемой оппозиции структуры предложения с непереходным глаголом и структуры предложения с переходным глаголом. В структуру предложения с переходным глаголом в качестве обязательного элемента входит прямое дополнение. Изъятие прямого дополнения ликвидирует целостность структуры, ср.: *Ребенок открыл дверь* → *Ребенок открыл...* Что касается структуры предложения с непереходным глаголом, то в ней такой член предложения, как прямое дополнение, отсутствует и не может быть введен в нее, ср.: *Ребенок уснул*. Вместе с тем в структуру предложений с переходным и непереходным глаголом может быть введен, например, такой член предложения, как обстоятельство времени, ср.: *Ребенок открыл дверь* → *Ребенок открыл дверь час назад*, *Ребенок уснул* → *Ребенок уснул час назад*.

¹² У. Р. Эшби, Введение в кибернетику, М., 1959, стр. 186.

Следовательно, среди членов предложения есть такие, которые, очевидно, могут быть в наличии в любых структурах предложения (например, обстоятельство времени), и такие, которые входят в состав одних структур и не входят в состав других структур (например, прямое дополнение). Члены предложения первого рода не влияют на статус синтаксической структуры, и их можно называть неструктурными или факультативными членами предложения. Члены предложения второго рода, напротив, определяют статус синтаксической структуры, и их можно называть структурными или обязательными членами предложения. Однако разграничение членов предложения на структурные и неструктурные не было проведено, в силу чего не была сформирована и система структур предложения, в которую как минимум должны были войти две структуры: двухэлементная структура с переходным глаголом и трехэлементная структура с переходным глаголом¹³.

Между тем понятие структуры предложения при отсутствии в понятийном коде понятия системы структур предложения является в известной степени неопределенным. После Ф. де Соссюра в языкознании (если исключить концепцию дескриптивистов) принято различать явления двух рядов: ассоциативного, или парадигматического, и комбинаторного, или синтагматического. Представляется абсолютно правильной мысль С. Д. Кацнельсона о том, что «каждая языковая единица вырастает на пересечении двух рядов — парадигматического и комбинаторного и может быть обнаружена и опознана только в соотношении с этими рядами»¹⁴. Если структура предложения является языковой единицей, то она принадлежит как комбинаторному, так и парадигматическому ряду, и, следовательно, «может быть обнаружена и опознана только в соотношении с этими рядами». Но если структура предложения не рассматривается как компонент единой системы структур, то тем самым постулируется ее несоотнесенность с парадигматическим рядом. В этом случае структура предложения лишается существеннейшего признака языковой единицы и перестает быть таковой.

Таким образом, система структур предложения является тем фоном, вне которого структура предложения не может рассматриваться как языковая единица. Вместе с тем система структур предложения является существенным понятием, без апелляции к которому нельзя решать проблему домина-

¹³ В связи со сказанным ср. концепцию моделей предложения, развиваемую Т. П. Ломтевым в статье «О некоторых вопросах структуры предложения» («Филологические науки», 1959, № 4).

¹⁴ См. С. Д. Кацнельсон, О теории лингвистических уровней, — сб. «Вопросы общего языкознания», М., 1964, стр. 37.

ции членов предложения, ибо для оценки связей между элементами структуры важно учитывать место структуры в системе структур предложения.

3. Обычно то или иное решение проблемы доминанции членов предложения обосновывается с помощью конкретных предложений какого-либо языка. Такой, казалось бы, естественный способ аргументации, с нашей точки зрения, не является правильным. Если мы считаем, что в терминах членов предложения может быть описана структура в любом языке¹⁵, то разумно предположить наличие универсальных законов доминанции членов предложения. Тогда проблема доминанции должна быть решена в общем виде с помощью аргументации, пригодной для всех языков вместе и для каждого языка в отдельности.

Хотя безусловно правильной представляется мысль о том, что «только при наличии материального субстрата, формы, член предложения приобретает объективный характер, становится фактом языка»¹⁶, тем не менее при решении проблемы доминанции в общем виде необходимо абстрагироваться от материального субстрата. В результате обращения к материальному субстрату, к форме, столь несходной в различных языках, при решении проблемы функционального плана выдвигаются аргументы формального плана, которые не обладают объяснительной силой. Рассмотрим некоторые примеры.

На материале русского языка в качестве основного аргумента, подтверждающего зависимость сказуемого от подлежащего, приводят тот факт, что оформление глагола, являющегося сказуемым, диктуется оформлением имени, являющегося подлежащим. В этом случае говорят о согласовании глагола с именем. Так, в предложении *Двери сломались* глагол, являющийся сказуемым, согласуется с существительным, являющимся подлежащим, в числе, а в предложении *Я ухожу* глагол, являющийся сказуемым, согласуется с местоимением, являющимся подлежащим, в лице и числе. Изменение указанных категорий у существительного и местоимения автоматически вызывает их изменение и у глагола. Наличие согласования — реальный факт, который, однако, не может быть использован в качестве аргумента при решении проблемы доминанции подлежащего и сказуемого. Ведь согласование подлежащего и сказуемого не является обязательным в русском языке. Его может не быть, например тогда, когда и подлежащее, и сказуемое являются существительными

¹⁵ Ср. в этой связи: «...подлежащее, сказуемое, дополнение и определение являются общеязыковыми категориями» (см. И. И. Мещанинов, Структура предложения, М., 1963, стр. 7).

¹⁶ А. А. Холодович, О второстепенных членах предложения, — «Филологические науки», 1959, № 4, стр. 18.

ми. Ср., например: *Эти стихотворения — гордость русской литературы.* В этом предложении подлежащим является существительное среднего рода множественного числа, а сказуемым — существительное женского рода единственного числа¹⁷.

В других языках картина еще менее утешительная. В арабском языке, например, в некоторых случаях при существительном мужского рода множественного числа глагол должен стоять в женском роде единственного числа. Ср.: *'инкасарат (С) ил-'абуйьбу (П) 'Двери (П) сломались (С)'*. Практически осуществимое согласование: *'инкасару л-'абуйьбу* — является неграмматичным.

В некоторых языках глагол согласуется с именем в классе. Среди этих языков есть такие, в которых глагол, если он непереходный, согласуется в классе с именем, являющимся подлежащим, а если он переходный, то согласуется в классе с именем, являющимся прямым дополнением. Так обстоит дело, например, в бацбийском языке. Ср.: *žagnō (П) dah davī (С) 'Книга (П) потерялась (С)'* (в этом примере непереходный глагол оформлен префиксом *d*, показателем класса, к которому относится имя *žagnō*, являющееся подлежащим); *as (П) čačō (Д) dwogl (С) 'Я (П) скамейку (Д) сломал (С)'* (в этом примере переходный глагол оформлен префиксом *d* — показателем класса, к которому принадлежит имя *čačō*, являющееся прямым дополнением, а не префиксом *v* — показателем класса, к которому принадлежит имя *as*, являющееся подлежащим). Однако в бацбийском языке имеются так называемые неклассные глаголы, которые вообще не согласуются в классе с именами, например: *jašas (П) čxindur (Д) takl (С) 'Сестра (П) носок (Д) починила (С)'*. В этом примере употреблен неклассный глагол, который лишен способности оформляться префиксными показателями класса имен.

Наконец, имеются языки, которые лишены морфологии, в силу чего в них вообще отсутствует явление согласования. Таков, например, древнекитайский язык, в котором «слово не имело форм словоизменения»¹⁸.

Из сказанного следует, что согласование, как и любые другие субстратные явления, не должно приниматься в качестве аргумента при решении проблемы доминанции членов предложения. Мы вполне солидарны с замечанием о том, «что говорить о согласовании подлежащего и сказуемого, единиц функциональных, — это значит допускать терминологическую неточность, ибо согласование относится к явля-

¹⁷ Ср. также В. В. Богданов, Опыт классификации минимальных синтаксических сегментов, — сб. «Вопросы общего языкознания», Л., 1965, стр. 17.

¹⁸ С. Е. Яхонтов, Древнекитайский язык, М., 1965, стр. 38.

ниям формального плана. Поэтому оно может действовать лишь между конкретными словами, выступающими в функциях этих членов предложения»¹⁹.

По-видимому, нужно настоятельно подчеркнуть, что формальные связи между словами в предложении и функциональные (собственно синтаксические) связи между элементами структуры предложения относятся к явлениям разного порядка. В данной статье мы не можем всесторонне осветить этот вопрос и укажем лишь на следующие два момента:

1) Два слова в предложении, связанные формальной связью, необязательно являются двумя элементами структуры предложения, которые связаны синтаксической связью. Так, в русском языке фазовый (модальный, каузативный) глагол связан формальной связью с инфинитивом полнозначного глагола, однако синтаксической связи между глаголом и инфинитивом нет, поскольку они вместе являются одним членом предложения — сказуемым²⁰. Например, в предложениях: *Ученик начал читать, Ученик хочет читать, Учитель заставил ученика читать*, — слова, входящие в словосочетания: *начал читать, хочет читать, заставил читать*, связаны формальной связью, но не связаны синтаксической связью.

2) Формальная связь — это всегда связь между словами — элементами же структуры предложения, связанными синтаксической связью, могут быть и части одного словесного комплекса. Ср. два арабских предложения: (1) *'инна 'абӣ (П) йухиббу (С) садйкаху (Д)* 'Мой отец (П) любит (С) своего друга (Д)' и (2) *'инна 'абӣ йухиббуху (С, Д)* 'Мой отец (П) любит (С) его (Д)'. И в (1), и в (2) в структуру предложения входят одни и те же три элемента: подлежащее, сказуемое и дополнение, однако в (1) каждый элемент является самостоятельным словом, тогда как в (2) два элемента: сказуемое и дополнение представлены одним глагольнoместоименным комплексом²¹, причем дополнением является слитное местоимение 3-го лица мужского рода, которое отсутствует в глаголе в (1), где дополнением является существительное мужского рода.

4. С нашей точки зрения, оставаясь на уровне конкретных предложений, нельзя дать общее решение проблемы доминанции членов предложения. «Конкретное, — пишет Маркс, —

¹⁹ Б. А. Абрамов, Синтаксические потенции глагола (в сопоставлении с потенциями других частей речи), — «Филологические науки», 1966, № 3, стр. 17.

²⁰ Такова, например, концепция Д. Н. Овсяннико-Куликовско-го (см. «Руководство к изучению синтаксиса русского языка», М., 1912).

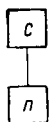
²¹ Возможность оформления двух элементов структуры предложения в виде одного слова отмечена С. Е. Яхонтовым (см. «О значении термина „слово“», — сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М., 1963).

потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления»²². Чтобы воспроизвести конкретное посредством мышления, необходимо начинать не с «исходного пункта созерцания и представления», а с «тощих абстракций» и «простейших определений».

«Тощей абстракцией», от которой, по нашему мнению, необходимо начинать восхождение к конкретным предложениям различных языков при решении проблемы доминанции членов предложения, является система абстрактных языковых синтаксических структур, в которую при статическом описании входит четыре структуры²³. Структуры любых конкретных предложений в разных языках выступают как речевые корреспонденты этих четырех структур. Четыре структуры системы названы нами структурами I, II, III и IV ярусов.

Структура I яруса состоит из абстрактного сказуемого, абстрактного подлежащего и предикативной связи между ними.

Схема
структуры
I яруса

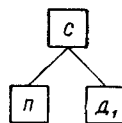

Прямыми речевыми корреспондентами²⁴ этой абстрактной синтаксической структуры являются, например, структуры следующих предложений: *араб. уакафат (С) ис-саййарату (П)* 'Автомобиль (П) остановился (С)'; *бацб. xi (П) hal dorxdall (С)* 'Вода (П) согрелась (С)'; *нем. das Haus (П) ist gebaut (С)* 'Дом (П) построен (С)'.

Структура II яруса состоит из абстрактного сказуемого, абстрактного подлежащего, 1-го абстрактного дополнения и связей сказуемого: предикативной с подлежащим и первой объектной с дополнением.

Прямыми речевыми корреспондентами этой абстрактной синтаксической структуры являются, например, структуры следующих предложений:

Схема
структуры
II яруса

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, изд. 2, М., 1958, т. 12, стр. 727.

²³ При динамическом описании количество структур в системе меняется. О некоторых аспектах динамического описания см. наши тезисы: «К вопросу об иерархической организации синтаксических структур», — сб. «Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов», М., 1966.

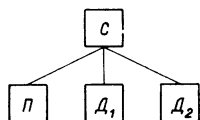
²⁴ Абстрактные синтаксические структуры могут иметь как прямые, так и не прямые речевые корреспонденты. В этой статье речь идет только о прямых речевых корреспондентах.

чуваш. *кайăкçă* (П) *кашкăр* (Д₁) *тытнă* (С) 'Охотник (П) поймал (С) волка (Д₁)'; финск. *Äiti* (П) *pesi* (С) *rojan* (Д₁) 'Мать (П) умыла (С) мальчика (Д₁)'; англ. *John* (П) *frightened* (С) *the children* (Д₁) 'Джон (П) испугал (С) детей (Д₁)'.

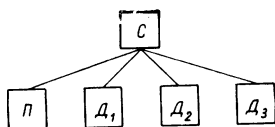
Структура III яруса состоит из абстрактного сказуемого, абстрактного подлежащего, 1-го абстрактного дополнения, 2-го абстрактного дополнения и связей сказуемого: предикативной с подлежащим, первой объектной с 1-м дополнением, второй объектной со 2-м дополнением.

Схема
структуры
III яруса

Прямыми речевыми корреспондентами этой абстрактной синтаксической структуры являются, например, структуры следующих предложений: венг. *A munka* (П) *elfeledtette* (С) *ez ta kellemetlenséget* (Д₁) *Péterrel* (Д₂) 'Работа (П) заставила (С) Петра (Д₂) забыть (С) эту неприятность (Д₁)'; араб. 'инна да'ирата л-матбу'ати (П) самахат (С) ли л-му'аллифи (Д₂) би нашари (С) китабиhi (Д₁) 'Ведомство печати (П) разрешило (С) автору (Д₂) напечатать (С) его книгу (Д₁)'.

Схема
структуры
IV яруса

Структура IV яруса состоит из абстрактного сказуемого, абстрактного подлежащего, 1-го абстрактного дополнения, 2-го абстрактного дополнения, 3-го абстрактного дополнения и связей сказуемого: предикативной с подлежащим, первой объектной с 1-м дополнением, второй объектной со 2-м дополнением и третьей объектной с 3-м дополнением.

Прямыми речевыми корреспондентами этой абстрактной синтаксической структуры являются, например, структуры следующих предложений: чуваш. *Энтри* (П) *аишĕне* (Д₂) *пурт тăррине* (Д₁) *кўршине* (Д₂) *виттертернĕ* (С) 'Андрей (П) попросил (С) отца (Д₂) нанять (С) соседа (Д₂) покрыть (С) крышу (Д₁)'; манс. *Аннэква* (П) *агите ёт* (Д₂) *мане* (Д₂) *хансал* (Д₁) *якталтаптыстэ* (С) 'Анна (П) через дочь (Д₂) попросила (С) сноху (Д₂) вырезать (С) орнаменты (Д₁)'.

Представим систему из четырех структур на следующей схеме:

$$\begin{aligned}
 \text{IV} & \text{ С} + \text{П} + \text{Д}_1 + \text{Д}_2 + \text{Д}_3 \\
 \text{III} & \text{ С} + \text{П} + \text{Д}_1 + \text{Д}_2 \\
 \text{II} & \text{ С} + \text{П} + \text{Д}_1 \\
 \text{I} & \text{ С} + \text{П}
 \end{aligned}$$

Из схемы видно, что структуры низших ярусов по своему составу формально могут рассматриваться как подструктуры высшего яруса.

5. Рассмотрим проблему доминанции элементов в абстрактных синтаксических структурах. Решая ее, мы фактически решаем проблему доминанции членов предложения, поскольку структуры конкретных предложений являются речевыми корреспондентами абстрактных синтаксических структур, и, следовательно, структурам конкретных предложений присущи те же закономерности, что и абстрактным синтаксическим структурам.

Прежде всего отметим, что все элементы каждой из абстрактных структур являются обязательными в своей структуре. На уровне конкретных предложений это свойство проявляется в том, что члены предложения, корреспондирующие с элементами абстрактных синтаксических структур, образуют структурный каркас предложения. В соответствии с существующей терминологией члены предложения, входящие в структурный каркас предложения, можно называть комплементами, а остальные члены предложения — адьюнктами²⁵. При таком подходе в предложения типа *Мальчик (П) уснул (С), Мальчик (П) открыл (С) дверь (Д₁), Отец (П) приказал (С) мальчику (Д₂) открыть (С) дверь (Д₁)* и т. п. входят только комплементы, тогда как в предложения типа *Мальчик быстро уснул, Мальчик открыл дверь ключом, Отец приказал мальчику открыть дверь час назад* наряду с комплементами входят также адьюнкты. Итак, можно считать, что доминирующими членами предложения являются комплементы, к числу которых относятся: сказуемое, подлежащее, прямое дополнение, а также те косвенные дополнения, которые корреспондируют с элементами абстрактных синтаксических структур. Таково, например, дополнение *мальчику* в предложении *Отец приказал мальчику открыть дверь*, которое является речевым корреспондентом 2-го абстрактного дополнения.

Вместе с тем анализ абстрактных языковых структур позволяет сделать вывод о том, что верна и та точка зрения, в соответствии с которой доминирующим элементом каждой структуры является сказуемое. Она верна, если опираться на иерархию связей между элементами структур. Сказуемое является тем центром, из которого исходят все связи в структуре. Только сказуемое непосредственно связано с другими элементами, которые соответственно связаны друг

---

²⁵ См. Z. S. Harris, *String analysis of sentence structure*, The Hague, 1962; его же, *Transformational theory*, — «Language», vol. 41, № 3, стр. 1; Г. Г. Почепцов, *Уровни в структуре предложения и типы синтаксических единиц*, — «Научная конференция „Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка“». Тезисы докладов и сообщений», М., 1965.

с другом опосредованно через сказуемое. Изъятие сказуемого из структуры приводит к ликвидации структуры.

В известном смысле можно утверждать, что сказуемое «порождает» структуру. Это свойство сказуемого является постоянным во всех структурах системы, а следовательно, и в структурах конкретных предложений, являющихся реализациями абстрактных структур. Точки зрения о том, что в конкретных предложениях сказуемое зависит от подлежащего или от прямого дополнения, не выдерживают критики, ибо они опираются на субстратные свойства, которые, как уже указано выше, не могут выступать в качестве ведущих аргументов при решении вопросов функционального плана.

Справедлива также и та точка зрения, в соответствии с которой в абстрактных синтаксических структурах доминируют сказуемое и подлежащее. Эта точка зрения верна в том смысле, что во всех структурах системы представлены эти два элемента. Они являются постоянными элементами всех структур, тогда как дополнения являются переменными элементами структур. Соответственно этот вывод справедлив и по отношению к структурам конкретных предложений.

Однако верна и та точка зрения, согласно которой доминирующими элементами в структуре являются дополнения. Это утверждение справедливо, потому что именно дополнения релевантны для парадигматических оппозиций структур в системе. Поскольку сказуемое и подлежащее являются постоянными элементами всех структур, то дополнения как переменные элементы ответственны за распределение структур между ярусами. Структура без дополнения принадлежит I ярусу, структура с одним дополнением принадлежит II ярусу, структура с двумя дополнениями принадлежит III ярусу, а структура с тремя дополнениями — IV ярусу. Этот вывод естественно распространяется и на структуры конкретных предложений.

Итоговый вывод оказывается несколько неожиданным: правильны почти все противоречивые точки зрения относительно доминанции членов предложения²⁶. Они не исключают, а дополняют друг друга. Причину такой дсполнительности следует видеть в том, что каждая абстрактная структура, а тем более ее речевой корреспондент — структура конкретного предложения — представляет собой сложное многоаспектное явление, которое можно изучать с разных позиций и в разных ракурсах. Если мы будем связывать понятие доминанции с «каркасными» элементами, то доминирующими окажутся все

---

²⁶ Правильность точек зрения не означает правильности аргументов, выдвигаемых для их обоснования. Критический разбор аргументов в этой статье не проводится.

элементы абстрактных синтаксических структур. Если понятие доминанции связывать с синтаксической независимостью элемента в структуре, то тогда доминирующим элементом является сказуемое. Если понятие доминанции связывать с постоянными элементами, повторяющимися во всех структурах системы, то тогда доминирующими элементами являются подлежащее и сказуемое. Если же понятие доминанции связывать с переменными элементами, распределяющими структуры между ярусами, то тогда доминирующими элементами являются дополнения. Таким образом, в синтаксических структурах нет абсолютно доминирующих элементов, а есть элементы, которые в определенном отношении доминируют над остальными элементами.

Причина существующей коллизии очевидна. Это (часто неосознанная) абсолютизация одних свойств элементов синтаксической структуры и игнорирование других их свойств. Как нам кажется, замена принципа альтернативности принципом дополнительности позволяет снять существующую коллизию. Полученные результаты, отрицая каждую из имеющихся концепций доминанции членов предложения, в то же время опираются на их совокупность.

5. Принцип дополнительности, как известно, введен в методологию науки датским физиком Н. Бором. Работая в области квантовой физики, он установил, что при исследовании атомных систем нельзя разграничивать исследуемые объекты и измерительные приборы, которые, взаимодействуя между собой, составляют единое явление. Поскольку объекты неотделимы от измерительных приборов, то результаты описаний одних и тех же объектов, полученные с помощью различных измерительных приборов, могут не совпадать, однако «их надо рассматривать как дополнительные, в том смысле, что они представляют одинаково существенные сведения об атомных системах, и, взятые вместе, исчерпывают эти сведения»²⁷.

Н. Бор подчеркивал, что принцип дополнительности не является специфическим атрибутом квантовой физики и что он должен применяться и в других науках, таких, например, как биология, психология, этнография, которые непосредственно касаются человека. Однако, по его мнению, в разных науках не совпадают причины, требующие использования принципа дополнительности. «Необходимо подчеркнуть,— пишет Н. Бор,— что аргументация, применяемая в биологии, некоторыми своими существенными чертами отличается от той, которая применяется в целях исчерпывающего объективного описания в квантовой физике... „Дополнительный“ под-

²⁷ Н. Бор, Атомная физика и человеческое познание, М., 1961, стр. 104.

ход в биологии... требуют те практически неисчерпаемые скрытые возможности живых организмов, которые обуславливаются их чрезвычайно сложным строением и функциями»²⁸.

Сходная ситуация наблюдается в языкознании, где применение принципа дополнительности вызывается сложностью и многоаспектностью объекта науки. Полнота лингвистического описания в принципе может быть достигнута только путем суммирования относительно противоречивых, дополняющих друг друга описаний, в которых фиксируются результаты наблюдения языка с разных позиций и в разных ракурсах.

В заключение отметим, что на важность дополнительных описаний в языкознании указывал еще О. Есперсен, по словам которого «грамматические явления можно и должно рассматривать с различных (часто дополняющих друг друга) точек зрения»²⁹. Очевидно, именно в этом кроется причина его «непоследовательной» апелляции к различным концепциям доминанции членов предложения³⁰.

* * *

При подготовке данной статьи к печати нами не могли быть учтены некоторые работы, имеющие непосредственное отношение к проблематике, затронутой здесь. Из них здесь хотелось бы отметить статьи: П. Адамец, К вопросу о синтаксической парадигматике, — «Československá rusistika», 1966, № 2; Н. Ю. Шведова, Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии), — сб. «Русский язык», М., 1967.

²⁸ Там же, стр. 150.

²⁹ См. О. Есперсен, Философия грамматики, М., 1958, стр. 398.

³⁰ Об использовании принципа дополнительности в языкознании см. И. Лесерф, Применение программы и модели конфликтной ситуации к автоматическому синтаксическому анализу языков, — НТИ, 1963, № 10; В. А. Звегинцев, Новые черты современного языкознания, — сб. «Новое в лингвистике»; вып. IV, М., 1965.

ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ

1.0. Типологический анализ лингвистических временных систем удобно проводить в терминах семантической метасистемы. Для того чтобы временная система любого естественного языка могла быть однозначно описана в терминах семантической метасистемы, последняя должна обладать свойством универсальности. Универсальный характер может быть придан метасистеме индуктивным путем. Однако индуктивный путь предполагает предварительное обследование всех временных систем естественных языков и, следовательно, лишает универсальную метасистему возможности быть инструментом эвристического исследования. Альтернативным решением является построение дедуктивной метасистемы, имеющей, по определению, универсальный характер.

Для настоящего исследования была построена семантическая метасистема, т. е. выбран путь, предусматривающий описание единиц плана выражения в терминах плана содержания. Для этого выбора имелись определенные основания. Как известно, дескриптивная лингвистика неоднократно демонстрировала возможность категоризации всех форм языка на основе критерия совместимости или критерия распределения, без обращения к семантическому определению самой совместимости или распределения. Однако совершенно очевидно, что классический дистрибутивный анализ, ограниченный установлением отношений между корпусом форм и их распределениями, иными словами, сводящийся к операции выделения морфем на основе критерия совместимости и установления классов морфем, обладающих одними и теми же комбинаторными потенциями, — этот анализ не в состоянии бесспорно решить проблему тождества морфемы. Герметичность классического дистрибутивного анализа, циркулярность его исследовательской логики не позволяют доказать, что единая дистрибуция действительно является манифестацией единого значения.

Таким образом, для решения поставленной проблемы следовало выйти за пределы описания форм и их дистрибуций, вообще за пределы описания единиц плана выражения.

Экзолингвистическое описание временной системы языка может быть осуществлено и на уровне референтов¹. Однако предпочтение было отдано описанию в терминах семантики. Помимо очевидных преимуществ чисто лингвистического порядка этот путь удобен и потому, что позволяет избежать установления дополнительной координации между лингвистической и нелингвистической временными системами. Последняя проблема сама по себе является предметом самостоятельного исследования.

1.1. Дедуктивные семантические универсальные системы представляют собою объединение элементов — относительно простых единиц плана содержания, семем. Говорить, что семемы объединены в систему, значит утверждать, что у них помимо различных свойств есть и общие свойства². Свойства семем — семантические свойства, различные пересечения и объединения которых образуют семантические подсистемы. Не следует смешивать понятие свойства семемы с пониманием семемы как свойства. О семеме как о свойстве можно говорить при установлении соотношения единиц плана содержания и единиц плана выражения. В этих случаях семемы удобно рассматривать как свойства единиц плана выражения.

Понимаемые таким образом дедуктивные семантические универсальные системы можно рассматривать как координатную сетку, определяющую область логических возможностей лингвистического объекта, его лингвистическое пространство.

При образовании семантических систем мы можем логически соотносить либо определенное (ограниченное), либо неопределенное (неограниченное) число свойств семем. Строго говоря, семантическую систему может образовать лишь логическое соотнесение ограниченного числа свойств семем. С другой стороны, ясно, что для лингвистического анализа гораздо большую ценность представляют именно замкнутые семантические системы. Незамкнутые семантические системы являются менее информативными.

1.2. Предложенный подход позволяет выделить в лингвистическом материале два ряда элементов. Первый ряд — общие семантические значения, семемы, заданные аксиоматически и образующие определенную систему. Второй ряд — глагольные формы и комбинации глагольных форм, образующие временные системы естественных языков. Глагольные формы разных естественных языков описываются в терми-

¹ Этот путь был испробован В. Буллом (см. W. Bull, *Time, Tense and the Verb. A study in Theoretical and Applied Linguistics, with Particular Attention to Spanish*, Univ. of Calif. Press, 1960).

² Здесь и далее термин «система» употребляется в том строгом значении, которое уже было определено автором (см. Ю. В. Ванников, *О лингвистических связях на фонологическом уровне языка*, М., 1964).

нах единой универсальной семантической системы. Таким образом, семемы выступают как единицы описания, глагольные формы и их комбинации — как объекты описания. Ограничение объектов производится произвольно. При более широком определении задач исследования в качестве объектов возможно было бы выделить все слова и все конструкции языка.

2.1. Можно постулировать существование замкнутой дедуктивной универсальной семантической временной системы. В этом случае все естественные языки можно исследовать и классифицировать в отношении: а) способов формализации и б) в отношении полноты формализации единой семантической системы. Определим временно́е значение как значение локализации выражаемого средствами языка процесса, «события» на временной оси. Одновременно определим и видовое значение как качественную характеристику выражаемого средствами языка процесса, «события».

В практической деятельности человека членение времени осуществляется не по одной, а по двум осям: по «субъективной» оси, по которой все процессы, «события» разбиваются на одновременные с моментом восприятия, предшествующие ему и последующие, а также по «объективной» оси, по которой процессы, «события» соотносятся с каким-либо другим процессом, «событием», часто используемым как временной маркер, или эталон, и также разбиваются на одновременные, предшествующие и последующие. Изучение первой оси, как и экспликация понятия «момент восприятия», является предметом психологии; изучение второй оси, как и экспликация понятий «одновременность», «предшествование», «последование», является предметом физики. Обе системы отсчета могут быть представлены (и действительно представлены) в естественных языках в качестве замкнутых семантических систем, элементы которых в науке о языке должны получить не психологическую, не физическую, а собственно лингвистическую интерпретацию.

Отражением первой оси в языке является так называемое лингвистическое абсолютное время, соотносимое с «моментом речи». (Не заменяя здесь эти привычные лингвистические термины, отметим, что ряд трудностей в грамматических теориях времени был вызван стремлением дать этим понятиям, например понятию «момент речи», психологическую или физическую интерпретацию.) По лингвистически абсолютной шкале можно постулировать возможность трех типов соотношения с отметкой «момент речи»: симультанность, антериорность, постериорность. Наличие трех типов соотносительности образует полную семантическую систему «абсолютного времени».

Отражением в языке другой временной оси является так называемое лингвистическое относительное время, устанавливающее соотносительность процесса, «события» с другим процессом, «событием». По лингвистически относительной оси также могут быть установлены три типа соотносительности с отметкой «другой процесс», «другое событие»: симультанность, антериорность, постериорность. Наличие трех типов соотносительности образует полную семантическую систему «относительного времени».

2.2. Временные значения, обнаруженные в естественных языках, не входящие ни в подсистему абсолютного времени, ни в подсистему относительного времени, будем называть несистемными значениями, или, используя термин «лингвистический» как синоним термина «системный», нелингвистическими временными значениями. Так как в естественных языках действительно могут быть обнаружены временные значения, являющиеся по определению нелингвистическими, следует подробнее остановиться на соотношении лингвистических и нелингвистических временных значений, которые в дальнейшем будут именоваться tense-значениями и time-значениями³.

В том, что часто недифференцированно называется общим термином «временное значение», могут быть выделены векторные значения, указывающие на направление временного отсчета от нулевой точки, и скалярные значения, указывающие на временную отдаленность наблюдаемого события от нулевой точки — начала отсчета⁴. Собственно tense-значениями являются векторные значения. В языке они могут выражаться системно (глагольными формами и синтаксическими конструкциями) и несистемно (глагольными модификаторами — наречиями и специальными календарными словами). Скалярные значения относятся к time-значениям. В языке они чаще всего выражаются глагольными модификаторами — наречиями и специальными календарными словами, но они могут выражаться также и глагольными формами. Так, например, в испанском языке глагольная форма *Preterito Anterior* выражает, как и *Preterito Pluscuamperfecto*, два tense-значения: действие до момента речи (антериорность по абсолютной шкале) и действие до другого действия (антериорность по относительной шкале). Однако в отличие от *Preterito Pluscuamperfecto* *Preterito Anterior* выражает и скалярное time-значение: непосредственное предшествование антериорного действия последующему действию, их временной контакт. Например: *El ya había escrito*

³ Ср. употребление этих терминов в работе В. Булла.

⁴ Ср. W. Bull, *Time, Tense and the Verb...*

la carta antes de que tú llegaras (Pretérito Pluscuamperfecto) 'Он уже написал письмо, перед тем как ты пришел'. *Cuando hubo escrito la carta sonó el teléfono* (Pretérito Anterior) '[Как только] он написал письмо, зазвонил телефон'. В первом предложении никак не определяется временной промежуток, разделяющий два события. Во втором выражается значение непосредственного предшествования первого события второму событию.

Таким образом, с точки зрения временных значений *Pretérito Pluscuamperfecto* абсолютно подобен *Pretérito Anterior*. Разница между ними лежит в области семантики, структурированной по-другому. Дополнительное семантическое значение *Pretérito Anterior* является, по существу, видовым значением этой формы, совмещенным с ее собственно временным значением.

Вполне возможны языки, в которых выражение времени строится на основе скалярных временных значений. Близким к такому типу языков является, по свидетельству Б. Уорфа, язык хопи. С точки зрения предлагаемой концепции такие языки не являются *tense-языками*, или являются нулевыми *tense-языками*.

2.3. В качестве третьего типа временных значений могут быть рассмотрены видовые значения (которые здесь не ограничиваются от *Aktionsart-ов*). Видовые значения в обобщенной форме отражают структуру событий, являясь их качественной характеристикой. С нашей точки зрения, эти значения не образуют замкнутую систему, так как качественная характеристика событий не является логически лимитированной⁵.

Известны языки, в которых выражение временных значений заменено аспектологической характеристикой процесса, события, например, языки финно-угорской семьи. С точки зрения предлагаемой концепции такие языки также не являются *tense-языками* или являются нулевыми *tense-языками*.

3.1. По признаку полноты формализации системы абсолютного лингвистического времени выделяются языки, в которых формально противопоставлены все три члена семантической системы (например, русский, английский, испанский, французский), языки с морфологической редукцией полной семантической системы (например, йоруба с противо-

---

⁵ В. Буллом была, однако, сделана попытка построить замкнутую семантическую систему аспектных значений, опирающуюся на общую типологию структуры событий. В. Булл ограничился четырьмя основными видовыми значениями: начинательным, терминативным, средним и циклическим. Очевидно, что эта система является неполной.

поставлением настояще-прошедшего и будущего времени) и языки с отсутствием формализации полной семантической системы (например, индонезийский; к числу таких языков должны, вообще говоря, относиться языки классического аморфного типа).

Рассматривая формализацию трех типов отнесенности к моменту речи как свойства (обозначим их, соответственно, a , c и n), которые могут быть приписаны лингвистическому объекту (обозначим его через A), можно дать более тонкое описание степеней формализации универсальной семантической системы абсолютного времени следующим набором высказываний:

1. $\neg(Aa \vee Ac \vee An)$
2. $Aa \vee Ac \vee An$
3. $Aa \vee (Ac \& An)$
4. $(Aa \& Ac) \vee An$
5. $(Aa \& An) \vee Ac$
6. $(\neg An) \& (Aa \vee Ac)$
7. $(\neg Aa) \& (Ac \vee An)$
8. $(\neg Ac) \& (Aa \vee An)$
9. $\neg(Aa \vee Ac) \& An$
10. $\neg(Aa \vee An) \& Ac$
11. $\neg(Ac \vee An) \& Aa$

Высказывания 1—4 описывают морфологические системы, которые могут быть представлены в естественных языках. Высказывания 5—11 описывают морфологические системы, по-видимому, не встречающиеся в естественных языках. Эти высказывания получены вследствие того, что не налагалось никаких содержательных ограничений на способы приписывания свойств объектам.

Конъюнкция элементов описывает ситуацию нейтрализации. При нейтрализации типа $Aa \& Ac$ можно говорить об архисемеме, объединяющей свойства семем a и c . Однако архисемема высказывания (5) представляет такое объединение, которое описывает ситуацию временной прерывности. Возможность семемы, объединяющей значения антеридрности и постериорности, противопоставленные значению симультантности, не только не согласуется с аксиоматически заданными типами временной отнесенности, но и маловероятна с содержательной точки зрения. Лингвистически маловероятны и высказывания 6—8, описывающие такие ситуации, когда отсутствие морфологизации одной из семем (при наличии морфологизации других семем) не ведет к образованию

архисемемы, и высказывания 9—11, описывающие системы с морфологизацией одной семемы и с отсутствием архисемем.

Таким образом, лингвистический интерес представляю первые четыре типа формализации, которые являются лингвистически вероятными. Упрощенно их можно представить следующей схемой:

	<i>a</i>	<i>c</i>	<i>n</i>
1.	—	—	—
2.	+	+	+
3.	+	+	
4.	+		+

В этих высказываниях учитывается системный характер организации лингвистических элементов: отсутствие формализации одного из элементов трехчленного ряда ведет к перераспределению отношений между оставшимися двумя элементами, к образованию архиеlementa (например, в языке йоруба).

Остальные семь высказываний, описывающих лингвистически или логически маловероятные типы формализации, могут быть упрощенно представлены следующей схемой:

	<i>a</i>	<i>c</i>	<i>n</i>
5.	(+) + (+)		
6.	+	+	—
7.	—	+	+
8.	+	—	+
9.	+	—	—
10.	—	+	—
11.	—	—	+

3.2. С точки зрения способов формализации семантической системы абсолютного лингвистического времени могут быть установлены следующие структурные типы (по технике): а) символический, б) фузионный, в) изолирующий. Иными словами, выражение значений абсолютного лингвистического времени может осуществляться в пределах слова (семитские,

индоевропейские языки), в пределах аналитической формы слова (индоевропейские языки), при помощи свободных формантов (йоруба).

4. Типология лингвистического относительного времени, как в отношении полноты формализации семантической системы относительного времени, так и в отношении способов ее формализации, строится точно таким же образом. Специально может быть отмечено лишь следующее обстоятельство: по вполне понятным причинам в формализации значений относительного времени большую роль играют синтаксические конструкции. Это требует их специального определения. Под синтаксической конструкцией в настоящей работе понималась комбинация двух глагольных форм в пределах одного простого или сложного предложения, не связанных специальным союзом или союзным словом с конкретным временным значением или связанных союзом или союзным словом с общим значением временной отнесенности. Иными словами, ставилась задача исключить из сферы анализа такого рода связующие слова, в которых само лексическое значение является темпоральным вектором. Поэтому в качестве скрепляющего элемента рассматривались лишь такие союзы, как *когда, when, cuando* и т. д. Не рассматривались конструкции, соединенные такими словами, как *перед тем, как, после того, как, antes que, después que, apenas que, before, after, just before*, и т. д.

Конструкции с участием векторных слов выделялись в особый разряд лексико-синтаксических конструкций.

5. Семантические системы абсолютного и относительного времени не являются альтернативными. Взаимно пересекаясь, они на правах подсистем образуют единую общую замкнутую универсальную дедуктивную семантическую систему временных значений (ЕВС) (см. табл. на стр. 209).

Описание всех возможных степеней и способов формализации ЕВС производится так же, как и для ее подсистем. Могут быть отмечены некоторые общие особенности ЕВС:

1) нулевая строка: обычно морфологизация абсолютными формами глагола;

2) нулевой столбец: обычно герундиальные и партиципные формы;

3) значения столбцов 1 и 3 и значения строк 1 и 3 являются совместимыми; значения столбца 2 и значение строки 2 являются соответственно несовместимыми со значениями столбцов 1 и 3 и строк 1 и 3;

4) при синтаксическом выражении: строка 1 имплицитно строку 3, строка 3 имплицитно строку 1, столбец 1 имплицитно столбец 3, столбец 3 имплицитно столбец 1.

6. ЕВС представляет собою замкнутую семантическую си-

стему, включающую в свой состав все возможные, по определению, виды временных значений. Большое количество значений, традиционно относимых к временным, но не входящих в ЕВС, должно быть отнесено либо к несистемным time-значениям, либо к видовым значениям (или к значениям Aktionsart-ов). Поэтому то, что, например, в русской грамматике рассматривается как различные значения настоящего времени, представляет, на самом деле, сложную комбинацию tense-значений, time-значений и видовых модификаций временных значений. С другой стороны, значение Plusquamperfect'a должно рассматриваться не как видовое, а как временное tense-значение (антериорность по абсолютной лингвистической шкале и антериорность по относительной лингвистической шкале).

ЕВС		Лингвистическое абсолютное время				
		Точка отсчета: «момент речи»				
		<i>a</i>	<i>c</i>	<i>n</i>	нулевое значение	
		1	2	3	4	
Лингвистическое относительное время	Точка отсчета: «другой процесс»	нулевое значение				
		<i>n</i>				
		<i>c</i>				
		<i>a</i>				

Таким образом, предложенный способ описания временных значений представляет собою своеобразный алгоритм семантической дифференциации видовых и временных значений. Пользуясь им, можно не только упростить и формализовать описание замкнутых временных систем естественных языков, но и упростить выделение несистемных временных time-значений, наконец, упростить описание видовых значений, не образующих замкнутой семантической системы (напомним, что количество атрибуций — а вид есть глагольная атрибуция — неограниченно, как неограниченно

вообще количество возможных качественных характеристик глагола).

Предложенный способ описания временных значений выдвигает целый ряд вопросов, каждый из которых может явиться предметом самостоятельного исследования. Таким вопросом, например, является проблема соотнесения несистемных временных значений и видовых значений, проблема установления иерархии между следующими единицами: Aktionsart, аспект, tense-значение, time-значение.

7. Проверка семантических свойств языковых форм на полный набор высказываний, описывающих все возможные степени морфологической реализации ЕВС, позволяет не только выявить многозначность глагольных форм, но и установить среди них «чистовидовые», «чистовременные tense-формы», «чистовременные time-формы» и разные виды синкретических форм. В русском языке, например, все глагольные формы многозначны и синкретичны; в испанском могут быть отмечены и чистовременные tense-формы, например, Pretérito Indefinido; в йоруба, как в испанском, наряду с синкретическими видо-временными формами могут быть установлены и чистовременные tense-формы. Общая типология глагольных форм с точки зрения их семантического состава (I — видовые, II — временные tense-формы, III — временные time-формы) может быть описана следующими структурами:

Значение глагольной формы

	I	II	III
1.	+	—	—
2.	—	+	—
3.	—	—	+
4.	+	+	—
5.	+	—	+
6.	—	+	+
7.	+	+	+

8. В заключение рассмотрим временные системы русского, испанского, английского и йоруба языков, описанные по предложенной выше методике. Для простоты обозначим каждую позицию ЕВС определенным числом, которое будет использоваться как семантический индекс:

14	24	34	44
13	23	33	43
12	22	32	42
11	21	31	41

14. русск.: *видел/увидел* — НС/СВ виды
англ.: *saw, have seen, was seeing*
исп.: *vi, he visto veía, estaba viendo*
йоруба: *ri* — нулевой вид
ti ri — терминативный вид
ti n'ri — ингрессивный вид
ma n'ri — дуративный вид
24. русск.: *вижу/* — НС вид
англ.: *see, am seeing*
исп.: *veo, estoy viendo*
йоруба: *ri* — нулевой вид
ti ri — терминативный вид
ti n'ri — ингрессивный вид
ma n'ri — дуративный вид
34. русск.: *буду видеть/увиджу* — НС/СВ виды
англ.: *shall see, shall be seeing*
исп.: *vi, he visto, verá, estará viendo*
йоруба: *yio (ma) ri* — нулевой вид
yio ti ri — терминативный вид
yio ti ma ri — ингрессивный вид
yio ti ma n'ri — дуративный вид
44. русск.: *видеть/увидеть* — НС/СВ виды
англ.: *to see*
исп.: *ver*
йоруба: *lati ri*
12. англ.: *was seeing*
исп.: *estaba viendo, veía*
22. англ.: *am seeing*
исп.: *estoy viendo*
32. англ.: *shall be seeing*
исп.: *estará viendo*
42. русск.: *видя*
англ.: *seeing*
исп.: *viendo*
11. англ.: *had seen*
исп.: *había visto*
hube visto
31. англ.: *shall have seen*
исп.: *habré visto*
41. русск.: *увидя/увидев* — НС/СВ виды
англ.: *having seen*
исп.: *habiendo visto*

Описание лингвистических временных значений синтаксических и лексико-синтаксических конструкций по предложен-

ной методике может быть проиллюстрировано следующими примерами: *estube viendo*+V, *was seeing*+V являются синтаксическими конструкциями со значением 12, *estoy viendo*+V, *am seeing*+V являются синтаксическими конструкциями со значением 22, *estaré viendo*+V, *shall be seeing*+V являются синтаксическими конструкциями со значением 32, *al haber*+V является синтаксической конструкцией со значением 42.

В синтаксических конструкциях типа V_1+C+V_2 и в лексико-синтаксических конструкциях типов V_1+LC+V_2 , $V_1+W+LC/C+V_2$, $V_1+LC/C+V_2+W$ ⁶ могут по отдельности определяться временные значения для форм V_1 и V_2 , при этом связь между временными значениями форм V_1 и V_2 в составе конструкции соответствует импликациям, описанным выше (п. 5).

9. Использованная в работе система обобщенных временных значений может быть подвергнута дальнейшему детализированию, что позволит осуществить более тонкий анализ лингвистических времен. Действительно, внутри каждого из типов относительных временных значений (*a*, *c*, *n*) могут быть выделены подтипы, характеризующие свойства антериорности, симмультанности и постериорности более подробно. Так, например, симмультанность может выступать либо как полная, либо как частичная. Представление о различии этих двух подтипов одного значения дают следующие две конструкции: *Cuando paseábamos me decía* (полная симмультанность), *Cuando paseábamos me dijo* (частичная симмультанность).

Типологические возможности такого рода легко определяются дедуктивным путем. Типологический анализ на уровне подсистем проводится так же, как он был проведен для ЕВС.

10. В литературе высказывалось мнение о неопределенности семантических критериев, которая препятствует их использованию при анализе другого языка, так как мы не можем быть уверены (в силу неопределенности этих критериев), что подходим с одной меркой к разным языкам⁷. Нам кажется, что это замечание можно ограничить только теми случаями, когда семантические свойства не образуют замкнутых систем. Построение же замкнутых систем, как мы имели возможность убедиться, образует, наоборот, единую мерку, которая применяется к описанию разных языков.

⁶ С — союз с общим темпоральным значением, LC — союз с векторным темпоральным значением, W — календарное слово.

⁷ См. Б. А. Успенский, Несколько замечаний о языке-эталоне, — сб. «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1965, стр. 310.

МЕТОДЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

1. Типологическое сравнение языков, чтобы быть объективным, должно иметь дело с единицами, выделяемыми при помощи достаточно ясной формальной процедуры, применимой к языкам любого строя.

В грамматике используются по крайней мере две основные единицы — слово и морфема. Обе они, в отличие, например, от предложения, не могут быть выделены интуитивно. Выделение предложения не требует формального обоснования. По нормам русской орфографии точка ставится в конце законченного предложения; этого правила оказывается вполне достаточно для того, чтобы ребенок, только что научившийся писать, мог правильно ставить точки: конец предложения он определяет, руководствуясь только чувством языка и не нуждаясь ни в каких дополнительных специальных признаках. Слово, а тем более морфема, так выделены быть не могут; для отыскания границ слова необходима особая процедура.

Проблеме слова посвящена обширная литература, и число существующих определений слова очень велико. Едва ли целесообразно пытаться дать еще одно совершенно новое определение; разумнее было бы рассмотреть то, что уже предлагалось, отбросив непригодные решения и выделив те, которые выдерживают практическую проверку. Как видно из сказанного выше, нас интересуют только те определения грамматических единиц, в которых содержится указание на способ выделения этих единиц.

Кроме того, мы можем не принимать во внимание определения, основанные на признаках, существенных только для определенных групп или семей языков (в основном это будут фонетические признаки — ударение, сингармонизм и т. п.).

Из двух аспектов проблемы слова мы рассматриваем только один — членение текста на отрезки, соответствующие словам. Вопросы об отождествлении выделенных единиц, их объединении в словоформы и далее в слова в более строгом смысле мы затрагивать не будем. То же относится и к морфемам (поэтому, пользуясь более точной терминологией,

нам следовало бы говорить о выделении не морфем, а морф).

Договоримся о некоторых принципах оценки теорий слова. Следует иметь в виду, что с помощью любой процедуры мы получаем единицы, в большинстве случаев совпадающие с орфографическим словом в языках, имеющих письменную традицию. Поэтому не эти массовые простые случаи должны служить основанием для оценки теорий. Важнее посмотреть, как каждая теория справляется со случаями трудными, противоречивыми. Желательно, чтобы трактовка этих сложных случаев не приводила к нелепым, совершенно неприемлемым результатам (однако считаются допустимыми результаты хотя и нетрадиционные, но практически «терпимые»).

2. Чаще всего слово определяют как минимальный отрезок речи, который может употребляться самостоятельно, т. е. как отдельное предложение. Такое предложение чаще всего будет неполным. Так, *белую* или *вчера* несомненно могут быть предложениями (скажем, если это ответ на вопросы *Какую бумагу он купил?* и *Когда он приехал?*).

Кажется, последним по времени, кто подробно обосновывал упомянутое определение слова, был П. С. Кузнецов¹. Слово, по П. С. Кузнецову, есть звуковая последовательность, которая может быть ограничена паузами, но внутрь которой нельзя вставить другую такую последовательность. «Быть ограниченным паузами» — это и значит «быть предложением». Членение речи производится в два приема: сначала находим последовательности звуков, способные к изолированному употреблению, а потом пробуем разделить их, вставляя одни в другие. На втором этапе обнаруживаются некоторые слова, которые не могут быть предложением, но внутри предложения могут быть отделены от соседних слов.

Метод, применяемый П. С. Кузнецовым, имеет по крайней мере две слабые стороны.

Во-первых, во многих языках мы находим сложные слова, обе части которых способны к самостоятельному употреблению: ср. кит. *байцай* 'капуста' (букв. 'белый овощ'), *хочэ* 'поезд' (букв. 'огненная повозка')². Такого рода единицы пришлось бы рассматривать как сочетания двух слов.

¹ П. С. Кузнецов, Опыт формального определения слова, — ВЯ, 1964, № 5, стр. 75—77.

² Ср. нем. *Schwarzbrot* 'черный хлеб', *Dampfschiff* 'пароход'; англ. *starfish* 'морская звезда', *typewriter* 'пишущая машинка' и т. п.; однако примеры эти не показательны, поскольку такие слова, как *Schiff*, *star* и т. п., едва ли можно употребить как отдельное предложение (они, как правило, должны иметь перед собой артикль). В русском языке подобные сложные слова встречаются лишь как исключение (*радиостанция*, *вышеупомянутый*, *четырёхколесный*).

Во-вторых, встречаются сочетания, внутрь которых могут быть вставлены отрезки речи, имеющие теоретически неограниченную длину, но не употребляющиеся самостоятельно. Так, в русском языке сочетание *в городе* легко может быть раздвинуто: *в этом городе, в большом городе* (и *в этом большом городе*); однако формы *этом, большом* не обладают самостоятельностью (в качестве предложения можно сказать только *в этом или в большом*). Итак, оказывается, что сочетание *в этот большой город* состоит из четырех слов, а *в этом большом городе* есть единое слово.

Таким образом, процедура, исходящая из представления о слове как о минимальной единице, могущей быть предложением, не дает окончательного решения вопроса.

3. В последние годы более или менее общепризнанной в советском языкознании стала теория слова, предложенная А. И. Смирницким в 1952 г.³

А. И. Смирницкий указывает на два признака слова, которые он называет «цельноформленностью» и «идиоматичностью». Однако в спорных случаях, там, где результаты, получаемые по двум критериям, не совпадают, А. И. Смирницкий считает только с первым из них. Таким образом, практически он использует только один признак слова — цельноформленность.

Под оформленностью слова А. И. Смирницкий понимает его грамматическую изменяемость. Точного определения цельноформленности или изменяемости в его статье нет — А. И. Смирницкий считает это хорошо известным. По-видимому, он исходит из того понимания формы слова, которое наиболее подробно обосновывает А. М. Пешковский⁴.

А. М. Пешковский, разбирая в качестве примера слово *стекло*, пишет, что оно входит в два ряда слов, похожих на него по звукам и значению:

1) <i>стекло</i>	2) <i>стекло</i>
<i>стекла</i>	<i>окно</i>
<i>стеклянный</i>	<i>весло</i>
<i>стекляшка</i>	<i>сукно</i>
<i>стеклышко</i>	<i>долото</i>
и т. д.	и т. д.

Благодаря существованию этих двух рядов слово *стекло* может быть разделено на две части — вещественную и формальную; возможность такого деления слова называется:

³ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»), — сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 182—203.

⁴ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, М., 1956, стр. 11—14.

формой слова. Слово, к которому мы не можем подобрать таких двух рядов, не имеет формы; например, лишенными формы признаются многие наречия русского языка.

Слова неоформленные, согласно А. И. Смирницкому, обладают косвенной, остаточной, отрицательной выделяемостью: если *суд* в сочетании *на суд* мы признали словом, то приходится признать словом и *на*. В языке нет единиц, которые бы не являлись ни словом, ни частью слова, и если *на* не входит в состав следующего слова, — оно может быть только самостоятельным словом⁵. Правда, этот критерий позволяет делать и прямо противоположные выводы — наряду с отрицательной выделяемостью предполагается и отрицательная невыделимость: сложное образование *датско-норвежский* А. И. Смирницкий рассматривает как единое слово, поскольку *датско-* явно отдельным словом не является⁶. Иначе говоря, если в образовании АВ единица В обладает цельнооформленностью, а А — нет, то можно либо признать А словом на том основании, что В обладает признаком слова, либо признать В частью слова АВ на том основании, что А не обладает признаком слова⁷.

Метод А. И. Смирницкого оказывается легко применимым к тем языкам, где оформленность слова есть случай типичный, а неоформленные слова встречаются лишь как исключения. Однако есть языки, в которых значительная часть слов не содержит формальной части. Так, в английских сочетаниях *silver spoon, stone wall, silk dress* первый компонент всегда остается неоформленным⁸. Аналогичные примеры можно найти в тюркских языках, китайском и др.

⁵ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове, стр. 192—193.

⁶ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове, стр. 194. К числу слов с отрицательной невыделимостью помимо примеров, приводимых А. И. Смирницким (*овцебык, паролод*), можно отнести также: *приехать* (ср. *ехать*), *мыться* (ср. *мыть*), *никуда* (ср. *куда*) и т. п.

⁷ Сочетания *на суд* и *датско-норвежский* в одном отношении несомненно различаются: между составными частями первого из них могут быть вставлены другие цельнооформленные слова, тогда как второе — неделимо. Для П. С. Кузнецова это различие было бы решающим. Однако А. И. Смирницкий критерием возможности вставки не пользуется. Независимо от этого есть серьезные основания и для того, чтобы считать образование *датско-норвежский* сочетанием двух слов: если *датский* образовано от слова *Дания*, то *датско-норвежский* совершенно так же образовано от явного словосочетания *Дания и Норвегия*. Во всяком случае в словари русского языка такие «слова», как *датско-норвежский*, не включаются. Если бы мы, пользуясь критерием отрицательной выделяемости, стали рассматривать *датско-норвежский* как два слова, такая трактовка была бы необычной, но в общем приемлемой.

⁸ Ср. *wooden wall, golden egg*, где оформление первого слова налицо. Слово *stone*, вообще говоря, изменяемо — оно образует форму множественного числа, но последняя невозможна там, где *stone* значит не 'камень', а 'каменный'.

В соответствии со своей основной концепцией А. И. Смирницкий считает образования типа *stone wall* единичными словами⁹. Но мнение это выглядит не очень убедительно. Упомянутые образования отличаются от «классических» сложных слов английского языка (*starfish*) и формально, и семантически (отсутствием единого ударения и неидиоматичностью значения). Нелишне также было бы отметить, что в английском языке неформальными являются и многие прилагательные, которые не имеют форм степеней сравнения. Следовательно, не только *stone wall*, но и *left hand, black coffee*, пожалуй, следовало бы на основании критерия цельноформленности отнести к сложным словам.

Итак, принципы выделения слова, предлагаемые А. И. Смирницким, не могут считаться универсальными. Будучи применены к таким языкам, как английский (не говоря уже, например, о китайском), они дают неубедительные результаты.

4. Для формального членения слова на морфемы обычно пользуются методом Дж. Гринберга¹⁰.

Метод этот состоит в следующем. Положим, что мы желаем доказать, что слово *eating* членится на две морфемы¹¹. Для этого мы должны подобрать к нему такую пару, чтобы каждую из двух составных частей слова *eating* можно было бы заменить соответствующей частью этого второго слова. Такой парой может быть, например, *sleeps*:

<i>eating</i>	<i>sleeping</i>
<i>eats</i>	<i>sleeps</i>

Четыре формы, получающиеся при такой замене, Гринберг называет «квадратом». Хотя сейчас принято говорить о «квадрате Гринберга», описываемый метод был уже ранее использован Лу Чжи-вэем¹², который, однако, применяет его для членения предложения, а не слова (к этому мы еще вернемся). Определение формы слова по А. М. Пешковскому также основано на сходных принципах.

⁹ А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, Образования типа *stone wall, speech sound* в английском языке, — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1952, № 2, стр. 97—116.

¹⁰ J. H. Greenberg, A Quantitative Approach to the Morphological Typology of Language, — «International Journal of American Linguistics», vol. XXVI, 1960, № 3, July, стр. 178—194. Русский перевод: Дж. Гринберг, Квантитативный подход к морфологической типологии языков, — «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 60—94.

¹¹ Строго говоря, слово членится не на морфемы, а на морфы, с тем что в дальнейшем морфы, имеющие сходное значение и находящиеся в дополнительной дистрибуции, объединяются в морфемы. Но для нас это сейчас несущественно.

¹² Лу Чжи-вэй, Бэйзин хуа даньиньцы цыхуэй («Словарь односложных слов пекинского диалекта»), Пекин, 1956. Книга проф. Лу была впервые издана в 1951 г., теоретическое введение к ней было опубликовано двенадцатью годами ранее небольшим тиражом.

Заметим, что при выделении морфемы Дж. Гринберг предполагает, что границы слова нам уже известны; в дальнейшем, однако, он определяет слово через морфему (точнее, понятие слова выводится из понятия «ядро», а это последнее опирается на понятие морфемы). Таким образом, определение делает круг. Если же при построении квадрата исходить не из уже заранее данных слов, а из предложений (как это делает Лу Чжи-вэй), расчленение слова *eating* окажется невозможным, поскольку не существует такого контекста, в котором *eating* можно заменить на *sleeps*. Правда, трудностей можно избежать, если предварительно выделить слова каким-нибудь независимым способом (например, по методу П. С. Кузнецова), затем разделить эти «предварительные слова» на морфемы по методу квадрата и после этого, уже зная морфемы, дать новое, более точное определение, которым будет отменено определение предварительное.

Как и А. И. Смирницкий, Дж. Гринберг допускает (с некоторыми оговорками) отрицательную выделяемость. Если уже известна морфема *berry* 'ягода', то слово *huckleberry* 'черника' должно быть разделено на две морфемы — *huckle* и *berry*, несмотря на то что *huckle* не имеет самостоятельного значения и ни в каких других сочетаниях не встречается¹³.

Об отрицательной выделяемости Дж. Гринберг говорит лишь как о второстепенной детали, несущественном дополнении к своей теории. Однако в действительности так может быть выделено огромное большинство морфем английского языка. Например, слово *eating* может быть разделено без помощи квадрата: морфему *eat* мы получаем из предложения *Eat!* 'Ешьте!', а морфема *-ing* остается после выделения *eat* в слове *eating*. Метод квадрата оказывается безусловно необходимым только в некоторых сложных случаях (например, для членения слова *receive* 'получать' или для выделения морфемы множественного числа в составе формы *men* 'люди'). Это в значительной степени объясняется особенностями строя английского языка; в русской грамматике методом, близким к методу квадрата, принадлежит гораздо более важное место¹⁴.

¹³ Дж. Гринберг, Квантитативный подход..., стр. 82.

¹⁴ Но в русском языке есть также большая группа слов, членение которых опирается главным образом на отрицательную выделяемость. Так, слово *география* в современном русском языке, по-видимому, членимо: новые слова, образованные по одной с ним модели, появляются довольно часто. Однако подобрать к нему пару для квадрата было бы нелегко; квадрат типа *география* : *геология* : *биография* : *биология* едва ли мог бы считаться удовлетворительным. В то же время морфема *geo-* (или *ge-*) легко выделяется отрицательно в составе таких слов, как *геофизика*, *геохимия*, *геомагнетизм*. Получив морфему *geo-*, мы можем далее вычленивать и *-граф-*, а это в свою очередь позволяет выделить первую морфему в словах *петрография*, *этнография* и т. п.

5. Как уже упоминалось, Дж. Гринберг выделяет не две основные единицы, а три — морфему, «ядро» и слово.

Ядром называется последовательность морфем, которую всегда можно заменить одной морфемой; при этом ставится дополнительное условие — заменяющая морфема должна относиться к иному классу, чем морфемы, входящие в заменяемую последовательность. Например, образование *farmer* 'фермер' составляет ядро, потому что его можно заменить одной морфемой, например *boy* 'мальчик', причем *boy* относится к другому классу, чем *farm* 'ферма' (неодушевленное существительное), и тем более — к другому классу, чем суффикс *-er*. Но сочетание *black dog* 'черная собака' не является ядром, потому что его можно заменить такими морфемами (точнее, одноморфемными словами), как *cat* 'кошка', *horse* 'лошадь' и т. п., т. е. морфемами того же класса, что и *dog* 'собака'. Сочетание *killed* 'убил' тоже не есть ядро, так как его вообще нельзя заменить одной морфемой. Если морфема не является частью ядра, она сама образует самостоятельное ядро.

Далее, граница между ядрами является границей между словами, если между этими ядрами можно вставить последовательность ядер теоретически любой длины¹⁵. Следовательно, если два ядра не могут быть ничем (или почти ничем) разьединены, они входят в состав одного слова.

В теории ядра есть много неясного и непоследовательного. Ограничусь только одним замечанием. Сочетание существительного с определенным артиклем (*the farmer, the boy*) всегда может быть заменено именем собственным (например, *John* 'Джон'). Слово *John* входит в другой класс, чем нарицательные существительные *farmer* 'фермер' и *boy* 'мальчик'; следовательно, согласно определению, сочетания типа *the farmer* являются едиными ядрами. Слово может состоять из одного или нескольких ядер, но не может быть меньше ядра — значит, *the farmer* должно считаться единым словом, а это противоречило бы критерию возможности вставки.

По-видимому, понятие ядра не является необходимым для выделения слова по Дж. Гринбергу, и так как это понятие не вполне ясно, то от него лучше отказаться (или по крайней мере определять ядра уже после того, как будут выделены слова: тогда деление флективного слова на ядра в основном совпадет с традиционным делением на основу и окончание). В таком случае словом будет считаться последовательность морфем, между которыми либо не могут быть вставлены другие морфемы, либо может быть вставлено лишь строго ограниченное число морфем.

¹⁵ Дж. Гринберг, Квантитативный подход..., стр. 90.

Делая оговорку, что между словами должно быть возможно вклинивание последовательностей ядер любой длины, Дж. Гринберг, возможно, хочет исключить такие случаи, как русские *рыба — рыбка*, где между корнем и окончанием может быть вставлен уменьшительный суффикс (более яркие примеры этого рода можно найти в агглютинативных языках, например, в турецком языке морфема отрицания вставляется между корнем глагола и показателем времени: *geldi* 'он пришел', *gelmedi* 'он не пришел').

Критерий Дж. Гринберга в общем близок к критерию П. С. Кузнецова, хотя есть и разница. Дж. Гринберг не требует, чтобы отрезки речи, вставляемые между словами, были обязательно способны к самостоятельному употреблению, поэтому он легко признает *в городе* за два слова; потенциальная способность к самостоятельному употреблению для Дж. Гринберга не важна, поэтому он не будет склонен делить на два слова кит. *хоэ* 'поезд'. С другой стороны, он должен будет назвать едиными словами такие образования, как *двадцать пять, очень интересный*: в первом случае никакая вставка невозможна, во втором — может быть вставлено лишь ограниченное число морфем (*очень неинтересный, очень уж интересный* и т. п.). П. С. Кузнецов без труда докажет, что эти образования содержат по два слова каждое: их составные части (в том числе и *очень*) способны к самостоятельному употреблению. Но такие сочетания, как *самый высокий, крайне опасный*, оба автора будут рассматривать как единые слова: *самый* и *крайне*, насколько я могу судить, не могут ни употребляться как предложение, ни отделяться от следующего прилагательного.

Хотя «слово по Гринбергу» и «слово по Кузнецову» не всегда совпадают, возможность или невозможность вставки остается важным критерием при выделении грамматических единиц. Сочетания, компоненты которых могут быть раздвинуты, разъединены вставкой каких-то более или менее самостоятельных элементов, по традиции почти никогда не рассматриваются как единые слова. Наиболее важное отклонение от этого принципа составляет трактовка глаголов с отделяемыми приставками в немецкой грамматике: эти глаголы (в отличие, например, от английских образований типа *stand up*) обычно считаются едиными словами.

Отметим мимоходом одну трудность, связанную с применением критерия вставки. В ряде языков существуют образования, одна из частей которых может «выноситься за скобки», т. е. оказываться связанной одновременно с двумя и более несамостоятельными (формально незаконченными) единицами, соединенными сочинительной связью, при том, однако, что она сохраняет тесное формальное единство с

последней из этих единиц. Таковы, например, немецкие сочетания вроде *Mittel- und Hochschulen* 'средние и высшие учебные заведения', *Tier- und Pflanzennamen* 'названия животных и растений'. К такому вынесению способны и аффиксы; ср. турецкие примеры, приводимые Б. А. Успенским: *çocuk, kadın ve ihtiyarlar* 'дети, женщины и старики'; *ne uiyor, ne içiyor, ne de söyleyordu* 'он не ел, не пил и не говорил' (в первом случае показатель множественного числа *-lar* оформляет одновременно три существительных, во втором — показатель прошедшего времени *-du* оформляет три глагола)¹⁶. Учитывая это, признали бы Дж. Гринберг, например, форму *çocuklar* 'дети' единым словом? Ведь между *çocuk-* и *-lar* можно вставить последовательность *kadın ve ihtiyar-*. На это можно, однако, возразить, что если произвести такую вставку, элемент *-lar* станет составной частью слова *ihtiyarlar* 'старики', и, следовательно, добиться отделения показателя множественного числа от оформляемого им существительного нам так и не удалось. Видимо, способность той или иной единицы быть «вынесенной за скобки» сама по себе еще недостаточна, чтобы признать эту единицу отдельным словом¹⁷.

6. Как было сказано выше, метод «квадрата» до Дж. Гринберга применялся Лу Чжи-вэем. Последний использовал его не для деления слова на морфемы, а для выделения слов в составе предложения¹⁸.

Основа метода Лу Чжи-вэя, названного им «методом изотипной замены», состоит в следующем. Для того чтобы выяснить, является ли некий элемент в составе предложения отдельным словом или нет, следует построить ряд предложений, изотипных исходному (т. е. имеющих с ним одинаковую грамматическую структуру), в одних из которых было бы заменено лексическое окружение интересующего нас элемен-

¹⁶ Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 100, 105.

¹⁷ Б. А. Успенский считает служебные элементы, способные «выноситься за скобки», частицами. Однако его определение аффиксов и частиц основано на совершенно иных критериях, чем способность или неспособность служебного элемента отделяться от обслуживаемого им корня (например, предлоги французского языка рассматриваются им как аффиксы). Понятие слова у Б. А. Успенского также сильно отличается от обычного; частицы и многие аффиксы не признаются им ни за отдельные слова, ни за части слов (см. Б. А. Успенский, Структурная типология языков, стр. 98—100, 103, 108, 85—86 и др.). Определение слова у Б. А. Успенского мы специально рассматривать не будем, так как оно основано на понятии морфемы, а процедура выделения морфемы не описывается.

¹⁸ Лу Чжи-вэй, Словарь односложных слов пекинского диалекта, 1956, стр. 6 и сл. См. также: И. С. Гуревич, Взгляды Лу Чжи-вэя по вопросам теории слова и частей речи в китайском языке, — сб. «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 190—198.

та, в других — был бы заменен сам этот элемент при сохранении его окружения. Если и та, и другая замена возможна и если исследуемый элемент не может быть разделен далее с помощью того же метода, он является словом.

Например, является ли словом элемент *чи* в предложении *во чи фань* 'я ем', букв. 'я ем рис'? Для того чтобы ответить на этот вопрос, строим два ряда предложений:

- 1) *во чи фань* 'я ем (рис)'
та чи мянь 'он ест лапшу'
хоур чи хуашэн 'обезьяна ест земляные орехи'
и т. д.

- 2) *во чи фань* 'я ем (рис)'
во чэн фань 'я кладу рис [в чашку]'
во чжу фань 'я варю рис'
и т. д.

Поскольку элемент *чи* 'есть' выдерживает проверку, а сам, будучи односложным, далее делить быть не может¹⁹, он является словом.

В действительности, однако, говорит Лу Чжи-вэй, принцип изотипной замены может быть применен только для анализа коротких образований; длинные предложения делить таким образом было бы неудобно. Поэтому в своей практической работе он пользуется упрощенной процедурой. Прежде всего он сокращает предложение, последовательно выбрасывая из него части, которые можно опустить. Если удастся сократить предложение до одного неделимого далее элемента, который может быть употреблен самостоятельно (в качестве повелительного предложения или ответа на вопрос), этот элемент признается словом; такие слова Лу Чжи-вэй называет «фразовыми словами». Слова, которые не могут быть получены таким образом, вычлняются не из предложения в целом, а из коротких (обычно двухэлементных) отрезков; к каждому такому отрезку подбирается другой, имеющий одинаковые с первым синтаксические свойства и образующий с ним квадрат²⁰. В тексте словаря при каждом слове, не являющемся

¹⁹ Китайский язык — слоговой, поэтому морфологическое членение в пределах слога в нем невозможно, кроме некоторых особых случаев (слоги с ретрофлексными гласными).

²⁰ Можно было бы вместо этого условиться производить членение предложения в несколько этапов, подвергая каждый раз замене не все компоненты предложения, а только непосредственно составляющие. В таком случае предложение *Во чи фань* делилось бы в два этапа. На первом этапе выделялось бы подлежащее при помощи, например, следующей пары: *во чи фань* 'я ем (рис)', *гэгэ шуйлэ* 'старший брат лег спать'. На втором этапе слово *во* 'я', уже выделенное, заменять не требовалось бы, и пара подбиралась бы только к группе сказуемого: *во чи фань* 'я ем (рис)', *во чжу мянь* 'я варю лапшу'. Так можно разбирать предложения любой длины.

«фразовым», указан квадрат, с помощью которого оно выделено. Например, при слове *тянь* 'день' приводятся сочетания *ши тянь* 'десять дней', и *нянь* 'один год': заменяя поочередно компоненты первого сочетания соответствующими компонентами второго, мы получим квадрат Гринберга.

Лу Чжи-вэй оговаривает, что элемент, в одном каком-то случае являющийся словом, в другом окружении может оказаться частью слова. Отрицательной выделимости слова он, очевидно, не признает.

Кроме «фразовых слов» и слов, выделяемых по методу квадрата, словарь Лу Чжи-вэй содержит и некоторые другие категории слов. Прежде всего, методом квадрата оказывается невозможным вычленить служебные слова; в словаре приводятся все служебные элементы, выделенные без формального основания, и вопрос о том, какие из них можно считать самостоятельными словами, остается открытым. Во-вторых, составные части устойчивых сочетаний, если между ними может быть вставлено хотя бы одно слово или служебный элемент, тоже включаются в словарь.

Как видно из сказанного выше, излагая основы своего метода, Лу Чжи-вэй предполагает, что в результате замены, с одной стороны, самого исследуемого элемента, с другой — его окружения, должны получиться два достаточно больших ряда предложений, изотипных как первоначальному предложению, так и друг другу. Практически, однако, он, как позже и Дж. Гринберг, довольствуется всего четырьмя сочетаниями. При этом подчас оказывается, что других примеров, кроме тех, которые вошли в квадрат, вообще нельзя найти. Выделяемые в таких случаях слова выглядят очень неубедительно. Например, с помощью изотипной замены Лу Чжи-вэй выделяет в качестве самостоятельного слова элемент *ши*, встречающийся только в двух сочетаниях — *жишиши* 'солнечное затмение' и *юэши* 'лунное затмение'. Позднее Лу Чжи-вэй пришел к выводу, что считать словами элементы, выделенные в результате только парной замены, неправильно²¹.

В то же время слова некоторых классов в китайском языке можно выделить только методом изотипной замены. Например, только так можно разделить сочетания числительных с названиями единиц измерения (*сань цзинь* 'три фунта', *у чи* 'пять футов' и т. п.). Слова типа *цзинь* 'фунт' в китай-

²¹ Лу Чжи-вэй, Дуйюй даньиньцы ды и чжун цо'у цзяньцзе («Об одном ошибочном взгляде на односложные слова»), — «Чжунго юйвэнь», № 34, 1954, IV, стр. 11—12. Ср. также предисловие автора ко второму изданию «Словаря односложных слов» (Лу Чжи-вэй, Словарь односложных слов пекинского диалекта, 1956, стр. II—III).

ском языке никогда не употребляются без числительного и ничем не могут быть от него отделены.

Итак, применение метода изотипной замены дает ценные результаты, но лишь при условии, что путем замены могут быть получены достаточно большие (теоретически неограниченные) ряды изотипных предложений²².

В европейских языках методом Лу Чжи-вэя с этой поправкой можно выделить все слова, способные к самостоятельному употреблению, но в то же время сложные слова типа *Schwarzbrot*, если только они обладают идиоматичностью, останутся неразделенными. По-видимому, будут выделены и все слова, получаемые по методу Дж. Гринберга, и разделены на две части неразложимые для Дж. Гринберга сочетания *очень интересный, самый высокий*: первый компонент каждого из них можно заменить любым наречием степени, второй — любым прилагательным. В то же время методом изотипной замены не могут быть разделены устойчивые сочетания; *железная дорога, летучая мышь, бить баклуши, спустя рукава* будут признаны едиными словами (напомню, что Лу Чжи-вэй расчленял аналогичные китайские сочетания на основании другого критерия — возможности вставки). По Дж. Гринбергу, эти сочетания тоже были бы неделимы; П. С. Кузнецов счел бы *железная дорога* за словосочетание (оба компонента способны к самостоятельному употреблению), а *бить баклуши* — за единое слово.

Кроме того, традиционные сложные слова, лишенные идиоматичности, по методу изотипной замены будут, видимо, признаны словосочетаниями. В составе сложного образования *Winterabend* 'зимний вечер' первый компонент может быть заменен названием любого времени года, дня недели и т. п., а второй — названием любого времени дня (а также элементами, входящими в некоторые другие семантические группы, — *Winterkälte* 'зимний холод', *Wintersport* 'зимний спорт' и т. п.). В образовании *Silberkette* 'серебряная цепочка' первый компонент может быть заменен названием любого металла, а второй — названием любого металлического предмета (ср., например, *Golduhr* 'золотые часы', *Kupfermün-*

²² В действительности, вероятно, важно не количество примеров, а то, чтобы каждое слово заменялось любым другим словом той же семантической группы. Так, элемент *ю* 'правый' в сочетании *ю шоу* 'правая рука' можно заменить только на *цзо* 'левый', поскольку соответствующая семантическая группа состоит только из двух членов; второй компонент того же сочетания может быть заменен названием любой парной части тела (*цзяо* 'нога', *эдо* 'ухо' и т. п.), число которых тоже сравнительно невелико. Тем не менее здравый смысл подсказывает, что *ю шоу* 'правая рука' есть сочетание двух слов. (Это сочетание ничем не может быть разъединено, но *шоу* 'рука' способно к самостоятельному употреблению; по П. С. Кузнецову и Дж. Гринбергу *ю шоу* будет единым словом).

ze 'медная монета'). Так же будут разбираться и русские слова вроде *датско-норвежский*, *черноглазый* или *трехколесный*²³. Даже *приехать*, может быть, окажется состоящим из двух слов: вместо *при* можно подставить любую приставку со значением направления, вместо *ехать* — любой глагол движения. Инкорпоративные комплексы палеоазиатских языков тем более будут рассматриваться как сочетания двух или нескольких слов.

Короче говоря, метод Лу Чжи-вэя расчленяет почти все образования, не обладающие идиоматичностью.

7. Последнее определение грамматической единицы, на котором хотелось бы остановиться, принадлежит И. И. Ревзину²⁴. Единица эта не совпадает ни со словом, ни с морфемой; она называется просто «основной речевой единицей».

Исходным понятием в теории И. И. Ревзина является понятие «границы». Если часть фразы можно опустить без нарушения грамматической правильности этой фразы, то по обе стороны опускаемой части проходит граница. Например, в предложении *он сегодня перестарался* можно опустить слово *сегодня* и приставку *пере-*; таким образом, внутри этого предложения можно провести три границы (одна из которых отделит *пере-* от *-старался*).

Что же касается самой основной речевой единицы, то, если упростить определение, данное И. И. Ревзиным, можно сказать, что основная речевая единица — это последовательность фонем, заключенная между двумя ближайшими границами²⁵.

Заметим, что по методу И. И. Ревзина мы не можем разбирать каждое предложение отдельно, само по себе. В английском предложении *the boy is running* нет ни одной границы — в нем ничего нельзя опустить. Чтобы разобрать этот пример, мы должны сначала построить и проанализировать другую фразу, содержащую элементы, которые можно опустить, например *the schoolboy we see there is still running*, и, получивши из нее единицы *the, boy, is, running*, отождествить их с соответствующими частями исходного предложения. Иначе говоря, прежде чем прибегнуть к критерию воз-

²³ Существенная разница между *Silberkette* или *датско-норвежский*, с одной стороны, и *черноглазый* — с другой, состоит в том, что в первой группе один из компонентов каждого сочетания может быть опущен.

²⁴ И. И. Ревзин, *Модели языка*, М., 1962, стр. 55—57.

²⁵ В действительности И. И. Ревзин учитывает кроме конструктивных границ еще и фонологические пограничные сигналы. Однако поскольку «во многих языках, например французском, границы между словами или морфемами вообще, как правило, не обозначаются» (И. И. Ревзин, *Модели языка*, стр. 55), этой стороной дела приходится пренебречь, иначе определение окажется непригодным для некоторых языков.

возможности опущения, мы должны попробовать критерий возможности вставки.

Основная речевая единица часто оказывается меньше традиционного слова. Граница проходит везде, где можно что-то вставить (поскольку то, что вставлено, всегда можно и опустить), — значит, единица И. И. Ревзина может быть равна слову по Дж. Гринбергу или меньше его, но никак не больше. Будут разделены и те образования, внутрь которых можно вставить не более одной морфемы. Турецкая форма *geldi* 'он пришел' состоит из двух единиц, поскольку между *gel* и *di* можно вставить морфему отрицания. Вообще большинство служебных элементов агглютинативного типа (в том числе русские глагольные приставки) представляют собой отдельные единицы. Разделятся на части и те сложные слова, последний компонент которых способен к самостоятельному употреблению: вместо *охотник убил овцебыка* можно сказать *охотник убил быка*, и фраза останется грамматически правильной.

Сочетания типа китайского *сань цзинь* 'три фунта', а также идиоматические сочетания, один из элементов которых не может употребляться отдельно (*бить баклуши*), по методу И. И. Ревзина можно разделить, только прибегнув к отрицательной выделяемости.

Несовпадение основных речевых единиц и традиционных слов будет особенно заметно в агглютинативных языках.

8. Авторы рассмотренных выше теорий пользуются сравнительно небольшим числом по-разному комбинируемых приемов. Если оставить в стороне цельюоформленность — признак, который не может быть применен к некоторым языкам (и к некоторым словам в любых языках), выделение грамматических единиц может производиться следующими способами:

1. Проверяется способность единиц к употреблению в качестве самостоятельного предложения. Этот прием никогда не применяется как единственный, его приходится дополнять другими способами членения речи; кроме того, он как будто бы никогда не является решающим, т. е. нет таких слов (традиционных или нетрадиционных), которые могли бы быть выделены только этим приемом и никаким иным.

2. Проверяется способность единиц быть отделенными от соседних частей предложения, т. е. возможность вставить какие-то отрезки речи между частями сложных образований.

3. Проверяется способность единиц к перекрестной замене.

4. Проверяется возможность опустить часть предложения без нарушения его грамматической правильности. Этот прием должен быть дополнен проверкой на возможность вставки.

Каждый из этих приемов может быть дополнен призна-

нием (или непризнанием) отрицательной выделяемости. Кроме того, на каждый прием могут быть наложены некоторые ограничения. Так, при проверке на возможность вставки можно требовать, чтобы между словами могло быть вставлено достаточно большое (или даже неограниченное) число других слов, при проверке на замену — чтобы слово могло быть заменено достаточно большим (неограниченным) числом других слов.

Из перечисленных четырех приемов наибольшей самостоятельностью (независимостью от других приемов) обладают проверка на возможность вставки и проверка на возможность перекрестной замены. Эти два способа выделения слова следует считать главными.

Единицы, выделяемые методом вставки и методом замены, часто не совпадают ни друг с другом, ни с традиционным словом в конкретных языках. Можно поэтому параллельно пользоваться при описании тремя разными единицами — «словом по Гринбергу», «словом по Лу Чжи-вэю» и орфографическим словом (и говорить, например, что русское *датско-норвежский* является единым «словом по Гринбергу», но состоит из двух «слов по Лу Чжи-вэю»).

Но можно поступить и иначе — комбинируя четыре перечисленных выше принципа, получить комплексное определение слова. В таком случае единицы, выделяемые одновременно по методу вставки и по методу замены, безусловно будут считаться словами. Единицы, которые не могут быть отделены от предшествующих или последующих единиц, но способны к замене и к самостоятельному употреблению (как обе части русского *очень интересный* и может быть немецкого *Silberkette*), тоже явно представляют собой слова. Можно далее считать состоящими из двух слов такие образования, части которых могут быть заменены, но не могут быть раздвинуты, при условии, если по крайней мере один из компонентов способен к «вынесению за скобки»; под это правило подойдет китайское *сань цзинь* 'три фунта' (поскольку можно сказать *сань сы цзинь* 'три-четыре фунта') и большинство немецких традиционных сложных слов.

Единицы отделимые, но не заменимые окажутся словами лишь с оговоркой: это будут либо служебные частицы (как *о* в русском сочетании *разговаривать о погоде*), либо части идиоматических сочетаний.

Трудно решить, что делать с остальными (кроме оговоренных выше) образованиями, которые не могут быть разделены путем вставки, но допускают изотипную замену своих компонентов: *датско-норвежский*, *черноглазый* и т. п. Лично я склонен встать на точку зрения Лу Чжи-вэя и считать, что составные части этих образований с общелингвистической

точки зрения представляют собой слова; однако я предвижу возражения, поскольку орфографическая традиция европейских языков подсказывает противоположное решение.

Впрочем, каким бы тонким и гибким мы ни старались сделать общелингвистическое определение слова, оно все равно в чем-то будет расходиться с традициями описания каждого конкретного языка. Среди языков, материалы которых привлекались выше, более всего расходится со всеми предлагавшимися определениями традиционное представление о слове в немецком языке.

Так обстоит дело со словом. Что касается морфемы, то для выделения ее может быть использован «квадрат Гринберга» (после того как слова уже выделены), а также проверка на возможность опущения и отрицательная выделимость. Можно предполагать, что метод квадрата окажется наиболее удобным для флективных языков, проверка на опущение — для агглютинативных, но в каждом языке должны быть применены оба приема.

Б. М. ЛЕЙКИНА, В. Д. МАЗО,
Т. Н. НИКИТИНА, М. И. ОТКУПЩИКОВА

О ВОЗМОЖНОМ ПОДХОДЕ К ТИПОЛОГИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЗИЦИОННЫХ СВОЙСТВ ЯЗЫКОВ¹

В последние годы в области типологии намечаются попытки расширения круга признаков, используемых при классификации языков. В качестве основания типологического различения начинают привлекать признаки, не учитывавшиеся ранее в типологических схемах и легко поддающиеся точному и объективному описанию. К таким признакам относится, в частности, порядок слов.

Основы позиционной типологии закладывает работа Теньера «Элементы структурного синтаксиса»². Однако типологическая классификация Теньера разбивает языки мира всего на несколько групп, не намечая дальнейшей точной дифференциации внутри этих групп. Естественно, что каждая группа охватывает весьма различные языки. По классификации Теньера, например, такие языки, как русский, английский, немецкий, китайский, бирманский, попадают в одну группу.

Между тем даже самые общие представления о позиционных закономерностях этих языков делают желательной более дифференцированную типологическую характеристику. Для более тонкой характеристики позиционных особенностей языка требуются, по-видимому, не только качественные оценки типа «центробежный», «центростремительный», но и количественные оценки, значительно более точные и дифференцированные, чем дихотомия «*accusée ; mitigée*».

Позиционная типология Теньера является по своей сущности качественной и в этом смысле близка к обычным типологическим схемам, основывающимся главным образом или исключительно на качественных характеристиках, которые по самой своей природе хуже поддаются точной и объективной «градуйрованной» оценке, чем количественные.

¹ Разработка методологического подхода исследования принадлежит Б. М. Лейкиной. Исследование материалов по английскому языку проводила Б. М. Лейкина, по бирманскому — В. Д. Мазо, по китайскому — Т. Н. Никитина, по русскому — М. И. Откупщикова.

² L. Tesnière, *Éléments de syntaxe structurale*, Paris, 1959. См. такой же подход: А. А. Холодович, К типологии порядка слов, — «Филологические науки», М., 1966, № 3.

Чрезвычайно ценными представляются наметившиеся в последние годы попытки создания «количественных типологий» языков, позволяющих установить различные степени типологической близости³. Оптимальной нам представляется такая классификационная схема, которая позволяла бы выделять языки с заданной степенью типологической близости от минимальных степеней, разделяющих языки мира на крупные группы типа теньеровских, до максимальной, выделяющей «группы типологически идентичных языков», иначе говоря, классификация, позволяющая по набору определенных типологических характеристик определить, с каким языком мы имеем дело.

Такая типологическая схема может быть построена лишь с учетом количественных принципов и должна основываться на большом статистическом исследовании множества различных языков.

Первыми шагами в этом направлении можно считать, с нашей точки зрения, статистико-сопоставительные исследования нескольких языков, проведенные по единой методике на однотипном в отношении стиля и одинаковом по объему материале. Настоящая работа является попыткой именно такого сопоставительно-статистического исследования порядка слов четырех языков: английского, бирманского, китайского и русского, сопоставление которых представляет интерес, так как, будучи различными с точки зрения морфологической классификации, они попадают в одну группу по типологической классификации Теньера. В работе выявляются факты, характеризующие позиционные особенности данных языков. Однако основной целью работы являются поиски приемлемого методологического подхода.

С этим связан целый ряд ограничений. Основное ограничение: исследовалось лишь расположение компонентов в группе существительного (как это делает и Теньер), при этом учитывались не только определения, но и приложения и всякие другие уточнители: существительного. Второе ограничение относится к объему материала: для каждого из исследуемых языков материал ограничен рассмотрением 1500 бинарных связей существительного с каким-либо уточняющим словом. Третье ограничение относится к стилю анализируемых текстов: исследовались научно-технические тексты. В случае бирманского языка вследствие ограниченности научно-технической литературы материалом исследования служили также и публицистические тексты.

---

³ J. Greenberg, *Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements*, — «Universals of Language», Cambridge (Mass.), 1963.

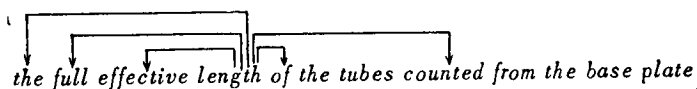
Типологическая характеристика языка может быть задана количественными значениями определенного набора индексов. Цель работы в этом плане заключалась в том, чтобы проверить типологическую ценность ряда таких возможных индексов. Результаты исследования сведены в таблицы отдельно по языкам и в сводные — сопоставительные.

В дальнейшем мы будем говорить только о сопоставительных таблицах. Некоторые наиболее громоздкие таблицы, требующие слишком больших пояснений, не приводятся.

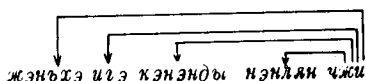
При построении таблиц используются понятия позиции, уровня подчинения и позиционной структуры.

Позиция уточняемого существительного принимается за нулевую. Позиции, занимаемые уточняющими словами, в каждом отдельном случае нумеруются в порядке их удаленности от слова в нулевой позиции. «Левость» обозначается знаком «минус», «правость» — знаком «плюс». При нумерации позиции учитываются лишь слова, непосредственно подчиненные уточняемому слову, поэтому номер позиции может не совпадать с местом уточняющего слова по отношению к уточняемому в линейной последовательности. Например, в сочетании *наиболее важное предположение статистической механики* слово *механики* занимает позицию +1, а слово *важное* — позицию -1, слова же *наиболее* и *статистической* в нумерацию позиций не входят, так как являются подчиненными второго уровня. Соответственно различаются третий, четвертый и т. д. уровни подчинения. Слово в нулевой позиции относится к нулевому уровню подчинения.

Под позиционной структурой понимается совокупность левых и правых позиций непосредственно уточняющих слов — подчиненных первого уровня — в группе существительного. Позиционная структура обозначается общим числом левых позиций, вводимых знаком —, и общим числом правых позиций, вводимых знаком +. Например, структура $-3+2$ означает, что существительное имеет три левых уточняющих слова и два правых уточняющих, например:

полная эффективная длина трубки, отсчитываемая от экрана. Структура -4 означает, что у существительного четыре левых определения:

любое одно возможное значение энергии.

Структура — 3+1 означает, что при трех левых уточняющих имеется одно правое, например:

Некоторая однородная макроскопическая система, которая может находиться в газообразном, жидком и твердом состоянии...;

(тай³ хм¹а¹ тахму²) ши¹ то³ стоу² ше²ли' лу² баун² т¹

'новое справедливое социалистическое общество' (букв. 'новое социалистическое общество людей, в котором есть только справедливость').

Первые четыре таблицы учитывают только нулевой и первый уровни подчинения. Таблица 1 дает распределение подчиненных элементов по всем позициям, зарегистрированным в обследованном материале. На основании данных этой таблицы выводятся некоторые позиционные характеристики описываемых языков: левая и правая «удаленность», совпадающая с максимальным числом подчиненных элементов, расположенных, соответственно, слева или справа от уточняемого существительного, общий процент левых и правых подчиненных, левое «позиционное превалирование», определяемое отношением общего процента левых подчиненных к общему проценту правых подчиненных, если левых связей больше, и правое «позиционное превалирование», определяемое таким же образом при обратном соотношении числа левых и правых связей, и некоторые другие.

В таблице 2 приводится список позиционных структур и для каждого языка выделяются структуры с максимальной шириной, представляющей собой сумму левых и правых позиций в группе существительного, т. е. общее число подчиненных независимо от их позиции.

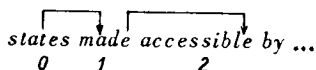
В таблице 3 представлено количественное распределение позиционных структур. В таблице 4 приводятся данные о количественном соотношении случаев, когда левая или правая позиция подчиненного слова предопределяется грамматическим классом или подклассом, к которому это слово относится, и случаев, когда позиция подчиненного слова не обусловлена его классом. На материале этой таблицы выводится индекс грамматической фиксированности позиции для каждого языка.

В таблицах 5 и 6 к рассмотрению привлекается и второй уровень подчинения. Априорно выделяются все возможные позиционные комбинации трех уровней подчинения: нулево-

го, первого, второго. Каждая из таких комбинаций обозначается триадой чисел, соответствующих номерам уровней подчинения: 012, 021, 102, 120, 201, 210. Эти комбинации называются позиционными структурами уровней.

Приведем примеры некоторых из этих структур.

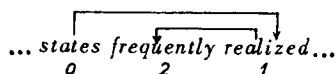
Структура 012:

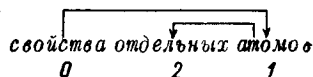
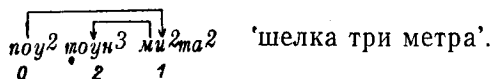
'...состояния, которые становятся возможными благодаря...'

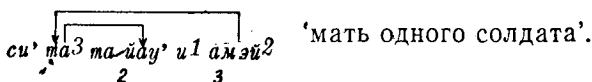
Структура 021:

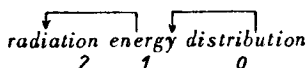
'...состояния, часто реализуемые...'

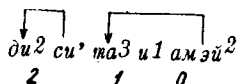
Структура 120:

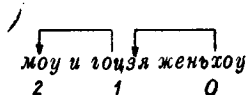
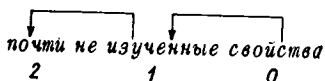
Структура 210:

'распределение лучистой энергии'.

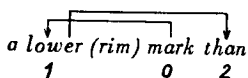

'этого солдата мать'.

'население некоторой страны'.

В таблице 5 дается распределение всех трехэлементных комплексов (т. е. сочетаний из трех слов, относящихся к разным уровням подчинения) по позиционным структурам уровней. В этой же таблице дано и распределение сложного подчинительного комплекса (первый и второй уровни) относительно нулевого уровня: левые комплексы (структуры 120 и 210), правые комплексы (структуры 012 и 021) и разрывные комплексы (структуры 102 и 201). На материале этой таблицы выводятся следующие индексы: 1 — индекс последовательности подчинения, равный отношению числа комплексов, в которых уточняющее слово стоит рядом с уточняемым (т. е. комплексов со структурой 210 и 012), к общему числу трехэлементных комплексов; 2 — индекс вклинивания уровней, дающий удельный вес случаев, в которых между нулевым и первым уровнями подчинения вклинивается второй уровень (структуры 120 и 021), и 3 — индекс разрыва подчинительного комплекса, определяющий удельный вес сочетаний, в которых уточняющее слово второго уровня примыкает не к уточняющему слову первого уровня, а к слову в нулевой позиции, например:

'меньшее деление, чем...'

На основании данных таблиц, отражающих распределение трехуровневых комплексов по грамматическим структурам, структурную осложненность более редкой позиции и функциональную дифференциацию подчиненных классов в зависимости от позиции (объем статьи не позволяет привести эти таблицы, так как материал этих таблиц требует пространственных комментариев, касающихся принципа выделения классов слов для каждого из исследуемых языков, списков классов и грамматических структур), была составлена таблица распределения факторов, обуславливающих более редкую позицию.

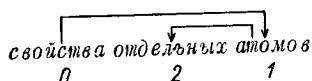
Последняя из приведенных в статье таблиц (табл. 6) дает сводку позиционных характеристик сопоставляемых языков.

Материал таблиц и выведенные на их основании индексы позволяют сделать некоторые предварительные выводы относительно позиционных свойств сопоставляемых языков.

Одним из основных можно считать вывод о том, что безоговорочное отнесение четырех рассматриваемых языков к одному типу на основании их позиционных особенностей является недостаточно точным. Русский язык в противоположность остальным трем показывает равномерное распределение правых и левых подчинительных связей, и, если ограничиться лишь группой существительного, его следует считать симметричным языком.

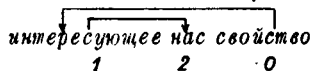
Остальные языки, хотя они и являются все лево-асимметричными, заметно различаются между собой по степени левого позиционного превалирования. Левое позиционное превалирование китайского языка равно 65,0, бирманского — 7,6, английского — 2,8. Эти количественные характеристики показывают большую близость английского языка с русским, чем с китайским.

Русский язык выделяется из группы сопоставляемых языков и меньшим удельным весом случаев последовательности подчинения компонентов в трехуровневых комплексах. Соответственно индекс вклинивания уровня в русском языке значительно выше, чем в остальных языках. Вклинивание уровня в русском языке получается главным образом за счет сочетаний типа

(структура 021), невозможных в остальных трех языках, и сочетаний типа

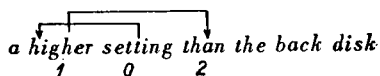

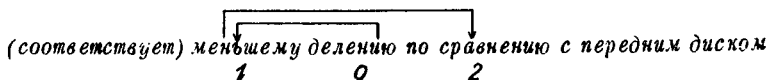
(структура 120), не встречающихся в английском и бирманском языках⁴.

С другой стороны, все сопоставляемые языки показывают крайне низкий индекс разрыва подчинительного комплекса (так называемого «пересечения стрелок» или «нарушения проективности») — не выше 0,006, что, очевидно, является характеристикой не только данных языков, но и языка вообще.

Интересно при этом отметить, что во всех четырех сопоставляемых языках разрыв подчинительного комплекса получается лишь за счет структуры 102. Примеры:

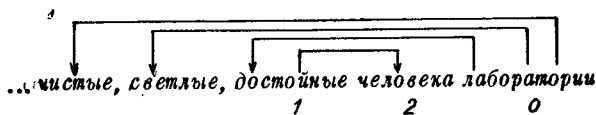
‘большее деление, чем на заднем диске’,

Структура 201 (случай типа

⁴ Ср., например, описание одного и того же объекта средствами русского и английского языков:

— структура 120;

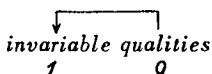
— структура 012.

в обследованном материале не зарегистрирована ни для одного из сопоставляемых нами языков.

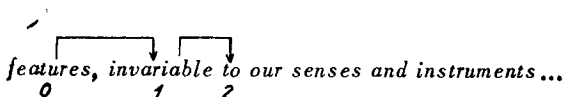
Таблица распределения факторов, обуславливающих выбор позиции, показывает, что основных таких факторов три:

1. Грамматическая характеристика подчиненного элемента в смысле его отнесенности к тому или иному лексико-грамматическому классу или подклассу. Примерами могут служить фиксированная постпозиция существительного в русском языке, препозиция существительного без предлога в английском или прилагательного в китайском, препозиция детерминативов в английском, бирманском и китайском, постпозиция инфинитива в английском и русском и т. д.

2. Структурный фактор, проявляющийся в двух разновидностях. Одной из них является структурная отягченность, т. е. наличие у подчиненного слова своих подчиненных. Этот фактор является чрезвычайно существенным для английского языка, где подчиненные с закрепленной правой позицией (инфинитив, придаточное предложение, предложная группа) всегда структурно отягчены (представляют собой не слово, а словосочетание), а некоторые классы, для которых возможны обе позиции, выступают в более редкой позиции (правой) лишь в случае структурной отягченности. Ср. примеры:

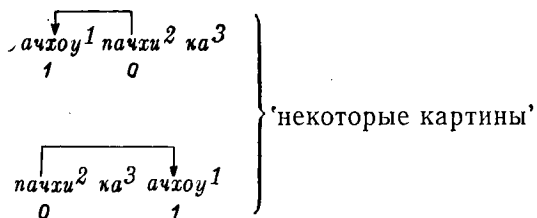
‘неизменные свойства’ и

‘характерные свойства, воспринимаемые как неизменные нашими органами чувств и приборами’.

Вторая разновидность структурного фактора — равновесие членов группы относительно ядра (т. е. нулевой позиции). Этот фактор, например, определяет позицию кванторных и некоторых других слов в бирманском языке, в котором такие слова могут занимать как левую, так и правую позицию:

алун² эй³ то³ йа² ти² пхйи¹ йвэй¹ ни² ка² схой² ти² ту¹
пачхи² ка³ ачхой¹ коу² ми³ шоу¹ ка² ми³ хлоун² йа¹ и¹ (Однажды), когда было очень холодно, Пикассо сжег некоторые свои картины’.

3. Функциональная дифференциация подчиненного слова того или иного класса в зависимости от его позиции. Эта функциональная дифференциация идет по нескольким линиям:

1) по линии коммуникативного выделения (нейтральность — коммуникативное выделение), например, постпозиция распространенного причастного оборота в русском языке в случае коммуникативного выделения и препозиция его при нейтральном употреблении. Ср. ряд *передатчиков, работающих синхронно*, и ряд *синхронно работающих передатчиков*.

2) По линии синтаксической функции, например препозиция существительного в функции определения и постпозиция существительного в функции приложения в английском языке. Ср. *laser pulse repetition frequency* ‘частота повторения импульсов лазера’ и *range rate (radial velocity)* ‘скорость изменения дальности’ (радиальная скорость).

3) По линии семантической дифференциации в пределах одной и той же синтаксической функции, например:

а) количественное значение количественных числительных в препозиции и порядково-индивидуализирующее их значение в случае постпозиции во всех четырех языках: *3-й рисунок*, *рисунок 3*; *10 cases* ‘10 случаев’, *case 10* ‘случай 10’; *бяо сань* ‘таблица 3’, *поун² хни* ‘рисунок 2’;

б) противопоставление «постоянного» и актуального признака у определения, выраженного причастием, в английском или русском языке: *fixed requirements...* ‘определенные требования’ и *the requirements fixed for these cases*⁵ ‘требования, определенные для данных условий’.

Проведенная работа позволяет сделать и некоторые выводы более общего характера. Предварительное предположение о том, что учет только качественных различий типа «наличие

⁵ Сюда же относится не зарегистрированное в нашем материале, но очень обычное в русском языке противопоставление точного и приблизительного количественного уточнения в зависимости от препозиции или постпозиции количественного числительного (*пять дней*, *десять рублей*, *дней пять*, *рублей десять*).

признака — отсутствие признака» дает значительно менее точную и дифференцированную типологическую классификацию языков по сравнению с количественным подходом, как нам кажется, полностью подтверждается. Даже такой небольшой материал, который был положен в основу данной работы, вскрывает некоторые моменты, которые трудно было бы выявить при чисто качественном подходе.

Второй основной вывод заключается в том, что для точной типологической характеристики языка классификация языков по непересекающимся классам оказывается недостаточной. Каждый язык по одним своим особенностям попадет в один класс, по другим — в другой. Последовательная непрерывная классификация может быть либо очень дробной, в которой каждый язык представляет собой особый класс, либо очень общей, не вскрывающей специфики языков. Для задач типологии, как и для других задач, для решения которых требуется учет большого числа признаков, наиболее «мощной» является скользящая классификация, позволяющая выделять классы по любому интересующему нас набору признаков и с любой заданной степенью точности⁶.

Таблица 1

Распределение подчиненных элементов по позициям

№ пп.	Позиция	Число случаев (в %)			
		англ.	бирм.	кит.	русск.
1	—1	50,65	78,2	71,1	43,53
2	—2	18,25	9,6	23,0	4,8
3	—3	4,25	0,6	4,8	0,53
4	—4	0,15	—	0,6	—
5	—5	—	—	0,06	—
6	всего левых позиций	73,9	88,4	98,5	48,86
7	+1	24,0	11,33	1,5	46,0
8	+2	2,05	0,27	—	4,9
9	+3	0,05	—	—	0,13
10	всего правых позиций	26,1	11,6	1,5	51,03

⁶ «Свободная», скользящая классификация, положенная в основу английской грамматики для автоматического анализа, описана в работе Б. М. Лейкиной (см.: Б. М. Лейкина, Принципы построения английской грамматики для синтаксического анализа при автоматическом переводе, — «Научно-техническая информация», М., 1964, № 11, стр. 39 и сл.). О скользящей классификации «анкетного» типа см.: И. А. Мельчук, Автоматический анализ текстов (на материале русского языка), — сб. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов», М., 1963, стр. 484, 505.

Таблица 2

Список позиционных структур

№ пп.	Позиционные структуры	Я з ы к и			
		англ.	бирм.	кит.	русск.
1	—1	+	+	+	+
2	—2	+	+	+	+
3	—3	+	+	+	+
4	—4	+	—	—	—
5	—5	—	—	+	—
6	+1	+	+	+	+
7	+2	+	+	—	+
8	+3	+	+	—	+
9	—1+1	+	+	+	+
10	—2+1	+	+	+	+
11	—3+1	+	+	+	+
12	—4+1	+	—	+	—
13	—1+2	+	+	—	+
14	—2+2	+	—	—	+
15	—3+2	+	—	—	—
16	позиционная структура с максимальной шириной	—4+1	—	—4+1	—3+1
	максимальная ширина	—3+2	—3+1	—5	—2+2
17		5	4	5	4

Таблица 3

Количественное распределение позиционных структур
(в % от общего количества структур)

№ пп.	Позиционные структуры	Я з ы к и			
		англ.	бирм.	кит.	русск.
1	—1	35,1	75,0	65,0	27,74
2	—2	17,0	9,47	25,5	2,4
3	—3	4,0	0,53	6,2	0,33
4	—4	0,2	—	—	—
5	—5	—	—	0,1	—
6	+1	7,8	8,5	1,3	27,7
7	+2	0,5	0,13	—	4,2
8	+3	0,1	—	—	0,13
9	—1+1	21,0	5,3	0,6	10,0
10	—2+1	8,6	—	0,3	16,6
11	—3+1	2,4	0,65	0,2	0,2
12	—4+1	0,1	—	0,1	—
13	—1+2	1,7	0,13	—	0,93
14	—2+2	1,0	—	—	0,06
15	—3+2	0,5	—	—	—

Таблица грамматической фиксированности позиций

Связи*, позиционно заданные (не заданные классами)	Я з ы к и			
	англ.	бирм.	кит.	русск.
Левые заданные связи	37,85	75,8	55,3	14,69
Правые заданные связи	21,75	16,2	—	47,61
Всего связей, позиционно заданных	59,6	92,0	55,3	62,3
Всего связей, позиционно не заданных	40,4	8,0	54,7	37,7

* В процентах к общему числу связей.

Таблица 5

Позиционное распределение уровней подчинения
в трехэлементных комплексах
(в %)

Языки	Позиционная структура уровней						Распределение подчинительных комплексов по типам		
	012	021	102	120	201	210	левый ком- плекс струк- туры 120 и 210	правый ком- плекс струк- туры 012 и 021	разрывный комплекс структуры 102 и 201
Англ.	75,6	16,1	0,6	1,8	—	5,9	7,7	91,7	0,6
Бирм.	1,2	3,1	—*	8,8	—	76,8	85,7	4,3	—*
Кит.	0,7	0,3	0,3	10,1	—	88,6	98,7	1,0	0,3
Русск.	46,6	44,4	—*	2,3	—	6,7	9,0	91,0	—*

* Структура не зарегистрирована в исследованном материале, но имеется в языке.

Позиционные характеристики

№ пп.	Характеристики	Я з ы к и				Пояснения
		англ.	бирм.	кит.	русск.	
1	Левая удаленность	4	3	5	3	Максимальная левая позиция
2	Правая удаленность	3	2	1	3	Максимальная правая позиция
3	Левая асимметричность	1,33	1,5	5,0	1,0	Отношение левой удаленности к правой
4	Правая асимметричность	—	—	—	1,0	Отношение правой удаленности к левой
5	Индекс «левости»	73,9	88,4	98,5	48,86	Процентное отношение левых подчиненных к общему числу подчиненных
6	Индекс «правости»	21,6	11,6	1,5	51,04	Процентное отношение правых подчиненных к общему числу подчиненных
7	Левое позиционное превалирование	2,83	7,6	65,0	—	Отношение индекса «левости» к индексу правости
8	Правое позиционное превалирование	—	—	—	1,5	Отношение индекса «правости» к индексу левости
9	Максимальная ширина группы существительного	5	4	5	4	Левая удаленность + правая удаленность
10	Индекс грамматической фиксированности позиций	0,60	0,92	0,55	0,62	Отношение грамматически фиксированных связей в «редкой» позиции к общему числу связей в «редкой» позиции
11	Индекс последовательности подчинения	0,82	0,78	0,89	0,53	Отношение числа комплексов со структурой 012 и 210 к общему числу трехуровневых комплексов

№ пп.	Характеристики	Я з ы к и				Пояснения
		англ.	бирм.	кит.	русск.	
12	Индекс вклинивания уровня	0,18	0,12	0,1	0,47	Отношение числа комплексов со структурой 021 и 120 к общему числу трехуровневых комплексов
13	Индекс разрыва подчинительного комплекса	0,006	—*	0,003	—*	Отношение числа комплексов со структурой 102 и 201 к общему числу трехуровневых комплексов

ВАЛЕНТНОСТЬ И ТРАНЗИТИВНОСТЬ С ПОЗИЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДУАЛИЗМА

1. Обычно, когда в лингвистике говорят о валентности какого-либо элемента (a), имеют в виду количество (n) элементов ($a_1, a_2, \dots, a_n$), с которыми он связан в синтагматической цепи.

Из этого определения следует, что если синтагматическую цепь, в состав которой входит элемент a , разобрать на звенья — «синтагматические кирпичики» ($a_1, a_2, \dots, a_n, \dots, a_s$, где $a = a_s, s > n$), затем отделить те звенья ($a_1, a_2, \dots, a_n$), которые связаны с элементом a , от тех звеньев ($a_{n+1}, \dots, a_{s-1}$), которые не связаны с элементом a , то, сосчитав затем звенья, связанные с a , можно будет сказать, какую валентность имеет a . Так, в предложении *На берегу реки стоял дом с мезонином* можно выделить три звена: 1) *на берегу реки*, 2) *стоял*, 3) *дом с мезонином* и затем, отметив, что первое и третье звенья связаны со вторым, определить валентность второго звена (*стоял*) равной 2.

Ту же задачу мы можем решить другим способом. Считая, что предложение *На берегу реки стоял дом с мезонином* разбирается на семь синтагматических звеньев: 1) *на*, 2) *берегу*, 3) *реки*, 4) *стоял*, 5) *дом*, 6) *с*, 7) *мезонином*, можно отделить первое и пятое звенья от второго, третьего, шестого и седьмого как непосредственно связанные и непосредственно не связанные с четвертым звеном, и на этом основании утверждать, что валентность четвертого звена (*стоял*) равна 2.

2. Определение валентности a через количество связей, характеризующих a , будет неполно, если не указать, какая именно характеристика элемента a учитывается в определении — характеристика потенциальных возможностей a (назовем ее характеристикой a в плане языка) или характеристика реализованных возможностей (назовем ее характеристикой a в плане речи). Так, в примере, приведенном выше, элемент a охарактеризован в плане речи, поскольку в плане языка возможно предложение, в котором элемент *стоял* будет, например, трехвалентным (*Уже с месяц*) (*на берегу реки*) (*стоял*) (*дом с мезонином*).

Очевидно, что в плане языка каждому элементу можно сопоставить его постоянную валентность — по тому максимальному количеству звеньев, с которыми он может быть связан в синтагматической цепи. Тогда предложения, с которыми мы имеем дело в плане речи, можно рассматривать как различные варианты, посредством которых реализуется способность каждого элемента к сочетаниям, а именно — валентность элемента в различных речевых вариантах (B_p) может быть различной, но никогда не должна превышать языковой валентности этого элемента ($B_{я}$):

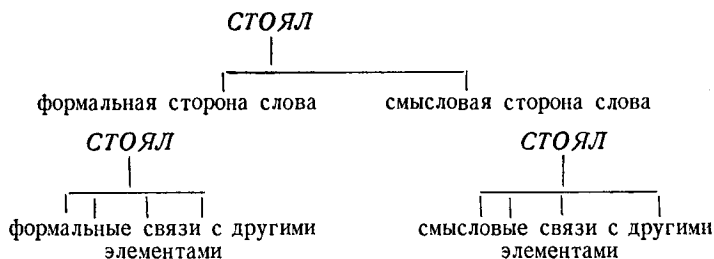
$$B_p \leq B_{я}, \text{ где } B_{я} = \text{const.}$$

Так, если в предложениях *На берегу реки стоял дом с мезонином* и *Бери!* определять валентность элементов *стоял* и *бери* только на основании данных предложений, без апелляции к плану языка, то можно заключить, что валентность элемента *братъ* ниже валентности элемента *стоять*. Встретив затем предложение *Ты не брал у меня денег?*, мы в противоречии с прежним выводом должны будем констатировать, что валентность элемента *братъ* выше валентности элемента *стоять*. Если же с самого начала исходить из того, что валентность *братъ* в плане языка равна, например, 6 ($B_{я} \text{ братъ} = 6$), а валентность *стоять* — 4 ($B_{я} \text{ стоять} = 4$), то наличие перечисленных предложений не помешает сказать, что $B_{я} \text{ братъ} > B_{я} \text{ стоять}$, хотя какой-то из вариантов $B^v \text{ братъ}$ в плане речи, равный, например, 1 ($B_{p1} \text{ братъ} = 1$), меньше какого-то из вариантов $B_{я} \text{ стоять}$ в плане речи, равного, например, 2 ($B_{p1} \text{ стоять} = 2$).

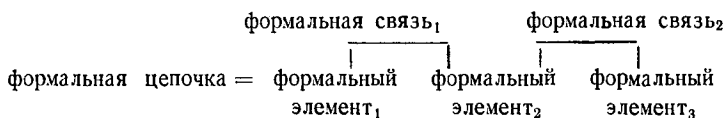
3. Возвратимся к предложению *На берегу реки стоял дом с мезонином*. Выше мы показали, что валентность синтагматического элемента *стоял* может быть установлена двумя путями. В первом случае мы говорили о связи между элементами *стоял* и *дом с мезонином* (или о связи между элементами *стоял* и *на берегу реки*), во втором случае — о связи между элементами *стоял* и *дом* (или о связи между элементами *стоял* и *на*).

Сравнивая оба пути решения нашей задачи, мы приходим к выводу, что в первом случае, говоря о валентности, мы думаем о смысловых связях, в которые вступает элемент *стоял*, во втором случае — о формальных связях.

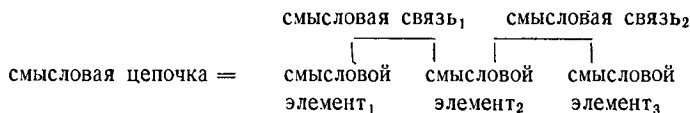
Таким образом, слово *стоял* выступает как двусторонний формально-смысловой элемент, «разные стороны» которого участвуют в связях разного типа — формальных или смысловых:

4. В соответствии с этим подходом, т. е. учитывая дуализм лингвистических элементов¹, мы должны будем говорить о двух типах валентности: отдельно для формальных связей, отдельно — для смысловых, и значит, с одной стороны, говорить о формальной валентности, а с другой стороны — о смысловой валентности синтагматических элементов. Поэтому, если рассматривать предложение как формальную цепочку, то нужно будет членить эту цепочку на единицы формального плана (т. е. формальные элементы), между которыми существуют формальные связи, и на этом основании говорить о формальной валентности того или иного формального элемента, например:

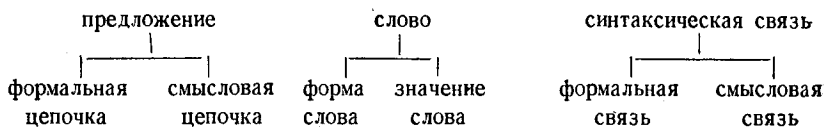
Если же подходить к предложению как к смысловой цепочке, то в этом случае придется говорить, что она состоит из единиц смыслового плана (т. е. смысловых элементов), между которыми установлены смысловые связи, например:

Соответственно будет определена и смысловая валентность — как валентность того или иного смыслового элемента, обусловленная количеством смысловых связей, в которые вступает данный смысловой элемент в смысловой цепочке.

Поскольку мы считаем, что слова, предложения и синтаксические связи — это все двусторонние формально-смысловые элементы, которые можно собрать из «сторон» формы и смысла, то такую же возможность надо предусмотреть и для валентности. Таким образом, наряду с дуалами:

¹ См. Л. З. Сова, Дуализм лингвистических знаков, — журн. «Народы Азии и Африки», 1966, № 6.

мы приходим к выделению еще одного дуала:

5. Перейдем к проблеме транзитивности. В словосочетании *рублю дрова* элемент *рублю* связан с элементом *дрова* формально и по смыслу (имеет на него формальную и смысловую валентность). При этом в смысловом плане действие, выраженное словом *рублю*, переходит на объект, выраженный словом *дрова*, а в формальном плане словоформа *дрова* подчиняется словоформе *рублю* посредством связи «прямое управление винительным падежом».

В словосочетании *нарубил дров* элемент *нарубил* также имеет формальную и смысловую валентность на элемент *дров*. В смысловом плане здесь действие также переходит на объект, но в формальном плане связь «прямого управления винительным падежом» отсутствует.

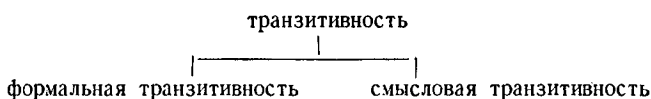
В словосочетании *сидел целый час* один элемент словосочетания *сидел* имеет формальную и смысловую валентность на другой элемент (*целый час*). При этом наличествует формальная связь «прямого управления винительным падежом», хотя в смысловом плане действие и не переходит на элемент, обозначенный посредством сочетания *целый час*.

Глагол *рубить* обычно называют транзитивным, а глаголы *нарубить* и *сидеть* — нет (см. таблицу).

Смысловой план: действие, переходящее на объект	Формальный план: прямое управление винительным падежом	Глаголы	Транзитивность
+	+	<i>рубить</i>	+
+	—	<i>нарубить</i>	—
—	+	<i>сидеть</i>	—

Таким образом, в русской грамматике транзитивным называется только такой глагол, для которого соблюдаются одновременно два требования: переходность на объект в смысловом плане и прямое управление в формальном плане.

Наличие только одного из этих требований не является достаточным условием для отнесения того или иного глагола в русском языке к разряду транзитивных глаголов. Поэтому можно предположить, что в русском языке транзитивность — двусторонний² лингвистический элемент, одной стороной которого является формальная транзитивность («прямое управление винительным падежом»), а другой стороной — смысловая транзитивность («действие, переходящее на объект»)³. Следовательно, мы получаем еще один дуал:

Сравнивая в русском языке категорию валентности с категорией транзитивности, можно сказать, что транзитивные глаголы — это глаголы, которые, будучи сказуемыми, имеют валентность, определяемую как элемент формально-смыслового плана. Транзитивность как бы синтезируется из двух компонентов при соблюдении следующих двух требований: 1) требования формально-языкового плана, которое для русского языка состоит в оформлении зависимого слова посредством винительного падежа имени, и 2) требования смыслового плана, в соответствии с которым сказуемое должно описывать действие, непосредственно направленное на объект.

6. Возникает вопрос: во всех ли языках транзитивность определяется так, как это было сделано нами для русского языка, т. е. как элемент формально-смыслового плана.

² Очевидно, что если бы транзитивность в русском языке была смысловой категорией, то глаголы *рубить* и *нарубить* считались бы транзитивами, а глагол *сидеть* — интранзитивом. Если бы транзитивность в русском языке была формальной категорией (управление винительным падежом имени без предлога), то глаголы *рубить* и *сидеть* признавались бы транзитивами, а глагол *нарубить* — интранзитивом. Поскольку это не так, то остается предположить, что транзитивность в русском языке является формально-смысловой категорией.

³ На факт двусторонности обратил внимание лингвистов еще Э. Сэпир; описывая язык такелма, он отмечал, что транзитивация бывает двух типов: логическая и формальная (E. Sapir, *The Takelma Language of South-Western Oregon*, — в кн.: F. Voas, *Handbook of American Indian Languages*, Washington, 1922, стр. 138 и сл.).

Отвечая на него, мы должны, исходя из логических возможностей, предусмотреть три случая:

1) языки, для которых транзитивность определяется как формально-смысловой элемент;

2) языки, для которых транзитивность определяется как формальный элемент;

3) языки, для которых транзитивность определяется как смысловой элемент.

Обращаясь к исследованиям разноструктурных языков, можно отметить, что описание большинства из них строится в соответствии с первой логической возможностью. В качестве примера таких языков можно привести языки славянские, романо-германские, банту, многие индейские⁴ и др.

7. Нетрудно заметить, что в том случае, когда транзитивность рассматривается как формально-смысловой элемент, требования формально-языкового плана о типе оформления зависимого слова являются специфическими для каждого языка (так, в русском языке — это винительный падеж имени без предлога, в языке зулу — основная форма имени и т. д.)⁵. Наоборот, условие смыслового плана, позволяющее считать тот или иной глагол транзитивом в любом из этих языков, является универсальным и дает возможность сравнивать между собой глаголы этих языков и конструкции, образуемые ими. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с некоторым явлением, инвариантным для описаний целой группы языков.

8. Переходя к реализации второй логической возможности и рассматривая языки, в которых транзитивность определяется как формальный элемент, обратимся к грамматике языка такелма Э. Сэпира. Сравнивая каузативные формы глаголов с комитативными, Э. Сэпир отмечает, что каузативы являются транзитивами и формально, и по смыслу, тогда как комитативы — это транзитивы только по форме, но не по смыслу⁶. Если учесть, что при этом комитативы описываются под рубрикой «транзитивные формы глаголов»⁷, то станет

⁴ См.: M. Barker, Klamath texts, Berkeley — Los Angeles, 1963; W. Bright, The Karok Language, Berkeley — Los Angeles, 1957; S. Brodbeck, The Southern Sierra Miwok Language, Berkeley — Los Angeles, 1964; W. Shipley, Maidu Grammar, Berkeley — Los Angeles, 1964.

⁵ Тем не менее требования формально-языкового плана при всей своей специфичности имеют то общее, что, по-видимому, формальная транзитивность во всех языках предполагает управление формой имени без предлога.

⁶ «While the action of a causative verb is logically transitive, that of a comitative is really intransitive, and the verb is only formally transitive. In the former case the subject of the verb does not undergo the action that would be expressed by the intransitive stem...; in the latter it does» (см. E. Sapir, The Takelma Language of South-Western Oregon, стр. 138).

⁷ «Comitatives, i. e. transitive forms...» (там же, стр. 137).

ясно, что транзитивность выступает как формальный элемент; другими словами, требований формального плана Э. Сэпиру достаточно для отнесения той или иной глагольной формы к разряду транзитивов.

9. С аналогичной картиной мы сталкиваемся и, например, в работах по курдскому языку⁸.

В так называемой местоименно-посессивной конструкции иранских языков, и в частности курдского языка, некоторые глаголы, эквиваленты к которым мы привыкли считать в русском языке интранзитивами, образуют синтаксические конструкции такого же формального типа, как и «обычные» транзитивы. Так, *У меня умер отец* по-курдски звучит как *Emin babim mirdûe*, а *Я съел свой хлеб* — как *Emin nanim xwardûe*. В курдских предложениях в формальном плане сказуемые обоих предложений связаны с зависящими от них словами по одному и тому же типу, т. е. имеют одинаковые формальные валентности. Таким образом, если исходить из того, что транзитивность — формальная категория, то можно признать, что оба глагола — транзитивы; если же считать, что транзитивность — смысловая или формально-смысловая категория в курдском языке, то тогда глагол *xwardûe* можно будет рассматривать как транзитив, а глагол *mirdûe* придется признать интранзитивом.

То же самое справедливо и для других языков, в которых мы сталкиваемся с примерами этого рода.

10. Примеров реализации третьей логической возможности в нашем распоряжении нет, но, конечно, не исключено, что существуют языки, описание транзитивности в которых нельзя произвести, не рассмотрев эту категорию как явление смыслового плана.

---

⁸ См., например: И. О. Цукерман, Очерки курдской грамматики, — «Труды Института языкознания», 1956, вып. VI; «Иранские языки», II, М.—Л., 1950; И. А. Смирнова, О характере спряжения переходных глаголов в прошедшем времени в курдских диалектах центральной группы, — сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Исследования и материалы», в печати.

ОПЫТ ПСЕВДОГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОИСКА ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

1. В данной статье изложены наиболее общие результаты конкретного исследования, задуманного первоначально как историко-лингвистическое, но затем переориентированного как типологическое. В нем мы решали задачу выявления обстоятельств, при которых в прарусском языке¹ произошло расщепление гипотетически предполагаемого имени на две самостоятельные части речи — имя прилагательное и имя существительное.

2. Характер решаемой задачи — направленность на выяснение происхождения языкового значения — определил выбор в качестве метода ее решения так называемого эмпирико-дедуктивного метода. Эмпирическую часть нашего историко-лингвистического исследования составило построение текстовой модели атрибутивной сферы² русского языка на основе специального анализа 700 русских текстов, различных в хронологическом (с XI по XX в.), территориальном и стилевом отношениях. Дедуктивная часть работы заключалась во введении в исследование структурного изображения атрибутивной сферы «языка вообще» и поиска механизмов псевдоразвития исходных элементарных структур этой сферы в структуры, характеризующие различные последующие состояния ее³.

3. Но после того как исследование было закончено, оказалось, что наибольшей эвристической ценностью обладают не конкретные знания о развитии прарусского имени, а структурное изображение атрибутивной сферы «языка вооб-

---

¹ Прарусский язык — сконструированный нами «предмет», состоящий из тех частей общиндоевропейского и затем общеславянского языков и тенденций их развития, которые определили зафиксированное в письменных памятниках становление древнерусского (X—XVI вв.), старорусского (XVII—XVIII вв.) и современного русского (XIX—XX вв.) языков.

² Атрибутивной функционально-семантической сферой языка мы называем систему атрибутивных синтаксических отношений и средств и способов их выражения.

³ О псевдогенетическом методе см. Г. П. Щедровицкий, О методе семиотического исследования знаковых систем, — сб. «Семиотика и восточные языки», М., 1967.

ще» и механизма ее псевдоразвития. Ценность их в том, что они как некий универсальный инвариант могут быть положены в основу вариантных структурно-псевдогенетических моделей, изображающих развитие атрибутивных сфер в некоторых конкретных языках. Осуществляя эту возможность, мы оказываемся в рамках того современного типологического исследования, которое, по словам В. А. Звегинцева, «рассматривает отдельные конкретные языки в качестве вариантов панхронического языкового образования, выступающего в виде своеобразного структурного инварианта»⁴.

4. Наше типологическое исследование исходит из следующих онтологических представлений о языке как объекте лингвистики, из следующих методологических представлений о применении псевдогенетического метода в лингвистике и из следующих типолого-теоретических предпосылок.

4.1. Соглашаясь с тем, что факт существования языковых универсалий можно объяснить «общим происхождением языков, их позднейшими контактами или общими кодовыми свойствами всех языков»⁵, мы осуществляем поиск только таких универсальных фрагментов «языка вообще», которые обеспечены первым и третьим из названных факторов.

При этом, в соответствии с нашими теоретико-деятельностными представлениями о языке как объекте лингвистики⁶, общность происхождения языков проявляется как общность (в период жизни их правариантов) наборов объектов-индикаторов и объектов-эталонов (см. п. 5), используемых в деятельности в качестве особых средств. Именно их «устойчивые общественно-фиксированные конфигурации» положили основания известным нам культурно-языковым ареалам и языковым семьям⁷.

4.2. Для решения лингвистических задач, направленных на выявление происхождения языкового значения, традиционный предмет лингвистики — язык, рассматриваемый фактически изолированно, имманентно (несмотря на содержа-

---

⁴ В. А. Звегинцев, *Современные направления в типологическом изучении языков*, — «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 17.

⁵ Б. А. Успенский, [Рецензия на] сб. «Universals of Language», Cambridge (Mass.), 1963, — «Вопросы языкознания», 1963, № 5, стр. 115—116.

⁶ См., например: Г. П. Щедровицкий, *Что значит рассматривать язык как знаковую систему?*, — «Материалы к конференции „Язык как знаковая система особого рода“», М., 1967; В. М. Розин, *Методологическая характеристика языка как знаковой системы*, — там же; Г. И. Климовская, *К вопросу о языке как элементной функционально-структурной части деятельности*, — там же.

⁷ Г. П. Щедровицкий, В. М. Розин, *Концепция лингвистической относительности Б. Л. Уорфа и проблемы исследования «языкового мышления»*, — сб. «Семиотика и восточные языки», стр. 103.

щиеся в многочисленных его определениях утверждения типа «язык — средство общения и выражения мысли»⁸), оказывается слишком узким. В нем искусственно перерезаны «питающие» — и вследствие этого предсказывающие языковое значение — внешние связи языка с социумом — тем максимально крупным объектным целым, в составе которого язык выступает в качестве функционально-структурной части, а именно продукта и полифункционального средства деятельности как формы существования социума⁹.

Подобного рода задачи не могут быть решены и в том случае, если лингвистический предмет строится путем снятия языковой проекции со всего социумного объектного целого. В этом случае «питающие» связи языка с включающим его целостным объектом — социумом — оказались бы элиминированными. А в лингвистике пока не разработаны приемы реконструкции структур деятельностных ситуаций по структурам порожденных ими языковых текстов.

Именно поэтому мы осуществляем «погружение» структурного изображения атрибутивной сферы «языка вообще» в широкую предметную — содержательную за неимением структурных изображений — картину социума. Сети связей-функций языковых единиц с другими элементами картины (объектами, задачами, средствами и т. п.) предсказывают во многом характер семантического наполнения и принципы устройства, функционирования и псевдоразвития языкового предмета. Именно эти социумные функции языковых единиц оборачиваются «кусочками», компонентами значения языковых единиц, когда мы в соответствующих шагах исследования начинаем рассматривать язык «изнутри», имманентно¹⁰.

4.3. Таким образом, языковое значение (семантика) представляется нам лишь особой проекцией, особым видением («изнутри» языка) многочисленных и разнообразных связей фонологических цепочек слов и предложений с другими элементами социума. В составе языковых единиц значение сочленено с формой выражения его, в качестве компонентов которой выступают разного рода факты из текстового окружения элементарных в этом плане корневых и аффиксальных морфем. В последних форма выражения, как

---

⁸ См., например, О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, статья «Язык», стр. 530.

⁹ См. Г. П. Щедровицкий, Соотношение логических и лингвистических универсалий в типологическом анализе языков, — «Конференция по проблеме изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов», М., 1966, стр. 111—116.

¹⁰ На протяжении всего исследования происходит последовательная смена двух различных видений языкового предмета: имманентного и как элемента социума.

таковая, отсутствует, и языковое значение непосредственно сочленено с фонологической формой.

4.4. Между значением и формой выражения не существует одно-однозначных отношений. В принципе одно и то же значение может быть выражено в языке так или иначе. Однако вряд ли это собственно вероятностные отношения, как утверждает Т. П. Ломтев¹¹, даже в «языке вообще»: в силу своих специфических общих кодовых свойств «язык вообще» с большей вероятностью изберет какую-либо одну или несколько равноценных из возможных форм выражения данного значения. Конкретный же язык в силу обстоятельств его жизни, поиск которых составляет задачу его историка, выбирает в конце концов — после некоторых проб — одну строго определенную форму выражения данного значения.

4.5. Осуществляя поиск механизма псевдоразвития нашего предмета, мы конструируем содержательные фрагменты предметной картины социума, которые содержат факторы, задающие в языковом предмете разного рода ситуации разрыва, в порядке заполнения которых новыми элементами и осуществляется псевдоразвитие в нашем предмете.

Содержательный смысл этих ситуаций разрыва и их снятия заключается в постоянно возникающих и разрешаемых несоответствиях между вновь появляющимися (задаваемыми социумом) функциями-значениями и пока что отсутствующими в языке формами их выражения.

Три главных фактора в предметной картине социума способствуют появлению новых языковых значений:

1) появление новых элементов (объектов, средств и т. п.) в деятельностных ситуациях — этот фактор мы будем называть **логическим** по способу учета его в нашем предмете (см. 4.7);

2) усложнение структуры собственно коммуникативных фрагментов картины социума — так называемый **коммуникативный** фактор;

3) конкретно-исторические особенности жизни того или иного языка — так называемый **исторический** фактор.

По мере увеличения числа факторов, учитываемых в конструируемой предметной картине социума, соответственно уменьшается степень универсальности языковой модели. Однако даже при учете только одного, важнейшего — первого — фактора языковая структурная модель будет универсальна лишь по отношению к группе языков, принадлежащих к одному культурно-языковому ареалу.

4.6. Еще одно структурное расчленение, задаваемое функ-

¹¹ Т. П. Ломтев, Источники и механизмы развития структуры языка, — «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию „Основные проблемы эволюции языка“», ч. I, Самарканд, 1966.

цией языка как средства трансляции деятельности и ее продуктов, должно быть введено в наш предмет. Мы имеем в виду составленность языкового организма из трех функциональных блоков. С одной стороны, в нем — в соответствии с транслятивной функцией — должен быть своеобразный склад уже наработанных языковых ценностей: значений (грамматических, конкретно- и категориально-лексических) и относительно устойчивых фрагментов речевых цепочек. В отдельных отсеках этого блока языковые единицы (слова) распределены по принципу общности их категориально-лексических значений, в которых косвенным образом отражен тип коммуникативной задачи. С другой стороны, имеется некоторый функциональный верстак¹², на котором из элементов блока языковых ценностей по содержащимся в некотором функциональном табло (это третий блок) предписаниям создаются — «творяются» — речевые тексты, актуальные языковые произведения¹³.

Структура речевой цепочки, сконструированная на языковом верстаке и готовая к заполнению значениями из блока языковых ценностей, представляет собой структуру некоторых функциональных мест, изображающую (моделирующую) некоторые реальные деятельностные ситуации. Имеет место принцип строгого соответствия характера функции данного места и значения элемента, заполняющего его. Таким образом, значения членов актуальных языковых произведений (текстов) представляются сложным продуктом взаимодействия функционального места и его заполнителя. Слово в словаре так же отличается от слова в тексте (лексемы), как цифра отличается от числа.

В процессе псевдогенетического развертывания нашего предмета складываются следующие отношения между блоками: в речевых цепях — в результате приведения в соответствие характера функциональных мест и значений их заполнителей — возникают новые значения, которые затем продуцируются в соответственные отсеки блока языковых ценностей.

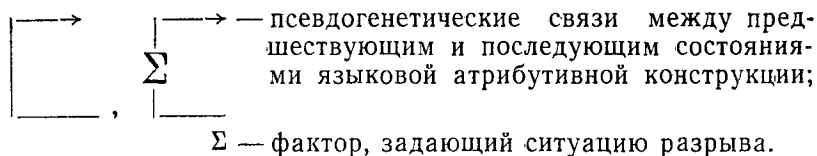
4.7. Описанное выше «погружение» лингвистического предмета в более широкую предметную картину осуществлялось нами с помощью давно в лингвистике найденного (но до сих пор не отрефлектированного и специально не описанного) приема построения конфигурированного — логико-лингвисти-

---

¹² Об идее функционального верстака и табло в структурах деятельности см. сб. «Семiotика и восточные языки», М., 1967, стр. 28.

¹³ Склад лексических значений издавна моделируется в лингвистике в виде словарей, склад грамматических значений и предписаний — в виде грамматических систем. Представление о функциональном языковом верстаке нашло отражение в учении о членах предложения.

5. Вот как осуществлено «конструирование структуры-клеточки» атрибутивного знания у Г. П. Щедровицкого:

«Атрибутивное знание есть знание, полученное посредством одной или нескольких операций практически предметного сравнения»¹⁶; «...чтобы выделить в определенной вещи (назовем ее исходной) какое-либо атрибутивное свойство и зафиксировать его в знаковой форме, мы должны привести эту вещь во взаимодействие с другой вещью (индикатором), а затем отождествить происходящее при этом в исходной вещи или в индикаторе изменение с соответствующими изменениями, возникающими при взаимодействии с индикатором вещи-эталона. Произведенное таким образом отождествление служит основанием для „переноса“ на исходную вещь названия, которым раньше обозначалась вещь-эталон»¹⁷. В результате возникает логическое номинативное знание $x - (A)$, которое интерпретируется нами как предложение

$$\{x - (A)\}$$

6. Таким образом, мы получили структурное изображение простейшей языковой атрибутивной конструкции, которую и подвергаем псевдогенетическому развертыванию.

Данную и каждую последующую языковую конструкцию мы описываем по следующим параметрам:

1) состав и структура;

2) характер связи между фонологической формой данной языковой конструкции и соответственным объектом социума: непосредственный, когда языковое значение есть функциональная связь материального и семиотического объектов, или опосредствованный, когда языковое значение-функция свернуто в имманентную принадлежность языковых единиц, в их семантический компонент;

3) характер синтаксических функций различных мест в структуре данной языковой конструкции;

4) семантическое — именно категориально-лексическое значение отдельных элементов языковых конструкций;

¹⁶ Г. П. Щедровицкий, О строении атрибутивного знания. Сообщение I, — «Доклады АПН РСФСР», № 1, стр. 64.

¹⁷ Г. П. Щедровицкий, «Языковое мышление» и методы его исследования, автореф. канд. дисс., М., 1964, стр. 16.

5) характер псевдогенетической связи данной языковой конструкции с последующей.

6.1. Итак, простейшее предложение из атрибутивной сферы «языка вообще» фиксирует принадлежность какому-либо объекту какого-либо свойства. Это предложение ситуативного типа. Оно функционирует лишь ввиду всей ситуации порождающего его деятельностного акта. Состав этого предложения по-разному видится «изнутри» языка и в составе картины социума. В первом случае предложение представляется однословным, но это как раз такое слово, о котором А. А. Потенция писал: «Первое слово уже есть предложение». В составе же описанного выше (см. п. 5) фрагмента социума видна функциональная связь слова (ba) с исходным объектом x , связь, которая есть в то же время категориально-лексическое значение этого слова¹⁸.

6.2. Связь между фонологической формой слова (ba) и объектом x непосредственна.

6.3. Слово (ba) в предложении $\{x - (ba)\}$ по крайней мере двуфункционально: с одной стороны, оно связано со всем объектом x в целом, что обеспечивает наличие в этом слове **субстантивного** значения; с другой стороны, оно связано лишь с одним обнаруженным в объекте x свойством, что обеспечивает наличие в этом слове **адъективного** значения.

6.4. Разумеется, это были **протосубстантивность** и **протоадъективность**, которые в комплексе делали слово (ba) **именем субстанции**, действительное существование которого со времени А. А. Потенции в лингвистике общепризнано.

6.5. Модель псевдогенетической связи рассмотренного предложения с последующей конструкцией такова:

$$\begin{array}{l} \xrightarrow{\Sigma^1} \{x - (a^1) \text{ --- } (a^2) \dots\} \\ \xrightarrow{\quad} \{x - (a)\} \end{array} \quad , \quad (I)$$

где Σ^1 символизирует то обстоятельство, что в объекте x обнаружено еще одно свойство, зафиксированное в слове (ba^2).

7.1, 2, 4. Все сказанное о предыдущем предложении относительно первого, второго и четвертого параметров приложимо и к предложению:

$$\{x - (a^1) \text{ --- } (a^2) \dots\}$$

¹⁸ Именно поэтому насущная задача лингвистики состоит в поиске исходного набора принципиально различных деятельностных ситуаций, «породивших» все многообразие конкретно- и категориально-лексических значений слов.

7.3. Функциональные места слов (ba^1) и (ba^2) равнозначны, их синтаксическая связь в предложении нас не интересует.

7.5. Модель псевдогенетической связи рассмотренного предложения с последующей конструкцией такова:

$$\begin{array}{l} \xrightarrow{\Sigma^2} \{(\alpha^1) - (\alpha^2)\} \\ \text{---} \{x - (\alpha^1) - \dots - (\alpha^2) \dots\}, \end{array} \quad (III)$$

где Σ^2 символизирует принципиальное усложнение коммуникативного фрагмента социумной предметной картины: разрыв общности «поля зрения» говорящих. Стало возможным говорить об x в его отсутствие перед глазами говорящих. В подобных ситуациях роль заместителя объекта x брало на себя одно из слов типа (ba), которое фиксировало наиболее актуальное и «представительное» в данном культурно-языковом ареале свойство объекта x .

8.1. Предложение приобретает структуру:

$$\{(\alpha^1) - (\alpha^2)\} .$$

8.2. На уровне этого предложения происходит принципиальное изменение характера связи между фонологическими формами языковых единиц и объектами x . Теперь эта связь становится опосредованной механизмами памяти, которые даже в нашем широком социумном предмете не видны. Именно на уровне такого рода конструкций перед исследователями встает проблема смысла, идеального значения. Нам смысл представляется как непрямые, опосредованные механизмами памяти (и поэтому требующие построения более сложного предмета) связи фонологических форм слов и предложений с объектами типа x .

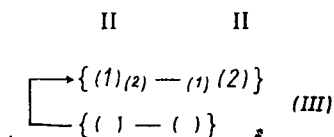
8.3. Функциональные места, замещаемые [в данном предложении словами (ba^1) и (ba^2), специализированы: слово (ba^1) связано с x как целостным объектом (замещает его в целом), а слово (ba^2) связано лишь с вновь обнаруженным свойством объекта x (замещает лишь это свойство). Таким образом, (ba^1) функционирует в предложении как **определяемое** (в широком смысле слова), а (ba^2) — как **опредетель**.

8.4. Синтетическое категориально-лексическое значение имен субстанций (ba^1) и (ba^2) приходит в несоответствие с их специализированными синтаксическими функциями в предложении. Возникает очередная ситуация разрыва.

Снятие этого разрыва в языковых конструкциях происходило путем соответственной специализации лексико-категориального значения слов (ba^1) и (ba^2).

8.5. Механизм этой специализации таков. Сначала имеет место такая перестройка структуры предложения, чтобы имена субстанции ($\underline{ba^1}$) и ($\underline{ba^2}$) могли замещать функциональные места определяемого и определителя, а именно расщепление каждого из этих мест на два, одно из которых в свою очередь — место определяемого, другое — место определителя:

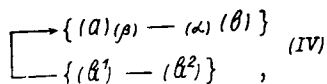

При замещении этой новой структуры именами субстанции в группе мест I только место (1), в котором сосредоточивалось субстантивное значение (a) слова ($\underline{ba^1}$), было актуально с точки зрения задачи данного коммуникативного акта. В месте же (2) сосредоточивалось «вытолкнутое» из слова ($\underline{ba^1}$) его адъективное значение (β), избыточное по отношению к функции определяемого.

Соответственно в группе мест II только место (2), в котором сосредоточивалось адъективное значение (b) слова ($\underline{ba^2}$), было актуально с точки зрения задачи данного коммуникативного акта. В месте же (1) сосредоточивалось «вытолкнутое» из ($\underline{ba^2}$) субстантивное значение (α), избыточное по отношению к функции определителя.

Указанное «выталкивание» происходило в виде замещения места (2) в группе I и места (1) в группе II местоимениями, в которых и категориально-лексическое и конкретно-лексическое значения «развертываются» как связь с объектами типа x в целом или с отдельными их свойствами.

Таким образом, модель псевдогенетической связи рассмотренного предложения с последующим такова:

где отсутствие Σ символизирует то обстоятельство, что разрывная ситуация возникает под давлением внутриязыкового несоответствия функций и значений слов ($\underline{ba^1}$) и ($\underline{ba^2}$).

Так, в «языке вообще» происходит расщепление искомого имени субстанции на имя существительное (a) и имя прилагательное (b).

Судьба слов (α) и (β), неактуальных с точки зрения задачи данного коммуникативного акта, возникших как «отходы» про-

изводства новых семантических ценностей, могла сложиться двойко: они либо постепенно исчезали из языка бесследно в силу своей коммуникативной неактуальности, либо начинали использоваться в качестве формы выражения каких-либо вновь возникших значений.

9. Таковы первые ступени псевдогенетического развертывания относительно универсальной структурной модели атрибутивной сферы «языка вообще»:

$$\begin{array}{l}
 \begin{array}{l} \leftarrow \\ \leftarrow \\ \leftarrow \\ \leftarrow \\ \leftarrow \end{array} \begin{array}{l} \{(\alpha)_{(\beta)} - (\alpha) (\beta)\} \\ \{(\alpha^1) - (\alpha^2)\} \\ \{x - (\alpha^1) - \dots - (\alpha^2)\} \\ \{x - (\alpha)\} \end{array} \begin{array}{l} (IV) \\ (III) \\ (I) \end{array} \\
 \begin{array}{l} \Sigma^2 \\ \Sigma^1 \end{array}
 \end{array}$$

«Пересчет» ее для построения структурных моделей атрибутивных сфер конкретных языков состоит в подключении данных их эмпирических картин для однозначного решения вопроса о том, какой из нескольких вариантов выхода из очередной ситуации разрыва выбирает данный конкретный язык.

В частности, некоторые не приводимые здесь данные из текстовой модели атрибутивной сферы русского языка позволяют полагать, что прарусские местоимения типа онх, тх, и, выступавшие некогда в роли субстантивов (α) и адъективов (β), затем, после того как имена прилагательные и существительные были спродуцированы в блок семантических ценностей, снова вернулись в сферу местоимений, но уже будучи специализированными как заместители имен существительных (онх и и) или имен прилагательных (тх).

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ТИПОЛОГИИ АББРЕВИАТУР

При типологической характеристике аббревиатур имеет место тот случай, когда рассмотрение какого-либо явления ограничено парадигматикой и синтагматикой языка, хотя само явление по существу далеко выходит за рамки изучаемой подсистемы и имплицитно предполагает типологию на уровне определенной системы (в нашем случае — именных словосочетаний) и вместе с тем некоторую типологию языков.

Как известно, явление аббревиации свойственно не всем языкам, хотя оно, вероятно, известно большинству или многим из них. В связи с этим мы не можем говорить об универсальных явлениях, присущих данной области.

В языках, имеющих аббревиации, можно выделить некоторые общие черты. Это дает нам основание установить взаимосвязь между ними и вывести из этого определенные типологические закономерности. Таким образом, можно говорить об общих универсальных соотношениях, действительных только для языков, где имеет место аббревиация. Назовем их частными аббревиатурными универсалиями.

Частные аббревиатурные универсалии могут быть установлены на основании сравнения аббревиатур как особых знаков с нелингвистическими знаками, с одной стороны, и лингвистическими — с другой.

В первом случае сравнение производится в экстралингвистических терминах, при этом определяется место аббревиатур в семиотическом и коммуникационном плане типологии.

Во втором случае частные аббревиатурные универсалии можно определить, сопоставляя аббревиатуры с лингвистическими знаками, при одновременном сравнении соответствующих языков друг с другом. Здесь уже речь будет идти о лингвистической типологии аббревиатур.

Частные лингвистические аббревиатурные универсалии могут различаться как по уровням (фонологическому, грамматическому, семантическому), так и по характеру утверждений (абсолютные и статистические, дедуктивные и индуктивные)¹. Таким образом, при создании типологии аббревиатур мы исхо-

¹ Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 12.

дим из целого ряда эксплицитных признаков этих систем, относящихся к различным основам сравнения и образующих многомерную систему координат.

В рамках настоящей статьи мы коснемся в основном семиотико-коммуникативного аспекта типологии. Естественно, что данный уровень предполагает рассмотрение аббревиатуры как знака.

Аббревиатура, как и любой знак, обладает тремя свойствами: она что-то всегда означает, следовательно, что-то всегда заменяет и воссоздает в сознании человека. Правомерность отнесения аббревиатур к знакам может быть оправдана также и следующими соображениями: 1) аббревиатура, как и любая вещь, доступна человеческому восприятию; 2) ее содержание не совпадает с ее материальной оболочкой и определяется различительными признаками, аналитически выделяемыми и отделяемыми от неразличительных признаков; 3) содержание аббревиатуры определяется ее ролью и местом в системе таких же знаков, как она сама.

Представление аббревиатуры как знака, а системы аббревиатур как системы знаков позволяет нам, не касаясь эмпирической истории изучаемого объекта, т. е. самих аббревиатур различных языков, воспроизвести в особой форме целый ряд закономерностей их развития.

Таким образом, предметом нашего рассмотрения явятся знаки, как таковые.

Аббревиатуры как один из видов письма выступают в качестве одного из средств человеческого общения. В связи с этим возникает необходимость определения специфики системы аббревиатурных знаков и их места в семиотическом и коммуникационном плане среди других типов знаков, обладающих такой же или подобной социальной природой.

Для этой цели необходимо выявить те связи и отношения, в которые аббревиатуры как знаки вступают с другими типами знаков и в первую очередь с лингвистическими. Так как аббревиатуры являются продуктом сокращения слов и словосочетаний, мы остановимся на определении характера отношений прежде всего между ними.

Если рассматривать аббревиатуру и соотносительное словосочетание с точки зрения теории множеств, то они могут быть представлены как два конечных множества.

Пусть, например, дана некоторая аббревиатура abc , представляющая конечное множество $X \{abc\}$, и некоторое словосочетание, состоящее из ABC слов, представляющее конечное множество $Y \{ABC\}$. Так как в этих обоих множествах X и Y одинаковое количество элементов, то между ними можно установить взаимнооднозначное соответствие, т. е. такое соответствие, при котором каждому элементу одного

множества соответствует один, и только один элемент другого множества, и обратно.

Пусть в нашем случае $a \rightarrow A, b \rightarrow B, c \rightarrow C$ ($\rightarrow$ — знак соответствия), тогда X количественно эквивалентно Y ($X \sim Y$). Например, дана аббревиатура ГДР — конечное множество $X \{abc\}$, и соответствующее словосочетание *Германская Демократическая Республика* — $Y \{ABC\}$, причем $a \rightarrow A, b \rightarrow B, c \rightarrow C$, кроме того, $a \in A, b \in B, c \in C$, следовательно, между $X \{ГДР\}$ и $Y \{Германская Демократическая Республика\}$ установлено однозначное соответствие.

Между аббревиатурой и несокращенным словосочетанием могут быть установлены также и отношения изоморфизма.

Возьмем, например, некоторое конечное множество упорядоченных букв X , представляющих словосочетание *Deutscher Akademischer Austauschdienst*, и множество Y — аббревиатура *Deakad*.

а) На основании изложенного выше X и Y взаимно-однозначно соответствуют друг другу.

б) Каждая операция f из класса сокращений, преобразующая аббревиатуру $x_1 \in X$ в аббревиатуру $x_2 \in X$ во множестве $Xf(x_1) = x_2$, может быть взаимно-однозначно сопоставлена с операцией F , преобразующей аббревиатуру $y \in Y$ в аббревиатуру $y_1 \in Y$ $F(y_1) = y_2$, т. е. $F \rightarrow f$.

Пусть X — *Deutscher Akademischer Austauschdienst*; x_1 — *Deutsch. Akad. Austauschdienst*; x_2 — *Deut. Ak. Austauschd.*; y_1 — *Deakad*; y_2 — *Deaa*; далее: $De \in Deutsch.$, $a \in Akadem.$, $ad \in Austauschdienst$, $D \in Deut.$, $Ak \in Akademisch.$, $ad \in Austauschdienst$, $De \in Deutscher$, $Ak \in Akademischer$.

Опираясь на пункты (а), (б), можно утверждать, что если $x_1 \in X$ соответствует $y_1 \in Y$ и $x_2 \in X$ соответствует $y_2 \in Y$, если $f(x_1) = x_2$, то для всех x, y, f возможно $F(y_1) = y_2$, т. е. операция сокращения для y может быть взаимно-однозначно сопоставлена с F для y_2 , иначе говоря, если свойство сокращения присуще аббревиатуре y , то существует такая аббревиатура x , которой присуще свойство F , или $\forall x f(x) \rightarrow F(y)^2$.

Таким образом, можно утверждать, что множество X (*Deutscher Akademischer Austauschdienst*) — словосочетание и множество y (*Deakad*) — аббревиатуры изоморфны, так как их элементы попарно взаимно-однозначно соответствуют друг другу, а преобразование элементов одного множества соответствует преобразованию элементов другого множества.

С другой стороны, соотнесение аббревиатур с лингвистическими знаками (на уровне слова) и нелингвистическими знаками позволяет на основании отсутствия или наличия тех или

² Операцию, состоящую в отбрасывании определенного количества букв с конца слов, входящих в словосочетание, будем называть операцией сокращения и обозначим ее через $f(x)$, где (x) — заданное словосочетание.

иных признаков выделить их в особую знаковую систему, возникшую на базе лингвистических знаков и обладающую в равной степени релевантными свойствами знаковых систем, с которыми в данном случае аббревиатуры сравниваются.

Результаты сопоставления могут быть представлены в табл. 1.

Таблица 1

	Признаки	Лингв. знаки	Аббре- виат. знаки	Нелингв. знаки
1	Продуктивность	+	—	—
2	Многозначность	+	—	—
3	Автономность	—	—	+
4	Эмоционально- экспрессивные элементы	+	+(-)	—
5	Наличие смысло- вых отношений	+	—	—
6	Зависимость от обозначаемого	—	+	—

Исходя из этого, можно сказать, что в семиотическом плане аббревиатурные знаки будут занимать промежуточное положение между лингвистическими и нелингвистическими знаками.

Учитывая специфику коммуникативной природы знаковых структур, можно представить следующую схему соотношения семиотических объектов и место аббревиатурных знаков в ней. Для этой цели используется общая схема, предложенная А. Г. Волковым³ (табл. 2).

Как видно, за основу предложенной классификации принимается критерий той или иной коммуникативной системы. Соответственно этому структуры выступают как со стороны своих количественных характеристик, т. е. простые и сложные, зависимые и независимые⁴, так и на основании степени сходства с лингвистическими знаками⁵. Кроме того, данные знаковые системы выступают на уровне изоморфизма

³ А. Г. Волков, Язык как система знаков, М., 1966, стр. 83.

⁴ См.: Б. А. Грушин, Очерки логики исторического исследования, М., 1961, стр. 17—18; С. Бир, Кибернетика и управление производством, М., 1963, стр. 26—36.

⁵ В основу классификации аббревиатур на аббревиатуры — лингвистические знаки, аббревиатуры — знаки, заменяющие лингвистические знаки, и аббревиатуры — нелингвистические знаки взята степень их сходства с той или иной знаковой системой, в нашем случае с системой лингвистических и нелингвистических знаков (см. Р. И. Могилевский, Аббревиация как лингвистическое явление, автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1966, стр. 13).

и располагаются в определенной иерархии, так что одни знаковые системы при определенных условиях могут преобразовываться в другие⁶.

Таблица 2

Характер коммуникации	Знаковые структуры		Характер отношений между элементами
	простые	сложные	
Мотивированный (детерминированный), статистический	знаки типа <i>да — нет</i>	язык животных	1) оппозиции 2) закрытость
Вероятностный (условный) динамический	письмо	язык	1) оппозиции 2) номинанты операторы 3) закрытость
	сокращенное письмо а) аббревиатуры класса «лингвистические знаки» б) аббревиатуры класса «знаки, заменяющие лингвистические знаки»	язык	1) оппозиции 2) номинанты операторы 3) закрытость
Конвенциональный	аббревиатуры класса «нелингвистические знаки»	подъязык	1) оппозиции 2) номинанты операторы 3) закрытость
	знаки уличного движения	математические логические химические эсперанто	

⁶ О причинах и условиях такого преобразования аббревиатур см.: В. Ф. Алтайская, Сложносокращенные слова в русском языке, — «Научные записки Ужгородского государственного университета», т. XIII, 1955, стр. 133—169; Л. А. Шеляховская, К изучению аббревиатур в русском языке, — «Вопросы словообразования и фразеология. Программа и тезисы докладов», Фрунзе, 1962; е е же, Структура и типы сокращенных слов в современном русском языке, — «Филологический сборник», вып. 3, Алма-Ата, 1964; Н. Онашкевич, Аббревиатуры в польском языке и способы их ударения, — «Вопросы славянского языкознания», 1953, кн. 3; А. М. Сухотин, Проблема «сокращенных» слов в языках СССР, — сб. «Письменность и революция», М.—Л., 1933; G. Stern, Meaning and Change of Meaning, Göteborg, стр. 249—251; K. Sunden, Contribution to the Study of Elliptical Words in Modern English, Uppsala, 1904; M. Altbauer, Reken — perypetie polskiego skrótó, — «Język Polski», XXVIII, 1948.

Аббревиатуры, будучи зависимой знаковой структурой (среди прочих знаков они наиболее тесно связаны с языком), участвуют в различных типах коммуникации, занимая промежуточное положение между естественными и искусственными языками. Определением места аббревиатур среди других типов знаков в общем коммуникативном плане их характеристика не исчерпывается. Не менее важным является установление функций, предполагаемых их природой.

Поскольку аббревиатурный знак, как и любой знак, материален, постольку его существование может характеризоваться временем и повторяемостью в определенном акте коммуникации. В этом состоит одно из основных проявлений его функции. С этой точки зрения аббревиатурные знаки могут быть определены в пределах двух классов: номинантов и операторов⁷. Их соотношение раскрывает специфику аббревиатурного знака, которая может быть противопоставлена другим типам знаков.

Номинанты связаны с инвентарем знаков системы, с ее свойством воспроизводить, т. е. порождать, знаки, тогда как операторы связаны с их повторяемостью⁸. Изучение аббре-

---

стр. 150—151; W. Doroszewski, Lakoniczne zwroty i skróty. Uwagi ze stanowiska ogólnojęzykoznawczego słowotwórczego i kulturalnego, — «Język Polski», 1930, XV, стр. 102—108; S. Jaszucki, O budowie skrótów w dzisiejszej polszczyźnie, — «Język Polski», 1931, XVI, стр. 42—47; S. Jaszucki, Jeszcze o siedemnastowiecznych ixach, — «Język Polski», 1932, XVII, стр. 88—89; Z. Klemensiewicz, Z Techebu do Pierzeksportu, czyli o nazwach przedsiębiorstw handlowych przemysłowych itp., — «Język Polski», XXII, стр. 20—27; A. A. Крыński, Żelbet i żelazobeton, — «Poradnik Językowy», XXVI, 1931, стр. 97—100; A. Zaręba, Nieco uwag o polskim słownictwie powojennym, — «Język Polski», 1949, XXIX, стр. 363—391; S. Jodłowski, O skrótach typu: TPD i ZSch, — «Poradnik Językowy», 1953, z. I, стр. 34—36; D. Wołowska, Leksykalizacja skrótowców, — «Język Polski», 1958, XXXVIII, стр. 339.

⁷ См.: Н. А. Бернштейн, Новые линии развития в физиологии и соотношении с кибернетикой, — сб. «Философские вопросы физиологии и высшей нервной деятельности и психологии», М., 1963, стр. 305; А. Г. Волков, Язык как система знаков, М., 1966, стр. 52.

⁸ С этой точки зрения интересными представляются исследования, описывающие движение аббревиатур за какой-нибудь отрезок времени, а также статистические данные об их количестве, росте, отмирании, особенно в переломные моменты жизни общества. Выводы, сделанные на основе такого материала, могут представлять интерес для социологии языка в целом, так как они определили бы границы возможных социологических заключений, которые можно делать на основе формального статистического анализа лингвистического материала. См.: Вяч. В. Иванов, О функциях сложносочиненных слов, — «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем», М., 1962, стр. 24; Р. И. Могилевский, Об изменениях в составе аббревиатур русского языка за последние 50 лет, — «Программа и тезисы докладов на конференции по русской и славянской филологии», Самарканд, 1963; Л. А. Шеляховская, О частотности аббревиатур в языке газет, — «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова. Материалы к конференции», т. I, Самарканд, 1964, стр. 38 и др.

виатурных знаков в рамках данной концепции позволяет рассматривать их, с одной стороны, как проявление определенной статистической вероятности, которая может быть описана на количественной основе, с другой — как наличие определенного рода системности совокупности аббревиатур в пределах данного языка.

Когда говорят о системе или системности применительно к различным уровням, то имеют в виду не просто некоторую совокупность каких-либо объектов, явлений и действий, а лишь такое множество материальных явлений, отношения между которыми позволяют изоморфно обозначить существующие отношения, присущие данной области множеств обозначаемых предметов⁹. Иначе говоря, системой можно считать такую совокупность объектов, между которыми существуют известные отношения, так что мы можем задать эту совокупность не списком ее объектов, а более экономно, с помощью меньшего числа элементов, из которых состоят объекты описываемой совокупности, и правил построения этих объектов из элементов.

Если так понимать систему аббревиатур, то она должна включать: а) перечень элементов системы — в нашем случае это будут различные слова, представленные в составе сокращенного слова сокращенными компонентами; б) перечень признаков элементов — здесь это будет относительная сокращаемость; в) перечень схем описываемых объектов, т. е. комбинации сокращенных элементов в составе аббревиатур.

Понимая систему как некоторое логическое устройство, способное порождать объекты описываемой совокупности, мы можем оценить степень системности систем аббревиатурных знаков, используя для этого методику, предложенную И. А. Мельчуком для обычных языковых единиц¹⁰. В качестве параметров для определения степени системности аббревиатур описываемых языков принимаются: а) полнота системы, б) экономичность системы, в) порождающая способность системы. Для примера могут быть приведены данные для русского, английского, французского и немецкого языков. В результате подсчетов указанных выше параметров выяснилось, что наибольшей степенью системности обладает система русского языка. Для построения своей системы русский язык обходится большим количеством схем (правил), чем английский, французский или немецкий, но при этом использует относительно меньшее количество самих элементов, причем степень полноты системы в русском языке больше, чем

⁹ См. И. А. Мельчук, К вопросу о термине «система» в лингвистике, — «Zeichen und System der Sprache», Berlin, 1962, Bd II, стр. 147—157.

¹⁰ Там же, стр. 153.

в английском, немецком или французском (под полнотой системы понимается способность системы производить объекты описываемой совокупности) (табл. 3).

Таблица 3¹¹

Параметры	Русск.	Англ.	Нем.	Франц.
Число объектов	13 750	21 680	6 554	7 459
Число элементов системы	11 790	22 311	2 472	2 408
Число схем системы	18	16	14	12
Полнота системы	0,31	0,20	0,22	0,10
Экономичность системы	-1,28	-1,88	-1,30	-1,53
Порождающая способность	0,36	0,11	0,18	0,21

Кроме определения степени системности аббревиатур сравниваемых языков подобные расчеты позволяют определить также степень продуктивности данного явления в том или ином языке, исходя из разнообразия типов (количество правил) и их вариантов, а также установить характер и пути развития некоторой системы сокращений, сопоставляя ее статическое состояние в различные синхронные срезы.

Если абстрагироваться от всех остальных признаков различных типов аббревиатур в известных нам языках и выявить в них общее (универсальное) свойство, то этим свойством, конечно, будет сокращаемость, точнее, степень сокращаемости данной аббревиатуры по отношению к исходному словосочетанию.

Очевидным является, скажем, то, что в данной последовательности сокращений — *Министерство автомобильной промышленности, Министерство автомобильной промышленности, Министерств. автомобильн. промышленн., Минист. автом. промышл., Минист. автом. промыш., Мин. автом. пром., Минавто-*

¹¹ Расчеты производились по формулам: $P = \frac{w}{x}$, где P — полнота системы, w — число объектов описываемой совокупности, которые могут быть порождены, x — число объектов описываемой совокупности; $E = \frac{m - b}{lg \ b + m - 1}$, где E — экономичность системы, m — число объектов, порожденных системой, b — число элементов; $G = \frac{b}{rm}$, где G — порождающая способность, m — число объектов, b — число элементов, r — число схем. Эти формулы, кроме последней, которая получена нами эмпирически, предложены И. А. Мельчуком (см. «К вопросу о термине „система“ в лингвистике»).

пром., М. авт. пр., МАП — наименьшей степенью сокращаемости характеризуется сокращение *Министерство автомобильной промышленности* и наибольшей степенью МАП. Остальные сокращения содержат данное качество в пределах от полного словосочетания до предельно сокращенной аббревиатуры.

Если исходить из положения, что аббревиатуры представляют собой код, на который накладываются вероятностные ограничения, а письменный язык выступает в роли сообщения, реализующего этот код, то соотношение между ними, а вместе с этим понятие степени сокращаемости можно рассматривать, исходя из положений теории информации.

Данный вопрос может быть рассмотрен с точки зрения количественной оценки информации, передаваемой аббревиатурами и соответствующим полным словосочетанием. Применительно к письменному языку в этом случае определяется количество селективной информации¹², которая измеряется количеством энтропии в системе выбора букв на участке сообщения¹³.

Если рассматривать элементарные символы, из которых состоят аббревиатуры и соответствующие словосочетания, как зависимые, то количество информации последовательных символов (букв), коррелированных одной предшествующей буквой (двухбуквенные сочетания), равно величине:

$$H_{II} = - \sum_{ij} p(ij) \log_2 p(ij)^{14}.$$

Определение количества информации для нашего случая позволяет установить два факта:

а) до какого предела можно сократить длину сообщения (словосочетания), т. е. установить оптимальность аббревиатурного кода, который обеспечил бы возможность передачи сообщения с данным количеством информации с помощью цепочки букв минимальной длины¹⁵;

¹² Р. Г. Пиотровский, О теоретико-информационных параметрах устной и письменной форм языка, — «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962, стр. 44.

¹³ Е. С. Вентцель, Теория вероятностей, М., 1962, стр. 460.

¹⁴ Обоснование этой формулы и математический комментарий к ней: А. А. Харкевич, Очерки общей теории связи, М., 1955, стр. 94—95; С. Голдман, Теория информации, М., 1957, стр. 28—29; Л. Бриллюэн, Наука и теория информации, М., 1950, стр. 19—28; А. М. Яглом и И. М. Яглом, Вероятность и информация, М., 1960, стр. 187—195; Е. С. Вентцель, Теория вероятностей, стр. 482; Е. В. Падучева, Возможности изучения языка методами теории информации, — «О точных методах исследования языка», М., 1961, стр. 107; Л. М. Финк, Теория передачи дискретных сообщений, М., 1963, стр. 19—23.

¹⁵ В связи с этим могут быть определены пределы разумного сокращения слов, при которых сохраняется достаточная информация, и на этой основе выработаны нормы сокращения, приемлемые для письменного языка.

б) степень сокращаемости аббревиатур различных типов по отношению к исходному словосочетанию.

Если считать, что несокращенное слово в приведенном примере содержит наибольшее количество единиц информации (P_c), а аббревиатура — наименьшее (P_a), то остальные аббревиатуры могут характеризоваться разностью между P_c и P_a соответствующей аббревиатуры. Назовем эту разность количеством сокращаемости ($P_{\text{сокр.}}$). Тогда $P_{\text{сокр.}} = P_c - P_a$.

С другой стороны, сокращаемость может характеризоваться и другой величиной — относительной сокращаемостью ($P_{\text{отн.}}$). Она вводится для сравнения аббревиатур, обладающих различным количеством сокращаемости. Назовем ее коэффициентом аббревиации — $K_{\text{аббр.}}$. Эта величина вычисляется следующим образом:

$$K_{\text{аббр.}} = \frac{P_c - P_a}{P_c},$$

причем $1 > K_{\text{аббр.}} > 0$.

Данная единица может быть использована в расчетах, интерпретирующих аббревиатуру как определенного рода речевую модель при определении степени ее моделирующей способности.

Как известно, в тривиальном употреблении слово «модель» — это нечто похожее на ту вещь, которой она должна соответствовать, но не тождественное ей. Другой смысл употребления слова «модель» — это образец, которому в большей или меньшей степени соответствует реально существующая вещь.

Говоря об аббревиатурах, как о модели, мы под словом «модель» понимаем систему некоторых объектов, структура и функции которых соответственно воспроизводят структуру и функции другой системы объектов¹⁶.

Рассмотрение аббревиатур в качестве моделей соответствующих лингвистических объектов возможно потому, что: а) о словосочетании и соответствующей аббревиатуре имеются такие сведения, которые позволяют предполагать, что объекты и их отношения в оригинале, с одной стороны, и объекты и их связи в модели — с другой, находятся либо в изоморфном, либо в гомоморфном¹⁷ соответствии; б) аббревиатуры и соответствующие словосочетания выступают как сложные системы отношений.

¹⁶ Чжао Юань-жэнь, Модели в лингвистике и модели вообще, — сб. «Математическая логика и ее применение», М., 1965, стр. 281—292.

¹⁷ В отличие от изоморфизма гомоморфизм не предусматривает взаимно-однозначного соответствия между двумя системами объектов. Соответствие в этом случае не является взаимным.

В отличие от языковых моделей, которые являются по своей природе логическими моделями и строятся как логические и математические исчисления, аббревиатуры являются речевыми моделями, ибо в них в качестве модели выступают языковые элементы, наблюдающиеся в речи, свойства и отношения которых приведены к свойствам подобных же элементов в соответствующих словосочетаниях¹⁸.

Для осуществления перехода от аббревиатуры (модели) к словосочетанию (оригиналу) требуется установить соответствие между элементами аббревиатуры и элементами словосочетания. Определение таких соответствий принято называть коэффициентом подобия¹⁹.

Определение соответствий во многом зависит от состава компонентов аббревиатуры (буква, слог, фрагмент), т. е. от степени сокращаемости элементов словосочетания, представленных в аббревиатуре, иными словами, определение соответствия зависит от степени отвлеченности той или иной системы аббревиатурных знаков от совокупности языковых знаков W , которые выступают в качестве наиболее естественной интерпретации системы S .

Примером наибольшей отвлеченности могут служить буквенные аббревиатуры с пропуском составляющих словосочетание элементов. Ср. *ЛЭМУК — Ленинградский электромеханический учебный комбинат инженеров железнодорожного транспорта*. Ср. также *Главспецстрой — Главное управление специализированных работ Министерства строительства предприятий металлургической и химической промышленности СССР, Главное управление специализированных трестов Министерства городского и сельского строительства РСФСР* и др.

Противоположное явление представляют собой частично сокращенные слова, обладающие наименьшей степенью отвлеченности и максимальной моделирующей способностью. Ср.: *трудоармия, парткомитет, сберкасса* и т. д.

Если принять максимальную моделирующую способность за единицу, то в аббревиатурах разных типов это свойство будет изменяться в пределах $0 < A < 1$, где A — их моделирующая способность.

Само собой разумеется, что обратной величиной отвлеченности будет подобие. Если степень отвлеченности мы характеризовали относительной сокращаемостью или, по принятой нами терминологии, коэффициентом аббревиации ($K_{аббр.}$)

---

¹⁸ Р. Г. Пиотровский, Моделирование фонологических систем и методы их сравнения, М., 1966, стр. 19.

¹⁹ Там же, стр. 21.

то, очевидно, коэффициент подобия — это величина, обратная коэффициенту аббревиации:

$$K_{\text{п}} = \frac{1}{K_{\text{аббр}}}.$$

Коэффициенты подобия, исходя из приведенного отношения, должны быть числами. Они выводятся для различных типов аббревиатур, на основании чего может быть установлена степень соответствия аббревиатуры как словосочетанию анализируемых языков, так и какому-нибудь языковому типу, принятому нами за эталон.

Что же касается лингвистического коэффициента подобия аббревиатур, то он может быть и не числом. Тогда его определение сводится к установлению отношений между элементами аббревиатуры (модели) и элементами соотносительного словосочетания (оригинала), т. е. речь идет об описании путем сравнения характеристик исследуемых систем²⁰.

Для осуществления подобной процедуры необходимо прежде всего выделить единицы, между которыми следует вскрыть характер отношений.

В знаковой структуре аббревиатур и соотносительного лингвистического знака могут быть вполне четко обозначены единицы простые и сложные на основании определенных аргументов²¹. Они должны быть определены таким образом, чтобы их присутствие было наглядным в сопоставляемых знаковых структурах. Это необходимо также и для построения общей типологии. На графическом уровне — это буква. Любое определение буквы предполагает ее присутствие в каждом языке²². Назовем букву основной операционной единицей. Буква входит в сложную предельную единицу соотношения, которой на этом же уровне будем считать слово.

Соотношение выделенных единиц в составе аббревиатур-

²⁰ Там же, стр. 24.

²¹ П. С. Кузнецов, О последовательности построения системы языка, — «Тезисы конференции по машинному переводу», М., 1958, стр. 16—17; С. К. Шаумян, Вяч. В. Иванов, Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика, — сб. «Кибернетику на службу коммунизму», М., 1961; А. Г. Волков, Язык как система знаков, стр. 82.

²² Так как буква может воспроизводиться многократно, то можно говорить, что существует абстрактная буква. Определение абстрактной буквы необходимо для того, чтобы типологическое сравнение происходило на некотором достаточно абстрактном уровне, предполагающем отвлечение от всех моментов, не существенных с точки зрения данной типологии. См.: А. А. Марков, Теория алгорифмов, — «Труды института им. В. А. Стеклова», — М.—Л., 1954, стр. 7, 8; Б. А. Успенский, Структурная типология языков, стр. 52.

ных знаков с теми же единицами в системе лингвистических знаков в приближенной форме может быть изображено в таблице (табл. 4).

Таблица 4

Уровни анализа	План выражения			
	лингвистические знаки		аббревиатурные знаки	
	артик. фонет. структура	графическая структура	графическая структура	артик. фонет. структура
формальный	фонема	буква	буква	слог
Денотатив- ный	звук	графема (буква)	буква	слог
	слог	слово	сочетание графем	сочетание слогов
	фраза	предложе- ние	сочетание слов	сочетание фраз
Коннота- тивный	—	совокуп- ность графичес- ких текстов	совокуп- ность аббревиатур	

Как видно из таблицы, языковые знаки различных уровней в составе аббревиатур оказываются закодированными знаками той же природы, но высшего порядка. Так, буквы (графемы) соответствуют слогу, сочетание букв — сочетанию слогов, сочетание слов — сочетанию фраз. Такой сдвиг стал возможен потому, что звуки языка оказываются здесь закодированными²³ уже кодом третьей степени²⁴, если считать письменный язык вторичным по отношению к звуковому²⁵.

²³ Под словом «кодирование» понимается отображение некоторой физической системы с помощью состояния другой системы.

²⁴ С. Г о л д м а н, Теория информации, М., 1957, стр. 21—29.

²⁵ Так как аббревиатуры относятся к письменному языку, то в устной речи их форма является производной от соответствующей письменной формы. Данный процесс по своей направленности коренным образом отличается от процесса фиксации звукового языка в письменной форме. См.: Вяч. В. Иванов, О функциях сложносокращенных слов, — «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем», М., 1962, стр. 24; Р. И. М о г и л е в с к и й, О некоторых особенностях аббревиатур как особой знаковой системы, — «Вопросы словообразования и фразеология», Фрунзе, 1962. См. об этом также: Д. И. Алексеев, Графические сокращения и слова-аббревиатуры, — «Развитие современного русского языка», М., 1963, стр. 145—160; В. Ф. Алтайская, Сложносокращенные слова в русском языке; А. М. Сухотин, Проблема «сокращенных» слов в языках СССР.

Причем основой такого кода уже является название букв алфавита соответствующего языка.

Следует сказать, что прямое сопоставление избранных нами операционных единиц не может явиться эффективным. Дело в том, что, хотя все эти преобразования характеризуются изоморфностью и обратимостью²⁶, при перекодировании каждый раз сокращается количество измерений кода, а вместе с этим и количество сопоставляемых признаков²⁷. Помимо этого возникают трудности с просодическими элементами (словесное и фразовое ударение, эмфатические долготы и др.), которые не имеют соответствий в письменной речи. С другой стороны, символы больших букв, употребляемые в аббревиатурах, — черточки, различные сократительные знаки — не имеют эквивалентов в звуковом языке. Кроме того, в процессе перекодирования сообщения часть информации теряется и содержательность его снижается.

Эти трудности могут быть разрешены, если исходить не из сходства и различия самих сопоставляемых единиц, а из характера их отношений к единицам подобных или более высоких уровней.

Такой метод при условии вскрытия отношений между единицами всех уровней позволяет охватить всю структуру аббревиатур и соотносительных словосочетаний в целом и поставить систему аббревиатур одного языка в некоторое отношение к системе аббревиатур другого языка, при этом может быть установлено наличие или отсутствие подобия²⁸ в структуре как самих аббревиатур, так и соотносительных словосочетаний.

Осуществление такого сопоставления требует выделения однотипных уровней и однотипных единиц. Такими уровнями для аббревиатур могут быть: графический, звуковой, морфологический и синтаксический, а единицами — соответст-

---

²⁶ Под обратимостью понимается возможность восстановить исходный код путем обратного развертывания. Для аббревиатур развертывание осуществляется путем перехода от наблюдаемых конкретных графем к стоящим за ними графемам по цепочке моделей и предположений. При этом объект первого цикла моделирования выступает в качестве модели последующего цикла. См. Р. Г. Пиотровский, Моделирование..., стр. 21.

²⁷ Так, например, для знаков звукового языка характерны два измерения — время и повторяемость, для вторичного кода — письменного языка — пространство и повторяемость. Если же закодировать письменный язык двойным кодом, то главным измерением здесь будет повторяемость; это, однако, не исключает существования письменного языка во времени, а звукового — в пространстве.

²⁸ «Под подобием понимается такое соотношение структур исследуемых языков, при котором обнаруживается последовательная аналогия отношений между единицами соответствующего уровня» (см. В. М. Солдцев, Установление подобия как метод типологического исследования, — «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1965, стр. 114).

венно графема (буква), звук, слог, морфема (фрагмент). Выделенные единицы на соответствующих уровнях могут быть противопоставлены друг другу в минимальных парах (табл. 5).

Таблица 5

Уровни	Единицы	Характер отношений
Графический	буква (графема)	буква : сочетание букв
Звуковой	звук	звук : слог
Морфологический	морфема фрагмент	слог : морфема морфема : аббревиатура фрагмент : аббревиатура
Синтаксический (для соотносит. словосочетаний)	слово	слово : словосочетание

Для графического уровня здесь может быть применим дистрибутивный анализ графем в письменной форме языка²⁹, задачей которого является установление возможных сочетаний графем и их запретов в составе аббревиатур и соотносительных единицах. Установление таких сочетаний позволит отнести аббревиатуры к определенному дистрибутивному классу. Исходя из факта сходства или различия данных дистрибутивных классов, можно построить типологию аббревиатур.

Чтобы определить лингвистические коэффициенты подобия на других уровнях, целесообразно рассмотреть соответствующие отношения единиц и сопоставить их с подобными отношениями в двух или нескольких языках, принадлежащих к различным семьям.

Для иллюстрации приведем китайский язык, относящийся к группе изолирующих языков, и русский, входящий в состав индоевропейской семьи.

Так, китайская аббревиатура *чжэнвэй* 'комиссар' образована в результате сокращения второй и четвертой морфем словосочетания *чжэньчи вэйюань*. Эта аббревиатура состо-

²⁹ На материале русского языка такая работа в основном для обычных слов проделана В. Н. Топоровым (см. В. Н. Топоров, Материалы для дистрибуции графем в письменной форме русского языка, — «Структурная типология языков», М., 1966, стр. 65—143).

ит из двух слогов, которые совпадают со слогами прототипа. Они имеют фиксированную структуру: входящие в них звуки занимают строго определенное место³⁰. Слоги совпадают с морфемами, т. е. слогоделение словосочетания и аббревиатуры совпадает с делением на смыслоразличительные отрезки. Каждая морфема легко вычленима из аббревиатуры и может употребляться в речи как самостоятельное слово. Ср. фиксацию *чжэнь* и *вэй* в словарях в качестве самостоятельных слов³¹.

Какую бы мы ни взяли аббревиатуру данного типа, подобные отношения между единицами неизменно повторяются.

Иной характер отношений представляют русские аббревиатуры. Покажем это на примере аналогичного по структуре сокращения *горком* — *городской комитет*. Данное сложносокращенное слово образовано из начальных слогов срачиваемых слогов *го* и *ко* + последующий согласный. Эти слоги не совпадают с границами морфем несокращенных слов³². В составе аббревиатуры *гор-* и *ком-* являются как бы слогами. Порядок расположения звуков в них не строго обязателен и в этом отношении имеется определенная свобода выбора. Слоговоеделение здесь совпадает с делением на смыслоразличительные отрезки (но может и не совпадать, ср. *обком* — *областной комитет*), т. е. *гор* и *ком* служат как бы строительными морфемами, так как они являются носителями определенного смысла. Однако будучи вычлененными из сокращения, они не могут самостоятельно функционировать в речи, а имеют лишь только ассоциативное значение.

Аналогичные отношения могут быть прослежены и в других индоевропейских языках, например в польском, болгарском, хотя могут иметь место и различия. Ср. структуру слога у однотипных сокращений в немецком и чешском языках: *Aubo, Bespo, BEWI, Bramo, Bugra, Buna, DEDROFA, DEHOGA, Flivo, Fluwa, Kavona, Drupeka, Koramo, Obzamini* и др.

Приведенный материал показывает, что в китайском языке отношение звука к слогу, слога к морфеме, морфемы к слову (аббревиатуре) существенно отличается от соответствующих отношений в русском и других индоевропейских языках, и, следовательно, по данным признакам они могут быть отнесены к разным структурным типам. Собственно говоря,

³⁰ И. Н. Гальцев, Введение в изучение китайского языка, М., 1962, стр. 112; А. И. Иванов, и Е. Д. Поливанов, Грамматика современного китайского языка, М., 1930, стр. 150.

³¹ См. «Китайско-русский словарь», под ред. И. М. Ошанина, М., 1955.

³² Совпадение может быть факультативным. Ср. *деткор* — *детский корреспондент*.

сопоставление приведенных отношений есть установление подобия языков с точки зрения аббревиатур.

Установление подобия, по-видимому, требует установления определенных критериев, в соответствии с которыми языки могут считаться подобными. Эти критерии могут быть выведены на основании сопоставления коэффициентов подобия и характеристик описываемых систем³³. В нашем случае при их выводе следует исходить из учета различий и сходства в отношениях единиц различных уровней друг к другу.

Совершенно очевидно, что сходство приведенных отношений не может быть универсальным, следовательно, и сами критерии подобия не могут быть приравнены к универсальным соотношениям, свойственным всем языкам. Скорее всего они имеют ареальный характер и определяют особенности языковых союзов, генетических групп и других ареалов, ограниченных в пространстве и времени.

Но для построения общей типологии аббревиатур требуется выделение таких критериев подобия, которые охватывали бы соотношения, свойственные всем или по крайней мере большинству языков, где имеет место аббревиация. Назовем их определяющими критериями подобия³⁴. К ним относятся величины, которые входят в условия однозначности. Это прежде всего числа, характеризующие эквивалентностные отношения между словосочетаниями и аббревиатурами в сопоставляемых языках и данные об аранжировке сокращенных элементов.

Вторым не менее важным определяющим критерием мы считаем соотношение номинантов и операторов в рамках аббревиатур, т. е. соотношение порождающей способности системы аббревиатур и статистической вероятности их употребления в речи.

Третий определяющий критерий — это моделирующая способность системы аббревиатур. Сущность коэффициента моделирующей способности заключается в том, что он сигнализирует о степени вrastания аббревиатур в ткань языка: чем больше коэффициент моделирующей способности, тем больше в системе слоговых сокращений и частично сокращенных слов, которые относительно естественно интерпретируют некоторые явления языка.

Среди определяющих критериев подобия не менее значительное место занимает и системность, или, точнее, степень системности данной системы аббревиатур. Чем упорядоченнее система, тем она лучше. Таким образом, можно говорить

³³ А. И. Уёмов, О достоверности вывода по аналогии, — сб. «Философские вопросы современной логики», М., 1962, стр. 191; Р. Г. П и о т р о в с к и й, Моделирование..., стр. 22.

³⁴ А. И. Уёмов, О достоверности вывода по аналогии, стр. 191.

о «плохих» системах аббревиатур, которые находятся в стадии становления, и о «хороших» системах, достигших определенного уровня, достаточного для того, чтобы служить процессу коммуникации наравне с лингвистическими знаками.

Нетрудно заметить, что определяющие критерии восходят к семиотическому аспекту, и это вполне понятно, ибо аббревиатуры, к какому бы они языку ни относились, имеют общие черты, вытекающие из их знаковой природы и выполняемой ими функции.

Ю. А. ГОРГОННЕВ

ДОПОЛНЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРЯМОГО (НЕПОСРЕДСТВЕННОГО) ОБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ В ЯЗЫКАХ ИЗОЛИРУЮЩЕГО ТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВ КИТАЯ И ЮВА)

Настоящая статья состоит из двух частей.

В первой части затрагиваются некоторые вопросы, возникающие в связи с проблемой способа выражения дополнений со значением прямого объекта действия. Под прямыми объектами действия имеются в виду объекты, непосредственно испытывающие на себе действие, названное глаголом. Термин «прямой объект действия» в указанном понимании никак не связывается с понятием прямого и косвенного дополнений в индоевропейском понимании, а именно трактуется в чисто семантическом плане и стоит в одном ряду с такого рода терминами, как «дополнение со значением орудия действия», «дополнение со значением совместности действия» и т. п. Вполне естественно, что все возможные типы дополнений мы можем классифицировать по их значению, и в этом случае должно быть как-то отражено и отношение «действие — объект, непосредственно испытывающий действие», или «действие — прямой (непосредственный) объект». Можно выделить два конкретных случая, которые здесь имеются в виду:

1) дополнение выражает объект непосредственного физического воздействия, названного глаголом (например, *бить собаку* и т. п.);

2) дополнение выражает объект непосредственного морального воздействия, названного глаголом (например, *ругать сына* и т. п.).

Кроме того, в ряде языков к ним явно примыкают по крайней мере еще два случая, которые также следует упомянуть здесь как аналогичные указанным выше, но только с точки зрения своего выражения; это дополнения, которые

выражают результат, к которому направлено действие (например, *рисовать картину*), и дополнения, которые выражают объект восприятия (например, *видеть картину*).

Одним из результатов первой части статьи является некая «микроуниверсалия». Этим термином мы пользуемся за неимением лучшего. Термин «микроуниверсалия» мы будем применять тогда, когда возникает необходимость наложить на первую часть высказывания, представляющего собой универсалию, одно из двух следующих ограничений или сразу два следующих ограничения: во-первых, ограничение ареального характера («во всех языках заданного ареала»), во-вторых, ограничение типологического характера («во всех языках изолирующего типа»).

Во второй части статьи выдвигается гипотеза о возможном виде связи между универсальными и ареальными свойствами языков; эта гипотеза иллюстрируется той микроуниверсалией, которая явилась одним из результатов первой части статьи.

В изолирующих языках Китая и ЮВА связи между словами выражаются порядком слов и с помощью различных служебных слов. Считается, что дополнения со значением прямого объекта действия в таких языках в своей обычной позиции непосредственно примыкают к глаголу-сказуемому. При этом обычно упор делается именно на позицию дополнения.

Очень часто дополнения со значением прямого (непосредственного) объекта действия называют прямыми дополнениями.

Применительно к современному китайскому языку было высказано положение о том, что прямыми следует считать такие дополнения, которые могут выноситься в позицию между подлежащим и сказуемым с помощью служебного слова *ба*. Это положение представляет собой частное определение, отнесенное к одному конкретному языку и высказанное в связи с поисками формального определения прямого дополнения. В широком аспекте вопрос о грамматическом выражении значения «прямой (непосредственный) объект действия» вообще в языках изолирующего типа не ставился.

Относительно современного китайского языка можно заметить, что дополнения со служебным словом *ба* не всегда имеют значение прямого объекта действия. В настоящей статье нас будут интересовать только случаи употребления *ба* с дополнениями, представляющими собой прямой, непосредственный объект действия, как правило, трансформируемыми в дополнения с тем же значением непосредственного

объекта действия, выраженными без *ба*, т. е. будем касаться только случаев типа *во ба та дасы ла — во дасы ла та* 'я убил его'. В данном случае для нас не существенно, какую конкретно роль выполняет *ба*; для нас важно, что в обоих случаях сохраняется значение прямого (непосредственного) объекта действия.

Материал обследования ряда изолирующих языков Китая и ЮВА (современного литературного кхмерского, языка кхмерского фольклора, тайского, чжуанского, бахнар, нанкаури, кхаси, палаунг, вьетнамского) показывает: указанное выше явление, состоящее в том, что отношение «действие — непосредственный объект действия» может передаваться в конструкции и со служебным словом, не есть исключительное достояние современного китайского языка. В перечисленных выше языках также возможны служебные слова, опосредствующие такую связь, хотя следует оговориться, что в различных языках степень распространения отмеченного явления различна.

Служебные слова — показатели прямого (непосредственного) объекта — распадаются на две группы — служебные слова:

а) употребляемые для вынесения дополнения в позицию между подлежащим и сказуемым (современный китайский, кхмерский, тайский, чжуанский, вьетнамский); этимологически эти слова обычно представляют собой глаголы со значением 'брат', 'держать';

б) служащие для выделения послесказуемого дополнения; эти служебные элементы либо подчеркивают значение прямого объекта (когда дополнение распрложено контактно относительно глагола-сказуемого), либо выражают это значение (когда дополнение расположено дистантно относительно глагола-сказуемого); такого рода служебные элементы есть в современном кхмерском, языке кхмерского фольклора, нанкаури, бахнар, кхаси, палаунг.

Указанное явление можно проиллюстрировать примерами.

Совр. кит.: *во ба та дасы ла* 'я убил его' (служебное слово *ба*, дополнение помещено между подлежащим *во* 'я' и сказуемым *дасы ла* 'убил').

Совр. кхмер.: *кантьроунг йок моан тэу кхам ка* 'лисица загрызла петуха' (служебное слово *йок*; дополнение *моан* 'петух' помещено между подлежащим *кантьроунг* 'лисица' и сказуемым *кхам* 'грызть'); *ке веай нэу веа* 'они его бьют' (служебное слово *нэу*; дополнение *веа* 'он' после сказуемого *веай* 'бить').

Тайск.: *рау ракса сынг сантипхан* 'мы защищаем мир' (служебное слово *сынг*; дополнение *сантипхан* 'мир' после сказуемого *ракса* 'защищать').

Чжуан.: *kou ta te mop ton deu* 'я побил его' (служебное слово *ta*; дополнение *te* 'он' в позиции между подлежащим *kou* 'я' и сказуемым *mop* 'бить').

Вьетн.: *dэм но жа ма дань тьет ди* 'убей его!' (служебное слово *dэм*; дополнение перед сказуемым *дань тьет* 'убивать').

Кхмер. фольклор.: *преанпрей самлап ае кхла* 'охотник убил тигра' (служебное слово *ае*; дополнение *кхла* 'тигр' после сказуемого *самлап* 'убивать').

Нанкаури: *фаеханге дэ гмоа, йатханге дэ нанг* 'отрубил носы и уши' (служебное слово *дэ*; дополнение *гмоа* 'нос' после сказуемого *фаеханге* 'отрезать', дополнение *нанг* 'ухо' после сказуемого *йатханге* 'отрубать').

Бахнар: *сет дэ кэ сы* 'Сэт сломал его' (служебное слово *кэ*; дополнение *сы* 'он' после сказуемого *дэ* 'ломать').

Кхаси: *пхиданг итхук я нга?* 'ты еще помнишь меня?' (служебное слово *я*; дополнение *нга* 'я' после сказуемого *итхук* 'помнить').

Палаунг: *о хлэх та пох* 'я вижу цветы' (служебное слово *та*; дополнение *пox* 'цветы' после сказуемого *хлэх* 'видеть').

Из этих иллюстраций видно, что формальный признак — наличие или отсутствие служебного слова, на основании которого иногда пытаются различать «прямые» и «косвенные» дополнения в языках изолирующего типа, не может считаться достаточным.

Следует подчеркнуть, что служебные слова, употребляемые в построениях «действие — непосредственный объект действия», вовсе не всегда употребляются исключительно в такого рода построениях. В ряде случаев они встречаются и в других значениях. Например, современное кхмерское *нэу* в языке фольклора — предлог со значением совместности (*та нэу йеай* 'дед с бабкой'); кхмерское *ае* и в литературном языке и в языке фольклора употребляется как локальный предлог (*нэу ае ти них* 'жить в этом месте'); в языке палаунг служебное слово *та* обычно употребляется в значении локального предлога (*о йы панхом та ганг* 'у меня в доме есть пища'). Точно так же в значении локального предлога выступает *дэ* в нанкаури (*катэу эн тёмберомби дэ ньидэ* 'оставили Тёмберомби в доме') и т. д.

Необходимо также отметить, что контактное расположение глагола-сказуемого и дополнения не всегда служит для выражения отношения «действие — прямой (непосредственный) объект». Таким путем выражаются самые различные значения — адресата действия, инструмента действия и т. п.

Приведенные факты позволяют сформулировать следующие правила в отношении языков рассматриваемого типа: — в языках изолирующего типа наличие служебного слова (предлога) не является признаком косвенного дополнения;

— отсутствие служебного слова (предлога) и нахождение дополнения в контактном расположении относительно глагола-сказуемого в языках изолирующего типа не является достаточным признаком прямого дополнения.

Анализ языкового материала показывает также, что языки изолирующего типа, в которых дополнение со значением прямого объекта действия занимает или может занимать позицию не непосредственно после глагола, стремятся к выделению специальных грамматических показателей для указания дополнения, обозначающего прямой объект действия.

Следующий вывод, который можно сделать на основании сказанного выше, — это необязательность (факультативность) в определенных условиях выражения связи «действие — прямой (непосредственный) объект действия» с помощью служебного слова. Выражение указанного отношения с участием служебного слова (если таковое, конечно, есть) и без него следует рассматривать как некоторое общее свойство языков изолирующего типа указанного ареала.

Следует обратить внимание еще на одну особенность этих языков: отмеченное значение может быть выражено только в конструкции с препозитивным служебным словом (предлогом).

Если обратиться к ареалу Китай — ЮВА, то на основании последних выводов может быть сформулирована следующая микроуниверсалия: во всех языках Китая и ЮВА, если в них есть явление употребления как предложной, так и беспредложной конструкций при выражении отношения «действие — прямой (непосредственный) объект действия», употребление предложной конструкции факультативно.

Наблюдения над уже описанным материалом позволяют сделать предположение более широкого характера о возможности привлечения типологических ареальных данных для выявления некоторых положений универсального характера. Вопрос может быть сформулирован следующим образом: каково взаимоотношение между универсальными и ареальными свойствами языков? Есть ли универсальное — проявление всеобщего в языках Земли, а ареальное — проявление общего в языках тех или иных районов земного шара, т. е. представляет собой только «микроуниверсалии» или «местные (ареальные) универсалии», или между первым и вторым (т. е. между универсалиями, с одной стороны, и «микроуниверсалиями» — с другой) может быть установлено соотношение не только чисто иерархического порядка, но и некоторая взаимосвязь?

Если взглянуть на приведенные в статье материалы под несколько иным углом зрения, а именно посмотреть, насколько оригинален способ выражения описанного отношения, то можно обратить внимание на тот факт, что некоторые особенности выражения отношения «действие — прямой (непосредственный) объект действия» специфичны как раз для языков определенного строя и неизвестны, например, современным европейским языкам, принадлежащим к индоевропейской семье, в которых данное значение выражается либо без предлога, либо (редко) с предлогом, но не может быть выражено и тем и другим способом одновременно. Собственно в такой специфике, присущей ряду контактно расположенных языков, и состоит свойство «микроуниверсалии», а здесь рассматривался один ее пример.

И этот, и другие аналогичные примеры наводят на мысль о том, не может ли иногда на первый взгляд, казалось бы, второстепенная, малозначительная особенность оказаться достаточной для определения целого комплекса сопутствующих ей, но непосредственно с ней не связанных признаков. Собственно, по этому принципу построены импликационные универсалии, т. е. высказывания вида: «для всех языков имеет место: $A \rightarrow B$ », например, «если в языке A есть категория падежа или рода, в нем есть и категория числа». Различие в подходе к проблеме состоит в том, что в импликационных универсалиях, о которых было упомянуто, и в первой части («если есть A »), и во второй («то есть B ») речь идет о величинах одного порядка (одна грамматическая категория предполагает обязательное присутствие другой категории, как в нашем примере). Мы же выдвигаем гипотезу о возможности на базе явлений одного порядка сделать вывод о явлении другого порядка, а именно из факта наличия той или иной, в силу каких-то причин оказавшейся достаточной, особенности, представляющей собой микроуниверсалию, сделать вывод о типологической характеристике данного языка в целом. Другими словами, на базе одного признака сделать вывод не просто о некотором другом или некоторых других признаках, а о комплексе признаков, причем таком комплексе, который дает право дать характеристику рассматриваемому языку в плане общей типологии, или иначе, на базе одной ареальной или ареально-типологической характеристики дать выводы универсального плана.

Если факты ареального порядка обозначить через какую-либо малую букву латинского алфавита, например a , а комплекс признаков, дающий типологическую характеристику универсального плана, обозначить заглавной буквой латинского

алфавита, например *B*, то предложенную гипотезу можно сформулировать так: «если в языке ареала *N* есть *a*, то в нем есть комплекс, определяющий *B*». Само собой разумеется, что данное утверждение не может иметь обратной силы, т. е. на его основании мы не можем делать вывода о том, что в языках ареала *N*, не имеющих *a*, обязательно должен отсутствовать комплекс признаков, достаточный для отнесения того или иного конкретного языка к *B*.

Как видно, левая часть высказывания «во всех языках заданного ареала» может быть лишь частью микроуниверсалии. Правая часть при указанном левом окружении также не может считаться частью высказывания об универсальном. Это с одной стороны. Но с другой стороны, благодаря введению элемента *B* правая часть приведенного высказывания приобретает и иное звучание, а именно оказывается комплексом, непосредственно связанным с универсальным планом, с планом типологической характеристики всех языков.

В первой части статьи было установлено: во всех языках Китая и ЮВА, в которых возможно употребление как беспредложной, так и предложной конструкций при выражении отношения «действие — прямой (непосредственный) объект действия», употребление предложной конструкции для определенных условий факультативно. Если применить к этому выводу сформулированное здесь предположение, т. е. если рассматривать предложенную выше микроуниверсалию как лакмусовую бумажку при определении типологии любого языка данного ареала (а может быть и любого языка вообще), то вывод может быть сделан в следующих словах: «Если в языке *A* ареала *N* отношение „действие — прямой (непосредственный) объект действия“ выражается или может быть выражено как в конструкции без служебного слова, так и в конструкции с препозитивным служебным словом, то этот язык обладает комплексом признаков, определяющих его как изолирующий».

Факты известных нам современных языков не противоречат сделанному выводу. Правда, многие племенные языки Китая и ЮВА совершенно не изучены и нет материалов, которые бы дали возможность более широко проверить высказанное здесь предположение. Во всяком случае данные типологии как будто его не отвергают.

Когда появится возможность привлечь факты этих языков, то необходимо будет учесть также потенции, заложенные в них. Весьма показателен в этом отношении пример монского языка, в котором нет специального показателя дополнения со значением прямого объекта действия, но который тем не менее использовал служебное слово *хан*, обычно употребляемое при установлении локальных отношений, для

указания объекта с отмеченным значением в переводах с языка пали¹.

Факты древнекитайского языка, который несомненно принадлежит к языкам изолирующего строя, но в котором не удалось обнаружить явного показателя прямого объекта действия², наводят на мысль, что ареальная характеристика, видимо, может быть взята и в более широком плане. Следует обратиться к выражению не только объектов с избранным значением, но и любых объектов вообще и сформулировать данное правило так: «Если в языке А ареала Китай — ЮВА отношение „действие — объект“ может быть выражено в одних условиях, как с помощью препозитивного служебного слова, так и без него, то данный язык обладает и комплексом признаков, определяющих его принадлежность к изолирующему строю».

Как известно, в древнекитайском языке некоторые предлоги, например *юй*, могли опускаться. Явление опущения предлогов хорошо известно и в других перечисленных выше языках (ср. кхм. *тэу пса* или *тэу кан пса* 'идти на базар').

Из высказанной в статье гипотезы вытекает следующий вывод: ареальные и универсальные свойства языков соотносительны, в частности, в том плане, что некоторые микроуниверсалии могут быть формальным признаком комплекса других признаков, определяющих место данного языка в общей типологической классификации языков. Это бывает тогда, когда можно сказать, что «если есть *a*, то есть $\frac{b, c, d \dots}{B}$ ».

¹ Факты по монскому языку были любезно сообщены мне Г. Л. Шорто.

² Случай в древнекитайском с *и* в выражениях типа *гэй минь и ди* сомнителен, так как может с большей достоверностью быть истолкован как 'снабжать народ землей', а не 'давать народу землю'.

НЕКОТОРЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ В ВОСТОЧНОЙ ИНДОНЕЗИИ

Основным путем изучения истории групп языков, объединенных теми или иными признаками, является сравнение современных или засвидетельствованных памятниками языков. Поэтому, учитывая значение территориального расположения форм речи, контактов между ними и принципиального несовпадения границ распространения лингвистических явлений, можно сказать, что задача в общем виде сводится к изучению карт изоглосс.

Анализ данных карты изоглосс в принципе приводит к выяснению истории всевозможных изменений в языках и истории взаимоотношений между языками. Вместе с тем на карте появляются очертания генеалогических объединений и ареальных объединений языков. Различие между этими типами объединений обязано тому, что в развитии языка некоторые области словарного состава — «основной лексический фонд», синтетические (входящие в слово) грамматические морфемы, а также некоторые области строя языка (в частности «типы понятий» Сепира) относительно устойчивы и проявляют стойкость также при всяческих контактах языков; поэтому эффекты двух процессов, к которым сводится эволюция языков — дивергенции и конвергенции, не совсем одинаковы. Но практическое различие их возможно далеко не всегда. В общем случае генеалогическое объединение языков представляет собой объединение, в возникновении которого, вероятно, большую роль играла дивергенция, чем конвергенция.

Согласно определению, генеалогические объединения, в том числе и объединения определенного ранга — языковые семьи, базируются на материальных схождениях в пределах «основного лексического фонда» и синтетических грамматических морфем, в меньшей степени на структурных чертах языков. Но всегда родство сопровождается большим или меньшим типологическим сходством. В ряде семей основной массив языков проявляет значительное типологическое сходство, хотя нередко и отклонившиеся языки и группы вроде новоиндий-

ских языков в индоевропейской семье. При этом обнаруживается, что такие языки сблизились типологически с соседними языками иного происхождения (например, новоиндийские с дравидийскими языками).

Австронезийская семья представляет собой объединение языков, в генеалогическом характере которого в целом уже нельзя сомневаться, хотя границы его весьма неопределенны. Но типологические различия между группами австронезийских языков значительны. Допускать при родстве (т. е. вхождении в одно генеалогическое объединение) исходное типологическое разнообразие немислимо. Правда, решающим является здесь не тот, по нашему мнению, уязвимый постулат, что языковая семья обязательно возникла из одного языка. Неоднократно указывали на то, что в определенных случаях — длительном сосуществовании языков в пределах ограниченной области и при условии, что этот период (сосуществования) достаточно удален от нас, — результаты конвергенции очень трудно или невозможно отличать от результатов дивергенции.

Однако, какова бы ни была начальная стадия развития семьи, ясно, что языки — предки семьи — когда-то были сконцентрированы на небольшой территории; если установилось сходство в основной лексике, развитие типологического единства было неизбежно.

Следовательно, если родственные языки типологически различны, тогда по отношению к группе языков, входящих в одну семью, оправдана постановка вопроса: какие черты этой группы исконны для данной семьи (например, исконно австронезийские черты) и какие приобретены в ходе языкового развития?

В этой статье мы попытаемся осветить вопросы, возникающие в связи с типологическими особенностями австронезийских языков Восточной Индонезии — области, которая расположена между островами Сулавеси и Флорес на западе и Новой Гвинеей на востоке.

История австронезийских языков до сих пор разработана очень слабо. Не разрешены такие ключевые проблемы, как проблема прародины (центра распространения) австронезийских языков: находилась ли прародина в районе Юго-Восточной Азии, где в настоящее время распространены языки монкхмерские, тайские, китайско-тибетские, или где-то в окрестностях Новой Гвинеей, в области распространения языков, типологически явно отличных от языков Юго-Восточной Азии. Мало разработана сравнительная грамматика австронезийских языков. Поэтому мы должны ограничиться очевидными, лежащими на поверхности типологическими чертами и лишь предварительными выводами.

На многочисленных островах между Сулавеси и Новой Гвинеей, а также в некоторых районах в западной части Новой Гвинеи распространены так называемые восточные индонезийские языки, относящиеся к австронезийской семье. Неавстронезийские языки имеются в северной части острова Халмахера, а также в некоторых районах острова Тимор и близлежащих островов. Особый интерес представляют неавстронезийские языки Халмахеры, которые образуют относительно гомогенную группу — северохалмахерскую — и лучше изучены, чем языки области Тимора¹.

На Новой Гвинее преобладают многочисленные языки, распадающиеся на большое число групп, родство между которыми не доказано. Как собирательный термин для обозначения всех этих языков употребляется название «папуасские языки». Термин этот почти лишен положительного содержания: он указывает на то, что язык не является австронезийским и приурочен к определенной географической области. Тем не менее можно говорить о некоторых типологических чертах, характерных в общем для папуасских языков.

Северохалмахерские языки и неавстронезийские языки Тиморской области, равно как и неавстронезийские языки островной Меланезии, обыкновенно также относят к папуасским: основанием для этого являются некоторые черты грамматического строя, а в отдельных случаях и материальные сходжения с определенными неавстронезийскими языками Новой Гвинеи. Здесь будем употреблять термин «папуасские языки» в таком же широком смысле.

Рассмотрим две характерные особенности восточных индонезийских языков, отличающие их от западных индонезийских и, как кажется, имеющие наибольшее значение для вопроса об ареальных связях этих языков.

1. Наличие двух классов существительных: суффилирующих и несуффилирующих.

Под суффилирующими существительными мы имеем в виду существительные, которые принимают посессивные суффиксы, обозначающие принадлежность лицу. Например, в фордата: *lima-ng* 'моя рука'; *sumar-ang* 'мой рот'; но: *ning vavi* 'моя свинья'. В последнем случае посессивный суффикс неприменим и употребляется препозитивное притяжательное местоимение.

В большинстве восточных индонезийских языков посессивные суффиксы принимают существительные, обозначающие части тела или вообще части целого, функции организма (голос и т. п.), а также названия родственников и т. д.

---

¹ См. H. van der Veen, *De Noord-Halmahera'se taalgroep tegenover de Austronesiese talen*, Leiden, 1915, и ряд работ по отдельным языкам.

В основном это существительные, обозначающие предметы, которые могут представляться как неразрывно связанные с обладателем («неотчуждаемая принадлежность»). В деталях состав этого класса существительных, так же как его объем, значительно различается по языкам.

Все остальные существительные не принимают посессивных суффиксов, и принадлежность лицу выражается другими средствами. В языках танимбарской группы, как, например, в фордата, для выражения принадлежности употребляются препозитивные притяжательные местоимения. В других языках, в которых нет специальных притяжательных местоимений, существительному предпосылается личное местоимение в основной (самостоятельной) форме. Например, в тиморском языке: *in ume* 'его (ее) дом'; *sin ume* 'их дом (дома)' (личное местоимение может предпосылаться и существительному с посессивным суффиксом: [*in*] *naka-n* 'его (ее) голова').

Это деление имеется в разных группах восточных индонезийских языков, но не во всех языках; например, в языках тетум и собойо посессивные суффиксы отсутствуют, и тем самым отсутствует деление существительных на два класса. В роти посессивные суффиксы могут присоединяться ко всем существительным, так же как в западных индонезийских языках, и, разумеется, здесь тоже нет двухклассного деления.

Двуклассное деление существительных, обычно с дальнейшими усложнениями, характеризует также меланезийские языки.

Степень распространения подобного деления в папуасских языках не вполне ясна. Оно имеется в ряде языков северной части Новой Гвинеи². Что касается языков, более близких территориально к восточным индонезийским, то в северохалмахерских языках принадлежность лицу выражается при всех существительных в принципе одинаково, хотя названия родственников имеют отличительную черту³. В языке буна на Тиморе местоименную морфему, выражающую принадлежность, непосредственно (без опорной морфемы) принимают существительные в основном с той же семантической характеристикой, которая свойственна суффицирующим существительным в восточных индонезийских языках⁴; только эта местоименная морфема здесь не суффиксальная, а префиксальная, например,

² См. Н. К. С o w a n, *Indonesisch of Melanesisch op Noord Nieuw-Guinea?*, — «Indonesië», dl. III, 1949—1950, стр. 353.

³ При этих словах притяжательное местоимение в единственном числе имеет форму среднего рода вместо мужского или женского. Например, табару: *una ma* (не *wil*) *wekata* 'его жена' (букв. 'он-его (ср. р.) — жена'). Но во множественном числе регулярно: *ona mangawekata* 'их жены' (букв. 'они-их — жена').

⁴ L. Berthe, *Sur quelques distiques Buna (Timor Central)*, — «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde», dl. 115, 1959, стр. 353.

n-iol 'мой голос', но *n-ie tar* 'мое поле' (во втором случае посессивный префикс присоединяется к опорной морфеме *ie*). В целом ряде папуасских языков юго-западной части Новой Гвинеи среди существительных своим отношением к притяжательным местоименным морфемам выделяются названия родственников.

2. Препозиция относительного определения.

Эта особенность в отличие от первой, по-видимому, обладает почти сплошным ареалом. Расположение субстантивного определения перед определяемым, насколько известно, характерно для всех индонезийских языков, распространенных восточнее так называемой линии Брандеса. Оно имеет место также в австронезийских языках Новой Гвинеи и северо-западной части островной Меланезии.

Как правило, перед определяемым располагается определение, сохраняющее предметное значение. Такое определение может выражать как принадлежность в узком смысле (например, в языке роти: *manek-a uma-n* 'дом князя', букв. 'князь-определенный артикль-дом-его'), так и отношение обладания частью тела и т. п. (например, в фордата: *tomata lima-n* 'рука человека', букв. 'человек-рука-его').

В приведенных примерах определение дублируется «изафетной» местоименной морфемой при определяемом — посессивным суффиксом 3-го лица. Дублирование определения, имеющего «предметный», относительный характер, для восточных индонезийских языков в целом очень характерно. Но способы дублирования различны и определяются моделями выражения принадлежности лицу. Так, в языке роти все существительные в роли господствующего члена при относительном определении принимают посессивный суффикс. В языке тетум, где нет посессивных суффиксов, употребляется препозитивное притяжательное местоимение (например: *nai nian uma* 'дом князя'). В языках с делением существительных на суффигирующие и несуффигирующие соответственно различается оформление господствующего члена при относительном определении. Например, в языке фордата с *tomata lima-n* 'рука человека' можно сопоставить *rahan ni falfolat* 'дверь дома', где определение дублируется препозитивным притяжательным местоимением 3-го лица единственного числа.

Повсеместно в этих языках существительное может образовывать также определение, лишённое предметного значения и выражающее «подведение под категорию». В таком случае оно чаще стоит в постпозиции, например, в роти *uma-manek* 'княжеский дом', 'дворец'; фордата: *rahan temar* 'бамбуковый дом'. Во многих языках возможна и препозиция такого определения, но без местоименного дублирования (например, в тиморском: *manu-teko* 'куриное яйцо').

Препозиция субстантивного определения свойственна также папуасским языкам, в том числе наиболее западным: северохалмахерским и буна (на Тиморе). Достаточно одного примера из северохалмахерского языка табару: *o boki ma bikini* 'хвост кошки' (букв. 'артикле *o*-кот-его (*ma*)-хвост').

Несомненно, препозиция относительного определения характеризует одну из наиболее показательных изоглосс в данной области.

Естественным кажется искать причины возникновения особенностей восточных индонезийских языков во влиянии папуасских языков, субстратном или адстратном. Так и поступали.

Например, П. Канский и П. Каспруш⁵ считают, что австронезийские языки Восточной Индонезии и Меланезии имеют папуасский субстрат — в пользу этого кроме лингвистических доводов они приводят и нелингвистические доводы, свидетельствующие об этническом смешении. Характерно, что в качестве лингвистических признаков наличия субстрата авторы, так же как и другие сторонники «субстратной теории», привлекают признаки, свойственные соседним неавстронезийским — папуасским языкам. Следовательно, вопрос фактически сводится к ареальным изоглоссам.

Влиянием папуасского субстрата Канский и Каспруш объясняют появление препозиции генитива (относительно определения) в восточных индонезийских языках. Это объяснение стройно. Но не так легко выявить истоки двуклассного деления существительных. Канский и Каспруш прибегают к сложной конструкции. Согласно их точке зрения, появление этого деления находится в связи с изменением позиции генитива. Папуасам, воспринявшим австронезийский язык и при этом переместившим генитив в препозицию, хотелось так же изменить позицию притяжательной местоименной морфемы. Однако это не удалось им при таких существительных, которые заключают в себе идею неотделимой принадлежности (части тела и т. п.), и при таких словах посессивные суффиксы сохранились.

Этому объяснению явно противоречит то, что деление существительных на суффилирующие и несуффилирующие существует в подавляющем большинстве меланезийских языков, в которых относительное определение находится в постпозиции.

Из новых авторов Кауэн считает вероятным, что двуклассное деление существительных в австронезийских языках

⁵ P. Kanski, P. Kasprusch, Die indonesisch-melanesischen Übergangssprachen auf den Kleinen Molukken, — «Anthropos», Bd 26, стр. 883—890.

северной части Новой Гвинеи восходит непосредственно к аналогичному делению в папуасских языках⁶. Такое изменение взгляда может объясняться повышением уровня знания папуасских языков за последние десятилетия.

Важно следующее обстоятельство. Различение существительных, обозначающих отчуждаемую и неотчуждаемую принадлежность, представляет собой характерную черту практически всех австронезийских языков, за исключением западных индонезийских. Не обстоит ли дело так, что восточные индонезийские и меланезийские языки сохранили в этом аспекте более древнее состояние, чем западные индонезийские?⁷

Чтобы принять такое решение, мы, очевидно, должны допустить, что остаточное явление сохранилось на стыке языковых групп (вне зависимости от вопроса, каким образом оно охватило языки разных групп, стало для них общим признаком).

А priori представляется, что это маловероятно. На стыке таких существенно различающихся по грамматическому строю языков, как австронезийские и папуасские, предпочтительнее ожидать ускоренного развития, глубоких изменений, чем сохранения древних явлений. Весьма определенно говорит за это большое разнообразие австронезийских языков, наблюдаемое в непосредственной близости от австронезийско-папуасской языковой границы.

В данном случае, кажется, немаловажно и следующее обстоятельство. В фонетическом отношении и в отношении состава корневой морфемы среди австронезийских языков в целом наиболее архаичны западные индонезийские языки⁸ (правда, проблема происхождения меланезийских лабиовеллярных согласных требует в связи с этим дополнительного изучения). В то же время языки, близкие к австронезийско-папуасской границе, претерпели значительные изменения. Несомненно, существенные изменения произошли и в грамматическом строе этих языков. Если это так, то более вероятно, что двуклассное деление существительных было приобретено этими языками, чем то, что оно имелось в западных индонезийских языках, но было ими утеряно.

В отношении другого признака — препозиции относительного определения, папуасский фон которого более ярко выра-

---

⁶ Н. К. С о w a n, *Indonesisch of Melanesisch op Noord Nieuw-Guinea?*, стр. 354.

⁷ На такой точке зрения стоит, например, И. Вильс (см. J. Wils, *Het passieve werkwoord in de Indonesische talen*, 's-Gravenhage, 1952, стр. 16 и сл.).

⁸ См. Ю. Сирк, *О классификации австронезийских языков*, — сб. «Языки Юго-Восточной Азии», М., 1967, стр. 105—106.

жен, может быть еще меньше сомнений в направлении изменения.

Влияние папуасских языков на восточные индонезийские в области грамматического строя не ограничивается передачей им некоторых моделей и категорий. Очевидно, оно привело также к разрушению австронезийской аффиксации в языках, вступивших в контакт с папуасскими.

С другой стороны, папуасские языки, в первую очередь самые западные, кое-что восприняли от австронезийских. В некоторых отношениях североалмахерские языки напоминают австронезийские. Отметим только: 1) применение удвоения для выражения сходства (например, табару: *ngootiri* 'лодка' — *ngongootiri* 'игрушечная лодка', 'нечто подобное лодке'); 2) выражение объектной направленности в форме глагола; 3) препозитивный артикль.

Первая из этих особенностей практически общеавстронезийская. Выражение объектной направленности в форме глагола распространено в австронезийских языках довольно широко. Средства, применяемые для этой цели в североалмахерских языках, отличаются от австронезийских. Североалмахерские языки не используют здесь суффиксы. Употребляются префиксы и модификация начала глагольной основы, например в табару: *tosiki* 'красть' — *dosiki* 'обворовывать'; *utuku* 'собирать' — *gutuku* 'собирать для... (кого-то)'. В подобной модификации основы можно усмотреть сходство с преназализацией, свойственной австронезийским языкам, но продуктивной только в западных индонезийских языках. Это сходство, однако, весьма поверхностно в отношении модели чередований и особенно в функционально-семантическом отношении. Сближение североалмахерских языков на основе моделей выражения объектной направленности глагола с какой-нибудь определенной группой австронезийских языков провести нелегко, но, кажется, что сходство с североалмахерскими языками в этом отношении имеют их соседи — южноалмахерские языки (були) и также языки Серама (паулохи)⁹.

---

⁹ Данное предположение основывается на том факте, что в були и паулохи направленность на неподвижный объект («место») и на инструмент (при условии различия их, скажем, по малайской модели) выражаются часто одними и теми же средствами. Например, в були: *yāl* 'брать (что?)' — *yālo* 'брать (где? у кого? для кого?)'; *toifa* 'мыть (что?)' — *toifo* 'мыть (чем?)'. Для западных индонезийских языков подобное соотношение не характерно, однако в североалмахерских языках одинаковое выражение направленности на неподвижный объект («место») и на заинтересованное лицо, по-видимому, обычно (см. приведенные примеры из табару). Углубленное исследование данных отношений в североалмахерских языках и соседних группах австронезийских языков является делом будущего.

Что касается третьего признака — препозитивного артикля, то он весьма определенно отделяет северохалмахерские языки от их ближайших соседей. Для восточных индонезийских языков в их современном состоянии препозитивный артикль нетипичен. Но не исключено, что раньше он там существовал. Не очень удален от Халмахеры территориально и язык банггай (на островах Банггай около Сулавеси), в котором препозитивные артикли очень употребительны (можно даже усмотреть звуковое сходство между северохалмахерским артиклем *o* и банггайским *ko*).

Имеется одно обстоятельство, которое делает древний контакт северохалмахерских языков с южнохалмахерскими маловероятным. Это различие фонетических моделей. Южнохалмахерские языки изобилуют сочетаниями согласных, в то время как северохалмахерским свойственно строгое полногласие. Можно думать, что продолжительный контакт привел бы к некоторому сближению фонетических моделей. Но из этого наблюдения нельзя делать далеко идущих выводов, так как полногласные австронезийские языки распространены недалеко от Халмахеры — в районе острова Серам.

Можно выделить еще много структурных черт, сближающих языки Восточной Индонезии с папуасскими языками. Ареалы этих явлений далеко не всегда совпадают между собой. К характерным явлениям в данной географической области относится позиция числительного после существительного. Например, в собойо (острова Сула): *peheng* (1) *tolu* (2) 'три (2) лестницы (1)' — ср. северохалмахерский язык галела: *o tahu* (1) *sinoto* (2) 'два (2) дома (1)'. Характерно, хотя и не повсеместно, отсутствие пассивных форм глагола. К явлениям с ограниченным ареалом — область острова Серам — относится наличие двух местоимений 3-го лица: личного и неличного [например, в паулохи: *ile* 'он, она (о лицах)', *yele* 'оно (о животных, вещах)']. Судя по имеющимся данным, различие мужского и женского рода, специфичное для многих папуасских языков, в том числе и северохалмахерских, австронезийским языкам в целом чуждо.

В целом австронезийские языки Восточной Индонезии не очень близки между собой в материальном отношении и проявляют довольно большое разнообразие в структурных чертах. Но и типологическое единство языков, относимых к папуасским, весьма относительно. Вероятно, австронезийские языки этой области сложились под сильным субстратным и адстратным влиянием различных, большей частью исчезнувших групп папуасских языков. Но те данные, что мы имеем, пока недостаточны для более детализированных выводов.

О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Очень часто говорится о типологическом сходстве структуры тех или иных языков, как связанных между собой общностью происхождения, так и таких, генетические взаимоотношения которых не вполне ясны или полностью отсутствуют.

Языки алтайские (в составе тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) со свойственной им всем агглютинацией суффиксального типа, как известно, представляют собой яркий пример сходства в морфологическом отношении. Но, говоря об этом сходстве, обычно имеют в виду ведущий способ формообразования с характерным для него наращением цепочки суффиксов.

Вместе с тем специального внимания заслуживает строение лексических единиц алтайских языков. Следует отметить, что языки алтайской группы располагают довольно разнообразными возможностями словообразования, которое не ограничивается средствами одной лишь суффиксации, хотя последней и в этой сфере, пожалуй, принадлежит ведущая роль. Во всяком случае эти языки имеют в своем распоряжении добрую сотню суффиксов, с помощью которых создаются производные имена со значением деятеля и орудия действия, процесса действия и места действия, разнообразные имена предмета и побочных результатов действия, наименований качеств и абстрактных понятий, обладания и необладания каким-либо предметом и т. д. Не менее богаты и возможности образования глагольных основ, в частности отыменных. Наряду с суффиксальным словообразованием довольно значительный удельный вес имеет и так называемый синтаксический способ образования новых лексических единиц из сочетаний слов, т. е. словосложение в самом широком понимании этого термина. Здесь видное место занимают биномы, или парные слова.

В предлагаемой статье нам хотелось бы остановить внимание на двух группах примеров из области лексических образований, типичных для алтайских языков и, по-видимому, носящих ареальный характер.

Так, прежде всего большой интерес представляют имена существительные, которые не только по своему содержанию, но и по строению основы должны быть выделены в особый разряд имен собирательных.

В тунгусо-маньчжурских языках установлено не менее десятка подвидов имен существительных с различными оттенками собирательного значения, причем каждая из разновидностей характеризуется особым словообразующим суффиксом¹. Следует указать, что большая часть этих словообразовательных типов малопродуктивна, непродуктивна или, наконец, представлена «окаменелыми» образцами.

К числу живых, но малопродуктивных в силу практических возможностей использования относятся, например, имена собирательные, являющиеся названиями сообществ, совокупностей по общему местонахождению, которые в эвенкийском, эвенском и негидальском языках образуются с помощью суффикса -г или в усложненной форме -к̄-г, -к̄э-г и са-г, сэ-г, например: **эвенк.** *загда-г* 'сосняк' от *загда* 'сосна'; **эвен.** *болги-г* 'заросли кедрового стланца' от *болгит* 'кедровый стланец'; **нег.** *сёкта-г* 'заросли тальника' от *сёкта* 'тальник'; **эвенк.** *чалбу-г*, **эвен.** *чалбу-к̄-г* 'березняк' от *чалбан* 'береза'; **эвен.** *зол-а-к̄-г* 'каменистая россыпь' от *зол* 'камень'; **эвенк.** *гулэ-сэ-г* 'деревня' от *гулэ* 'изба'; **эвен.** *арбу-са-г* 'склоны гор' от *арбун* 'склон горы'.

Еще более ограничены в своем употреблении имена собирательные — названия шкур (меха) животных — с суффиксом, который в эвенкийском, негидальском, нанайском, ульчском языках имеет форму -кса, -ксэ > эвен. -с и т. д., например: **эвенк.** *муннук̄-кса* 'заячья шкура' от *муннук̄ан* 'заяц'; **нег.** *солах̄-кса* 'лисы шкура' от *солах̄* 'лиса'; **эвен.-камчатск.** *корова-с* 'коровья шкура'; **нан., ульч.** *дава-кса* 'кожа кеты' от *дава* 'кета'.

Этот же собирательный суффикс следует считать омертвевшим в названиях веществ, представляющих собой совокупность однородных частиц (жидкости, жиры, сыпучие тела), например: **эвенк., нег., нан., ульч.** *сэ-ксэ* 'кровь'; **эвенк., нег.** *иму-ксэ*, **эвен.** *им-сэ*, **нан.** *симу-ксэ*, **ульч.** *сим-сэ* 'жир', 'сало'; **эвенк., нег.** *та-кса*, **эвен.** *та-с*, **нан.** *тоа-кса*, **ульч.** *туа-кса* 'глина'.

Таково же положение с другими собирательными именами с суффиксом, который в большинстве тунгусо-маньчжурских языков выступает в форме -кта, -ктэ > эвен. -т, -та, -тэ и с помощью которого образованы названия предметов, представляющих собой органическую совокупность мелких единиц.

¹ См.: В. И. Цинциус, Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках, — «Ученые записки ЛГУ», Серия филологических наук, вып. 10, 1946, № 69, стр. 73—119.

Сюда относятся названия ягод, кустарников и других растений, например: **эвенк.**, **нег.**, **ороч.** *эй-ктэ*, **эвен.** *гй-т*, **нан.** *эйси-ктэ*, **ульч.** *эйс-тэ* 'черника', 'голубика'; **эвенк.**, **нег.** *сэ-кта*, **эвен.** *һэй-т*, **уд.** *са-кта* 'тальник'; **эвенк.** *һайи-кта*, **эвен.** *һай-та*, **нан.** *пайа-кта*, **ульч.** *пай-кта* 'название травы'.

К этой же группе имен собирательных примыкают наименования органов и частей животного и человеческого организма, например: **эвенк.**, **нег.**, **ороч.**, **уд.** *й-ктэ*, **эвен.** *й-т*, **нан.** *ху-ктэ* 'зубы'; **эвенк.** *инца-кта*, **эвен.** *инца-т*, **нег.**, **уд.** *ица-кта*, **нан.** *сица-кта*, **ульч.** *син'а-кта* 'шерсть'; **эвенк.**, **ульч.** *босо-ктэ*, **эвен.** *бос-та*, **нег.**, **нан.** *босо-кта* 'почка'.

Наконец, в эту же группу входят наименования мелких живых существ (комары, слепни) и различных предметов (бусы, бубенцы и пр.), например: **эвенк.** *ирга-кта*, **эвен.** *ирга-т*, **нег.** *ейга-кта*, **ульч.** *сиэа-кта*, **нан.** *сига-кта* 'слепень'; **эвенк.** *чури-кта*, **эвен.** *чури-т*, **нег.** *чойи-кта* 'бусы'; **эвенк.** *умка-кта*, **эвен.** *умка-т*, **уд.** *уфд-кта* 'кухта' (хлопья снега на деревьях).

В числе тунгусо-маньчжурских имен собирательных можно отметить также названия совокупностей, расположенных в определенном направлении, например: **эвенк.**, **эвен.** *амару-лта* 'очередь' (расположенное одно позади другого); **эвенк.** *ойо-лто*, **эвен.** *ойи-лта* 'столбик' (расположенное один поверх другого); **эвенк.**, **эвен.** *улбу-лтэ* 'вереница'.

В этих языках находят свое морфологическое выражение также имена собирательные — названия побочных результатов действия, которые характеризуются следующими суффиксами: **эвенк.** *-мн'а*, *-мн'э*, **нан.**, **ульч.** *-мса*, *-мсэ*, а также **эвенк.** *-птула*, *-птулэ*, *-птила*, *-птилэ*, **эвен.** *-тла*, *-тлэ*, **нег.** *-пла*, *-плэ*, **уд.** *-птила*, *-птилэ*, **нан.** *-птола*, *-птулэ*, например: **эвенк.** *хуву-мн'а* ~ *хуву-са-мн'а*, **эвен.** *хуву-тла*, **уд.** *ху-птилэ*, **нан.**, **ульч.** *по-мса* 'опилки'; **эвенк.** *гири-птила* ~ *гири-птула*, **эвен.** *гира-тла*, **уд.** *гй-птилэ*, **нан.** *гири-птола* 'обрезки', 'лоскутья'; **эвенк.** *эйв-сэ-мн'э*, **эвен.** *эйвэ-тлэ* 'объедки'.

К числу наиболее архаичных именных образований с семантикой собирательности в тунгусо-маньчжурских языках относятся существительные, для которых характерны омертвелые суффиксальные комплексы следующего типа²: **эвенк.**, **эвен.** *-лла* ~ *-лра* ~ *-лда*, **нег.** *-ла*, **нан.**, **ульч.** *-лта*, **уд.** *-лаһа* < **-ласа*; **эвенк.**, **эвен.** *-нна* ~ *-нра* ~ *-нда*, **нег.** *-на*, **нан.**, **ульч.** *-(н)та*, **уд.** *-аһа* < **-наса*; **эвенк.**, **эвен.** *-мна* ~

² Подробнее см.: В. И. Цинциус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949, стр. 195—200.

-мра ~ -мда, нег. -мна, нан., ульч., орок. -мса, орок. -пса, уд. -маһа < *-маса.

В эту группу имен входят названия таких предметных представлений, как «мясо», «тело», «плоть», «хрящ», «сухожилие», «шкура», «скелет», «рыба», «уголь», («уголья»), «снег», «лист» («листва»), «мох», «лучина» и др.³ При этом большей частью у данных слов не только суффиксы стерты фонетически, но и их корневые морфемы пока с трудом поддаются выделению. Как правило, эти существительные сохранились во всех или почти во всех тунгусо-маньчжурских языках, но нередко обнаруживают филиацию в семантике.

Ярким примером семантической филиации в рамках «род — вид» служит выражение понятия «рыба» (вообще), которое, несмотря на бесспорное родство тунгусо-маньчжурских языков между собой, передается тремя различными словами с собирательными формативами только что указанного выше типа. При этом группировки языков образуются соответственно их историческим взаимосвязям, а также географическому распространению:

I. Северная (сибирская) подгруппа: **эвенк.** *олло*, **эвен.** *олра*, **нег.** *оло* 'рыба' (вообще)//**нан.**, **ульч.**, **орок.** *холто(н)*, **уд.** *олоһо* 'вареная рыба'.

II. Южная (амурская) подгруппа: **нан.** *согдата*, **ульч.** *сугдата*, **орок.** *сундатта*, **орок.** *сугзаса ~ сугзаһа*, **уд.** *сугзехӓ* 'рыба' (вообще)//**эвенк.** *сугзанна*, **сол.** *сугзанда*, **нег.** *согзана*, **эвен.** *һузанра* 'ленок', 'форель'.

III. Маньчжурский язык (собирательный суфф. -ха): *нимаха* 'рыба' (вообще)//**нан.** *нимо* 'ленок'.

Осветив с достаточной подробностью данные по именам собирательным тунгусо-маньчжурских языков, попытаемся обратиться к материалам монгольских и тюркских языков.

Уже самая первая семантическая параллель к тунгусо-маньчжурским собирательным именам со значением «рыба» дает возможность сделать предположение о том, что в монгольских и тюркских языках мы по существу имеем дело со сходными образованиями, ср.: **МОНГ.-П.** (письменный) *žigasun*, **МОНГ.** *загас(ан)*, **Бур.** *загаһа(н)* 'рыба' (вообще)⁴; **Тур.** *balik*, **Тат.** *балык*, **Як.** *балык* 'рыба' (вообще)⁵.

³ Ср. В. И. Цинциус, Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка, Л., 1947, стр. 75—76.

⁴ Монгольские данные по словарям: К. М. Черемисов и Г. Н. Румянцев, Монгольско-русский словарь (по современной прессе), Л., 1937, — «Монгольско-русский словарь», под общей ред. А. Лувсандэндэва, М., 1957; К. М. Черемисов, Бурят-монгольско-русский словарь, под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, М., 1951.

⁵ Тюркские примеры по словарям: Д. А. Магазаник, Турецко-русский словарь, М., 1945; «Татарско-русский словарь», М., 1966; Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, АН СССР, 1959.

В монгольском *žiga-sun* может быть выделен суффикс *-сун*. Собирательная семантика суффикса *-сун* подмечена Вл. Котвичем, который указал: «Слова с суффиксом *-sun ~ -sün* обозначают обычно растения, живые существа, живущие группами, предметы, состоящие из нескольких мелких частиц, жидкости и т. п.»⁶. Обычно же монголисты не отмечают этой функции суффикса *-сун*, усматривая в нем лишь общее значение предметности и иногда выделяя значение результативности действия и др. Так, например, Г. И. Рамstedт пишет: «Это очень популярное в монгольском языке окончание служит для подчеркивания конкретности слова; оно должно быть очень древнее, так как встречается во множестве наиболее употребительных имен»⁷. К. М. Черемисов в таблице суффиксов, образующих предметные и качественные имена, относительно суффикса *-ааһа(н)* сообщает, что он имеет значение дополнительного материала для совершения действия и результата действия⁸.

Что касается тюркского названия для рыбы, то, по аналогии с тунгусо-маньчжурскими и монгольским образцами, нам также представляется возможным выделить в нем корневую и суффиксальную морфемы, расчленив это слово следующим образом: *ба-лык*. О связи с суффиксом *-лык* идеи собирательности или множественности говорит, правда несколько общо, Вл. Котвич, когда он рассматривает имена с суффиксами, имеющими в своем составе звук «л» и выражающими «значение собирательности или множественности... Самым главным представителем является (тюрк.) *-liç* и его варианты (фонетические и семантические) в различных тюркских и алтайских языках»⁹. В специальных же тюркологических работах отмечается более узкая разновидность собирательного значения этого полисемантического суффикса. Так, например, для турецкого языка указывается: «Афф. *-lik* образует от имен существительных: 1. Имена существительные — имена места, обозначающие местность, изобилующую предметами природы, выраженными исходной основой: *çamlik* 'сосновый лес' (*çat* 'сосна')»¹⁰.

Вместе с тем в связи с интересующим нас вопросом об

⁶ В. Котвич, Исследование по алтайским языкам, пер. с польск., М., 1962, стр. 73.

⁷ Г. И. Рамstedт, Введение в алтайское языкознание. Морфология, пер. с нем., М., 1957, стр. 199.

⁸ К. М. Черемисов, Бурят-монгольско-русский словарь, стр. 812. Ср. также характеристику этого суффикса в «Грамматике бурятского языка», М., 1962, стр. 58—59.

⁹ В. Котвич, Исследование по алтайским языкам, стр. 60. См. также стр. 109—116.

¹⁰ А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, стр. 106, § 150.

именах собирательных в алтайских языках несомненный интерес представляет следующее высказывание: «Несмотря на большое разнообразие, значения аффикса *-лыг* можно свести к трем основным: 1) свойства-качества и состояния; 2) назначения и функции; 3) местности или места (среды), где имеется множество предметов природы или добытых человеком. Н. К. Дмитриев, коему принадлежит наиболее углубленная трактовка аффикса *-лыг*, выводил первое значение из третьего, и в результате в аффиксе *-лыг* он находил два исходных значения: концентрации (или объединения) (сначала конкретных, а потом и абстрактных) предметов и целевой направленности, из коих второе значение Н. К. Дмитриев считал более поздним.

Нельзя отрицать обоснованность приведенного взгляда на семантику аффикса *-лыг*, тем более в древних памятниках можно найти примеры, свидетельствующие о развитии в нем значения совокупности или объединения предметов (безотносительно к территории)¹¹,

Среди немногочисленных примеров, приведенных в качестве иллюстрации к высказанному заключению, обращает на себя внимание следующий:

др.-тюрк. *adγur-lyq* 'стадо жеребцов' от *adγur* 'жеребец' // **монг.-п.** *aduγūsun* 'скот', 'крупный рогатый скот' от *aduγūn* 'лошадь, табун'.

Правда, семантика монгольского образования с суффиксом *-сун* в слове *aduγū-sun* более обобщенная, чем в тюркском *adγur-lyq*, но все же оба значения довольно близки, тем более что западнобурятский в форме *ада-һа(н)* наряду со значением 'скот' имеет и семантику «табун», в частности в сочетании *азарга адаһа(н)* 'конский табун'.

Что касается структурных сопоставлений с тунгусо-маньчжурскими именами собирательными, то тюркские языки дают значительное число параллелей к тем из них, которые образуются при помощи суффикса *-г*, *-кә-г*, *-са-г*, т. е. с названиями совокупностей по общему местонахождению типа «сосняк», приведенного выше. Вместе с тем в монгольских языках в данном случае мы сталкиваемся с описательным способом передачи значения «сосняк», а именно с постановкой слова «сосна» в качестве определения перед существительным со значением «лес», «роща», что видно из следующих данных: **монг.-п.** *parasun oi*, **монг.** *нарс(ан) ой*, **бур.** *нарһа(н) ой*.

Впрочем, нельзя не обратить внимания на тот факт, что само слово *para-sun* в монгольском языке образовано при

¹¹ Э. В. Севортьян, Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, М., 1966, стр. 50—51.

помощи суффикса *-сун* и, таким образом, является именем собирательным, т. е. могло означать когда-то «сосняк». С другой стороны, в случаях, подобных приведенному, т. е. при названиях деревьев, кустарников и вообще растений, монгольский суффикс *-сун* может заключать несколько иную идею совокупности, сходную с тем, что несет в себе тунгусо-маньчжурский суффикс *-кта* (см. выше). Случай, сходный по своему содержанию с отношением между «сосна» и «сосняк», мы можем проследить и на другом примере — «ива» — «ивняк», ср.: **тур.** *söğüt-lük* 'ивняк' от *söğüt* 'ива'//**монг.-п.** *barḡasun* 'ива', 'тальник', **монг.** *бургаас(ан)* 'ива', 'ивняк', **бур.** *бурга-аһа(н)* 'прут'//**эвен.** *бургаг* 'топольник', 'заросли тополя', 'лес (лиственный) на берегу реки'.

Более отчетливо вырисовываются соответствия в семантике монгольского суффикса *-сун* другим тунгусо-маньчжурским собирательным подгруппам, что можно проиллюстрировать, ограничиваясь в целях наибольшей наглядности и простоты подачи материала лишь данными эвенкийского языка, с одной стороны, и монгольского письменного — с другой.

а. Имена собирательные архаические¹²

	ЭВЕНК.	МОНГ.-П.
«уголь(я)»	<i>ē-лла</i>	<i>negüre-sün</i>
«снег»	<i>има-нна</i>	<i>ča-sun</i>
«шкура»	<i>на-нна</i>	<i>ara-sun</i>
«кость»	<i>гира-мна</i>	<i>ja-sun</i>
«сухожилие»	<i>бу-ллэ</i>	<i>sirbū-sün</i>

б. Имена побочного результата действия

	ЭВЕНК.	МОНГ.-П.
«обрезки»	<i>гири-нтула</i>	<i>ögē-de-sün</i>
«щепка», «щепки»	<i>алда-са-мна</i>	<i>čabči-da-sun</i>
«пепел»	<i>хулэ-нтэн</i>	<i>üne-sün</i>

в. Имена собирательные — названия веществ (жидкости, сыпучие тела и т. п.)

	ЭВЕНК.	МОНГ.-П.
«кровь»	<i>сэ-ксэ</i>	<i>či-sun</i>
«слюна»	<i>дяли-кса</i>	<i>silü-sün</i>
«жир»	<i>иму-ксэ</i>	<i>to-sun</i>

¹² Название условное, см. выше.

Тунгусо-маньчжурские имена собирательные с фонеморфологической стороны представляют большее разнообразие, чем монгольские. Но и в монгольском помимо суффикса *-сун* (*-sun*) прослеживается еще один форматив явно собирательной семантики, а именно *-дун* (*-dun*). Очень часто монгольские существительные с суффиксом *-дун* соответствуют тунгусо-маньчжурским наименованиям с суффиксом *-кта*, *-ктэ*, ср. следующую группу примеров.

г. Имена собирательные — названия совокупностей мелких предметов

	ЭВЕНК.	МОНГ.-П.
«зуб», «зубы»	<i>й-ктэ</i>	<i>si-dūn</i>
«слеза»	<i>инаму-кта</i>	<i>nilba-sun</i>
«звезда»	<i>бсй-кта</i>	<i>o-dun</i>

Специального внимания заслуживают еще несколько единичных примеров.

Так, тунгусо-маньчжурскому *мō* 'дерево' в монгольском соответствует *то-дун* со значением не только 'дерево', но и 'лес'. Структурно монг.-п. *то-дун* напоминает эвенк. *мō-са* 'лес', т. е., по-видимому, является омертвелым образованием собирательного характера с суффиксом *-дун* (*-dun*).

Возникает также предположение о правомерности выделения собирательного форматива в монг.-п. *и-сун* 'вода', а также в маньчж. *му-кэ* (ср. маньчжурский собирательный суффикс *-ха*, *-хэ*).

Как мы видели выше, современные монгольские собирательные формативы *-сун*, *-дун* могут сопоставляться с тунгусо-маньчжурскими *-кса*, *-кта* и т. д. лишь в типологически-функциональном плане. Правда, в маньчжурском языке имеется довольно большое число слов с суффиксом *-сун*, но все они, по-видимому, являются заимствованиями из монгольского, например:

маньчж. *али-сун* 'трава, ростки (от осыпавшихся зерен при жниве)'//**бур.** *алир-ха(н)* 1) 'брусника'; 2) зап. 'отава', 'трава второго укуса', **монг.** *алирс(ан)* 'брусника', **монг.-п.** *alir-sun* 'брусника';

маньчж. *ам-сун* 'жертвоприношения' (яства и вино)//**бур.** *ам-ха(н)*—уст. название кушанья, приготовлявшегося из молока и зерен (а еще ранее — из семян и корней растений);

маньчж. *фур-сун* 'приплод'//**бур.** *урэ-хэ(н)* 'семя', 'семена'.

В других тунгусо-маньчжурских языках суффиксы *-дун* и *-сун* обнаруживаются (и вряд ли в порядке заимствований,

скорее как свидетельство очень древних, глубоких, общих с монгольскими языками пластов) в вопросительных местоимениях «сколько?», а именно в **эвенк.**, **эвен.** *а-дүй*, **нан.** *ха-ду* < *ка-дүй, которые употребляются, когда спрашивают о числе единично выраженных, считаемых предметов (например: сколько человек, белок, лодок), тогда как постановка местоимения **эвенк.**, **эвен.** *а-сун*, **нан.**, **ульч.** *ха-су(н)* < *ка-сун имеет в виду суммарное представление (много, мало) о массе вещества (например: сколько масла, муки, сахару). Тунгусо-маньчжурскому *ка-дүй полностью соответствует монг.-п. *kedüi*, *kedün*. При этом форма *kedün* употребляется в отношении непосредственно считаемых предметов (сколько человек, сколько месяцев), тогда как форма *kedüi* означает «в какой мере», «в какой степени» (какова высота, сколько времени продолжается).

Заслуживает внимания тесная связь имен собирательных с формами множественного числа. В тюркских языках значительную часть функций, свойственных именам собирательным, принимает на себя столь характерный для тюркских языков аффикс множественного числа *-лар*, ср., например, тур. *taşlar* 'каменья'¹³.

В тунгусо-маньчжурских языках многие из рассмотренных выше собирательных суффиксов имеют в своем составе суффиксы *-са*, *-сэ* или *-та*, *-тэ*, которые в маньчжурском языке являются показателями множественного числа в приведенной форме, в других же тунгусо-маньчжурских языках либо входят в состав усложненного суффикса множественного числа *-са-л*, *-сэ-л*, либо обнаруживаются в формате числительных разделительных с суффиксом *-та-л*, *-тэ-л*¹⁴.

Для монгольских языков характерны суффиксы множественного числа в форме *-с*, *-д*¹⁵, с которыми могут быть сопоставлены собирательные формативы *-сун*, *-дун*. В ряде случаев в монгольских языках имена собирательные с показателем *-сун* имеют как бы параллельную форму с суффиксом *-л*, который, по-видимому, тождествен продуктивному суффиксу множественного числа тунгусо-маньчжурских языков *-л*, например: **монг.-п.** *suda-l*, *suda-sun* 'кровеносный сосуд (кровеносные сосуды)', **монг.** *судал*, *судас(ан)*, **бур.** *худал*, *худаһа(н)*.

¹³ А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, § 87.

¹⁴ В. И. Цинциус, Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках, стр. 96, 114—115.

¹⁵ Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, I, М., 1953, стр. 128—129.

Большой интерес представляют также непродуктивные аффиксы множественного числа тюркских языков. Так, в некоторых названиях парных частей тела в турецком языке выявлен аффикс *-k*¹⁶, например: **тур.** *kula-k* 'ухо', 'уши'//**эвенк.** вост. *кори-кта* 'ухо'; **тур.** *biu-k* 'усы'//**эвенк.** *гурга-кта* 'усы', 'борода'.

В связи же с турецким непродуктивным аффиксом множественного числа *-z*, который также встречается в названиях некоторых парных частей тела, нельзя не обратить внимания на структуру слова «глаз», «глаза», которая в алтайских языках характеризуется наличием собирательно-множественного показателя, ср.: **эвенк.**, **нег.** *ē-ca*, **маньчж.** *йа-са*, **эвен.** *йа-сал*, **нан.** *на-сал*//**монг.-п.** *ni-dün*//**тур.** *gö-z*.

В качестве второй группы примеров типологического сходства лексических образований в алтайских языках можно указать на весьма типичные для этих языков отыменные образования со значением обладания и необладания каким-либо предметом или вещественным признаком. Эти весьма продуктивные производные лексемы стоят на грани слово- и формообразования, с одной стороны, и на грани словосочетаний (аналитических форм) и аффиксальных образований (синтетических форм), — с другой. При этом разнообразие форм — от аналитических до синтетических — свойственно формам необладания, ср.: **эвенк.** *мури-чй*, *мури-лкан* 'конный', *мурина ачин* 'безлошадный'; **монг.-п.** *mori-tu*, *mori-toi* 'конный', *morin ügei* 'безлошадный'; **бур.** *мори-то*, *мори-той* 'конный', *мори-гуй* 'безлошадный'; **як.** *ат-тах* 'конный', *ата суох* 'безлошадный'; **тур.** *at-li* 'конный', *at-siz* 'безлошадный'.

Также следующий пример: **эвенк.** *амта-чй*, *амта-лкан* 'вкусный', *амтайа ачин* 'невкусный'; **монг.-п.** *amta-tu*, *am-tatai* 'вкусный', *amta ügei* 'невкусный'; **бур.** *амта-май* 'вкусный', *амта-гуй* 'невкусный'; **як.** *амтан-нах* 'вкусный', *амтана суох* 'невкусный'; **тур.** *tat-li* 'вкусный', *tat-siz* 'невкусный'.

Само собой разумеется, было бы ошибочным думать, что словообразовательные или формообразующие модели, свойственные тому или иному ареалу, не имеют каких-либо исключений. Отклонения наблюдаются даже в пределах близкородственных языков и в диахроническом плане внутри одного языка, на разных этапах его исторического развития. Так, например, в большей части тунгусо-маньчжурских языков понятие «слеза», «слезы» выражается словом с собирательным суффиксом, чему находим соответствие и в монгольских язы-

¹⁶ А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, § 94, стр. 71.

ках, ср.: эвенк. *инаму-кта*; нан. *нимо-кта*//монг.-п. *nīlbi-sin*; бур. *нѣлбоһо(н)*.

Но маньчжурский язык, так же как и тюркские, представлен моделью сложного слова по типу «глаз+вода», ср.: маньчж. *йаса мукэ*, *йаса й мукэ*, букв. 'глаз(ная) вода', 'глаза вода', также *йаса силэңги*, букв. 'глаз(ная) роса'//тур. *gözyaşı*; як. *харах ута*.

Выявление и изучение словообразовательных моделей в языках различной типологии, как родственных между собой, так и не состоящих в генетическом родстве, установление структурных типов в различных областях лексического запаса языков открывает широкие перспективы для таких отделов науки о языке, как язык и мышление, историческое развитие языковых категорий, этимология, языковые контакты, заимствования, кальки.

О ХАРАКТЕРЕ ДЕККАНО-УРАЛЬСКИХ АНАЛОГИЙ

В настоящее время принято считать, что дравидийские народы не являются аборигенами Индии и пришли в эту страну откуда-то извне. В связи с этим историки и лингвисты принимают усилия, для того чтобы установить древние этнические и лингвистические связи, быть может, даже родство дравидийских народов и языков с другими народами и языками. Так, уже были высказаны гипотезы о каких-то связях протодравидийской Индии с самыми различными народами и языками, в том числе с индоевропейскими¹, шумерским², корейским³, африканскими⁴, древними средиземноморскими⁵, алтайскими⁶ и, наконец, уральскими⁷.

¹ S. Gnana Prakasar, Linguistic Evidences for the Common Origin of the Dravidians and Indo-Europeans, — TC, 2, 1953; R. Swaminatha Aiyar, The Aryan Affinities of Dravidian Pronouns, — OC, 1924.

² A. Sathasivam, Sumerian — a Dravidian Language, Berkeley, 1965 (mimeographed); R. S. Vaidyanatha Aiyar, The Sumero-Dravidian and Hittite-Aryan Origins, — QJMS, 19, 1919.

³ H. B. Hulbert, A Comparative Grammar of the Korean Language and the Dravidian Family of Languages, Seoul, 1906.

⁴ L. Homurger, L'Inde et l'Égypte, — JA, 243, 1955; ее же, Les dravidiens et l'Afrique, — ICL, 1958; ее же, Le telougou (dravidien) et les dialectes mandès d'Afrique occidentale, — JSA, 21, 1951; T. Mayer, Dravidische Nominalsuffixe und ihre afrikanischen Parallelen, — BA, 1, 1924; E. Tuttle, Dravidian and Nubian, — JAOS, 52, 1932.

⁵ G. Brown, The Possibility of Connection Between Mitanni and the Dravidian Languages, — JAOS, 50, 1930; S. K. Chatterji, Languages and Linguistic Problem, Calcutta, 1945; S. K. Chatterji, Dravidian, Annamalaiagar, 1965; S. Konow, Etruscan and Dravidian — JRAS, 1904; N. Lachovary, Aperçus nouveaux sur des rapports insoupçonnés du basque et des langues dravidiennes, — BRABL, 21, 1948; его же, Parenté linguistique du basque et du dravidien, — RIO, 3, 1951; его же, Concordances toponymiques et du vocabulaire des régions alpines, pyrénéennes et montagneuses avec l'Inde dravidienne, — CISO, 1961; его же, Correspondances dans les noms de lieux et les suffixes locatifs entre basque et dravidien, — ССРПН, 1962; его же, Dravidian Origins and the West, Bombay, 1963.

⁶ P. Meile, Observation sur quelques caractères communs des langues dravidiennes et des langues altaïques, — АСЮ, 1948. См. также ниже исследование о деккано-урало-алтайских связях.

⁷ M. Andronov, New Evidence of Possible Linguistic Ties between the Deccan and the Urals, — SPV, 1961; М. С. Андронов, Дравидийские языки, М., 1965; J. Bloch, Le dravidien, — LM, 1952; T. Burrow, Dravidian Studies IV (The Body in Dravidian and Uralian), — BSOAS, 12, 1947; F. O. Schrader, Drawidisch und Uralisch, — ZII, 3, 1925; F. O. Schra-

Среди всех этих гипотез наибольшего внимания заслуживает опирающаяся на значительный лингвистический материал гипотеза о каких-то доисторических связях или даже об отдаленном родстве дравидийских языков с языками уральскими.

Первоначальное выражение эта теория получила в «Сравнительной грамматике дравидийских языков» Р. Колдуэлла, первое издание которой появилось в 1856 г. Отмечая некоторые лексические совпадения (всего 86 параллелей) в обеих группах языков, он рассматривал их как свидетельство родства этих языков между собой в рамках большой лингвистической общности, охватывавшей помимо дравидийских и угро-финских языков языки самодийские, тюркские, монгольские и некоторые другие.

В последующие годы теория эта не была ни подтверждена достаточным количеством фактов, ни достаточно убедительно опровергнута. Поскольку опиралась она преимущественно на лексические соответствия, возможности для ее интерпретации оказались весьма широкими. Так, большое распространение получила в свое время точка зрения Ф. О. Шрадера, считавшего, что имеющиеся факты свидетельствуют лишь о том, что «между дравидийской семьей, с одной стороны, и уральской, т. е. финно-угро-самоедской — с другой, существует историческая взаимосвязь, которую следует объяснять не столько их родством, сколько доисторическим соседством и весьма тесными односторонними или взаимными влияниями»⁸. Диаметрально противоположную точку зрения мы находим у Т. Барроу, который пытается обосновать тесную генетическую связь дравидийских и уральских языков на основании сопоставления названий частей тела в этих языках. Подробно разработав семьдесят два этимологических гнезда, он отмечает, что «было бы невозможно установить между любыми двумя языками такое количество детализированных параллелей, как между дравидийскими и уральскими языками, не дав оснований считать эти языки родственными друг другу»⁹.

Параллели эти, действительно, выглядят весьма убедительно. Но как бы велико ни было их число, установление их вряд ли может привести к окончательному решению проблемы, если не будет найдено такое же количество общих черт в

der, On the «Uralian» Element in the Drāṅḍa and Muṅḍā Languages. — BSOAS, 8, 1936; A. F. Th y a g a r a j u, Glossarial Affinities between Dravidian and Uralian, — QJMS, 21, 1930; С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; E. Tuttle, Finnic and Dravidian, New Haven, [s. a.]; K. Bouda, Drawidisch und Uralaltaisch, — L, 5, 1956; R. Caldwell, A Comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian Family of Languages, London, 1913; C. Schoebel, Affinités des langues dravidiennes et des langues ouralo-altaïques, — CIO, 2, 1873.

⁸ F. O. Schrader, Drawidisch und Uralisch, стр. 83.

⁹ T. Burrow, Dravidian Studies IV, стр. 330.

морфологии этих языков, где словообразовательные и в особенности словоизменительные элементы почти исключают возможность заимствования. В этой связи внимание лингвистов не могут не привлечь некоторые формальные совпадения в морфологии дравидийских и уральских языков, совпадения, которые, быть может, не являются случайными¹⁰.

Показатели прошедшего времени. Сравнительный материал, извлеченный из различных дравидийских языков, показывает, что для выражения прошедшего времени в них обычно служат три суффикса: **-i-*, **-s-* и **-t-*. «Для протодравидийского языка, — отмечает в этой связи М. Б. Эмено, — необходимо идентифицировать несколько показателей прошедшего времени... Суффиксы эти — *-i-*, дентальный взрывной с несколькими фонологически обусловленными алломорфами и сибилант или *-c-*»¹¹. Показатели эти встречаются не только в личных формах, но и в формах деепричастия и причастия.

Суффикс прошедшего времени *-i-* хорошо сохранился в дравидийских языках южной группы; ср., например, личные формы *pâRinên* 'я пел' в тамильском, *pâRi* 'пел' в малаялам, *bâriye* 'я упал' в тулу; деепричастия *mâRi* 'сделав' в каннада, *kani* 'увидев' в телугу, основы прошедшего времени *tap-i-* 'избегать' в кодагу, *tap-y-* 'ошибаться' в ката, *kub-y-* 'кричать' в тода и т. п. В измененной или реликтовой форме суффикс **-i-* прослеживается и за пределами южной группы (иногда в сочетании с какими-либо другими показателями прошедшего времени); ср., например: *vâsitônâ* 'я пришел', *guhçî* 'схватив' в гонди; *veni* 'услыхав' в парджи; *pati* 'схватив' в гадаба, а также в основах прошедшего времени *ân-y-* 'говорить' в курух; *bâr-i-s-* 'сушить' в брагуи.

Суффикс прошедшего времени *-s-* (часто в измененной под действием ассимиляции или каких-либо других факторов форме), напротив, наилучшим образом прослеживается за пределами южной группы, т. е. в языках северной и центральной групп; ср., например: *bar-/ban-* 'приходить' — *bass* 'пришел' в брагуи; *barcas* 'он пришел' в курух; *vânksî* 'сказав', *guhçî* 'схватив', *tinjî* 'съев' в гонди; *tossa* 'показав', *veca* 'побив', *venja* 'услыхав', *Dikha* 'сломал' в куви; *darc* 'схватив' в малто и т. п.

Суффикс прошедшего времени **-t-* хорошо представлен в языках южной и центральной групп; ср.: *pâRittên* 'я (про)читал' в тамильском, *ceydu* '(с)делал' в малаялам; *kâte* 'я охранял' в кодагу; *malTe* 'я (с)делал' в тулу; *sitan* 'я да(вал)' в колами; *kaktan* 'я (с)делал' в найки; *kuttet* 'он (раз)резал'

¹⁰ См. также М. Андронов, *New Evidence of Possible Linguistic Ties between the Deccan and the Urals*, стр. 137—140.

¹¹ М. В. Ементау, *Toda — a Dravidian language*, — TPS, 1957, стр. 35.

в парджи; *vātān* 'я пришел' в гонди; *kita* 'я делал' в конда; *vāte* 'я пришел' в куи; *hītesī* 'он да(ва)л' в куви.

На современном этапе изучения дравидийских языков трудно еще прийти к какому-либо определенному заключению относительно семантических и хронологических взаимоотношений этих суффиксов в протодравидийскую эпоху. По-видимому, суффикс **-i-*, прослеживающийся в языках всех групп, был наиболее распространенным и наиболее архаичным. Суффиксы **-s-* и **-t-*, по всей видимости, разграничивались, по крайней мере на позднем этапе протодравидийского единства, в диалектном отношении, причем суффикс **-s-* был представлен в диалекте, послужившем предком современных языков северной группы, тогда как **-t-* — в диалекте, послужившем предком языков южной группы. Анализ употребления суффиксов **-s-* и **-t-* в языках центральной группы, где наиболее употребителен суффикс **-t-*, а суффикс **-s-* обычно носит реликтовый характер и часто уже не связан непосредственно со значением прошедшего времени, дает основания полагать, что из этих двух суффиксов **-s-*, по-видимому, более архаичен, в то время как суффикс **-t-*, не встречающийся в языках северной группы, развился уже после распада протодравидийского единства и отделения северной группы¹². Косвенным свидетельством в пользу такого заключения может служить факультативное употребление суффикса **-i-* (в долгой форме *-īi-*) вместо обычного **-t-* в некоторых неличных формах тамильского глагола на древнейшем этапе развития этого языка (ср. *koLiī* 'взяв' вместо *koNDu* из *koL- + -t- + -u-*; *koLiīya* 'взявший', 'взятый' вместо *koNDa* и т. п.), а также нередкое опущение этого суффикса в некоторых глагольных формах в тех языках, где этот суффикс выступает в сочетании с реликтовым суффиксом прошедшего времени *-i-*, который в этом случае, как правило, сохраняется; ср.: *māRidenu* 'я (с)делал', *māRida* '(с)делавший', но *māRi* 'сделав' в каннада, *cēsītini* 'я (с)делал', но *cēsi* 'сделав' в телугу и т. п.

Если теперь обратиться к материалу уральских языков, то окажется, что среди различных показателей прошедшего времени в этих языках выделяются лишь два наиболее древних суффикса, которые определенно могут быть отнесены к эпохе общеуральского единства. Это суффиксы **-i-* и **-s-*.

Суффикс **-i-* хорошо сохранился в большинстве финно-угорских языков и, по-видимому, не встречается сейчас только в обско-угорских и самодийских языках; ср., например: *otīn* 'я брал', *otit* 'ты брал' в финском; *tulin* 'я пришел' *tulid* 'ты пришел' в эстонском; *sanoin* 'я говорил', *sanoit* 'ты говорил'

¹² Подробнее о процессе распада протодравидийского единства см. М. Андронов, *Lexicostatistic Analysis of the Chronology of Disintegration of Proto-Dravidian*, — ИИ, 7, 1963, № 2—3.

в карельском; *toin'* 'я пришел', *toid'* 'ты пришел' в вепсском; *kuoin* 'я ткал', *kuoiD* 'ты ткал' в ижорском; *tein* 'я делал', *teiD* 'ты делал' в водском; *l'iije* 'я был', *l'iijeX* 'ты был' в саамском; *молинь* 'шел', *молить* 'ты шел', *кундынь* 'я ловил', *кундыть* 'ты ловил' в эрзя-мордовском; *ужым* 'я видел', *ужыч* 'ты видел' в лугово-восточном марийском, *лыдым* 'я читал', *лыдыч* 'ты читал' в горномарийском; *учки* 'я смотрел', *учкид* 'ты смотрел', *учкиз* 'он смотрел' в удмуртском; *гижи* 'я писал', *гижин* 'ты писал', *гижис* 'он писал' в коми-зырянском; *муні* 'я шел', *мунін* 'ты шел', *муніс* 'он шел' в коми-пермяцком¹³.

Суффикс прошедшего времени *-s- составляет специфику ненецкого и селькупского языков самодийской ветви, а также хантыйского и мансийского в обско-угорской группе финно-угорских языков; ср., например: *манзарасадм'* 'я работал', *манзарасан* 'ты работал' в ненецком; *тисак* 'я сел в лодку', *тисанты* 'ты сел в лодку' в селькупском; *версым* 'я сделал', *версын* 'ты сделал' в хантыйском; *тэсум* 'я ел', *тэсын* 'ты ел', *поргысум* 'я скакал', *поргысын* 'ты скакал' в мансийском. В марийских языках суффикс *-s- (в форме -ш-) сосуществует с суффиксом *-i- и представлен в одном из типов спряжения; ср., например: *возышым* 'я писал', *возышыч* 'ты писал', *возыш* 'он писал' в лугово-восточном марийском; *сырышым* 'я писал', *сырышыч* 'ты писал', *сырыш* 'он писал' в горномарийском. В реликтовой форме суффикс прошедшего времени *-s- прослеживается также в прошедшем времени отрицательного глагола в мордовских языках, а также в ливском и в диалектах эстонского; ср., например: *эзинь моле* 'я не ходил', *эзить моле* 'ты не ходил' (где -з- из *-s-) в эрзянском, *ma iz_lu'G* 'я не читал', *sa ist_lu'G* 'ты не читал', *ta iz_lu'G* 'он не читал' в ливском (где -z- из *-s-), *esin tule* 'я не пришел', *esit tule* 'ты не пришел' в диалектах эстонского¹⁴.

Третий суффикс прошедшего времени -t- относительно новый по происхождению и представлен лишь в венгерском языке (ср.: *kértem* 'я просил', *küldtem* 'я послал' и т. п.). Его возводят к показателю причастия -(t)t (ср.: *érett* 'понятый', *mosott* 'мытый'), происхождение которого, однако, остается неясным, так как в уральских языках «реконструкция древнейшей системы причастий связана с большими трудностями»¹⁵.

¹³ См. «Языки народов СССР», т. III, М., 1966; Д. В. Бубрих, Историческая морфология финского языка, М.—Л., 1955, стр. 180 (примечания В. И. Лыткина). Как отмечает В. И. Лыткин, древний суффикс *-i- иногда прослеживается и в венгерском, например, в *adék* (из древнего *adik*) 'я дал'.

¹⁴ См. «Языки народов СССР», т. III; Б. А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М., 1964, стр. 105—107.

¹⁵ Б. А. Серебренников, Основные линии развития..., стр. 167.

Последнее обстоятельство практически исключает возможность сопоставления этого суффикса с дравидийским суффиксом **-t-* на данном этапе исследования. Интересно отметить все же, что в дравидийских языках этот суффикс, по-видимому, также более позднего происхождения, чем суффиксы **-i-* и **-s-*, а личные формы глагола, в которых он встречается, также, по всей вероятности, причастного происхождения¹⁶.

Показатели будущего (настоящего-будущего) времени. Вопрос о первоначальном количестве времен непрошедшего плана в дравидийских языках на данном этапе их изучения еще не получил окончательного ответа. В девяти из этих языков — тамильском, малаялам, современном литературном каннада, кодагу, тулу, парджи, гонди, курух и малто — проводится формальное разграничение между настоящим временем и будущим. В остальных десяти — кота, тода, телугу, колами, найки, гадаба, конда, куи, куви и брагуи — значение настоящего и будущего выражается одной общей формой времени. Такое нерасчлененное настоящее-будущее время было также в древнем каннада, а сейчас отмечено в его народно-разговорной форме. В языке тулу наряду с формами настоящего и будущего времени имеется особая форма настоящего-будущего с дополнительным видовым значением многократности действия. Кроме того, в языке найки наряду с формой настоящего-будущего времени различается особая форма будущего, а в языках колами, гадаба и конда — особая форма настоящего длительного времени. Особая форма настоящего длительного времени (наряду с формами настоящего и будущего) выделяется также и в языке курух.

Очевидно, что настоящее длительное время в колами, гадаба, конда и курух, а также настоящее-будущее многократное в тулу не принадлежат к наиболее древним временным формам дравидийского глагола. Об этом свидетельствует сравнительная сложность большинства показателей этих форм, как правило включающих в свой состав показатели других времен (ср., например: *-ind-*, *-und-* в гадаба; *-sin-*, *-jin-*, *-zin-* в конда; *-’âl(d)-* в курух при *-d-*, *-ø-* в настоящем-будущем в гадаба и *-n-* в конда и при *-d-*, *-’-*, *-ø-* в настоящем времени и *-’-* в будущем в курух). К тому же синтетический способ выражения видового значения также не характерен для дравидийского глагола. Что же касается языка найки, то его показатели будущего времени (*-at-*, *-d-*, *-ø-*) обнаруживают явное сходство с показателями настоящего-будущего времени в колами (*-at-*, *-ø-*) и гадаба (*-d-*, *-ø-*), а показатель настоящего-будущего *-ent-* — с показателями настоящего длительного в гадаба (*-ind-*, *-und-*). Наконец, в тулу настоящее-бу-

¹⁶ См. М. С. Андронов, Дравидийские языки, стр. 69—70.

дущее многократное на *-êv-*, несомненно, сравнительно позднего происхождения и возникло на базе либо настоящего, либо будущего времени.

Рассмотрение материала языков южной группы убеждает в том, что противопоставление настоящего времени будущему произошло в них сравнительно недавно: тамильский суффикс настоящего времени *-indr-* восходит к самостоятельному глаголу¹⁷, то же касается показателей настоящего времени в каннада и малаялам¹⁸. Показатели настоящего времени в кодагу (*-v-*, *-p-*) и тулу (*-uv-*, *-p-*) весьма сходны с показателями будущего времени (соответственно *-v-*, *-p-*, *-ø-* и *-(u)v-*, *-umb-*, *-ø-*); также совпадают они в малто (*-ø-*) и частично в курух (*'-*). Наконец, параллели суффиксу настоящего времени в древнем тамильском (*-t-*), гонди (*-t-*) и курух (*-d-*, *-ø-*) находятся в формах настоящего-будущего времени в телугу и в языках центральной группы.

Из четырех наиболее общих суффиксов настоящего (настоящего-будущего) времени в дравидийских языках — *-ø-*, *-k-*, *-t-*, *-v-* (с их фонетическими вариантами) — последний ограничен языками южной группы и, по-видимому, появился уже после отделения от нее подгруппы андхра, так как не встречается в языке телугу. Развитие этого суффикса было, по всей видимости, связано с омертвлением суффикса *-k-*, превратившегося в этих языках в суффикс основы, что, в частности, видно из факультативного присоединения суффикса *-v-* (в древнем тамильском) к суффиксу *-k-* (ср., например: *arrixên*, *arrivên* или *arrixuvên* 'я узнаю' при *-x-* из *-k-*). Настоящее время на *-tt-* в каннада и настоящее-будущее на *-t-* в телугу также недавнего происхождения: здесь этот суффикс исторически является показателем деепричастия и (по крайней мере в каннада) восходит в конечном счете к показателю глагольного имени, лишённого временной характеристики¹⁹. Даже если суффикс *-t-*, встречающийся лишь в формах 1-го и 2-го лица в некоторых древних текстах на тамильском языке, а также в его южном диалекте²⁰, и связан каким-то образом с суффиксом *-t-* центральной группы²¹, последний, видимо, также развился относительно поздно; во всяком случае его отсутствие в брагуи и малто показывает, что его появление произошло в тот период, когда дезинте-

¹⁷ М. Андронов, Hints Regarding the Origin of the Present Tense Suffix *kinr* in Tamil, — ТС, 9, 1961, № 2.

¹⁸ М. С. Андронов, Дравидийские языки, стр. 78—79.

¹⁹ Там же, стр. 90—91.

²⁰ М. С. Андронов, Грамматика тамильского языка, М., 1966, стр. 111; М. С. Андронов, Разговорный тамильский язык и его диалекты, М., 1962, стр. 31.

²¹ Против этого говорит отсутствие этого суффикса или его рефлексов в остальных языках южной группы.

грация протодравидийского единства шла уже полным ходом.

Таким образом, наиболее общих показателей настоящего (настоящего-будущего) времени в дравидийских языках лишь два — *-ø- и *-k-. Оба они могут быть отнесены к эпохе общедравидийского единства.

Первый из них представлен почти во всех дравидийских языках — в тамильском (как древнем, так и современном), малаялам, ката, тода, кодагу, тулу, колами, найки, парджи, гадаба, гонди, куи, куви, курух, малто, брагуи и отсутствует только в трех из них — каннада, телугу и конда. Ср., например: *var-um* 'придет' в тамильском и малаялам; *mâlR-u* 'сделает' в кодагу; *sî-an* 'дает, даст' в колами; *paŷt-ad* 'разделит' в парджи; *pâu-i'l* 'я ударяю' в куви; *band-in* 'я ташу' в малто и т. п.

Второй сохраняется в гонди и курух, а также прослеживается в реликтовой форме в составе основ во многих языках. Ср., например: *guhkâ* 'я схвачу', *guhki* 'ты схватишь', *guhkôm* 'мы схватим', *guhkiT* 'вы схватите' в гонди; *es'on* 'я сломаю', *es'om* 'мы ломаем' в курух; *koRukku* 'даст' в тамильском и малаялам; *takên* 'я дам' в ката; *paŷukten* 'я разделяю' в парджи (сев. диал.) и т. п.

В уральских языках в отношении времен непрощедшего плана наблюдается аналогичная картина: в финно-угорских языках, за исключением пермских, имеется одно общее настоящее-будущее время, в пермских языках два времени — настоящее и будущее, в самодийских — также по два времени, из которых одно неопределенное (типа аориста), а другое будущее. Общеуральских показателей здесь также два — *-ø- и *-k-²².

Первый из них можно наблюдать в таких формах, как *tulen* 'я прихожу' в финском и эстонском; *šanon* 'я говорю' в карельском; *ton* 'я бегу' в вепсском; *kuon* 'я тку' в ижорском; *jôn* 'я пью' в водском; *k'aza(m)* 'я тяну' в саамском; *кундан* 'я ловлю' в эрзя-мордовском; *суван* 'я войду' в мокша-мордовском; *ужам* 'я вижу' в лугово-восточном марийском; *льдам* 'я читаю' в горномарийском; *vârok* 'я жду' в венгерском; *манзарадм* 'я работаю' в ненецком; *чюёщак* 'я стреляю' в селькупском; *дирёж* 'я живу' в энецком²³.

Суффикс *-k- сохранился в меньшей степени и в большинстве случаев прослеживается лишь в реликтовой форме. Ср., например: *тэгум* 'я ем' в мансийском; *манзараңгудм* 'я буду работать' в ненецком; *тиңак* 'я сажусь в лодку' в селькупском; *им лэы'ык* 'меня нет' (при *лэы-* 'быть') в саамском; *эзинь рамак* 'я не покупаю' (при *рама-* 'покупать') в мордов-

²² Б. А. Серебряников, Основные линии развития, стр. 86.

²³ «Языки народов СССР», т. III; И. Балашша, Венгерский язык, М., 1951, стр. 257.

ском; *ак лыд* 'он не читает' в горномарийском; *уг ужало* 'он не видит' в удмуртском; *ог гиж* 'я не пишу' в коми-зырянском, *ог мун* 'я не иду' в коми-пермяцком, *annamme* 'мы даем' из *annakme, *annatte* 'вы даете' из *annakte в финском²⁴.

Для дальнейшего исследования вопроса здесь интересно, может быть, отметить, что южнодравидийский суффикс настоящего-будущего времени *-v-*, восходящий к показателю причастия²⁵, имеет устойчивые параллели в угро-финских языках²⁶, также восходящие к причастной форме, а центрально-дравидийский суффикс *-t-* следует, возможно, сопоставить с аналогичным суффиксом в самодийских языках и хантыйском.

Показатели множественного числа. Наиболее общим для всех дравидийских языков показателем множественного числа является суффикс *-k*. Этот суффикс употребляется в брагуи (ср. *urâ* 'дом'—*urâk* 'дома'), гонди (ср. *mars* 'топор'—*marsk* 'топоры') и — в сочетании с каким-либо гласным — в найки (*tal* 'голова'—*talku* 'головы'), куи (*koru* 'буйвол'—*korka* 'буйволы') и куви (*aya* 'женщина'—*ayaska* 'женщины'). К этому же показателю восходят показатели множественного числа в кодагу (*aNNU* 'старший брат'—*aNNanga* 'старшие братья'), в диалектах тамильского (*poNNU* 'женщина'—*poNNunga*, *poNNuxa* 'женщины') и в некоторых других.

Тот же *-k* составляет первый элемент показателя множественного числа в южной группе дравидийских языков: *-kaL* в тамильском и малаялам, *-gaL(u)* в каннада, *-kuLu* в тулу, *-kivi* в телугу, а также показателей *-kul*, *-gul*, *-kil*, *-gil* в колами, парджи и гадаба. Элемент *l/l* в этих суффиксах может сам по себе служить показателем множественного числа в этих языках; ср.: *kayel* 'рыбы' в колами; *kanl* 'глаза' в найки; *sikkel* 'звезды' в парджи; *kil* 'руки' в гадаба; *pâTalu* 'песни' в телугу; *mêjiLu* 'столы' в тулу; *manushyâL* 'люди' в одном из диалектов тамильского языка.

По общему признанию, в уральских языках также одним из наиболее древних и самых общих показателей множественного числа служит суффикс *-k*. Ср., например: *ló* 'лошадь'—*lovak* 'лошади', *kéz* 'рука'—*kezek* 'руки' в венгерском; *mi* 'что'—*mêgG* (мн. ч.) в саамском; *кундынъ* 'я ловил'—*кун-*

²⁴ «Языки народов СССР», т. III; Д. В. Бубрих, Историческая морфология финского языка, стр. 179—180 (прим. В. И. Лыткина); Б. А. Себреников, Основные линии развития..., стр. 85.

²⁵ М. Андронов, On the Future Tense Base in Tamil,—ТС, 8, 1959, № 3.

²⁶ Его «закономерные фонетические соответствия употребляются за пределами прибалтийско-финских языков в качестве признака презенса в большинстве финно-угорских языков» (Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка, I, М., 1953, стр. 227).

дынек 'мы ловили' в эрзя-мордовском; *те* (из *tek) 'мы', *talotte* (из *talonmek) 'наши дома' (от *talo* 'дом') в финском; *мы* 'олень' — *мы*'' 'олени' в ненецком; *динты* 'лук' — *динды*'' 'луки' в нганасанском; *адэ* 'нельма' — *адэ*'' 'нельмы' в энецком и т. п. В пермских языках этот *-k* отпал в конце слов, как в *мыномы* 'мы пойдем' из *мвнвм8к, *мыноды* 'вы пойдете' из *мвнв8дк в удмуртском; *мунамö* 'мы пойдем', *мунатö* 'вы пойдете' в коми-пермяцком. В южных диалектах эстонского языка этот суффикс встречается в виде гортанного взрывного²⁷. Что же касается суффикса множественного числа *-l-* (аналогичного *-l/-L-* в южной группе дравидийских языков), то он отмечен в восточных диалектах финского языка (ср. *titöllä* 'у девушки' — *tyttölöillä* 'у девушек'), в карельском (*mualoida*, парт. мн. ч. от *tuua* 'земля'), в ижорском (*kattoloin*, ген. мн. ч. от *katto* 'крыша'), марийском (*олык* 'луг' — *олыкла* 'луга') и в селькупском (*ынты* 'лук' — *ынтыльмы* 'луки')²⁸.

Еще одним древним показателем множественного числа в уральских языках служит суффикс *-t-*, отмечаемый (иногда только в форме именительного падежа) во многих прибалтийских, волжских, обско-угорских и самодийских языках; ср., например: *luu* 'кость' — *luut* 'кости' в финском; *kala* 'рыба' — *kalad* 'рыбы' в эстонском; *hammas* 'зуб' — *hambahat* 'зубы' в карельском; *k'irvez* 'топор' — *k'irvehed* 'топоры' в вепском; *katto* 'крыша' — *kaDoD* 'крыши' в ижорском; *katto* 'крыша' — *katod* 'крыши' в водском; *jälga* 'нога' — *jälgaD* 'ноги' в ливском; *кудо* 'дом' в эрзя-мордовском; *вумы* 'олень' — *вумэт* 'олени' в хантыйском; *йив* 'дерево' — *йивым* 'деревья' в мансийском; *канак* 'собака' — *канат* 'собаки' в селькупском²⁹. В дравидийских языках этот показатель прослеживается в составе сложных суффиксов множественного числа в ряде языков центральной группы, как, например, в *vâr* 'корень' — *vârtil* 'корни' в парджи; *kanîr* 'слеза' — *kanîrtîl* 'слезы' в гадаба; а также в *kekol* 'ухо' — *kekocil* 'уши' в парджи; *gar* 'градина' — *garsil* 'градины', *lagam* 'вожжа' — *lagamsil* 'вожжи' в колами и т. п.³⁰.

²⁷ «Языки народов СССР», т. III; Д. В. Бубрих, Историческая морфология финского языка, стр. 176; И. Балашша, Венгерский язык, стр. 279; Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка, стр. 81—82.

²⁸ «Языки народов СССР», т. III; Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка, стр. 299.

²⁹ «Языки народов СССР», т. III; Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка, стр. 81.

³⁰ Суффикс *-til* состоит из двух суффиксов: *-t-* и *-il*, каждый из которых выражает множественное число (аналогично суффиксам *-ka!*, *-ku!*, *-kil* из *-k*, и *-a!*, *-u!*, *-il*). В суффиксах *-cil*, *-sil* переход **-t-* в *-c/-s-* объясняется обычной палатализацией в положении перед *i* и спирантизацией (М. С. Андронов, Дравидийские языки, стр. 49—52).

Падежные суффиксы. Рассмотрение общедравидийской падежной системы обычно наталкивается на значительные трудности. Легкость, с которой тот или иной язык обращает самостоятельные слова, послелого и частицы в падежные суффиксы, изменяя их при этом до неузнаваемости (ср., например, суффикс отложительного падежа *-lêndu* < *lêrndu* < *-lê* + *irundu* < *-il* + *ê* + *irundu* в современном народно-разговорном тамильском, суффикс винительного падежа *-a/-â* < *-an(n)u* < *-am* или инструментально-отложительного *-i* < *-inda* < *-indam* < *-im* в каннада), чрезвычайно затрудняет реконструкцию таких показателей в бесписьменных языках, не имеющих истории. К тому же, во многих языках существительные в форме именительного падежа часто выступают то в объектном, то в адъективном, то в адвербиальном значении, как бы демонстрируя факультативность формального выражения падежных значений для их системы. Понятно, что говорить в обобщенном плане о вероятном числе или значении падежей в период общедравидийского единства на данном этапе изучения не представляется возможным. Однако некоторые предварительные наблюдения убеждают все же в том, что число падежей в общедравидийскую эпоху было явно больше единицы.

Так, легко реконструируется общедравидийский суффикс дательного падежа **-k*, сохранившийся почти в неизменном виде (ср.: *-ku* в тамильском и малаялам, *-k* в ката, *-k/-g* в тода, *-kô/-gö* в кодагу, *-ke/-ge* в каннада, *-ku/-gu* в тулу, *-ku/-ki* в телугу, *-(u)g/-(u)n* в парджи, *-ki* в куи и куви, *-gê* в курух, *-(i)k* в малто и *-ki* в брагуи). Суффикс родительного падежа **-in* сохранился несколько хуже (ср.: *-in* в тамильском и малаялам, *-n* в ката и тода, *-n(e)* в найки, *-i(n)* в парджи, *-(i)n/-ne* в гадаба, *-(n)â* в брагуи), что, возможно, связано как с утратой его рефлексов в отдельных языках, так и с продолжающимся употреблением именительного падежа в значении родительного; к тому же, в некоторых языках появились свои особые показатели этого падежа (например, *-a/-â* в каннада, гонди и др.). Наконец, четвертый падеж, который, несомненно, оформился еще в эпоху общедравидийского единства, был винительный на **-am*. Рефлексы этого суффикса, терявшего то свой гласный элемент, то согласный, прослеживаются в большинстве дравидийских языков (ср.: *-am/-âm/-an(n)u/-a/-â* в каннада, *-eu* в древнем тамильском, *-e* в современном тамильском, малаялам и брагуи, *-a* в кодагу, *-n* в ката, *-ni* в тулу, *-ni/-ni* в телугу, *-(u)n* в колами и найки, *-(i)n* в парджи и гадаба, *-in* в гонди, *-an/-in* в курух, *-i(n)* в малто).

В сравнительной грамматике уральских языков вопрос о номенклатуре и формальных показателях общеуральских падежей также относится к числу наиболее запутанных. Здесь остается еще немало нерешенных проблем, но успехи, до-

стигнутые в этой области за последние годы, позволяют думать, что и в протоуральском языке, по всей вероятности, в числе наиболее древних падежей различались помимо именительного такие падежи, как латив (уральский аналог дравидийского датива) на *-k, родительный на *-ñ и винительный на *-m³¹.

Возможно, что отмеченные выше совпадения чисто случайны. Но, как отмечает А. Мейе, «чем своеобразнее явления, совпадающие в двух языках, тем более доказательно само совпадение»³². Если двойные и тройные совпадения в морфологии дравидийских и уральских языков, отмеченные нами, не являются случайными — а у нас, по всей видимости, есть веские основания так думать, — они должны, видимо, свидетельствовать о наличии каких-то отдаленных родственных связей между обеими языковыми семьями, так как одновременное заимствование двух или трех словоизменительных суффиксов в каждом случае маловероятно. Вместе с тем у нас нет оснований переоценивать значение этих аналогий и думать, что с течением времени число их может возрасти до такой степени, что дравидийские и уральские языки будут объединены в рамках одной языковой семьи: явная несхожесть личных местоимений и числительных (среди последних лишь дравидийское *nāl- 'четыре', 'несколько' обнаруживает случайное сходство с угро-финским), принципиальное различие личных показателей в глаголе и многие другие весьма существенные отличия обеих групп языков друг от друга исключают, как нам кажется, возможность плодотворных поисков убедительного истолкования отмеченных выше параллелей на этом пути.

По-видимому, было бы правильнее полагать, что в данном случае мы имеем дело с отношениями, гораздо более древними, чем те, которые обычно понимаются под отношениями родства внутри одной языковой семьи, и в корне отличными от них по своему характеру. Здесь прежде всего следует иметь в виду, что «родство внутри одной семьи не является изначальным и вечным, а носит исторический характер — оно складывается постепенно и также постепенно может ослабевать и исчезать»³³. Как известно, число родственных элементов, связывающих один язык или группу языков

---

³¹ B. Collinder, *Comparative Grammar of the Uralic Languages*, Uppsala, 1960, стр. 282 и сл.; E. Itkonen, *Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache*, — UAJ, 34, 1962, № 3—4, стр. 201; Б. А. Серебрянников, *Основные линии развития...*, стр. 5—9, 19—23.

³² А. Мейе, *Сравнительный метод в историческом языкознании*, М., 1954, стр. 29.

³³ М. С. Андронов, *О типологическом сходстве новоиндийских и дравидийских языков*, — ЛТВЯ, М., 1965, стр. 131.

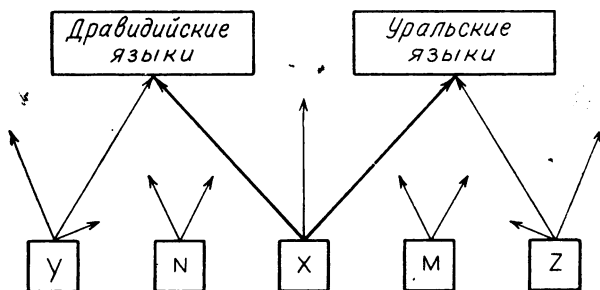
с целой семьей языков, не остается постоянным и может изменяться, например сокращаться, постепенно достигая той грани, за которой такое родство становится весьма дальним или даже перестает ощущаться вообще. Напротив, в группе неродственных языков могут появляться элементы, первоначально им чуждые. Если число таких элементов, ставших теперь общими для всех языков этой группы, постепенно все более увеличивается, то, достигнув известной количественной грани, эти элементы начинают преобладать в этих языках и определять их родственные связи⁶⁴.

Эти две противоположные тенденции лежат в основе возникновения и распада языковых общностей (семей). Есть все основания полагать, что процесс передачи подобных элементов из языковых общностей предшествующей эпохи в языковые общности последующей эпохи является разнонаправленным, т. е. идет таким образом, что один и тот же элемент может быть усвоен различными языковыми общностями.

Очевидно, что нечто подобное имело место в предыстории дравидийских и уральских языков. Отдаленные деккано-уральские связи, не являющиеся родственными в обычном понимании, суть не более чем след какой-то их доисторической общности, след той эпохи, когда не было ни дравидийских, ни финно-угорских, ни самодийских языков, как таковых, но были какие-то другие языковые общности, в результате эволюции, диффузии и переразложения которых возникли известные нам языковые семьи.

Другими словами, рассмотренные здесь факты убеждают в том, что помимо обычных генетических связей языков внутри одной семьи и различных заимствований из одних языков в другие существует еще один тип отношений между языками и языковыми общностями. Заключается он в использовании вновь складывающимися языковыми общностями в качестве строительного материала языковой материи исторически предшествующих им различных неродственных языков и языковых групп. При этом возможны случаи частичного использования разными языковыми семьями (в нашем случае — дравидийской и уральской) одного и того же исходного строительного материала. В результате этого в ряде неродственных языков могут наблюдаться общие черты, сходные как формально, так и функционально, появление которых не связано, однако, ни с отношениями родства, ни с взаимными заимствованиями, ни со случайными совпадениями (см. схему).

⁶⁴ Подробнее см. там же, стр. 122—131, а также М. Андронов, On the Typological Similarity of New Indo-Aryan and Dravidian, — IL, 25.

Дальнейшее изучение этого вопроса, увлекающее исследователя в предысторию известных сейчас языков и имеющее первостепенное значение для выяснения того, как складываются, развиваются и распадаются языковые общности (семьи), должно показать, ограничены ли связи этого типа рамками деккано-уральского ареала или они носят гораздо более универсальный характер и лежат в основе также деккано-алтайских, урало-индоевропейских, урало-алтайских, семито-индоевропейских и некоторых других аналогий.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ЛТВЯ — «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1965
 АСИО — «Actes du XXIIe congrès international des orientalistes», Paris, 1948
 BA — «Bibliotheca Africana»
 BRABL — «Boletin de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona»
 BSOAS — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», London
 СССРН — «Communications to the Congress of Pre- & Proto-history», Rome, 1962
 СЮ — «Congrès international des orientalistes», Paris, 1873
 СИСО — «VII congresso internazionale di scienze onomastiche», Firenze, 1963
 ИСЛ — «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists», Oslo, 1958
 ИИ — «Indo-Iranian Journal», The Hague
 ИЛ — «Indian Linguistics», Poona
 ЯА — «Journal Asiatique», Paris
 ЯОС — «Journal of the American Oriental Society», New Haven
 ЯРАС — «Journal of the Royal Asiatic Society», London
 ЯСА — «Journal de la Société des Africanistes»
 Л — «Lingua», Amsterdam
 ЛМ — «Les langues du monde», Paris, 1952
 ОС — «Proceedings of the All-India Oriental Conference»
 ҚЖМС — «Quarterly Journal of the Mythic Society», Bangalore
 РЮ — «Revue internationale d'onomastique»
 СПВ — «Dr. R. P. Sethu Pillai Silver Jubilee Commemoration Volume», University of Madras, Madras, 1961
 ТС — «Tamil Culture», Madras
 ТПС — «Transactions of the Philological Society», London
 УАЯ — «Uralo-Altische Jahrbücher», Wiesbaden
 ЗИ — «Zeitschrift für Indologie und Iranistik», Leipzig

САНСКРИТСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ СОВРЕМЕННОГО ХИНДИ

1.0. Прежде чем определить понятие «санскритские универсалии» вообще и «санскритские универсалии» современного хинди в частности, необходимо определить категорию «новосанскритизмы», или «новосанскритская лексика», в частности новосанскритские форманты¹, образующие и выделяющие эту категорию в общей системе лексики, заимствованной из санскрита, с одной стороны, и созданной на базе санскрита — с другой. Более того, необходимо предварительно определить содержание понятия «санскрит» в его широком и узком лингвистическом отношении. Термины «санскрит», «санскритская лексика», «санскритские элементы» в нашем применении носят условный характер.

Санскрит рассматривается в синхронном аспекте как общая система, единый лексико-грамматический комплекс и источник лексического заимствования литературных новоиндийских языков, в данном случае — языка хинди. Санскритская лексика рассматривается как часть словарного состава, созданная путем заимствования из санскрита (так называемые первичные санскритизмы, или собственно санскритская, старая лексика) и путем словообразования на базе санскритских заимствований (так называемые вторичные санскритизмы, или новая санскритская лексика). Обе эти противопоставляемые лексические категории (старосанскритская — новосанскритская лексика) никак не различаются в индийской грамматической традиции: термин «татсама» равнозначен понятию «санскритская лексика» в целом.

В соответствии с таким разделением термин «санскритские элементы» включает понятие о старых, заимствованных

---

¹ Термин «формант» равнозначен термину «словообразующая морфема» (в широком смысле), т. е. к «формантам» причисляются все префиксы, суффиксы, слова-суффиксы и слова-префиксы, явление перегласовки и структурно-семантического преобразования слов в основы при словосложении и словопроизводстве типа «новосанскритского» *mahā-vāriḥya-dūt* 'генеральный консул' (*mahā* — *mahān* — *mahat* 'великий') или собственно хинди *ghur-sāl* 'конюшня' от *ghorā* 'конь'.

вместе со словами санскритских словообразующих морфемах и новых, появившихся в процессе развития санскритской лексики в литературных новоиндийских языках. Итак, в этой иерархии терминов основное, исходное положение занимает само понятие «санскрит»: санскрит как источник санскритской лексики, санскритская лексика — как компонент словарного состава, санскритские форманты — как структура словарного состава. Компонент и структура вместе противопоставлены в плане пассивной (заимствованной) и активной (выработанной) функций: пассивный компонент — старосанскритская лексика, активный — новосанскритская, пассивная структура — старосанскритские форманты, активная — новосанскритские. Такое противопоставление (выделение и классификация) санскритской лексики и ее формантов становится возможным лишь благодаря комплексному рассмотрению санскрита как одной, хотя и разноструктурной, системы: в диахроническом аспекте существует несколько грамматических, шире — типологических, систем санскрита, т. е. не один, а несколько «санскритов».

Санскритская лексика как часть новой системы, т. е. лексико-грамматической системы современных новоиндийских языков, в частности современного литературного языка хинди, весьма четко отражает три общелингвистических, универсальных фактора функционирования языковых систем: унаследование (в том числе активное, т. е. воссоздание) структурно-семантических типов или моделей, заимствование (в том числе активное, т. е. ассимиляция) моделей и развитие (т. е. создание новых моделей).

В таком утилитарном «преломлении» санскрит выступает как необходимый элемент новой лексики вообще и новой терминологии — в особенности. Отсюда возникает и решается практически проблема модернизации санскритской лексики. Именно современное использование санскритской лексики делает ее наиболее подвижной, в структурном отношении наиболее «чувствительной» к разного рода семантическим преобразованиям и новшествам. Поэтому санскритская лексика в целом — это наиболее современная часть словаря современных литературных новоиндийских языков. Через новосанскритскую лексику возникают универсалии в области семантических связей — единство или общность содержания (семантики) и выражения (структуры).

Здесь мы подходим к определению основного объекта нашей статьи — понятие санскритских универсалий языка хинди, и это определение явится, по-видимому, одной из наиболее конкретных и вместе с тем широких трактовок языковых универсалий в частности и универсализма языка вообще.

1.1. Под универсалией понимается любая языковая аналогия, проводимая не в пределах одной системы, а между системами. Дихотомия в пределах одной системы не есть универсалия. Универсалии — это типологические черты, прослеживаемые между системами или отдельными элементами разных систем, безотносительно к тому, носят ли они материальный или структурный характер (генеалогическая или структурно-типологическая общность, элементы совпадения на различных уровнях, процессы типологического сближения и, наоборот, расхождения).

Универсалии чаще носят спонтанный характер, но могут и эпизодически проявляться в различных системах. Универсалии реализуются синхронно и диахронически. Так, общность элементов языковых систем одного хронологического периода — такая же универсалия, как и общность процессов развития систем в тот или иной промежуток времени («диахронические» и «синхронические» универсалии). Например, превращение слов в суффиксы, наблюдаемое в истории различных языков, и употребление слов в функции суффиксов в ряде современных языков (ср. англ. *full-ful* и хинди *pūrṇā* 'полный' или англ. *less* и хинди *hin* 'лишенный', 'без' и т. п.) — явления, объединяемые общим понятием универсалий языков. Но для обнаружения элементов универсализма важна не столько аналогия формы (структуры), сколько аналогия содержания (семантики). В данном случае мы остановимся лишь на лексико-семантическом и лексико-грамматическом аспектах универсалий. Следовательно, речь будет идти только о словообразовательной общности.

Универсалии как реальный (материальный) элемент структуры противопоставимы универсалиям потенциального характера, т. е. общим тенденциям, заложенным в разных системах: универсалиям как элементам проявления языкового ритма. Так, например, слова-суффиксы (реальные элементы, общие по своей семантике в различных языках) выражают различные стадии процесса грамматикализации постпозиционно употребляемых слов — от отдельных случаев до общей тенденции развития грамматического строя в целом.

«Универсализм», «вездесущность» не является характерным признаком универсалий, более характерен универсализм частных. Каждый язык содержит элементы общих и частных универсалий. Это предпосылка выделения самой категории универсалий, которые могут определяться дедуктивно, исходя из принципа реализации в языке наиболее общих логико-грамматических категорий, и, что более важно для выявления языковых универсалий, индуктивным путем сопоставления разрозненных элементов или сторон семантической, словообразовательной и грамматической общности.

Не только сходство, но и само различие языков, если только такое определяется типологически, является признаком универсализма расхождений на различных уровнях от наиболее общих до отдельных, частных. Поэтому общую классификацию универсалий возможно строить не на одних признаках схождения, но и на признаках расхождения: универсалии расхождений (общих, «абстрактных» и частных, «конкретных») в системе языков реализуются в той же «материальной» форме, что и универсалии схождения.

Так, например, отсутствие в грамматическом строе современных индо-арийских языков глагольной префиксации, отличающее эти языки от других индоевропейских языков, вместе с тем сближает их в данной области со многими индоевропейскими языками, поскольку индо-арийские языки вырабатывают аналогичную систему сложных глаголов, компенсирующую утраченную префиксацию. Таким образом, расхождение в одной области дает базу для схождения в другой и, следовательно, оба этих отдельных, казалось бы разрозненных, процесса имеют внутрисистемную связь, являясь универсалией распределения грамматических элементов в системе языка.

Выше говорилось, что универсалии могут быть обусловлены влиянием, контактом и возникать независимо. Другими словами, на появление универсалий действуют факторы межсистемные (межъязыковые) и внутрисистемные (внутриязыковые), вызванные фактором преобразования и развития данной системы. Поэтому универсалии могут быть соответственно определены как контактирующие и неконтактирующие. К последним относятся универсалии как элемент проявления универсализма языковых систем (например, либо сложные глаголы — либо глагольная префиксация, либо преимущественно препозиционное — либо постпозиционное распределение служебных слов и т. п.).

Помимо этого, исходя из определения универсалии, следует выделить этимологические универсалии, явившиеся следствием материального (генеалогического) родства групп и семей языков.

Следует также иметь в виду, что и «потенциальные универсалии» (общие тенденции) могут быть обусловлены различными факторами: фактором общего, «внутреннего» развития данной системы, фактором контакта, влияния разных систем и фактором генеалогической общности разных систем.

1.3. Возвратимся к частному вопросу словообразовательных санскритских универсалий современного литературного хинди. Под санскритскими универсалиями здесь имеются в виду те общие элементы словарной структуры и ее семантики, которые проявляются преимущественно в сфере новой лексики, особенно в сфере новой и новейшей терминологии современного

литературного хинди. Поскольку выделение структурно-семантических (словообразовательных) универсалий происходит в основном индуктивным путем, синхронный анализ санскритских универсалий практически сводится к выделению общности, совпадения структуры международной терминологии, построенной преимущественно на латинско-греческой базе, и соответствующей ей новой и новейшей терминологии современного литературного хинди (равно как и других новоиндоарийских языков), построенной на базе санскрита.

Индуктивно обобщаются отдельные случаи калькирования санскритскими средствами международной терминологии и новообразования по аналогии, типизация которых дает материал для выделения контактирующих универсалий. Калькирование, воссоздание структуры, может быть полным и частичным, более или менее приближенным по смыслу или по форме. Структурно-семантическая общность поэтому проявляется соответственно как универсалии комплекса (лексем или морфем) и универсалии элементов.

Ср. полное воссоздание структуры интернациональной терминологии: единство понятия — общность его выражения (структуры) на базе материального различия. Например: *демилит-ар-изация* — *nis-sainik-ī-karaṇ*; *модерн-изация* — *ādhunik-ī-karaṇ*; *интернационализм* — *antar-rāṣṭr-īyā-tā (vād)*; *нео-колониализм* — *navā-urāniveś-vād*; *термо-ядерный* — *tāpā-nābhik-īyā*; *астро-навтика* — *tārā-nāvik-ī* и т. д.

Ср. частичное воссоздание термина *радио-активность* — *reḍiyo-sakriyā-tā* («гибрид»); *микро-биология* — *jīv-ānu-śāstrā* (нарушен порядок компонентов); *гуманизм* — *mānav-tā-vād* (усложнение структуры); *геолог* — *bhū-garbhā-śāstr-ī* (усложнение структуры).

1.4. Однако какую бы значительную, даже определяющую роль ни играл фактор прямого влияния — калькирования в возникновении контактирующих санскритских универсалий, последние в своей основе выражают самостоятельные, независимые тенденции развития словообразовательной системы в целом — процессы преобразования структуры слова в этой системе.

К этим процессам развития лексики литературного хинди относятся:

1) развитие слов в суффиксы (постпозиционная грамматикализация, формализация компонентов словосложений);

2) сращение суффиксов и слов-суффиксов (стирание семантической специфики отдельных формантов в комплексе. Слияние двух или нескольких конкретных значений в одно общее).

Эти процессы, наиболее активные в санскритской лексике хинди, как и другие более общие грамматические процессы диахронического развития индо-арийских языков (стирание и отмирание префиксации, формирование системы сложных гла-

голов и т. п.), являются реализацией общей тенденции постпозиционного развития элементов структуры от конкретного к абстрактному.

Так, около двадцати санскритских слов в новообразованиях хинди играют роль суффиксов. Сюда относятся: *-ātmak*, *-ālay*, *-karaṇ*, *-kār*, *-kārī*, *-kartā*, *-gaṇ*, *-gat*, *-janak*, *-tantrā*, *-pūrṇā*, *-pūrvak*, *-vaś*, *-vād*, *-vādī*, *-śil*, *-śālī*, *-śūnyā*, *-hīn*.

Если же рассматривать этот процесс шире, на различных стадиях утраты конкретной значимости, то количество санскритских слов, приобретающих в конце словосложений более или менее обобщенный, формализованный характер, намного увеличится. В целом насчитывается свыше 150 санскритских слов, употребляемых на различном уровне формализации от самостоятельно значимых «обобщающих слов» — конечных компонентов словосложений до суффиксов. Подобная картина, хотя и не в таких масштабах, наблюдается при использовании слов и основ латинского и греческого языков в создании научной терминологии. Ср.: «греч.» *анархия* (*anarchia*) — *a-rājak-tā*; «греч.-лат.» *анархизм* — *a-rājak-tā-vād*; *анархист[ский]* — *a-rājak-tā-vād-ī* или новый термин «лат.» *сюрреализм* (англ. *sur-realism*) — *ati-yathārthā-vād* и т. д.

Универсальный характер терминологической формализации выражается в общем снижении уровня конкретной значимости отдельных элементов структуры, преимущественно — у конечных (замыкающих) постпозиционных элементов, при общем усложнении структуры новообразований, увеличении количества элементов структуры, или формантов. Ср.: *анархист-ский* — *a-rājak-tā-vād-ī* или *нейтралист-ский* — *taṭṭā-sthā-tā-vād-ī* вместо *taṭṭā-sthā* 'нейтральный', *интернационалист-ский* — *antar-rāṣṭr-īyā-tā-vād-ī* вместо *antar-rāṣṭr-īyā* 'интернациональный', *авантюрист-[уче]ский* — *dus-sāhas-ik-tā-vād-ī* вместо *dus-sāhas-ik* 'авантюрный', *модернистский* — *ādhunik-tā-vād-ī* и т. п.

Благодаря такому «терминотворческому универсализму» в литературном хинди постоянно существует тенденция адекватного выражения международных терминов санскритскими средствами. Так возникают многие дублиеты — неологизмы, например, калька *bhautik-ī* 'физика', хотя в языке общеупотребительно «первоначальное» новообразование *bhautik-śāstrā*, калька *tārā-nāvik-ī* 'астронавтика' вместо закрепившегося *antarikṣā-vijñān* 'космонавтика' (букв. 'наука о космосе'), *tārā-nāvik* — калька *astro-naut* 'астронавт' вместо более употребительного *antarikṣā-yātrī* 'космонавт' (букв. 'путешествующий по космосу') и т. п.

Наряду с санскритскими формантами (словами-суффиксами), адекватными латинским и греческим формантам общей терминологии, возникают санскритские специфические форманты

терминов различных отраслей наук, адекватные латинско-греческим формантам соответственно общей и специальной терминологии².

Использование санскритских слов в функции суффиксов в литературном хинди, в какой бы степени оно ни стимулировалось фактором калькирования терминологии английского языка («латино-греческой» в своей основе, международной, общеевропейской), — лишь часть, особое по форме (материалу) проявление общего процесса перехода слов в суффиксы, распространившегося на все слои лексики. Например, собственно хинди *log* 'люди' — показатель множественного числа или падежа *-śāhi* — суффикс абстрактных имен обычно с отрицательным оттенком (ср. русск. *-изм* и *-щина*). Более того, процесс перехода слов в суффиксы прослеживается в самом широком плане — диахроническом, как элемент перехода одной системы в другую, а не только как элемент преобразования — развития одной системы. Ср. скр. *kāraḥ*, *kāri* 'делатель' — х. суфф. — *-ār*, *-āri*; скр. *pālakaḥ* 'охраняющий' — х. суфф. *-vālā* (со значительным расширением и смещением функций); скр. *svaṛṇa-kāraḥ* — пр. *sonna-āro* — х. *sunār* 'ювелир' (синхронно — х. *sunār* — *sonā* 'золото'); скр. *lauha-kāraḥ* — пр. *loha-āro* — х. *luhār* 'кузнец' (х. *luhār* — *lohā* 'железо').

Принципиально то же самое явление наблюдается в рамках современного литературного хинди, и в данном случае универсалия диахроническая (слово > суффикс) совпадает с универсалией синхронного плана (слово-суффикс). В системе современного хинди производное *sunār*, происходящее от словосложения *svaṛṇā* — *kāraḥ*, адекватно своему прототипу в его современном употреблении в литературном языке³. Ср. аналогичные: *sāhityā-kār* 'литератор', *itihās-kār* 'историк' или однотипные х.-скр. *saṅgaṭhan-kartā* 'организатор' (букв. 'делатель организации'), *hastākṣar-kartā* 'автор подписи', 'подписавшийся', 'гибридные', англ.-скр. *apil-kartā* 'апеллянт', англ.-скр. *jamā-kartā* 'вкладчик' (в банке) и т. п.

Помимо противопоставления синхронические — диахронические универсалии возможно выделить универсалии в противопоставлении: книжно-литературные и народно-разговорные (диалектальные), если, конечно, рассматривать литературный

² Лучшей иллюстрацией здесь может послужить известный словарь Рагху Виры (Dr. Raghū Vira, A Comprehensive English-Hindi Dictionary of Governmental and Educational Words and Phrases, Nagpur, 1955), который в основном создан искусственно на санскритской базе, в большинстве случаев путем воплощения в санскритскую форму общих принципов международной терминологии английского языка.

³ Данное совпадение синхронического и диахронического противопоставлений: слово > слово-суффикс, или скр. *svaṛṇakāraḥ* > х.-скр. *svaṛṇā-kār*, обусловлено самими элементами диахронии в синхронной системе литературного хинди, где наряду с «тадбхава» употребляются их санскритские прототипы, с одной стороны, и новосанскритизмы нового типа — с другой.

хинди и диалекты языка хинди как различные лексико-грамматические системы. Соотношение типологически общих литературных и диалектальных форм, а также шире — универсалий определенного ареала и генеалогической общности, — это такое же проявление лингвистического универсализма, как и однотипность структур новообразований, построенных на латинско-греческой и санскритской базе. Следует при этом иметь в виду, что универсалии проявляются как на уровне лексем, так и морфем.

Таким образом, синхронные универсалии могут явиться результатом универсалий диахронических, поскольку вообще синхронная типология не исключает типологии диахронической, а является частью общей типологии языка, рассматривающей синхронические и диахронические элементы в комплексе как взаимозависимые и потому совместимые факторы функционирования системы.

Синхронные универсалии противопоставимы по их статике (выявление типологической общности и ее структурно-семантический анализ) и динамике (выявление тенденций развития этой общности и анализ отдельных конкретных элементов этого развития). Статическая универсалия не всегда проявляется как элемент развития системы. С другой стороны, динамическая универсалия, например тот или иной новый продуктивный тип словообразования, статически может быть выражена слабо, например, может распространиться ввиду новизны лишь на несколько слов-неологизмов. Как видим, противопоставление статических и динамических универсалий основано на различии в аспектах проявления — что берется за главный критерий: реальная широта распространения или потенциальные возможности развития, которые можно определить на основании анализа характера неологизмов. Например, динамические универсалии особенно характерны для сферы новой терминологии.

2.0. Анализ новосанскритской лексики и определение санскритских универсалий в целом связаны с практической задачей создания, выработки и упорядочения в системе словообразовательных норм «общеиндийской» (т. е. единой для всех современных языков Индии, базирующихся на санскрите) новой терминологии, интернациональной по содержанию, национальной по форме.

Поэтому формирование новых санскритских универсалий прежде всего происходит в терминологических сферах лексики современного литературного хинди.

В пределах каждой из «терминологических подсистем» новосанскритской системы словообразования проявляются особенности, вызванные двумя основными факторами: новизной самих процессов, носящих характер терминотворчества, и

подвижностью санскритских элементов. Продуктивность и разнообразие формантов, способных выразить различные оттенки одного и того же понятия (детализация структуры и семантики), наконец, синонимичность формантов — все это создает развитие вариантности и дублирования выражения новых и старых понятий, в том числе и в сфере терминологии. Ср. употребление слов-основ *janā, lokā, gaṇā* с общим значением 'народ' и формантов *tantrā* 'система', *sattā* 'власть' и *vād* '-изм' для выражения значения «демократия» или формантов *tantrīyā, tantrātmak, sattātmak, tantrāvādī* для выражения значения «демократический».

Безусловно, варианты и дублирование связаны с неформальностью системы новосанскритского словообразования в целом и ее терминологической части в особенности, неустоявшимся характером новой терминологии, однако в их основе лежат более общие закономерности развития и формирования лексики литературного языка.

Другой особенностью новосанскритизмов является совмещенность абстрактного, особенно терминологического, и конкретного содержания в пределах одной структуры, иными словами — мотивированность выражения не только общих, но и специальных понятий. Такая двуаспектность новосанскритизмов отражает совмещение факторов синхронии и диахронии в семантике структуры и функции слова.

Таковы некоторые особенности — аномалии санскритских универсалий хинди.

Формирование новосанскритской лексики связано с реализацией общих тенденций в продуктивных типах структуры, таких, как постпозиционное распределение формантов, слово-суффиксация, исчезновение перегласовок и других агглютинативно-аналитических тенденций. Отклонения от норм системы санскрита, точнее предшествующих санскритских систем, отражают, как правило, закономерность, а следовательно и норму современного литературного хинди и обнаруживают в сфере терминологии общие закономерности развития интернациональной терминологии, адекватность, однотипность структурных преобразований на различной этимологической основе.

3.0. Задачи изучения санскритских универсалий на нынешнем, начальном этапе практически сводятся к предварительному изучению и систематизации ассимилированных новоиндийскими литературными языками санскритских ресурсов, создающих новосанскритскую лексику (новую как в отношении структуры, так и семантики), в первую очередь — изучению структуры тех слов, которые выражают новые понятия.

Еще далеко не определен сам инвентарь санскритских формантов (не говоря уже о его систематизации: классификации по уровням продуктивности, спецификации по сферам

употребления), не определены наиболее типичные и четкие параллели между санскритскими формантами, с одной стороны, и их «латино-греческими» международными эквивалентами — с другой (суффиксами, префиксами, словами-суффиксами, словами-префиксами, сложносоставными комплексами суффиксального или префиксального характера).

Детальная каталогизация санскритских формантов с учетом различия сфер их употребления в литературном письменном языке, их терминологическая и словообразовательная спецификация являются необходимыми предпосылками обнаружения и интерпретации универсальных норм выражения новых понятий вообще и терминотворчества в частности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В ОБЛАСТИ ФОНОЛОГИИ, МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА

На конференции по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков, состоявшейся 28—30 ноября 1966 г. в Москве, в докладах В. А. Терентьева «Об одновременном существовании фонем [f], [θ], [x] в одном языке», И. Ф. Вардуля «Ярусы языковой системы и универсалии», Ю. Я. Глазова «К морфологическим универсалиям», Б. А. Успенского «Некоторые гипотетические универсалии из области грамматики», «Изафет и связанные с ним универсалии», А. А. Москалева «Некоторые общие черты тоновых систем синитических языков», В. П. Недялкова «Об ареальных универсалиях (на материале каузативных глаголов)», в выступлении Ю. В. Рождественского были предложены новые универсалии в языке и речи. Ниже эти универсалии предлагаются в форме, которую мы заимствовали из книги Б. А. Успенского «Структурная типология языков» (Москва, 1965).

Квантор	Условие действия универсалии	Лингвистические явления	Автор
V		или синтаксема $\geq$ слог, но между глоссемой и морфемой, с одной стороны, и слогом, с другой стороны, такое отношение отсутствует	И. Ф. Вардуль
		или между синтаксемой, глоссемой и морфемой, с одной стороны, и слогом, с другой стороны, отношение $\geq$ отсутствует	»

Таблица 2

МОРФОЛОГИЯ

Квантор	Условие действия универсалии	Лингвистические явления	Автор
V	Е некорневые морфемы	У такие некорневые морфемы имеют более ограниченный инвентарь фонем, чем корневые морфемы, и У средняя протяженность некорневых морфем не больше протяженности корневых морфем	Ю. Я. Глазков
V		У свободная корневая морфема (в отличие от некорневой) выражена более чем одной согласной фонемой	»
V	Е фонематическое чередование в корневых морфемах	Е фонематическое чередование в некорневых морфемах	»

Квантор	Условие действия универсалии	Лингвистические явления	Автор
V		У корневая морфема не может быть выражена ни нулем, ни минусом	Ю. Я. Глазов
d	Э редупликация (полная или частичная) как продуктивный грамматический способ слово- или формообразования	Э изменение количества или степени в числе значений, выражаемых способом редупликации (искл. — тибетский язык)	Б. А. Успенский
V	Э регулярное противопоставление по числу у существительного	У такое противопоставление имеется у местоимения	»
d	Э обязательное противопоставление по роду (именным классам) у существительного	У такое противопоставление имеется у местоимений (искл. — некоторые дагестанские языки)	»
V	Э несупплетивное образование формы множественного числа у местоимений	Э совпадение показателей множественного числа у местоимений и существительных	»
V	Э специальное различие по одушевленности или личности в системе имени и Э регулярный синкретизм	Э связь между выражением неодушевленности (неличности) и синкретизмом форм	»
V	Э специальный средний (неодушевленный, неличный) род и Э противопоставление по некоторой грамматической категории в парадигме среднего (неодушевленного, неличного) рода	У такое противопоставление имеется в парадигме несреднего (неодушевленного, неличного) рода	»
V	Э различие глагольных форм по роду в первом лице и Э различие глагольных форм по роду во 2-м лице	Э различие глагольных форм по роду в 3-м лице	»

Квантор	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Автор
∀	∃ противопоставление по некоторому грамматическому признаку (категории) в формах какого-либо изъявительного наклонения	∪ такое противопоставление имеется и в формах изъявительного наклонения	Б. А. Успенский
∀	∃ повелительное наклонение и ∃ различие по виду (способу) действия в изъявительном наклонении	∪ такое различие по виду (способу) действия имеется в повелительном наклонении	»
∀	∃ значение уменьшения количества или степени в числе значений, выражаемых способом редупликации	∃ значение увеличения количества или степени в числе значений, выражаемых способом редупликации	»
∀	∃ некоторое грамматическое противопоставление в формах тройственного числа	∪ такое противопоставление имеется и в формах двойственного числа	»
∀	∃ некоторое грамматическое противопоставление в формах двойственного числа	∪ такое грамматическое противопоставление имеется в формах множественного числа	»
∀	∃ регулярное противопоставление по числу в формах прилагательного	∪ такое противопоставление имеется в формах существительного	»
∀	∃ некоторое падежное противопоставление в парадигме прилагательного	∪ такое падежное противопоставление имеется в парадигме существительного	»
∀	∃ совпадение одной из форм повелительного наклонения с чистым (неоформленным) корнем	∃ значение 2-го лица единственного числа в числе значений этой формы	»
∀	∃ нулевое выражение формы какого-либо лица в изъявительном наклонении	∃ значение 3-го или 1-го лица единственного числа в числе значений нулевого показателя	»

Квантор	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Автор
У	∃ имена, которые оформляются специальным показателем посессивной флексии	У такие имена не сочетаются с притяжательными местоимениями	Б. А. Успенский
У	∃ множественное число у имен	∃ единственное число у имен, которое может называть неопределенную совокупность предметов	Ю. В. Рождественский
d	∃ родительный падеж у имени	∃ прямой и косвенный падежи у имени	»
d	∃ дательный падеж и (или) ∃ местный падеж у имени	∃ винительный падеж и (или) ∃ исходный падеж у имени	»
d	∃ винительный падеж у имени	∃ именительный падеж и (или) ∃ исходный падеж у имени	»
d	∃ эргативный падеж у имени	∃ именительный падеж у имени	»
У	∃ счетный суффикс у числительных, связанных с именем своим значением, причем такой, что обладает специфицирующим значением	∃ аналогичный счетный суффикс с более широким значением, включающим в себя значение суффикса со специфицирующим значением	»
d	∃ род и (или) ∃ число и (или) ∃ падеж у прилагательного	∃ соответствующие категории у имени	»
d		∃ каузативные морфемы только (или также) для преобразования непереходных глаголов в переходные	В. П. Недялков
У	∃ трехвалентные каузативы от транзитивов	∃ двухвалентные каузативы от одновалентных интранзитивов	»

Квантор	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Автор
d	∃ каузативная морфема, малопродуктивная в отношении транзитивов и образующая от них небольшую замкнутую группу трехвалентных каузативов	∃ глаголы отвлеченного действия в этой группе	В. П. Недялков
d	∃ глагольная морфема со значением <i>dativus commodi</i>	∃ каузативная морфема	»
v/a	∃ каузативная морфема, выражающая пермиссивность	∇ такая морфема выражает и фактитивность	»

Таблица 3

СИНТАКСИС

Квантор	Условие действия универсалии	Лингвистические явления	Автор
∇	∃ относительное местоимение, которое регулярно относится к главному предложению, а не к относительному придаточному	∃ изафетная конструкция	Б. А. Успенский
d	∃ изафетная конструкция	∃ посессивное склонение или ∃ местоименные энклитики (проклитики) со значением притяжательности	»
	∃ изафетная конструкция	∃ посессивное склонение (или местоименные энклитики или проклитики с притяжательным значением) или ∃ артикль	»

Квантор	Условие действия универсалии	Лингвистические явления	Автор
V	∃ согласование V с косвенным O	∃ согласование V с прямым O	Б. А. Успенский
V	∃ согласование V с O	∃ согласование V с S	»
V	∃ V перед S и O после S ∃ S перед V и O после V ∃ S перед O и O перед V	d/∃ префиксы и суффиксы у глаголов	Ю. В. Рождественский
V	∃ V перед S и O после S ∃ S перед V и O после V ∃ S перед O и O перед V ∃ вспомогательный глагол, который может быть перед и после основного ∃ род и падеж у прилагательного	d/∃ дистантное расположение прилагательного относительно существительного, к которому относится прилагательное	»
V	∃ падеж у имени ∃ такие категории в глаголе, которые указывали бы на отношение имен к глаголу и имени к имени	∃ S перед V и O после V ∃ S перед V и O перед S	»

Таблица 4

УНИВЕРСАЛИИ В РЕЧИ

Квантор	Условие действия универсалии	Лингвистические явления	Автор
V		∃ инверсия порядка слов как способ логического или эмоционального подчеркивания (выделения)	Б. А. Успенский
V	∃ категория определенности — неопределенности	∃ изменение порядка слов как способ различения «данного» (ближе к началу предложения) и «нового» (относительного ближе к его концу)	»

Продолжение таблицы 4

Квантор	Условие действия универсалии	Лингвистические явления	Автор
V		E редупликация как продуктивный грамматический способ слово- и формообразования в живой речи	Б. А. Успенский
V		E паратаксическое соединение предложений	»
		возможность построения общего вопроса без инверсии	»

Составила А. Г. БЕЛОВА

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ И КОНКРЕТНЫЕ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЯЗЫКОВ	
<i>Б. А. Успенский.</i>	
Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языка	5
<i>И. Ф. Вардуль.</i>	
Понятие универсалии в лингвистической типологии	19
<i>Г. П. Мельников.</i>	
Язык как система и языковые универсалии	34
<i>Г. П. Щедровицкий.</i>	
Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий	46
<i>Г. Д. Санжеев.</i>	
Проявление логики вещей в языке	99
<i>И. Ф. Вардуль.</i>	
Об одной дизъюнктивной универсалии	104
<i>В. П. Неद्याлков.</i>	
Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании	106
<i>В. А. Москович.</i>	
Глубина и длина слов в естественных и искусственных языках	115
<i>В. А. Терентьев.</i>	
Об одновременном существовании фонем [f], [θ], [x] в одном языке	127
<i>Н. Ф. Алиева.</i>	
Выражение объектных отношений глагола как универсальное свойство языков	129
<i>Н. В. Омелянович.</i>	
К вопросу об универсальных количественных отношениях в системе языка	135
<i>Е. И. Шутова.</i>	
О некоторых универсальных закономерностях в соотношении синтаксического и морфологического уровней (в связи с синтаксической ролью порядка слов и форм слов)	141
<i>Б. А. Захарьин.</i>	
Об универсальности одной универсалии	153

ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ
И УНИВЕРСАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

<i>А. Е. Супрун, О. В. Захарова.</i>	163
Типологическая сопоставительная грамматика и универсалии	
<i>А. Г. Ларин.</i>	174
Об универсальных языковых системах	
<i>В. С. Храковский.</i>	187
Проблема доминанции членов предложения и система абстрактных синтаксических структур	
<i>Ю. В. Ванников.</i>	201
Опыт типологического анализа временных значений	
<i>С. Е. Яхонтов.</i>	213
Методы выделения грамматических единиц	
<i>В. М. Лейкина, В. Д. Мазо, Т. Н. Никитина, М. И. Откупщикова.</i>	229
О возможном подходе к типологическому исследованию позиционных свойств языков	
<i>Л. З. Сова.</i>	244
Валентность и транзитивность с позиции лингвистического дуализма	
<i>Г. И. Климовская.</i>	251
Опыт псевдогенетического поиска языковых универсалий	
<i>Р. И. Могилевский.</i>	262
О лингвистических основаниях типологии аббревиатур	
АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА И УНИВЕРСАЛИИ	
<i>Ю. А. Горгониев.</i>	280
Дополнения со значением прямого (непосредственного) объекта действия в языках изолирующего типа (на материале языков Китая и ЮВА)	
<i>Ю. Х. Сирк.</i>	288
Некоторые типологические изоглоссы в Восточной Индонезии	
<i>В. И. Цинциус.</i>	297
О некоторых лексических моделях алтайских языков	
<i>М. С. Андронов.</i>	308
О характере деккано-уральских аналогий	
<i>А. С. Бархударов.</i>	322
Санскритские универсалии современного хинди	
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Новые универсалии в области фонологии, морфологии и синтаксиса 332	

**ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ
И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ**

*Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР*

*

Редактор *Г. А. Давыдова*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректор *М. З. Шафранская*

*

Сдано в набор 16/VI 1969 г.
Подписано к печати 5/XI 1969 г.
А-02458. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 2.
Печ. л. 215. Уч. изд. л. 2151.
Тираж 2600 экз. Изд. № 2101.
Зак. № 665. Цена 1 р. 39 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4